

Посвящается 115-й годовщине

начала земного Пути

Бхагавана Шри Раманы Махарши

Dedicated to the 115th Anniversary

of the Incarnation in this World

of Bhagavan Sri Ramana Maharshi

SRI RAMANA MAHARSHI:

the Life and the Path

Compiled and translated from English

by O. M. Mogilever

Edited by N. Sutara

Published by:

V. S. RAMANAN
President, Board of Trustees
SRI RAMANASRAMAM
Tiruvannamalai, India
In association with
"Ekopolis & Culture"
St.Petersburg, Russia
1995

ШРИ РАМАНА МАХАРШИ:

Жизнь и Путь

Составление и перевод с английского

О. М. Могилевера
Под редакцией Н. Сутары

Издатели:
В. С. РАМАНАН
Президент Совета попечителей
ШРИ РАМАНАШРАМ
Тируваннамалай, Индия
совместно с
"Экополис и культура"
Санкт-Петербург, Россия
1995

ББК 87.3

Ш86

ШРИ РАМАНАШРАМ благодарит Владимира Ильича Танклевского, члена Совета и

Правления Международного благотворительного фонда спасения Петербурга-Ленинграда, за пожертвование, обеспечившее издание этой книги.

Шри Рамана Махарши: Жизнь и Путь

Ш86 Сост. и пер. с англ. О. М. Могилевера/Под ред.

Н. Сутары. — СПб. — Тируваннамалай: «Экополис и культура» — Шри Раманашрам, 1995. — 416 с.

Бхагаван Шри Рамана Махарши (1879 — 1950) — один из величайших духовных Учителей, в 16 лет самопроизвольно достигший Просветления, или осознания своего истинного Я. В наше время он учит и служит примером Пути Знания, указанного ранее мудрецами Упанишад, Буддой (563 — 483 гг. до н. э.) и Шанкарой (788 — 820), являя идеал доброты и сострадания.

В воодушевляющей биографии Учителя — человека Любви, внутреннего Мира и смирения — прекрасно сочетается жизнеописание Мудреца с его наставлениями, дающими ответ беспокойному уму современного человека. Материалы, передающие сущность Пути Шри Раманы, — мощная помощь духовным искателям, стремящимся к Самопознанию.

Книга богато иллюстрирована и рассчитана на широкий круг читателей. Она может служить как первым знакомством с Учителем и его прямым духовным Путем — самоисследованием «Кто я?», так и хорошим комментарием к уже изданной на русском языке литературе о Шри Рамане Махарши.

ББК 87.3

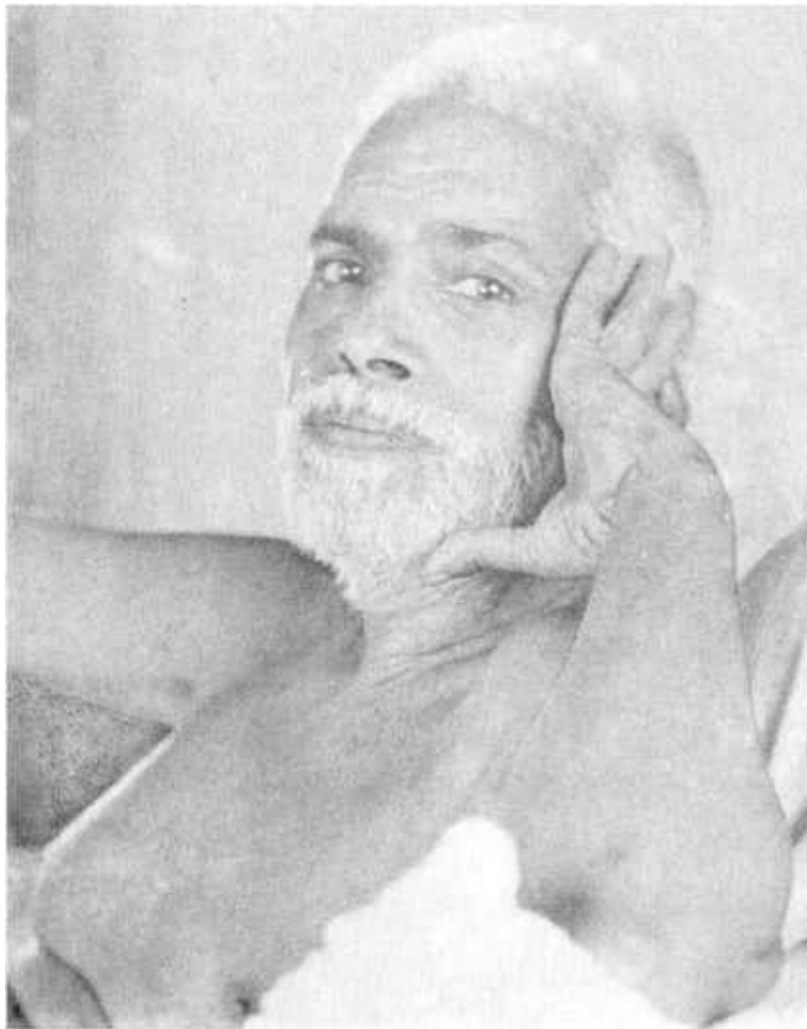
© Sri Ramanasramam, 1995

© О. М. Могилевер, составление, перевод, вступительная статья, переработка глоссария, указатель, 1995

© Dev Gogoi, О. М. Могилевер, иллюстративное оформление, 1995

© Graham Boyd, оформление обложки. 1995

ISBN 5-86882-021-5

Бхагаван Шри Рамана Махарши

СОДЕРЖАНИЕ

От Президента Шри Раманашрама 11

От составителя-переводчика 12

ACKNOWLEDGEMENTS 20

Часть первая. БИОГРАФИЯ

Артур Осборн. Рамана Махарши и Путь Самопознания

Предварительное замечание автора 26

Предисловие доктора С. Радхакришнана, вице-прези-

дента Индии, к первому изданию оригинала 27

1. Ранние годы 29

2. Пробуждение 36

3. Путешествие 46

4. Кажущийся *tapas*, или аскёза 55

5. Вопрос возвращения 65

6. Аруначала 75

7. Непротивление 98

8. Мать 107
9. *Адвайта*, или недвойственность 123
10. Некоторые из ранних почитателей 128
11. Животные 162
12. Шри Раманашрам 177
13. Жизнь со Шри Бхагаваном 187
14. *Упадеша*, или Наставление 206
15. Почитатели 236
16. Написанное 251
17. *Махасамадхи*, или смерть тела Мудреца 262
18. Продолжающееся Присутствие 276
- Часть вторая. СУЩНОСТЬ ПРАКТИКИ**
- Книга I. **Кто я?** 287
Книга II. **Божественная Песнь** (с комментариями проф.

К. Сваминатхана) 303

Книга III. **Шри Рамана Гита. Песнь Шри Раманы** (отрывки из поэмы) 321

Книга IV. **Сорок стихов о Реальности** (отрывки из поэмы с комментариями С. С. Когана) 331

Книга V. **Пять драгоценностей Аруначалы** (с комментариями А. Осборна) 341

Приложения

Приложение 1. Кавьякантха Ганапати Муни. **О славе**

Бхагавана Раманы 355

Приложение 2. Карл Юнг. **Послание современному человеку** 359

Важные события в жизни Бхагавана Шри Раманы Махарши 362

Глоссарий 366

Библиографический список 387

Указатель 389

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Бхагаван Шри Рамана Махарши 5
2. Артур Осборн 25
3. Сундарам Айяр, отец Шри Бхагавана 31

4. Алагамма, мать Шри Бхагавана 31
5. Город Тируваннамалай, Великий Храм 53
6. Аруначала, южное лицо 77
7. Первый известный снимок Махарши (1900). «Брах-
мана Свами», 21 год 81
8. Шри Сешадри Свами 89
9. Шри Рамана с матерью (редкий снимок) 109
10. В Скандашраме 111
11. Некоторые из ранних почитателей 129
12. С белым павлином 163
13. Кормление обезьянки 171
14. С коровой Лакшми 175
15. *Даршан* 185
16. Просмотр фотоальбома 195
17. За трапезой в столовом зале 197
18. Некоторые из выдающихся ашрамитов 237
19. Некоторые из преданных, несших Присутствие Шри

Бхагавана в мир 243

20. Последний *даршан* 271
21. Старый Холл сегодня: продолжающееся Присут-
ствие 279
22. У пещеры Вирупакша 289
23. В *самадхи* (1) 305
24. В Скандашраме (редкий снимок) 323
25. В *самадхи* (2) 333
26. На Аруначале, в позе Дакшинамурти 343
27. «Куда Я уйду? Я — здесь» 353

От Президента Шри Раманашрама

Бхагаван Шри Рамана Махарши сияет как мировой Учитель для всех духовно ищущих, независимо от национальности, страны и религии. Его Послание каждому очень простое: «Будьте тем, кто вы есть!», а метод Практики результируется двумя словами: «Быть спокойным».

Первая наша книга на русском языке, приход Шри Бхагавана к русскоязычному читателю, была приурочена к 110-й годовщине начала Его земного Пути. И мы бесконечно рады, что к 115-му дню рождения широкая картина Его жизни и сущности Практики представлена здесь. Книга богато иллюстрирована. Мы с удовольствием предоставили материалы нашего фотоархива, чтобы у российского читателя, жителя великой страны, было полное впечатление от необыкновенного человека и Учителя, которого зовут Бхагаван Шри Рамана Махарши.

Да поможет она каждому на его духовном Пути!

14 апреля 1995 г.

ШРИ РАМАНАШРАМ В. С. РАМАНАН

Тируваннамалай, Индия *Президент Шри Раманашрама*

От составителя-переводчика

I

Шри Рамана Махарши (1879 — 1950) — один из величайших духовных Учителей, мировых Учителей. Его духовное достижение уникально во всей истории человечества.

В 16 лет тамильский юноша Венкатараман без помощи внешнего наставника, самопроизвольно исследуя себя: «Кто я, что умирает?» при внезапном острейшем приступе страха смерти, достиг ненарушаемого Счастья и внутреннего Мира, высочайшего духовного состояния, которое священные книги Индии зовут Освобождением. Столь же уникальной является и последующая земная жизнь этого Просветленного, получившего титулы Бхагаван (единный с Богом, или Господь) и Махарши (великий Мудрец). В наше время он учит и служит примером Пути Знания, указанного ранее в *Упанишадах*, Буддой (563 — 483 гг. до н. э.) и Шанкарой (788 — 820). Его жизнь, как и он сам, привлекает к себе глубокое внимание, потому что она неотрывна от послания «Будьте тем, кто вы есть!», которое Шри Рамана принес миру.

Шри Рамана явил собой замечательный пример великого Учителя и великого Человека. Простота и доступность, блестящее чувство юмора, равенство и сострадание ко всему живому сочетались в нем с качествами *Садгуру*, истинного Учителя, способного дать и Утешение, и Наставление, привести к Освобождению живые существа. Сияние взгляда Бхагавана было тем магнитом, который притягивал к нему людей со всех уголков планеты, а его безмолвное Присутствие действовало на многих сильнее всяких слов.

Рамана Махарши сам достиг Освобождения само-исследованием «Кто я?», и это стало практикой, лежащей в основе проложенного им интегрального духовного пути Самопознания, в котором синтезируются классические Пути — Знания, Йоги, Любви и бескорыстной деятельности, свободного от ритуалов, практически «невидимого» и доступного людям любых профессий. Его жизнь и наставления важны не только для Индии, но и для всего мира, ибо содержат послание каждому человеку независимо от страны, национальности и религии — найти Себя, свою истинную природу, и достичь незыблемого Счастья.

II

Русскоязычный читатель уже знаком с учением и практикой Бхагавана Шри Рамана Махарши по изданиям Шри Раманашрама в России: «Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе» (Ленинград, 1991) и «Будь тем, кто ты есть!» (Санкт-Петербург, 1994). Новая книга дает возможность заинтересованному читателю проследить высокую земную жизнь Шри Раманы и на ее фоне впитать его неземные Наставления. В соответствии с этим она состоит из двух частей: «Биография» и «Сущность Практики».

Первая часть представлена книгой Артура Осборна.

Английский последователь Учителя написал биографию Бхагавана Шри Раманы — «Рамана

Махарши и путь Самопознания» — в неразрывной связи с его учением и практикой. Об этом говорит и само ее название. При изложении фактов раннего периода автор в значительной степени опирается на книгу *SelfRealization* (Само-реализация) первого биографа Шри Раманы — Б. В. Нарасимхасвами, изданную в начале тридцатых годов и рассчитанную, в основном, на индийского читателя. Но в остальном Артур Осборн демонстрирует свои лучшие качества серьезного ученика, талантливого популяризатора и писателя. Его книга — воодушевляющая биография человека Любви, внутреннего Мира и смирения, в которой прекрасно сочетается жизнеописание Мудреца с его наставлениями, дающими ответ беспокойному уму современного землянина. Поэтому она в свое время была тепло встречена духовными искателями Индии и на Западе, а сейчас выбрана для публикации в России.

Биография содержит описание и характеристики почти всех произведений Шри Раманы, многочисленные выдержки из них; ряд стихотворений приводится полностью. Основной текст, который часто цитирует автор, — «Евангелие Махарши», уже знаком нашему читателю*.

Перевод книги А. Осборна выполнен по изданию 1973 г. (первое издание — 1954 г.). Книга написана простым, часто разговорным языком, и мы пытались сохранить этот стиль.

Часть вторая — «Сущность практики» — представлена пятью книгами, пятью замечательными произведениями, одним прозаическим и четырьмя написанными в стихах.

Книга I — «Кто я?». Среди всех прозаических работ Шри Бхагавана она наиболее важная, ее можно считать краеугольным камнем всего учения.

В ее основе лежат ответы на вопросы, которые в 1902 году поставил Шивапракашам Пиллай, один из самых ранних учеников Бхагавана (см. главу 10 книги А. Осборна). Позднее, в 1923 году, они были дополнены и изданы в виде серии 28 вопросов-ответов под названием «Кто я?» (см. «Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе», Ленинград, 1991). Чуть позже Шри Бхагаван сам перераспределил и переписал эти вопросы-ответы в форме эссе, представив работу «Кто я?» связным и последовательным изложением.

Существует несколько английских переводов «связной» версии «Кто я?» с тамильского оригинала. Для целей настоящего издания, рассчитанного на широкую аудиторию духовных искателей, использован текст, содержащийся в сборнике «Слова Милости Шри Махарши»*.

Книга II — «Божественная Песнь» — это 42 стиха *Бхагавад-Гиты* (наиболее читаемой и почитаемой книги в Индии, «Библии индуизма»), которые были выбраны Махарши в 1940 году из ее полного текста, содержащего 700 стихов (*шлок*), и расположены таким образом, что могут служить общим руководством искателю Истины. В отличие от издания 1991 года текст дается с комментариями**; кроме того изменена терминология (вместо русского термина «Самость» используется санскритский — «Атман»).

Книга III — отрывки из *Шри Рамана Гиты* — поэтической записи наставлений Мастера, относящихся к 1913 — 1917 годам, сделанной его выдающимся учеником Кавьякантхой Ганапати Муни (см. о нем с. 141 — 146 настоящего издания). Ввиду особой значимости этой замечательной работы, сыгравшей исключительно важную роль в распространении Учения в Индии и ныне почитаемой как Священное Писание, Шри Раманашрам предпримет ее отдельное русское издание.

Книга IV — отрывки (9 стихов) из поэмы «Сорок стихов о Реальности», считающейся квинтэссенцией доктрины Шри Раманы. Приводимые стихи дают описание Пути; они сопровождаются комментариями С. С. Когана, жившего рядом со Шри Бхагаваном в 1936 — 1950 годах, входящего в когорту его самых близких учеников того времени (см. о нем с. 238 настоящего издания).

Книга V — гимн «Пять драгоценностей Аруначалы», первое произведение, написанное

Шри Бхагаваном на санскрите*. В гимне в сокровенной форме говорится о различных путях Реализации. Этот гимн ежедневно исполняется в Шри Раманашраме во время пения Вед. Перевод текста гимна и комментария к нему выполнен по «Собранию работ Раманы Махарши»**.

Приложения, включенные в книгу, проливают дополнительный Свет на Жизнь и Путь Учителя, в немногих словах резюмируя материалы ее основного корпуса. Приложение 1 — отрывки из блестящего гимна Учителю, которым Кавьякантха Ганapati Муни завершил *Шри Рамана Гиту*. В качестве Приложения 2 включена статья «Послание современному человеку» Карла Юнга (1875 — 1961), одного из классиков психологии бессознательного, в которой дается тонкая характеристика роли и места Шри Раманы и его Учения в духовной жизни Индии и современного человечества в целом.

Материал «Важные события в жизни Бхагавана Шри Раманы Махарши» завершает содержательную часть книги.

Представление нашего читателя о Бхагаване Шри Рамане Махарши будет неполным без фотоснимков, иллюстрирующих различные стороны жизни этого великого Человека и Учителя. Шри Раманашрам располагает богатым фотоархивом, материалы которого широко использованы для настоящего русского издания.

III

Терминология, используемая при переводе, не отличается от принятой в книге «Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши». Расхождения с терминологией книги «Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе» заключаются в следующем:

- использование оригинального санскритского термина «Атман» как соответствия английскому Self (вместо русского термина «Самость»);
- обозначение истинной природы человека, Атмана, прописной буквой Я, выделяемой курсивом: Я (вместо словосочетания «Истинное Я» используется выражение «истинное Я»);
- употребление термина «Я», обозначающего природу человека, еще не осознанную им;
- употребление терминов «Реализация» (вместо — «Осуществление») и «Само-реализация» (вместо «Само-осуществление»).

В зависимости от контекста санскритский термин *ахам* (английский — «I») принимает различные значения, передаваемые в переводе следующим образом:

- а) Я; истинное переживание Атмана, или Себя; чистое «Я есмь»;
- б) «Я»; субъективное чувство Себя, истинной природы человека, которую он еще не осознал окончательно;
- в) «я»; иллюзорное чувство отделенности, личности, появление которого вызвано неправильным отождествлением Атмана, Себя, то есть Я, с телом («Я есть тело»).

В данном издании широко употребляются два русских термина: «сознание» и «преданный». Первый — перевод английского «awareness»; он передает «сознание» как процесс, как действие. Второй — перевод английского «devotee»; он отвечает санскритскому термину «бхакта». В качестве синонима термина «преданный» используется слово «почитатель», реже — «поклонник».

Санскритские термины, встречающиеся в настоящем издании, толкуются в тексте и поясняются в специальном глоссарии. В его основу положен глоссарий, составленный А. Осборном к биографии Шри Бхагавана. Использование санскритских терминов оговорено им в специальном предварительном замечании (см. с. 26). Глоссарий А. Осборна модифицирован и расширен.

Подстрочные примечания, содержащиеся в английских оригиналах, нумеруются.

Совместные примечания составителя-переводчика и титульного редактора сопровождаются одной звездочкой (*) или их совокупностью.

Санскритские термины везде (за редким исключением: Бхагаван, Махарши, ашрам и т. п.) выделены курсивом. Ввиду особой значимости для настоящего издания термина «Атман» он дается разрядкой. Курсивом также выделяется слово Я (истинная природа человека) и содержание остальных материалов, передаваемых курсивом в оригиналах.

Для настоящего издания подготовлен Указатель, призванный помочь читателю ориентироваться в тексте книги, чрезвычайно насыщенном описанием событий, людей, духовных текстов и наставлений, отображающих **Жизнь** и **Путь** Бхагавана Шри Раманы Махарши.

IV

Составитель-переводчик выражает свою искреннюю признательность всем, кто в той или иной степени содействовал подготовке этой книги и ее выходу в свет. Он особенно благодарен:

Шри В. С. Раманану, Президенту Шри Раманашрама, — за вступительную статью и разрешение использовать материалы фотоархива Ашрама;

Шри В. С. Мани, Администратору Шри Раманашрама, — за постоянное теплое внимание и создание замечательных условий жизни и работы;

Шри В. Ганешану, бывшему главному редактору периодического издания Шри Раманашрама — журнала *The Mountain Path* (Горный Путь), — за теплое внимание и поддержку;

Дэву Гогою, фотоархивисту Шри Раманашрама, — за помощь в подборе фотоматериалов и сотрудничество в подготовке оформления книги;

Мистеру Грейаму Бойду, компания IRAS, Скарборо, Англия, почитателю Шри Раманы, — за любезно предоставленное оформление обложки;

Джоэн Гринблатт, Мэтью Гринблатт, США, составителям красочной книги-альбома: «Бхагаван Шри Рамана. Иллюстрированная биография», — за разрешение использовать материалы этого издания;

Марии Александровне Кузьменко, литературному редактору, — за тщательный и бескорыстный труд;

Александру Викторовичу Старынину, издателю духовной литературы, — за отзывчивость и профессионализм;

Владимиру Ильичу Танклевскому, чья дружеская поддержка обеспечила подготовку и издание этой книги;

Моей семье, любимым: жене и детям, — за их жертвенность и бесконечное терпение...

Олег Могилевер

Acknowledgements

The translator and compiler of this book would like to express his sincere gratitude to all who in various ways assisted in the preparation of the book for publication. He is deeply indebted to:

Sri V. S. Ramanan, President Sri Ramanasramam — for his Preface, and for permission to use the photos of Ashram's Photo-archive;

Sri V. S. Mani, Administrator of Sri Ramanasramam — for his constant concern and attention to the compiler-translator's needs and for providing ideal working and living conditions in Ashram;

Sri V. Ganesan, former Editor of the semi-annual journal of Sri Ramanasramam, *The Mountain Path* — for his warm attention and support;

Sri Dev Gogoi, Photo-archivist, Sri Ramanasramam — for his help in selection of photos and

collaboration in preparing the design of this book;

Mr. Graham Boyd, company IRAS, Scarborough, England, Ramana devotee — for his kind granting of cover's design;

Joan & Matthew Greenblatt, USA, the compilers of the „Bhagavan Sri Ramana. A Pictorial Biography” — for permission to use its materials;

Maria A. Kuzmenko, literary editor — for her careful and unselfish labour;

Alexander V. Starynin, publisher of spiritual literature — for his sympathy and professionalism;

Vladimir I. Tanklevsky, whose friendly support has enabled the preparation and publication of this book;

His family — beloved wife and children — for their sacrifices and infinite patience...

Oleg Mogilever

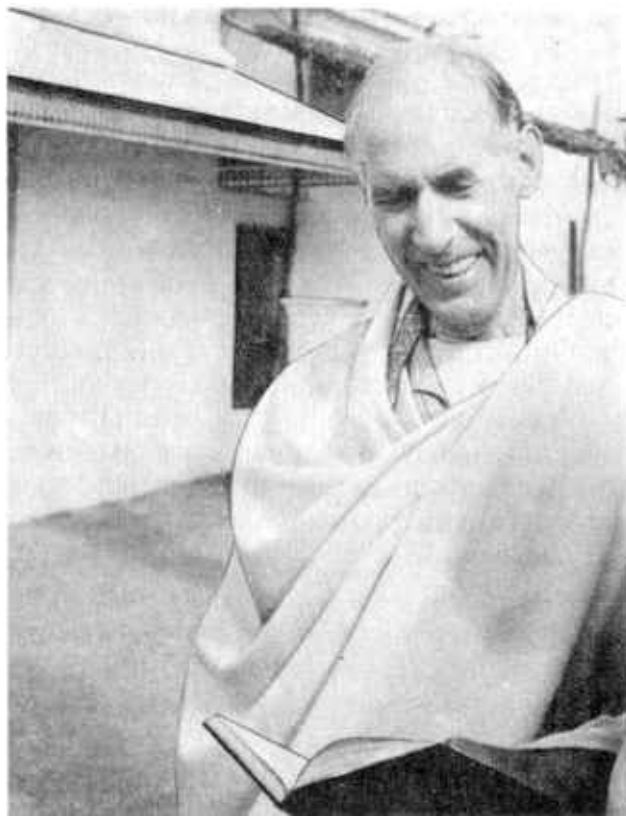
Часть первая

БИОГРАФИЯ

Артур Осборн

РАМАНА МАХАРИШИ

и Путь Самопознания

Артур Осборн

Я глубоко благодарен тем более опытным последователям, которые прочли книгу в рукописи и дали советы по ее улучшению. Особенная признательность адресуется моей жене, чья помощь в создании этой книги была безмерной.

Артур Осборн

Предварительное замечание автора

При написании этой книги я пытался достичь ясного понимания смысла, используя из восточных языков только самое необходимое. Однако каждый язык содержит слова, которые не имеют прямого эквивалента в другом, и каждая наука — духовная она или физическая — имеет технические термины, едва ли поддающиеся переводу. Отсюда и необходимость применять определенное количество санскритских и иных терминов. Они объясняются в тексте, но для представления о подходе к их произношению и легкости ссылок добавлен глоссарий. Поскольку он предназначен, чтобы помочь широкому читателю в понимании книги, я дал не простые словарные определения, а, скорее, смысл, в котором употребляется слово, и роль, которую оно играет в учении.

Предисловие

доктора С. Радхакришнана,

вице-президента Индии *,

к первому изданию оригинала

Я рад написать это краткое предисловие к повествованию Артура Осборна о жизни и учении Шри Раманы Махарши, чье мировосприятие особенно уместно в нашем веке, с его господствующим настроением грустного и пассивного скептицизма. Здесь мы получили религию Духа, который дает нам возможность освободить себя от догм и суеверий, ритуалов и церемоний и жить как свободные духи. Сущность всех религий — личное внутреннее переживание, индивидуальная связь с Божественным. Она — не столько Почитание, сколько Поиск. Это путь Становления, Освобождения.

Широко известный греческий афоризм «Познай самого себя» сродни предписанию *Упанишад*: *атманам виддхи* — «Познай Атман». В процессе отвлечения внимания мы оставляем позади слои тела, ума, интеллекта и достигаем Всеобщего «Я» — «истинный свет, освещающий каждого человека, пришедшего в этот мир». «Чтобы достичь Блага, мы должны подняться к этому высочайшему состоянию и, установив на нем пристальный взгляд, сбросить одежды, надетые здесь, внизу; так же как в древних Мистериях^{**} те, кто допускаются во внутренние тайники святилища, после очищения оставляют все одежды и продвигаются вперед совершенно обнаженными»^{***}. Мы погружаемся в неизмеримое Бытие, не имеющее ограничения или определения. Это чистое Бытие, в котором одно не противостоит другому. Нет существа, для которого субъект противостоит самому себе. Он отождествляет себя со всеми вещами и событиями как они происходят. Реальность заполняет индивидуальное «я», словно оно уже более не баррикадируется предпочтениями или отвращениями, любимым и нелюбимым. Последние уже не могут больше действовать как искажающий Истину посредник.

Ребенок гораздо ближе к видению себя. Мы должны стать маленькими детьми, прежде чем сможем вступить в царство Истины. Вот почему нам нужно оставить софистику познанного. Настоятельная необходимость — родиться снова. Говорят, что мудрость младенцев превосходит ученую. Шри Рамана Махарши дает нам контуры религии, основанной на индийских Писаниях, которая духовна по сути, но не перестает быть рациональной и этической.

Глава 1

Ранние годы

АРДРА ДАРШАН — день «Видения Шивы», соблюдается шиваитами с огромной преданностью, так как напоминает случай, когда Шива проявил себя своим почитателям как Натараджа — в космическом танце творения и растворения вселенной. В этот день 1879 года было еще темно, когда в маленьком городке Тиручули, что находится на земле тамилон в южной Индии, преданные Шивы покинули свои дома и отправились босиком по пыльным дорогам к водоему местного храма, ибо традиция требует от них купания на рассвете. Красное зарево восхода солнца опускалось на коричневые торсы мужчин, одетых только в *дхоти*, белую хлопчатобумажную ткань, обернутую вокруг тела от талии вниз, и вспыхивало в красных и золотистых сари женщин, когда они спускались по каменным ступеням большого квадратного резервуара и погружались в воду.

Было еще прохладно, поскольку празднество приходилось на декабрь, но это был отважный народ. Лишь немногие оставались под деревьями или в окрестных домах, тогда как большинство ожидало восхода солнца, чтобы обсохнуть и идти дальше к древнему храму городка, много лет назад воспетому Сундарамурти Свами, одним из 63 шиваитских поэтов-святых тамильской земли.

Изображение Шивы украсили в храме гирляндами цветов и под звуки барабана и раковины,

с пением священной песни, носили в процессии весь день и ночью. Был уже час ночи, когда процессии закончились, но Ардра Даршан еще продолжался, поскольку индусский день тянется от рассвета до рассвета, а не от полуночи до полуночи. Кумир Шивы снова внесли в храм как раз тогда, когда младенец Венкатараман, в ком Шива проявился как Шри Рамана, вошел в этот мир в доме Сундарам Аяра и его жены Алагаммы. Даты индуистских празднеств, или фестивалей, зависят от фазы луны, подобно христианской Пасхе, и в этом году Ардра Даршан пришелся на 29 число. Поэтому ребенок родился чуть позже * (одновременно по времени дня и календарной дате), чем божественное дитя Вифлеема почти двумя тысячами лет ранее. Тем же совпадением отмечен также и конец его земной жизни, ибо Шри Бхагаван оставил тело вечером 14 апреля, немного позднее (по времени и дате), чем полдень Страстной Пятницы. Оба времени глубоко соответствуют друг другу. Полночь и зимнее солнцестояние — время, когда солнце начинает приносить свет в мир, а день весеннего равноденствия равен ночи и начинает превышать ее.

Начав жизнь бухгалтерским чиновником на жалованье смехотворно малом даже в те дни — две рупии в месяц, Сундарам Аяяр зарекомендовал себя в написании людских прошений, а затем, через несколько лет, получил разрешение практиковать адвокатом без диплома, то есть был своего рода деревенским юристом. Он преуспел и построил дом ¹, в котором и родился Венкатараман, сделав его достаточно просторным и зарезервировав одну сторону для приезжих. И не только потому, что был общительным и гостеприимным, но также поскольку сам взялся приютить официальных посетителей и новоприбывших в город — что сделало его персоной гражданской значимости и, без сомнения, благоприятно отразилось на его профессиональной работе.

Сундарам Аяяр,

отец Шри Бхагавана

Алагамма,

мать Шри Бхагавана

Он был удачлив, но странная судьба нависла над семьей. Говорят, что какой-то странствующий аскет однажды остановился просить пищу у дома одного из его предков и, получив отказ, обратился к последнему и провозгласил, что в дальнейшем один из каждого поколения его потомков будет бродяжничать и просить себе пищу. Проклятие или благословение, но заявление исполнилось. Один из родственников Сундарама Айяра со стороны отца надел мантию цвета охры * и оставил дом с посохом и кружкой для воды *; его старший брат для вида пошел посетить соседнюю деревню, а уже оттуда ускользнул как *санньясин*, отрекшись от мира.

С собственной семьей Сундарама Айяра, казалось, не происходило ничего странного. Венкатараман рос нормальным, здоровым мальчиком. Его на время отправили в местную школу, а потом, с одиннадцати лет, в школу города Диндигула. У него был брат, Нагасвами, двумя годами старше. Через шесть лет после Венкатарамана появился третий сын, Нагасундарам, а еще двумя годами позднее — дочь, Аламелу. Счастливая, состоятельная семья среднего класса.

Когда Венкатараману было двенадцать, Сундарам Айяр умер и семья распалась. Дети стали жить с их дядей по отцу — Суббайяром, который имел дом ¹ в окрестности города Мадурая.

Венкатарамана послали сначала в Среднюю Школу Скотта, а затем — в Высшую Школу при американской миссии. Он не подавал каких-либо признаков того, что когда-нибудь станет образованным. Это был атлетический, уличный тип мальчика, которого привлекали футбол, борьба и плавание. Одно его положительное качество, относящееся к школе, состояло в изумительной памяти, скрывавшей лень способностью повторить урок, лишь раз его прослушав.

Единственной необычной вещью в детские годы был его ненормально глубокий сон.

Один из преданных, Дэвараджа Мудальяр, описывает в своем дневнике *, как Шри Рамана рассказал об этом много лет спустя в Ашраме, когда увидел родственника, входящего в Холл **.

«Увидев вас, я вспомнил случившееся в Диндигуле, когда был мальчишкой. Ваш дядя, Перияппа Сешайяр, жил тогда там. В доме был какой-то праздник, и каждый занимался этим, после чего вечером все ушли в храм. Я остался дома один. Сначала я сидел в передней, читая книгу, но через некоторое время запер входную дверь, закрыл окна и отправился спать. Когда они вернулись из храма, то никакие крики, стуки в дверь или окна не могли разбудить меня. Наконец, им удалось открыть дверь ключом от противоположного дома, и они пытались разбудить меня, нанося удары. Все мальчишки вволю били меня и ваш дядя тоже, но безрезультатно. Я ничего не знал об этом, пока они утром не рассказали мне.

...Та же вещь случилась со мной также и в Мадуре. Мальчишки не отваживались коснуться меня, когда я бодрствовал, но если они были мной недовольны, то приходили, когда я спал, делали со мной, что понравится, и били сколько им вздумается, а затем клали обратно на постель. Я ничего не знал об этом, пока они не рассказывали мне обо всем на следующее утро».

Сам Шри Бхагаван из всего этого придавал значение только крепкому здоровью. Кроме того, ночью он иногда находился в каком-то полусне. Может быть, оба эти состояния были предвестниками духовного пробуждения: глубокий сон как способность, хотя еще неясная и безрезультатная, покинуть ум и глубоко нырнуть за пределы мысли, и полусон как способность наблюдать себя объективно словно свидетель.

У нас нет фотографии Шри Бхагавана в его отроческие годы. Он рассказал нам в своем обычном колоритном стиле, полном смеха, как в школе делали групповую фотографию и ему дали держать тяжелый том — чтобы выглядел прилежным. Но села муха, и как раз в момент съемки он поднял руку — отогнать ее прочь. Найти снимок, однако, не было возможности, и, вероятно, ни одного отпечатка уже не осталось.

Первым предчувствием Рассвета был отблеск сияния Аруначалы. Школьник Венкатараман ничего не читал о религиозной теории. Он знал только, что Аруначала — очень святое место, и это должно было стать предчувствием судьбы, потрясшей его. Однажды юноша встретил одного из старших родственников, которого знал в Тиручули, и спросил, откуда тот прибыл. Старик ответил: «С Аруначалы». Внезапное осознание, что святая гора была реальным, осязаемым местом на земле, которое люди могут посещать, захлестнуло Венкатарамана таким благоговением, что он смог только, запинаясь, пробормотать: «Что! С Аруначалы? Где он?» *

Родственник, удивленный в свою очередь невежеством неопытного юноши, объяснил, что Аруначала — это Тируваннамалай.

Шри Бхагаван позднее сослался на этот эпизод в первой строфе своих стихов «Восемь строф Аруначале».

«Слушайте! Он стоит как бесчувственная Гора. Его действие таинственно, недоступно человеческому пониманию. С возраста наивности в моем уме сияло сознание, что Аруначала был чем-то исключительно величественным, но даже когда мне довелось узнать от другого, что Он — то же, что и Тируваннамалай, то я не осознал Его значения. Когда Он привлек меня к Себе, успокаивая ум, я подошел близко и увидел Его стоящим недвижимо».

Это событие произошло в ноябре 1895 года, незадолго перед шестнадцатилетием по

европейскому исчислению и семнадцатилетием по индийскому. Второе предчувствие пришло вскоре после него. Теперь оно было вызвано книгой. Снова была волна сбивающей с толку радости при ощущении, что Божественное можно проявить на земле. Его дядя достал экземпляр *Перия пуранам* — историй житий 63 тамильских святых. Венкатараман получил книгу и, прочитав, был захвачен экстагическим восторгом, что такая вера, такая любовь, такая божественная пылкость возможны, что была такая красота в человеческой жизни. Рассказы об отречении, ведущем к Божественному Союзу, вселили в него благоговение и чувство подражания. Нечто более великое, чем все грёзы, чем все стремления, здесь было провозглашено реальным и возможным, и это открытие заставило его трепетать в счастливой признательности.

С этого времени струя осознания, или сознавания, которую Шри Бхагаван и его преданные определяют как «медитация», начала пробуждаться в нем. Не сознавание чего-либо кем-то, лежащим по ту сторону двойственности субъекта и объекта, но состояние блаженного сознания, превосходящего сразу и физический и ментальный планы, и, однако, совместимого с полным использованием физических и умственных способностей.

Глава 2

Пробуждение

Эта струя сознавания, лелеемая непрерывным усилием, всегда становится более сильной и более постоянной, пока в конце концов не приводит человека к Самореализации, к *сахаджа самадхи*, состоянию, в котором чистое и блаженное сознавание неизменно и непрерываемо, но все-таки не угрожает обычным восприятиям и активностям жизни. В действительности очень редко это Осуществление достигается в течение земной жизни. В случае Шри Бхагавана оно произошло только несколькими месяцами позднее * и без поиска, без приложения усилия, без сознательной подготовки. Сам он описал случившееся так.

«Это произошло приблизительно за шесть недель до того, как я навсегда покинул Мадурай, что было огромной переменой в моей жизни. Все случилось совершенно неожиданно. Я сидел один в комнате на первом этаже дома моего дяди. Я редко болел и в этот день, как обычно, чувствовал себя хорошо. Но вдруг сильный страх смерти овладел мной. Ничто в состоянии моего здоровья не могло послужить поводом к этому, да я и не пытался найти объяснение или причину страха. Просто ощутил, что „я собрался умереть“, и стал думать, что надо делать в этом случае. У меня не было даже мысли посоветоваться с доктором, моими родственниками или друзьями, так как я чувствовал, что должен решить эту проблему сам, здесь и теперь.

Шок страха смерти заставил мой ум обратиться вовнутрь, и я мысленно сказал себе: „Сейчас пришла смерть, но что это значит? Что есть то, что умирает? Это умирает тело“. И я сразу инсценировал приход смерти. Я лежал, жестко вытянув члены, как бы умерщвляя плоть, имитируя труп, чтобы возможно более реально провести исследование. Я задержал дыхание и плотно сжал губы, так что ни один звук не мог вырваться наружу, и ни слово „я“, ни другое слово не было произнесено. «Ладно, — мысленно сказал я себе, — это тело умерло. Оно будет отвезено, как труп, к месту кремации, сожжено и превратится в прах. Но умру ли я со смертью тела? Разве тело — это „Я“? Оно безмолвно и инертно, но я продолжаю чувствовать полную силу своей индивидуальности и даже слышать голос „Я“ внутри себя, отдельно от него. Значит, „Я“ — Дух, превосходящий тело. Тело умирает, но Дух, превосходящий его, не может быть затронут смертью. Это означает, что „Я“ — бессмертный Дух». Все это не было тусклой мыслью, а вспыхнуло во мне ярко, как живая Истина, которую я воспринял непосредственно, почти без участия мыслительного процесса. „Я“ было чем-то очень реальным, единственной реальной вещью в моем состоянии, и вся сознательная активность, связанная с моим телом,

была сконцентрирована на этом „Я”. С этого момента „Я”, или истинное Я, Атман, мощным очарованием сфокусировало на себе мое внимание. Страх смерти исчез раз и навсегда. С того времени погружение в Атман не утрачивается. Другие мысли могут приходить и уходить, как различные музыкальные тона, но Я остается словно основной тон *шрути*, на который опираются и с которым смешиваются все остальные тона¹. Занято ли тело разговором, чтением или чем-нибудь еще, я постоянно сосредоточен на Я. До этого кризиса я не имел ясного восприятия моего истинного Я или сознательного влечения к Нему. Я не чувствовал осязаемого или ясного интереса в Нем, а еще менее — какой-либо склонности к постоянному пребыванию в Нем».

Описанное так просто, без претенциозности или многословия, достигнутое Состояние может показаться не отличающимся от эгоцентризма, но это вызывается только двусмысленностью в словах «Я» и истинное Я. Различие выявляется в отношении к смерти, ибо человек, чьи интересы центрированы на эго, то есть «Я» как отдельном индивидуальном бытии, «я», страшится смерти, которой угрожает ему растворение эго. Однако в переживании юного Венкатарамана страх смерти исчез навсегда при осознании, что «Я» было единым с всеобщим бессмертным Я, Атманом, который суть Дух и истинное Я каждого человека. Будет даже недостаточным сказать, что он познал свое Единство с Духом, поскольку тут подразумевается отдельное «Я», которое узнало это, тогда как «Я» в нем было само, и сознательно, Духом.

Годы спустя Шри Бхагаван так разъяснил это различие Полю Брантону, искателю с Запада¹.

Поль Брантон: Что такое, в точности, это истинное Я, о котором Вы говорите? Если Ваши слова — правда, то тогда в человеке должно быть другое «Я».

Бхагаван: Может ли человек обладать двумя подлинностями, двумя «Я»? Чтобы понять это, человеку необходимо сначала анализировать себя, потому что из-за укоренившейся привычки думать, как другие, он никогда не видит свое «Я» правильным способом. У него нет верной картины себя, он слишком долго отождествлял себя с телом и мозгом. Поэтому я и предписываю вам заняться этим исследованием: «Кто я?»

Вы просите меня описать вам это истинное Я. Что можно сказать? Оно — ТО, из которого личное «я» поднимается и в котором последнее должно исчезнуть.

ПБ: Исчезнуть? Как может человек утратить чувство своей индивидуальности?

Б: Первая и самая главная из всех мыслей, первородная мысль в уме каждого человека — мысль «я». И вообще только после рождения этой мысли могут появляться любые другие мысли. Только после личного местоимения первого лица, «я», возможно появление личного местоимения второго лица — «вы». Если вы можете следовать за нитью «я» до тех пор, пока она не приведет вас обратно к своему источнику, то обнаружите его первой возникающей и последней исчезающей мыслью. Это переживание можно испытать самому.

ПБ: Вы подразумеваете, что возможно проводить такое умственное исследование внутри себя?

Б: Конечно. Возможно идти вовнутрь до тех пор, пока последняя мысль, «я», постепенно не исчезнет.

ПБ: И что тогда останется? Человек превратится в идиота или станет совершенно бессознательным?

Б: Нет. Наоборот, он достигнет того сознания, которое бессмертно, и станет действительно мудрым, когда пробудится для своего истинного Я, являющегося подлинной природой человека.

ПБ: Но чувство «я», конечно, также должно принадлежать этой подлинной природе?

Б: Чувство «я» принадлежит личности, телу и рассудку. Когда человек впервые познаёт свое истинное Я, нечто другое поднимается из глубин его бытия и овладевает им. Это нечто лежит за пределами ума. Оно бесконечно, божественно, вечно. Некоторые называют Его Царством Божиим, другие — душой, еще другие — *Нирваной*, индуисты — Освобождением. Вы можете

называть Его как хотите. Когда Оно узнаётся, человек на самом деле не теряет себя; скорее, он себя находит.

До тех пор пока человек не отправится в этот поиск истинного Я, сомнение и неуверенность будут следовать за его шагами по жизни. Величайшие цари и государственные деятели пытаются управлять другими, когда в тайниках своих сердец знают, что не могут управлять собой. Тем не менее величайшая сила находится в распоряжении человека, проникшего в свои сокровенные глубины... Какая польза от знания чего-либо, если вы еще не знаете, кто вы ЕСТЬ? Люди избегают этого исследования истинного Я, но что еще более достойное следует предпринять?

Эта вся *садхана*, или духовная практика, заняла только полчаса времени и все-таки ее предельная важность для нас состоит в том, что тут **была садхана**, устремление к свету, а не Пробуждение без усилия. Ведь Учитель, или Гуру, обычно ведет своих учеников по Пути, который протоптал сам. Что Шри Бхагаван завершил за полчаса — не просто *садхана* всей жизни, но для большинства духовных практиков (*садхаков*) — многих жизней, и это не меняет факта наличия усилия к такому Само-исследованию, какое он позднее предписывал своим последователям. Махарши предупреждал их, что осуществление цели, к которой ведет подобная практика, обычно достигается не быстро, а лишь после длительного усилия. Но Шри Бхагаван также говорил, что это «единственное безошибочное средство, единственное прямое средство для осознания ничем не обусловленного, абсолютного Бытия, которым вы в действительности являетесь» (Евангелие Махарши, книга II *). Он говорил, что Само-исследование немедленно вызывает процесс превращения, даже хотя тот может оказаться и длительным. «Но с момента, когда эгоистическое „я“ пытается познать себя, оно начинает иметь все меньшую и меньшую примесь тела, в которое погружено, и все большее и большее сознание истинного Я».

Также существенно и то, что, ничего не зная о теории или практике *садханы*, Шри Бхагаван, фактически, использовал *пранаяму*, или контроль дыхания, как помощь в концентрации. Поэтому он тоже допускал ее как обоснованную помощь в достижении контроля ума, хотя и отбивал охоту использовать в иных, кроме этой, целях и никогда на самом деле не предписывал.

«Контроль дыхания также помогает. Это один из различных методов, помогающих нам достичь однонаправленности. Контроль дыхания тоже может помочь сдерживать блуждающий ум и добиться этой однонаправленности и поэтому имеет право на использование. Но не должно останавливаться здесь. После достижения контроля ума посредством дыхательных упражнений нельзя довольствоваться никаким из переживаний, которое может отсюда последовать, но нужно впрячь контролируемый ум в вопрошание „Кто я?“ до тех пор, пока он не погрузится в Атман».

Этот измененный образ действий сознания естественно изменил привычки и жизненные ценности Венкатарамана. Прежде ценное утратило всю привлекательность, традиционные цели жизни стали иллюзорными, но он принуждал себя игнорировать это. Приспособление к такому новому состоянию сознавания не могло оказаться легким у человека бывшего еще школьником и испытывавшего недостаток в теоретической подготовке к духовной жизни. Он никому не говорил о случившемся и некоторое время оставался в семье, продолжал посещать школу. В действительности он выказывал так мало внешних изменений, как только было возможно. Однако семья неминуемо должна была обратить внимание на изменившееся поведение и возмутиться его некоторыми чертами. Это Шри Бхагаван также описал.

«Последствия нового сознавания скоро стали замечаться в моей жизни. Раньше всего я утратил тот маленький интерес, что имел к внешним связям с друзьями и родственниками, и стал учиться механически. Я обычно держал перед собой открытую книгу, чтобы удовлетворить

родственников моим чтением, когда на самом деле мое внимание было далеко в стороне от такого поверхностного занятия. В общении с людьми я стал мягким и покорным. Если прежде мне давали больше работы, чем другим мальчикам, то я мог пожаловаться, а если кто-нибудь из мальчишек досаждал, то я, бывало, отвечал тем же. Никто из них не отваживался подшутить надо мной или позволить себе вольности со мной. Сейчас все это изменилось. Какую бы работу ни давали, каких бы приставаний или надоеданий ни было, я обычно спокойно примирился с этим. Препрежнее это, которое негодовало и мстило, исчезло. Я прекратил выходить на игры с друзьями и предпочитал уединение. Я, бывало, часто сидел один, особенно в позе, удобной для медитации, и погружался в Атман, Дух, силу, или струю, которая составляла меня. Я, бывало, оставался в НЕМ несмотря на язвительные замечания моего старшего брата, который обычно саркастически называл меня „мудрец” или „йог” и советовал удалиться в джунгли подобно древним мудрецам, *риши*.

Другим изменением было то, что я больше не имел каких-либо симпатий и антипатий в отношении к пище. Что бы ни давали, вкусное или безвкусное, хорошее или плохое, я проглатывал с равным безразличием.

Одной из характерных черт моего нового состояния стало изменившееся отношение к Храму Минакши ¹. Прежде я обычно ходил туда очень редко, с друзьями, чтобы посмотреть на образы, нанести священный пепел и киноварь на лоб и возвратиться домой почти незатронутым. Но после Пробуждения я отправлялся туда почти каждый вечер. Я привык ходить один и стоял неподвижно длительное время перед кумиром Шивы, или Минакши, или Натараджи и 63 святых, и пока я стоял там, волны эмоций затопляли меня. Душа перестала держаться за тело, когда отреклась от идеи „Я-есть-тело”, и это был поиск некоего нового якоря спасения. Отсюда частые посещения храма и слезы — излияние души. Это Бог играл с душой. Я стоял перед *Ишварой*, Господином вселенной и Предопределителем всего, Всеведущим и Вездесущим, иногда молил, чтобы Его Милость снизошла на меня, дабы моя преданность смогла увеличиться и стать вечной — как у 63 святых. Чаще я не молился совсем, но молчаливо позволял самому сокровенному внутри течь и вливаться в самое сокровенное вовне. Слезы, отмечавшие этот разлив души, не обозначали какого-либо особенного удовольствия или боли. Я не был пессимистом, ничего не знал о жизни, о том, что она полна горя. Меня не побуждали к действию ни какое-либо желание избежать перерождения, или искать Освобождения, или даже получить бесстрастие или Спасение. Я не читал никаких книг, кроме *Перия Пуранам*, Библии и кусочков из Таюманавара ^{*} или *Деварама* ^{**}. Мое понимание *Ишвары* ¹ было подобно найденному в *Пуринах*. Я никогда не слышал о *Брахмане* ², *самсаре* ³ и т. п. Я еще не знал, что есть Сущность и Безличная Реальность, лежащая в основе всего, и что *Ишвара* и я оба идентичны с Ней. Позднее, в Тируваннамалае, при слушании *Рибху Гиты* и других священных книг я узнал все это и обнаружил, что они анализировали и давали имена вещам, которые я уже интуитивно прочувствовал без всякого анализа или именованя. На языке этих книг мне следовало бы описать свое состояние после Пробуждения как *шуддха манас*, или *виджняна*, или как интуиция просветленного».

Оно было совершенно отлично от состояния мистика, переносимого в экстаз на короткий необъяснимый промежуток времени, после которого мрачные стены ума вновь замыкаются вокруг него снова. Шри Бхагаван уже находился в постоянном, непрерывном сознании Атмана, и он явно сказал, что после этого уже больше не было ни *садханы*, ни духовного усилия. Больше не было усилия, направленного на пребывание в Атмане, ибо это, чье сопротивление и вызывает борьбу, уже растворено и не осталось никого, с кем нужно бороться. Дальнейшее продвижение к непрерывному, полностью сознательному Тождеству с Атманом, установленному в полностью обычной внешней жизни и излучающему Милость на тех, кто приблизился к Нему,

было с этого времени естественным и не требующим усилия. О наличии такого движения говорит высказывание Шри Бхагавана о том, что душа все еще искала новой опоры. Такие вещи, как подражание святым и обеспокоенность тем, что подумают старшие, еще показывают след практического принятия двойственности, который позднее исчезнет. Был также и физический знак этого непрерывного процесса. Постоянное ощущение жжения чувствовалось в теле со времени Пробуждения до того момента, когда он вошел во внутреннее святилище храма в Тируваннамалае.

Глава 3

Путешествие

Измененный образ жизни Венкатарамана вызвал трения в семье. Школьные занятия забрасывались больше чем всегда, и хотя сейчас это делалось не для игр, но ради молитвы и медитации, его дядя и старший брат все сильнее критиковали то, что им казалось непрактичным. С их точки зрения Венкатараман был просто юноша, выходец из семьи среднего класса, которому следует нести свое бремя и подготовить себя к тому, чтобы зарабатывать на жизнь и помогать другим.

Кризис наступил 29 августа, где-то через два месяца после Пробуждения. Венкатараману задали трижды переписать упражнение из учебника английской грамматики и больше не прорабатывать его. Он снял две копии и собирался сделать то же третий раз, когда сознание тщетности подобного занятия пронизало его так сильно, что он отшвырнул тетради прочь, сел, скрестив ноги, и предался медитации ¹.

Раздраженный увиденным, Нагасвами язвительно заметил: «В чем польза от всего этого такому человеку?» Смысл высказывания был очевиден: желающий жить как *садху* не имел права пользоваться приятностями семейной жизни. Венкатараман признал точность замечания и с тем безжалостным принятием истины (или справедливости — примененной истины), которое характеризовало его, поднялся, чтобы оставить дом здесь и сейчас и идти дальше, отрекшись от всего. Для него это означало Тируваннамалай и священную гору Аруначалу.

Однако он понимал, что необходимо использовать хитрость, так как в индуистской семье очень силен авторитет старших и его дядя с братом не позволят ему уйти, если узнают. Поэтому Венкатараман сказал, что должен вернуться в школу на специальное занятие по электричеству.

Бессознательно обеспечивая его средствами для путешествия, брат сказал: «Тогда возьми пять рупий из коробки, что на первом этаже, и по дороге оплати мою учебу в колледже».

Не духовная слепота семьи Венкатарамана помешала ей опознать его Достижение. Никто не смог этого сделать. Слава, сила, божественность его состояния были еще скрыты. Один школьный приятель, Ранга Айяр, посетивший его несколькими годами позже в Тируваннамалае, испытал такое благоговение, что простерся ниц перед ним, но сейчас и он видел лишь Венкатарамана, которого знал. Ранга Айяр потом спросил, почему так случилось, и Шри Бхагаван ответил только, что никто из них не ощутил изменения.

Ранга Айяр также спросил: «Почему ты не рассказал, по крайней мере, мне, что оставляешь дом?»

И он ответил: «Как я мог? Я сам ничего не знал».

Тетка Венкатарамана хозяйничала на первом этаже. Она дала ему пять рупий и еду, которая была наскоро съедена. Дома имелся атлас. Венкатараман раскрыл его и обнаружил, что ближайшая железнодорожная станция к Тируваннамалаю — Тиндиванам. На самом деле уже существовала ветка в Тируваннамалай, но атлас был старый и не показывал ее. Прикинув, что трех рупий будет достаточно для поездки, Венкатараман взял только их. Он написал брату

письмо, чтобы ослабить тревогу и отговорить от поисков, и положил рядом оставшиеся две рупии. Письмо гласило:

«Я отправился на поиск Моего Отца в соответствии с Его приказом. Это * вступило на добрый путь, а поэтому не следует ни горевать, ни тратить деньги на поиски этого. Деньги за твой колледж не уплачены. Две рупии приложены здесь».

Весь этот случай иллюстрирует высказывание Шри Бхагавана, что его душа, освобожденная от опоры на тело, все еще искала постоянный якорь спасения в Атмане, с которым он осознал свое Единство. Увертка с занятием по электричеству, хотя и безобидная, позднее была бы невозможна, как и мысль о поиске, ибо тот, кто нашел, не ищет. Когда почитатели падали к его ногам, он был Един с Отцом и больше не искал Отца. Само письмо поясняет переход от любви и преданности, присущих двойственности, к блаженной безмятежности Единства. Оно начинается с двойственности выражений: «я» и «мой Отец» и формулировки о приказе и поиске. Но затем, во втором предложении письма, ссылка на пишущего изменяется с «я» на «это». И в конце, когда настало время подписаться, он осознал, что это нет, а потому нет имени для подписи, и закончил письмо прочерком вместо нее. Он никогда больше не писал писем и никогда не подписывался, хотя дважды в письменной форме упоминал, что имел имя. Как-то раз, годы спустя, одному из китайских посетителей Ашрама дали экземпляр книги Шри Бхагавана «Кто я?» и тот, по-китайски обходительно, но упорно, настаивал, чтобы Шри Бхагаван надписал ее. В конце концов Шри Бхагаван взял книгу и нарисовал в ней санскритский символ для *ОМ* — священного односложного слова, представляющего Первородный Звук, лежащий в основе всего творения.

Венкатараман захватил с собой три рупии и оставил две. Это означало, что он взял не больше, чем требовалось для поездки в Тируваннамалай.

Где-то в полдень он покинул дом. До станции было около километра, и юноша шел быстро, так как поезд должен был уйти в двенадцать. Однако хотя Венкатараман и опоздал, к моменту его прихода на станцию поезд еще туда не прибыл. По таблице стоимости проезда он отыскал стоимость третьего класса до Тиндиванама — две рупии и тринадцать анн. Он купил билет, оставив себе три анны со сдачи. Посмотри он несколькими строками ниже, то увидел бы название «Тируваннамалай» и стоимость проезда до него, равную точно трем рупиям. События этой поездки были символическими в таком трудном путешествии духовно устремленного (*садхак*), помогая в достижении цели. Началось с благосклонности Провидения в предоставлении денег и возможности сесть в поезд, несмотря на поздний выход из дома. Сделанная затем заготовка денег точно соответствовала количеству, нужному для достижения пункта назначения, но невнимательность путешественника удлинила путь, вызвала в дороге трудности и приключения.

Венкатараман сидел молча среди пассажиров, погруженный в восторг своего поиска. Так промелькнуло несколько станций. Какой-то белобородый *маули*¹, распространявшийся о жизни и учениях мудрецов, обернулся к нему:

— И куда Вы направляетесь, Свами?

— В Тируваннамалай.

— И я тоже, — ответил *маули*.

— Что! В Тируваннамалай?

— Не совсем туда, но на следующую за ним станцию.

— А как она называется?

— Тирукойлур.

Тогда, заподозрив себя в ошибке, Венкатараман воскликнул с удивлением:

— Что! Вы хотите сказать, что поезд идет в Тируваннамалай?

— Ну Вы и странный пассажир! — ответил *маули*. — А куда Вы купили билет?

— В Гиндиванам.

— Дорогой! Совсем не надо ехать так далеко. Мы выходим на узловой станции Виллупурам и пересаживаемся в сторону Тируваннамалай и Тирукойлура.

Провидение дало ему нужную информацию, и Венкатараман снова погрузился в блаженство *самадхи* (поглощения в Бытие). К закату поезд достиг Тричинополи, и он почувствовал голод, а потому истратил половину анны, купив две «деревенские» груши, то есть сорт, что растет в горных лесах Южной Индии. К его удивлению, аппетит пропал почти сразу после первого куса, хотя до сих пор он всегда ел с большой охотой, прежде чем насытиться. Венкатараман оставался в блаженном состоянии бодрствующего сна, пока в три часа ночи поезд не подошел к Виллупураму.

Он оставался на станции до рассвета, а затем побрел в город искать дорогу на Тируваннамалай, решив пройти остаток пути пешком. Однако найти указательный столб с этим названием не удалось, а спрашивать не хотелось. Почувствовав усталость и голод после ходьбы, он вошел в какую-то гостиницу и попросил еды. Хозяин гостиницы сказал, что пища будет готова лишь к полудню, поэтому он сел ожидать и немедленно впал в медитацию. Принесли еду, и, поев, он предложил две анны в качестве платы, но хозяина, должно быть, поразил этот очаровательный юный брахман с длинными волосами и золотыми серьгами в ушах, сидящий здесь словно *садху*. Поэтому он спросил у Венкатарамана, сколько у него денег, и, узнав, что только две с половиной анны, отказался принять плату. Он также объяснил, что дорога на Мамбалапатти — название, которое Венкатараман видел на одном из указательных столбов, — и вела в Тируваннамалай. Вслед за тем Венкатараман возвратился на станцию и купил билет до Мамбалапатти, удаленном ровно настолько, насколько позволяли оставшиеся у него анны.

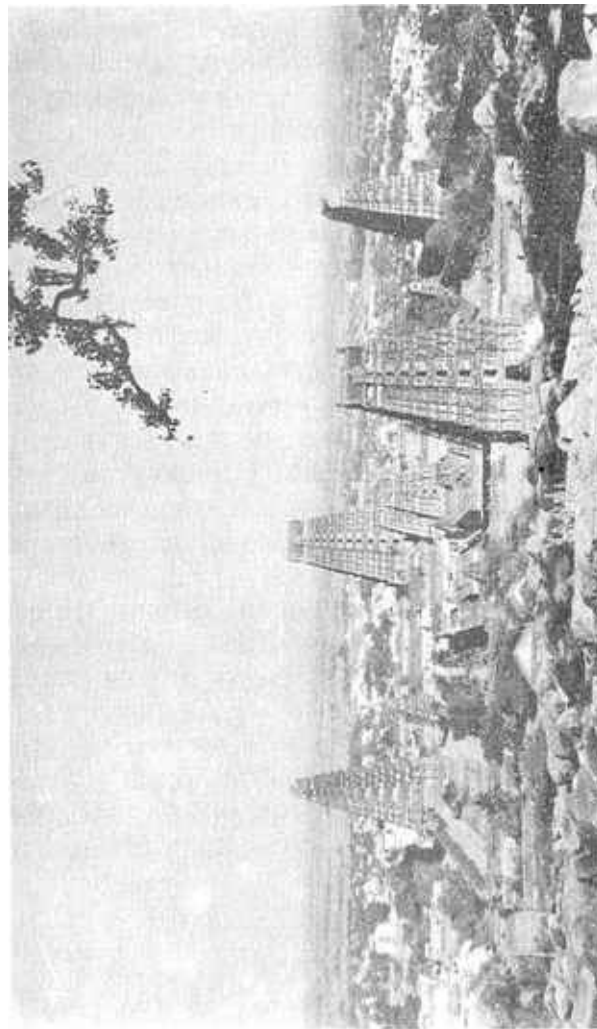
В полдень он достиг Мамбалапатти, оттуда пошел пешком и к сумеркам прошел десять миль. Перед ним стоял храм Арайиналлура, построенный на большой скале. Длительная ходьба, и большей частью на дневной жаре, так утомила его, что он сел у храма на отдых. Вскоре кто-то пришел и открыл храм для священника и остальных — чтобы выполнить *пуджу* (ритуальное поклонение). Венкатараман вошел и сел в зале с колоннами, в той его части, где еще не было совершенно темно. Он сразу увидел какой-то яркий свет, наполнявший собою весь храм. Подумав, что это должно быть излучение образа Бога во внутреннем святилище, он пошел посмотреть, но не обнаружил ничего подобного. Это не было и каким-либо физическим светом. Свечение исчезло, и Венкатараман снова сел в медитацию.

Вскоре ему помешал крик, что пора закрывать храм, так как *пуджа* закончена. Поэтому он подошел к священнику и спросил, нет ли у него чего-нибудь поесть, но тот ответил отрицательно. Тогда Венкатараман попросил разрешения остаться в храме до утра, но ему также было отказано. Участники *пуджи* (*пуджари*) сказали, что собираются в Килур, около трех четвертей мили отсюда, выполнить *пуджу* и в местном храме, после чего он сможет получить что-нибудь из еды. Поэтому Венкатараман сопровождал их. Как только вошли в храм, он опять погрузился в блаженное поглощение, именуемое *самадхи*. В девять часов *пуджа* закончилась, и *пуджари* сели ужинать. Венкатараман снова попросил поесть. Сначала казалось, что не найдется ничего, но храмовый барабанщик, под впечатлением внешности и благочестивых манер юноши, отдал ему свою долю. Он захотел запивать пищу водой и, держа в руках тарелку из пальмового листа с рисом, пошел по указанной ему дороге к стоящему поблизости дому некоего Шастри, который даст воды. Стоя перед домом в ожидании, он споткнулся несколько раз и рухнул в глубоком сне или обмороке. Через пару минут Венкатараман увидел, что вокруг собралась небольшая толпа любопытных. Он выпил воды, собрался с силами и съел немного из рассыпанного им риса, а затем лег на землю и уснул.

Следующий день, понедельник 31 августа, был Гокулашгами — день рождения Шри

Кришны и один из наиболее благоприятных дней индуистского календаря. До Тируваннамалая было еще 20 миль. Венкатараман прошелся немного, разыскивая дорогу к нему, и снова начал чувствовать усталость и голод. Подобно большинству брахманов того времени, когда древних обычаев они держались строже, чем сейчас, он носил золотые серьги, в которые у него были еще вправлены рубины. Он снял их, чтобы выручить деньги и закончить путешествие поездом, но где их продать и кому? Совершенно случайно Венкатараман остановился у дома, который, как оказалось, принадлежал некоему Мутхукришнану Бхагаватару, и попросил пищи. Хозяйку, должно быть, глубоко поразило появление у ее дверей в день рождения Кришны юного брахмана с прекрасным выражением лица и сияющими глазами. Она поставила много холодной еды и хотя, как и два дня назад в поезде, аппетит Венкатарамана исчез после первого куска, пеклась о нем истинно по-матерински и заставила съесть все.

Оставался вопрос о серьгах. Они стоили около двадцати рупий, но Венкатараман хотел за них только ссуду в четыре рупии, чтобы покрыть любые другие расходы, которые смогут встретиться на пути. Дабы избежать возникающего подозрения, он прибегнул к

Город Тируваннамалай, Великий Храм

отговорке, сказав, что был паломником, потерял свой багаж и остался без средств. Мутхукришнан исследовал серьги и, установив их подлинность, ссудил четыре рупии. Но он

настаивал на получении адреса юноши и дал ему свой, чтобы тот мог выкупить серьги в любое время. Добрая чета держала Венкатарамана у себя до полудня, накормила обедом и снабдила пакетом сладостей, заранее приготовленных для *пуджи* Шри Кришне, но так и не предложенных Ему.

Оставив этот дом, он сразу разорвал записку с адресом, не собираясь когда-либо выкупать серьги. Обнаружив, что поезда до Тируваннамалая не будет до следующего утра, он проспал ночь на станции. Ни один человек не может закончить свое путешествие до предназначенного судьбой времени. Стояло утро 1 сентября 1896 года, минуло три дня после ухода из дома, когда Венкатараман прибыл на железнодорожную станцию Тируваннамалай.

Быстрыми шагами, с радостно бьющимся сердцем, он спешил прямо в Великий Храм. Безмолвным знаком Приветствия ворота трех его высоких огораживающих стен и даже самого внутреннего святилища стояли открытыми. Внутри еще ничего не было, поэтому он вошел в Святая Святых один и стоял, потрясенный, перед своим Отцом — Аруначалешварой ¹. Здесь, в блаженстве Союза, искомое было достигнуто, и путешествие завершилось.

Глава 4

Кажущийся тапас, или аскёза

Покинув храм, Венкатараман побрел в город. Кто-то окликнул его и спросил, не хочет ли он сбрить пучок волос на затылке ¹. Такой вопрос был, очевидно, внушен, поскольку отсутствовали внешние знаки того, что этот юный брахман отрекся или собирается отречься от мира. Он сразу же согласился, и его отвели к водоему Айянкулам, где усердно работали цирюльники. Здесь его голову обрили наголо. После этого Венкатараман выбросил в воду свои оставшиеся деньги — чуть больше трех рупий. Впоследствии он никогда к деньгам не притрагивался. Был выброшен и пакет сладостей, еще остававшийся у него. «Зачем кормить сладостями эту глыбу тела?»

Он снял священный шнур, знак касты, и отбросил его, ибо тот, кто отрекается от мира, отрекается не только от дома и собственности, но также от касты и всего гражданского статуса.

Затем Венкатараман снял свое *дхоти* ², оторвал от него полосу для набедренной повязки, а остальное выбросил.

Таким образом он возвратился в храм, завершив акты отречения. Подходя к нему, он вспомнил, что Писания предписывают принять ванну после стрижки волос, но сказал себе: «Зачем позволять этому телу роскошь ванны?» Тотчас же прошел небольшой сильный ливень, так что перед тем, как войти в храм, Венкатараман принял все-таки свою ванну.

В Святая Святых он вторично не входил, поскольку в этом не было необходимости. Действительно, прошло три года, прежде чем он снова вошел туда. Венкатараман избрал своим местопребыванием тысячеколонный зал, приподнятую каменную платформу, открытую со всех сторон, с кровлей, поддерживаемой лесом тонких, украшенных скульптурами колонн, и сидел там, погруженный в Блаженство Бытия. День за днем, день и ночь, он сидел неподвижно. Больше он не нуждался в этом мире, тень существования которого его не интересовала, потому что был поглощен Реальностью. Так он продолжал несколько недель — едва двигаясь, без единого слова.

Таким образом началась вторая фаза его жизни после Само-реализации. В течение первой Слава была скрытой, и он принимал те же условия жизни, что и ранее, с той же покорностью учителям и старшим. В течение второй он обратился вовнутрь, полностью игнорируя внешний мир, и эта фаза, как должно быть показано, постепенно погружалась в третью, длительностью в полстолетия, в продолжение которой сияние Шри Бхагавана лучилось, словно полуденное солнце, на всех, кто приближался к нему. Однако эти фазы приложимы только к внешнему проявлению состояния Махарши, так как он явно и много раз высказывался о том, что в его

состоянии сознания, или духовном переживании, не было абсолютно никакого изменения или развития.

Один *садху*, известный как Сешадрисвами, прибывший в Тируваннамалай несколькими годами ранее, взял на себя присмотр за Брахманой Свами, как начали называть Венкатарамана, когда в заботе возникала любая необходимость. В целом это не давало какого-то преимущества, ибо Сешадри производил впечатление слегка сдвинутого, а потому вызывал на себя гонения мальчишек-школьников. Теперь они распространили свое внимание на его протезе, которого стали называть «маленький Сешадри». Подростки начали швырять в него камни — частично из-за мальчишеской жестокости, а частично потому, что были поставлены в тупик видением человека чуть старшего по возрасту и сидящего словно статуя, и, как один из них говорил позже, хотели узнать, притворяется он или нет.

Попытки Сешадрисвами держать мальчишек в отдалении были не очень успешными, а иногда имели и противоположный эффект. Поэтому Брахмана Свами искал убежище в Патала Лингаме, подземном склепе тысячеколонного зала, темном и сыром, куда лучи солнца никогда не проникали. Люди спускались туда редко; лишь муравьи, клопы и москиты процветали там. Они терзали его тело так, что колени покрывались язвами, истекающими кровью и гноем. Шрамы остались до конца жизни. Те несколько недель, проведенные им здесь, были спуском в ад, но, тем не менее, поглощенный Блаженством Бытия, он не затрагивался мучением; оно было нереальным для него. Одна благочестивая женщина, Ратнамма, приносила ему в подземелье пищу и уговаривала уйти отсюда и перейти к ней домой, но он не подавал знака, что услышал. Ратнамма оставила чистую ткань, умоляя его сесть или лечь на нее, или укрыться от надоедливых насекомых, но он к ткани не прикоснулся.

Боясь войти в темное подземелье, юные мучители бросали с его входа камни или ломаные горшки, которые разбивались, рассыпая осколки. Сешадрисвами установил охрану, но это лишь подзадорило их еще больше. Однажды в полдень некий Венкатачала Мудали пришел в Тысячеколонный Зал и, возмущенный мальчишками, швыряющими камни на территории храма, схватил палку и прогнал их. На обратном пути он увидел Сешадрисвами, неожиданно появившегося из мрачных глубин Зала. Мудали на мгновение испугался, но быстро овладел собой и спросил Сешадри, не обидели ли его. «Нет, — ответил тот, — но пойди и взгляни на маленького Свами здесь внизу», — и, сказав это, ушел.

Удивленный, Мудали спустился по ступенькам в подземелье. Вступив в темноту после яркого солнечного света, он сначала не мог ничего увидеть, но глаза постепенно привыкли и он различил фигуру молодого Свами. Ошеломленный увиденным, он вышел и рассказал об этом *садху*, что работал поблизости в цветнике с несколькими учениками. Они тоже пришли посмотреть. Юный Свами не двигался, не говорил и, казалось, не замечал их присутствия, а потому они сами подняли его, вынесли наружу и посадили перед святыней * Субраманьи **, в то время как тот не показывал, что хоть как-то сознаёт происходящее ^{1***}.

Около двух месяцев Брахмана Свами находился в святыне Субраманьи. Обычно он сидел неподвижно в *самадхи* (поглощенности) и время от времени ему в рот должны были закладывать пищу, поскольку он не обращал внимания, когда ее предлагали. Несколько недель он даже не старался завязать набедренную повязку. За ним присматривал Мауни Свами (тот, кто соблюдает молчание), также живший в этой святыне.

Святыню Богини Умы в Великом Храме каждый день мыли смесью молока, воды, куркумного порошка, сахара, бананов и других ингредиентов, и Мауни обычно ежедневно брал стакан такого странного варева для молодого Свами. Тот быстро проглатывал его, равнодушный к запаху, и это было все питание, что он получал. Через некоторое время храмовый священник заметил подобное и распорядился, чтобы отныне чистое молоко поставлялось Мауни для

передачи Брахмане Свами.

Прошло несколько недель, и Брахмана Свами перебрался в храмовый сад, полный высоких кустов олеандра, достигавших порой десяти — двенадцати футов высоты. Он даже передвигался в трансе, ибо при пробуждении к этому миру иногда обнаруживал себя под каким-то другим кустом, не помня, как там очутился. Он шел затем к помещению, где стоял храмовый транспорт, на котором по святым дням возили в процессии кумиры богов. Здесь тоже он по временам пробуждался к миру, находя свое тело в другом месте, без повреждений, хотя и неосознанно, избежав различных препятствий на пути.

После этого он сидел некоторое время под деревом рядом с дорогой, идущей вокруг территории храма внутри её внешней стены и используемой для храмовых процессий. Он оставался какое-то время здесь и у святыни Мангай Пиллайяр *. Ежегодно большие массы паломников скапливались в Тируваннамалае на празднество Картикай, приходящееся на ноябрь или декабрь, когда на вершине Аруначалы зажигается сигнальный огонь в знак появления Шивы как столба света, описываемого нами далее в главе 6, а в этот год многие приходили неотрывно смотреть на юного Свами или упасть ниц перед ним. Именно в это время у него появился первый постоянный почитатель. Удданди Найянар был поглощен духовными занятиями, но не получал от них внутреннего Мира. Увидев молодого Свами, погруженного в беспрестанное *самадхи* и, казалось, не обращающего внимания на тело, он почувствовал, что здесь была Реализация и что благодаря Свами он найдет Мир. Поэтому он был счастлив служить Свами, но мог сделать немного. Найянар близко не подпускал толпы праздных наблюдателей и останавливал мальчишечьи преследования. Большую часть времени он проводил рецитируя (повторяя) тамильские работы, излагающие высочайшую доктрину *адвайты* (недвойственности). Получение *упадешу*, духовного наставления, от Свами было его самой большой надеждой, но Свами никогда не разговаривал с ним, а сам он не осмеливался заговорить первым и помешать молчанию Свами.

Около этого времени некий Аннамалай Тамбиран проходил мимо дерева юного Свами. Он был так поражен безмятежной красотой сидящего в уединении Свами, не затрагиваемого заботой и мыслью, что простерся перед ним, и после этого ежедневно приходил поклониться Свами. Тамбиран был *садху*, который обычно ходил по городу с несколькими спутниками, распевал песни преданности. На полученную милостыню он кормил бедных и совершал за городом *пуджу* у гробницы своего Адина Гуру (основателя линии его Гуру).

Через некоторое время ему пришла в голову мысль, что юного Свами будут меньше беспокоить в Гурумуртаме, как называли эту святыню, а также, поскольку стоял прохладный сезон, такое место окажется более уютным. Тамбиран не решался предложить это и сначала обсудил вопрос с Найянаром, поскольку никто из них еще не говорил со Свами. В конце концов он набрался мужества сделать предложение. Свами согласился и в феврале 1897 года, менее чем через полгода после своего прибытия в Тируваннамалай, ушел с Тамбираном в Гурумуртам.

Когда он прибыл туда, образ его жизни не изменился. Пол внутри святыни кишел муравьями, но Свами, казалось, не обращал внимания на их ползание по нему и укусы. Через некоторое время в одном из углов ему поставили табурет для сидения, а ноги погрузили в воду, чтобы защитить от муравьев, но даже тогда он опирался спиной о стену, создавая мостик для них. От такого постоянного сидения спина оставляла неизменный отпечаток на стене.

Паломники и туристы начали скапливаться у Гурумуртама, и многие падали ниц перед Свами, одни — с молитвами о благах, другие — из чистого благоговения. Толпа стала такой, что было невозможно поставить бамбуковую ограду вокруг его сиденья, защищающую Свами, по крайней мере, от прикосновения кого-то из собравшихся.

Сначала Тамбиран поставлял немного еды, что была необходима, от предлагаемой в

святыне его Гуру, но вскоре покинул Тируваннамалай. Он сказал Найянару о своем возвращении обратно через неделю, но обстоятельства так сложились, что отсутствовал больше года. Несколькими неделями позднее Найянар тоже должен был уйти к своему *матху* (частному храму, или святыне), и Свами остался без слуги. С пищей трудностей не было — фактически к этому времени там было несколько поклонников, желавших регулярно приносить еду. Более настоятельная потребность состояла в том, чтобы не подпускать толпы праздных наблюдателей и посетителей.

Это случилось незадолго перед тем, как пришел другой постоянный слуга. Один малайяламский *садху* по имени Паланисвами посвятил свою жизнь почитанию Бога Виньяки. Он жил большим аскетом, ел только раз в день и то лишь пищу, предложенную Богу при *пудже*, даже без соли в качестве приправы. Его друг по имени Шриниваса Айяр однажды сказал ему: «Почему ты проводишь свою жизнь с этим каменным Свами? В Гурумуртаме есть молодой Свами из плоти и крови. Он погружен в *танас* (аскёзу) словно юный Дхрува в *Пуранах*. Если ты пойдешь и послужишь ему и соединишь себя с ним, то достигнешь цели жизни».

Приблизительно в это же время и другие также рассказывали ему о юном Свами, о том, что у того нет слуги и что служить Свами — блаженство. Он был до глубины души взволнован самим видением Свами. Некоторое время из чувства долга он еще продолжал свое поклонение в храме Виньяки, но его сердце уже было с живым Свами, и вскоре его преданность последнему стала всепоглощающей. Двадцать один год он служил Свами как слуга, посвятив ему весь остаток жизни.

Работы у него было довольно мало. Он получал еду, предложенную почитателями, но всё, что Свами принимал, состояло из ежедневной единственной чашки пищи в полдень, а остальное возвращалось жертвователям как *прасад* (Милость в форме дара). Если Паланисвами требовалось для чего-либо уйти в город — обычно чтобы достать какую-нибудь духовную или религиозную книгу у приятеля, — он запирал святыню, а при возвращении обнаруживал Свами в том же положении, в каком оставил его.

Тело Свами было крайне запущено. Оно игнорировалось им полностью и никогда не мылось. Волосы отросли снова, были густыми и спутанными, а ногти выросли длинные и скручивались. Некоторые считали это знаком глубокой старости и распространяли слух, будто Свами сохранил молодое тело йогическими силами. Действительно, его тело было ослаблено до пределов выносливости. Когда ему требовалось выйти, то силы хватало только, чтобы едва приподняться. Он поднимался на несколько дюймов, а затем вновь падал обратно, от слабости и головокружения, и требовалось несколько повторных попыток, прежде чем удавалось встать на ноги. При одном таком случае он дошел до двери и уже держался за нее обеими руками, когда почувствовал, что Паланисвами поддерживает его. Всегда нерасположенный принимать помощь, он спросил: «Почему вы держите меня?», и Паланисвами ответил: «Свами собирался упасть, и я поддержал его, чтобы предотвратить падение».

Тому, кто достиг Союза с Божественным, иногда поклоняются тем же способом, что и кумиру в храме, — при сжигании камфоры, сандаловой пасты, цветов, с возлияниями и пением. Когда Тамбиран находился в Гурумуртаме, он решил почитать Свами точно так же. В первый день Свами был захвачен врасплох, но на следующий, когда Тамбиран принес свою ежедневную чашку пищи, он увидел на стене, чуть выше Свами, слова, написанные на тамили древесным углем: «Такой службы достаточно для этого», означающие, что только пища и должна предлагаться этому телу.

Известие, что Свами имел мирское образование, мог читать и писать, стало сюрпризом для его поклонников. Один из них решил использовать этот факт, чтобы разузнать, откуда он и как его звали. Этот почитатель, Венкатарама Айяр, был уже пожилым и работал в городе главным

бухгалтером налоговой службы. Он обычно приходил каждое утро и некоторое время сидел, медитируя, в присутствии Свами, прежде чем отправиться на работу. Обет молчания уважался, и поскольку Свами не разговаривал, предполагалось, что он принял такой обет. Но молчавший время от времени пишет послания, и поэтому знание того, что Свами мог писать, делало Венкатарама Айяра таким настойчивым. На одну из книг, принесенных Паланисвами, он положил перед ним лист бумаги и карандаш и умолял написать свое имя и место рождения.

Свами не откликнулся на просьбу, пока Венкатарама Айяр не объявил, что не будет ни есть, ни ходить в свою контору, если не получит желаемую информацию. Тогда он написал по-английски: «Venkataraman, Tiruchuzhi». Его знание английского стало другим сюрпризом, но Венкатарама Айяр был поставлен в тупик именем «Тиручули» в английской транслитерации, особенно сочетанием «zh» *.

Поэтому Свами взял книгу, на которой лежал лист с его надписью по-английски, посмотреть — была ли она тамильской, чтобы он мог указать на букву, обычно транслитерируемую как «zh», среднюю по звуку между «р» и «л». Обнаружив, что это *Перия пуранам*, книга, которая оказала на него такое глубокое действие перед духовным пробуждением, он нашел эпизод, где Тиручули упоминается как город, прославленный в песнях Сундарамурти Свами *, и показал его Венкатарама Айяру.

В мае 1898 года, после чуть более годичного пребывания в Гурумуртаме, Свами перебрался в манговый фруктовый сад по соседству. Его владелец, Венкатарама Найкер, предложил это Паланисвами, поскольку сад мог закрываться и предоставить большее уединение. Свами и Паланисвами, каждый занял там по отдельному сторожевому домику, а хозяин дал садовнику строгое предписание никого не впускать без разрешения Паланисвами.

Он оставался в манговом саду около шести месяцев и именно здесь начал накапливать обширную эрудицию, которой впоследствии обладал. Характерно, что этот процесс не мотивировался желанием учености, а был в чистом виде помощью почитателю. Паланисвами обычно приносил себе для изучения работы по духовной философии, но книги, что удавалось достать, были только на тамили, языке, который он знал очень мало, и это заставляло его безмерно много работать. Видя, как он бьется, Свами брал эти книги, прочитывал от корки до корки и давал ему краткие обзоры сути их учения. Предшествующее духовное знание позволило понимать изложенное в них с одного взгляда, а его удивительная память удерживала воспринятое при чтении, так что он стал эрудитом почти без усилия. Точно так же Свами впоследствии обучился санскриту, телугу и малайялам, читая приносимые ему книги на этих языках и отвечая на вопросы, поставленные на них.

Глава 5

Вопрос возвращения

Когда юный Венкатараман покинул дом, это явилось полной неожиданностью для семьи. Несмотря на его изменившееся поведение и семейную судьбу, никто не предчувствовал ухода. Поиски и расспросы ни к чему не привели. Его мать, находившаяся в то время у родственников в Манамадурае, страдала больше, чем кто-либо из них. Она заклинала своих деверей, Суббайяра и Неллиаппияра, уйти и искать, пока не найдут. Прошел слух, что Венкатараман присоединился к театральной труппе, исполнявшей традиционные религиозные драмы в Тривандруме. Неллиаппияр немедленно отправился туда и навел справки среди различных драматических ансамблей, но, конечно, без результата. Тем не менее Алагамма отказалась признать неудачу и настояла, чтобы он отправился вторично, взяв ее с собой. В Тривандруме она действительно

видела юношу того же, что и Венкатараман, возраста и роста, с похожими волосами, который отвернулся от нее и ушел. Внутренне убежденная, что это был ее Венкатараман и что он уклонился от встречи, она вернулась домой удрученной.

Суббайяр, дядя, у которого Венкатараман жил в Мадуре, умер в августе 1898 года. Неллиаппияр и его семья участвовали в похоронах, и именно здесь они получили первое известие об исчезнувшем Венкатарамане. Молодой человек, сопровождавший церемонию, рассказал, что при недавнем посещении *матха* (частного храма) в Мадуре он слушал некоего Аннамалая Тамбирана, с большой почтительностью говорившего об юном Свами из Тируваннамалая. Услышав, что этот Свами прибыл из Тиручули, он расспросил о деталях и узнал, что его имя Венкатараман. «Должно быть, это ваш Венкатараман, и он сейчас — почитаемый Свами», — заключил рассказчик.

Неллиаппияр был адвокатом, практикующим в Манамадуре. Узнав эти новости, он сразу отправился с другом в Тируваннамалай для проверки. Они нашли дорогу к Свами, но тот уже пребывал в манговом саду, владелец которого, Венкатарама Найкер, отказался впустить их: «Он — *мауни* (принявший обет молчания); зачем же входить и беспокоить его?» Даже когда прибывшие сослались на свое родство, самое большее, что было им позволено, так это послать записку. Неллиаппияр написал на листе бумаги, принесенном с собой: «Неллиаппияр, адвокат из Манамадура, хочет видеть Вас».

Свами показал уже сочетание острого восприятия мирских дел с полной непривязанностью к ним, которое характеризовало его позже и удивляло столь многих почитателей. Он заметил, что бумага с текстом записки относилась к департаменту Регистрации, а на ее обороте был какой-то служебный материал, подписанный его старшим братом, Нагасвами, из которого и сделал вывод: Нагасвами стал служащим этого департамента. Точно так же как и в последующие годы, он перевернул письмо и, прежде чем вскрыть, рассмотрел адрес на нем и почтовую марку.

Он разрешил посетителям войти, но, когда те зашли, сидел отчужденно и молчаливо, без следа интереса, проявленного при изучении записки. Любой знак интереса только поддержал бы пустую надежду на его возвращение. Неллиаппияр был глубоко тронут, увидев Свами в таком состоянии — нечесанного, немытого, со спутанными волосами и длинными ногтями. Считая его *мауни*, Неллиаппияр обратился к Паланисвами и Найкеру, объясняя, что получил огромное удовольствие, обнаружив одного из членов своей семьи достигшим столь высокого состояния, но и земные блага не следует игнорировать.

Родственники Свами хотели, чтобы он был рядом с ними. Они не давили на него, требуя отказаться от своих обетов или образа жизни. Пусть он продолжает быть *мауни* (безмолвным) и аскетом, но в Манамадуре, рядом с которым жил Неллиаппияр и где был храм одного великого святого; он может оставаться там, а за его потребностями последят, не причиняя беспокойства. Адвокат просил со всем своим красноречием, но в данном случае безуспешно. Свами сидел недвижимо, не показывая даже, что слышит. У Неллиаппияра не было иного выбора кроме того, чтобы признать свое поражение. Он сообщил письмом Алагамме хорошую новость о найденном сыне вместе с мучительным известием, что тот совершенно изменился и не собирается возвращаться к ним. После пяти дней в Тируваннамалае Неллиаппияр вернулся в Манамадура.

Вскоре после этого Свами покинул манговый сад и перешел в небольшой храм Арунагиринатхара, к западу от водоема Айянкулам. Всегда не желая зависеть от услуг других, он теперь решил ежедневно выходить и просить еду вместо того, чтобы позволять Паланисвами снабжать его. «Вы идите за своей пищей одной дорогой, а я пойду по другой, — предложил он Паланисвами. — Давайте больше не будем жить совместно». Для Паланисвами это прозвучало страшным ударом: преданность Свами была его способом богослужения. Как приказано, он вышел один, но сумерки снова застали его в храме Арунагиринатхара. Как он мог жить без

своего Свами? И ему было позволено остаться.

Свами все еще поддерживал молчание. Он, бывало, останавливался у порога какого-нибудь дома, хлопал в ладоши, и если давали какую-либо пищу, то брал ее в сложенные чашечкой ладони и ел, стоя на дороге. Даже если приглашали, он никогда не входил в дом. Свами каждый день двигался по другой улице и никогда не подходил к одному и тому же дому дважды. Он говорил впоследствии, что просил подаяние почти на всех улицах Тируваннамалай.

После месяца жизни в храме Арунагиринагхары Свами избрал своим пребыванием одну из башен Великого Храма и сад Алари в нем. Куда бы он ни направлялся, его уже сопровождали почитатели. Он пробыл тут лишь неделю, а затем ушел к Павалаккунру, одному из восточных отрогов Аруначалы, и остановился там в местном храме. Он обычно сидел здесь, как и раньше, погруженный в *самадхи* (Блаженство Бытия), покидая жилище только для выпрашивания пищи, пока Паланисвами отсутствовал. Часто случалось так, что храмовый священник запирает Свами и уходит после совершения *пуджи*, не потрудившись посмотреть — нет ли его внутри.

Именно здесь Алагамма и нашла сына. Получив известия от Неллиаппияра, она подождала рождественских праздников, когда старший, Нагасвами, освободился, чтобы сопровождать ее, и отправилась в Тируваннамалай. Она тотчас же узнала своего Венкатарамана, несмотря на его изнуренное тело и спутанные волосы. Со всей материнской любовью она сетовала на условия его жизни и умоляла вернуться обратно домой вместе с ней, но он сидел недвижно, не отвечая и даже не показывая, что слышит. День за днем она возвращалась, принося ему для еды разные вкусности, упрашивая и упрекая, но безрезультатно. Однажды, уязвленная очевидной утратой его чувства к ней, Алагамма залилась слезами. Он все еще не отвечал, но, чтобы не выказать сострадание, давая тем ложные надежды на то, что случиться не может, поднялся и ушел. На следующий день она заручилась симпатией почитателей, собравшихся вокруг нее, излив им свое горе и умоляя вмешаться.

Один из них, Пачайяппа Пиллай, обратился к Свами: «Ваша мать рыдает и молит; почему бы Вам хотя бы не дать ответ? Будь то „да” или „нет”, но Вы можете ответить ей. Свами не требуется нарушать свой обет молчания. Вот карандаш и бумага; Свами может по крайней мере написать то, что он должен сказать».

Он взял бумагу и карандаш и полностью безличным стилем написал:

«Предопределяющий управляет жребиями душ в соответствии с их *прабандха кармой* (судьбой, вытекающей из баланса действий в прошлых жизнях, которая должна быть отработана в этой жизни). Чему не суждено случиться — не случится, как ни старайся. Что предопределено — случится, несмотря на любые попытки это предотвратить. Здесь нет сомнений. А потому лучше всего — оставаться в молчании».

По сути, это то же, что Христос сказал своей матери: «Зачем было вам искать Меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?»* Форма же очень типична для Шри Бхагавана, так как он предпочитал оставаться в молчании, когда ответ мог быть только отрицательным, но когда безмолвие не принималось и под дальнейшим нажимом он давал ответ, то последний формулировался в таких общих терминах, как если бы это было безличностное доктринальное выражение. Но, тем не менее, в то же самое время — ответ на конкретный вопрос, соответствующий потребностям спрашивающего.

Шри Бхагаван был бескомпромиссен в своей доктрине, согласно которой то, что должно случиться, случается обязательно, но в то же самое время он учил, что все происходит благодаря *прабандхе* — балансу человеческой судьбы, действующему согласно такому строгому закону причины и следствия, что даже слово «справедливость» кажется слишком сентиментальным для его выражения. Он всегда обходил ловушки дискуссий о свободной воле и предопределении, ибо такие теории, хотя и противоречивые на ментальном уровне, обе могут отражать определенные

аспекты истины. Он обычно говорил: «Найдите того, кто имеет судьбу или свободную волю».

Махарши высказался определенно: «Все действия, которые тело должно выполнить, уже предрешены в исходный момент его существования: вы свободны только отождествлять или не отождествлять себя с телом». Если исполняется роль в пьесе, то вся роль написана заранее, и актер действует одинаково верно, Цезарь ли он, который заколот, или Брут, вонзающий кинжал, будучи не затронутым этим, так как знает, что он не является этой личностью. Точно так же и тот, кто осознал свое тождество с бессмертным Я, Атман о м, играет свою роль на человеческой сцене без страха или тревоги, надежды или сожаления, не затрагиваемый исполняемой ролью. Если спросить о реальности, имеющейся при полной предопределенности всех человеческих действий, то это приведет только к вопросу: «Кто же в таком случае я? Если эго, которое думает, что именно оно принимает решения, нереально и, тем не менее, я знаю, что существую, то в чем состоит моя реальность?» Тут лишь подготовительная, умственная версия поиска, предписываемого Шри Бхагаваном, но это и превосходная подготовка к поиску подлинному.

И все же явно противоречащая точка зрения, что человек делает свою собственную судьбу, не менее истинна, поскольку все происходит по закону причины и следствия, и любая мысль, каждое слово и каждое дело вызывают свои последствия. Шри Бхагаван говорил об этом совершенно определенно, как и другие Учителя. Он сказал одному из преданных, Шивапракашаму Пиллаю, в ответе, цитируемом в главе 10: «Так как существа пожинают плоды своих действий согласно законам Бога, то и ответственность лежит на них, а не на Нем». Он постоянно подчеркивал необходимость усилия. В «Евангелии Махарши» один из почитателей жалуется: «После того как в октябре я покинул этот Ашрам, сознание внутреннего Мира, обретенного мной в Святом Присутствии Шри Бхагавана, не оставляло меня около десяти дней. Все это время даже при загруженности работой внутри меня существовал какой-то скрытый поток Мира и Покоя в единении, напоминавший двойственное состояние, переживаемое в полудреме, когда одна половина головы блаженно спит, а другая слушает скучную лекцию. Затем это состояние полностью исчезло и вновь вернулись прежние глупости». И Шри Бхагаван ответил: «Если вы укрепите ум, то внутренний Мир станет постоянным. Его длительность пропорциональна силе ума, приобретаемой повторяющейся практикой». В «Духовном наставлении» почитатель явно сослался на кажущееся противоречие между судьбой и усилием: «Если, как говорят, все случается в соответствии с судьбой, то как раз препятствия, тормозящие и мешающие удачному проведению медитации, должны рассматриваться как непреодолимые, ибо воздвигнуты такой бесповоротной судьбой. Как же тогда можно надеяться когда-либо преодолеть их?» И на это Шри Бхагаван ответил: «То, что называют „судьбой“, препятствующей медитации, существует только для ума, направленного наружу, а не вовнутрь. Поэтому тот, кто ищет Атман внутри, оставаясь тем, кто он есть, не пугается какой-либо задержкой, казалось бы останавливающей практику медитации. Сама мысль о таких препятствиях есть величайшее препятствие».

Заключительная формулировка в написанном им письме — «А потому лучше всего — оставаться в молчании» — обращена специально к матери, так как она просила невозможное. Применительно к людям в целом смысл фразы в том, что «бесполезно лягать колючки», сопротивляясь судьбе, которая неотвратима; но из этого не следует полное равнодушие к усилию. Человек, говорящий: «Все предопределено, поэтому я не буду предпринимать усилие», навязывает ложное предположение: «И я знаю, что предопределено». Может быть, он отбросит обязанность, в которой усилие должно быть сделано. Так и Шри Кришна говорил Арджуне в *Бхагавад-Гите*, что его собственная природа вынудит его сделать усилие.

Мать вернулась домой, а Свами остался, как и ранее. Но не вполне. За два с четвертью года, проведенных им в храмах и святынях Тируваннамала, уже появились первые знаки возвращения

к внешне нормальной жизни. Он уже начал есть каждый день в определенное время и затем (чтобы ни от кого не зависеть) уходил на поиски пищи. Он говорил несколько раз. Он начал отвечать преданным, читать священные книги и разъяснять сущность их учений.

Когда он впервые пришел в Тируваннамалай, то сидел погруженный в Блаженство Бытия, полностью игнорируя мир и тело. Он обычно принимал пищу, только если ее клали ему в руки или рот, и даже тогда едва достаточную для поддержания тела. Это характеризовалось как *tapas*, но слово *tapas* имеет очень сложный смысл. Оно подразумевает концентрацию, ведущую к аскетизму, обычно в наказание за прошлое потворство своим желаниям, чтобы их полностью искоренить и обуздать уходящую энергию, которая ищет средство выражения в уме и чувствах. Другими словами, *tapas* обычно означает стремление к Реализации посредством епитимьи и аскетизма. В случае Шри Бхагавана элементы борьбы, епитимьи и насильственного сдерживания полностью отсутствовали, так как ошибочное отождествление «Я» с телом и вытекающая отсюда привязанность к телу были уже разрушены. С его точки зрения не было даже и аскетизма, ибо он полностью прекратил отождествлять себя с телом, подвергавшимся аскезе. Он подразумевал это в более поздние годы, говоря: «Я не ел, и поэтому они говорили, что у меня пост; я не разговаривал, и поэтому они считали, что я *мауни*». Все было очень просто: кажущаяся аскеза была не поиском Реализации, но результатом Реализации. Махарши совершенно определенно указывал, что после духовного Пробуждения в

доме своего дяди в Мадуре уже более не было *садханы* (поиска или стремления).

Поэтому также Шри Бхагаван не был и *мауни* в общепринятом смысле — соблюдающим обет молчания ради изоляции себя от окружающих. Не имея мирских потребностей, он просто не нуждался в речи. Кроме того, объяснял Махарши, встреча с одним из *мауни* подсказала ему, что молчание будет и хорошей защитой против нарушения внутреннего Мира.

В начальный период своего пребывания в Тируваннамалае погружение в Блаженство часто отключало восприятие проявленного мира. Он рассказывал об этом в своем колоритном стиле: «Иногда я открывал глаза и видел утро, иногда — вечер: я не знал, когда солнце поднимается или садится». В некоторой степени это продолжалось, но только стало редким, а не обычным. В более поздние годы Шри Бхагаван однажды сказал, что часто слышал начало *парайяны* (пения *Вед*) и затем — конец, но из-за поглощения Атманом ничего не воспринимал между ними и желал знать, как удалось так быстро закончить и не пропущено ли что-нибудь. Однако даже в ранние месяцы жизни в Тируваннамалае часто имелось полное восприятие событий, и уже значительно позднее он рассказывал о таких эпизодах этого периода, которые, как думали тогда люди, он не признавал.

Полное погружение в Атман с последующим забвением проявленного мира называют *нирвикальпа самадхи*. Это состояние блаженного экстаза, но не постоянное. В «Евангелии Махарши» Шри Бхагаван сравнивает его с ведром воды, опущенным в колодец. В ведре находится вода (ум), которая погружена в колодец (Атман), но веревка и ведро (это) еще существуют, чтобы вытащить воду (ум) снова. Высочайшее состояние, полное и окончательное — *сахаджа самадхи*, кратко упомянутое в начале второй главы. Это чистое, непрерываемое Сознание, превосходящее физический и ментальный планы, но с полным сознаванием проявленного мира и полным использованием умственных и физических способностей, состояние совершенного равновесия, совершенной гармонии, за пределами даже блаженства. Его он сравнивает с водами реки, впадающей в океан. В таком состоянии это со всеми своими ограничениями сразу и навсегда растворяется в Атмане. Это — абсолютная Свобода, чистое Сознание, чистое «Я есмь», более не ограниченное телом или индивидуальностью.

Шри Бхагаван уже находился в этом высочайшем состоянии, хотя внешнее сознавание не было еще непрерывным. Возвращение к внешней активности, которое пришло позднее, было

только кажущимся и не повлекло реальных изменений. Как он разъяснил в «Евангелии Махарши»:

«В случае *джняни* (Просветленного) понятие или существование эго является только кажущимся, и он наслаждается своим непрерывным, трансцендентальным Переживанием, несмотря на такое кажущееся возникновение или существование эго, всегда удерживая свое внимание на Источнике. Это эго безвредно. Оно просто напоминает остов сгоревшей веревки, имеющей прежнюю форму, но уже не пригодной для связывания чего-нибудь».

Глава 6

Аруначала

В этом пейзаже есть какая-то суровость. Валуны лежат словно разбросанные некой гигантской рукой. Сухие колючки, изгороди кактуса, иссушенные солнцем поля, небольшие холмы, выветренные, вытянутые в длину; и тем не менее — огромные тенистые деревья вдоль пыльной дороги, здесь и там, около водоема или колодца, яркая зелень рисовых полей. И вздымающееся из этой грубой красоты возвышение Аруначалы. Имея только лишь 817 метров высоты, оно доминирует над местностью. С юга, со стороны Ашрама, оно выглядит обманчиво просто — точно симметричная гора с двумя почти равными предгорьями, по одному с каждого края. Чтобы сделать симметрию более совершенной, корона белого облачка или тумана по утрам одевает вершину. И удивительно, как изменяется внешний вид, если идти по тринадцатикилометровой круговой дороге, предписанным путем, с юга на запад, оставляя гору справа от себя. Каждая ее сторона имеет свой характер и символизм — та, где отражается эхо, та, где остроконечная вершина едва показывается между двумя предгорьями, словно Атман в промежутке между двумя мыслями, та, где видны пять пиков — Шивы, Шакти и остальные.

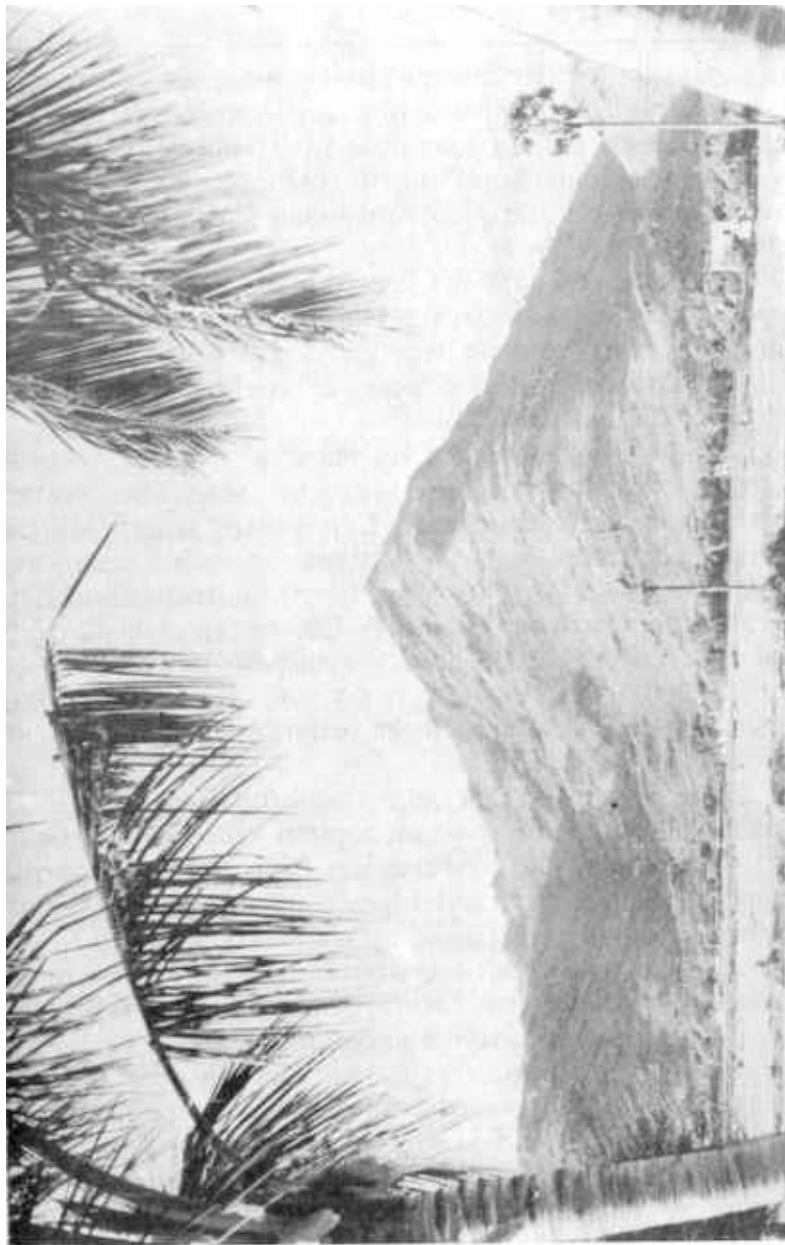
Священные водоемы отмечают восемь направлений пространства, а в различных знаменательных местах установлены *мантапамы* (простые помещения из камня). Выдающимся из них является Дакшинамурти Мантапам, расположенный в южной точке, ибо Дакшинамурти — это Шива, наставляющий в Молчании, и таков Аруначала.

«Кто есть зрящий? Когда я искал внутри, то наблюдал исчезновение видящего и то, что пережило его. Мысль „я увидел” не возникала, как же тогда могла подняться мысль: „я не вижу”? Кто властен выразить это словами, когда даже Ты мог передать такое лишь молчанием (появившись как Дакшинамурти)? Только чтобы выразить безмолвием Твое Состояние, Ты стоишь как Гора, сияющая от небес до земли»¹.

Шри Бхагаван всегда поощрял *прадакшину* (круговой обход) вокруг Горы. Даже старых и немощных он не отговаривал, а лишь советовал идти медленно. В самом деле, подразумевается, что *прадакшина* должна выполняться медленно, «словно беременной королевой на ее девятом месяце». В безмолвной ли медитации или с пением, или с игрой на раковине обходить надо пешком, без использования какого-либо транспорта, и, в сущности, босиком. Самым благоприятным временем является Шиваратри, ночь Шивы, и Картикай — день, когда созвездие Картикай (Плеяды) находится в конъюнкции (в сочетании) с полной луной, приходящийся обычно на ноябрь. В эти периоды непрерывный поток почитателей вокруг Горы напоминает гирлянду цветов.

Некий инвалид, уже пожилой, однажды ковылял на костылях вдоль дороги, огибающей Гору. Раньше он часто делал это, совершая *прадакшину*, но сейчас покидал Тируваннамалай. Калека чувствовал себя обузой в семье; часто вспыхивали ссоры, и он решил уйти и как-нибудь обжиться в деревне. Вдруг перед ним появился молодой брахман и, вырвав его костыли, сказал: «Вы не заслужили их». Прежде чем путник смог найти слова для нахлынувшего гнева, он осознал, что

его ноги в порядке, а костыли не нужны. Он не покинул Тируваннамалай, он остался и был хорошо известен там. Шри Бхагаван в деталях рассказал эту историю

Аруначала, южное лицо

нескольким своим преданным и отметил ее сходство с описанной в *Аруначала Стхала Пуране* *. В то время когда калека на костылях покидал город, Махарши был юным Свами на Горе, но он никогда не говорил, что это именно он внезапно появился как молодой брахман.

Аруначала — одно из древнейших и самое священное из всех святых мест в Индии. Шри Бхагаван провозгласил его сердцем Земли, духовным центром мира. Шри Шанкара писал о нем как о горе Меру. *Сканда Пурана* ** заявляет:

«Это — святое место. Из всех святых мест Аруначала — самое святое. Это — сердце мира. Знайте его как тайный и священный Сердечный центр Шивы». Многие святые жили здесь, сливаясь своей святостью со святостью Горы. Говорят, и это подтверждено Шри Бхагаваном, что до сего дня *Сиддхи* (мудрецы, обладающие сверхъестественными силами) живут в ее пещерах, в

физических ли телах или нет, а некоторые утверждают, будто видели их огоньками, двигающимися вокруг Горы ночью.

В *Пуранах* есть рассказ о происхождении Горы. Однажды Вишну и Брахма заспорили — кто из них более великий. Их ссора вызвала на земле хаос, а поэтому *дэвы* приблизились к Шиве, умоляя его разрешить спор. Вслед за тем Шива проявился как столб Света, из которого раздался голос, объявивший более великим того, кто сможет отыскать верхний или нижний конец столба. Вишну обратился кабаном и зарылся в землю в поисках основания, тогда как Брахма стал лебедем и воспарил вверх, разыскивая вершину столба. Вишну не удалось достичь основания столба, но «начав видеть внутри себя Высочайший Свет, пребывающий в сердцах всех, он стал исчезать в медитации, не обращая внимания на физическое тело и даже не сознавая себя, ищущего». Брахма увидел цветок, падающий в воздухе, и, думая победить обманом, возвратился с ним и объявил, что сорвал его с вершины.

Вишну принял свое поражение и обратился к Господу с хвалой и молитвой: «ТЫ — Самопознание, знание Атмана. ТЫ — *ОМ*. ТЫ — начало и середина, и конец всего. ТЫ — всё и освещаешь всё». Он был объявлен великим, тогда как Брахма устыдился и сознался в своем проступке.

В этой легенде Вишну представляет ум, Брахма — интеллект, в то время как Шива — Атман, Дух.

Далее рассказывается, что поскольку *лингам*, или столб Света, был слишком ослепителен для созерцания, Шива проявил себя как гора Аруначала, провозгласив: «Как луна получает свой свет от солнца, так и другие святые места получают святость от Аруначалы. Это — единственное место, где Я принял такую форму ради блага тех, кто хочет поклоняться Мне и получить Просветление. Аруначала — это *ОМ* Сам. Я буду появляться на вершине этой горы ежегодно на Картикей в виде сигнального огня, дающего Мир». Здесь говорится не только о святости самого Аруначалы, но также о превосходстве доктрины *адвайты* и пути Само-исследования, центром которого является Аруначала. Этот смысл можно уловить в словах Шри Бхагавана:

«В конечном счете каждый должен прийти к Аруначале».

Прошло более двух лет после его прибытия в Тируваннамалай, прежде чем Шри Бхагаван начал жить на Горе. До этого времени он постоянно находился в каком-нибудь храме или святыне. Лишь к концу 1898 года он избрал своим местопребыванием маленький Храм в Павалаккунру, освященный столетия назад присутствием великого святого Гаутамы Риши, где и был найден матерью. Он никогда больше не покидал Аруначалы. В начале следующего года Махарши перешел в пещеру на самой Горе и после этого оставался в той или иной пещере, пока в 1922 году не спустился к подножию Горы. Здесь вырос нынешний Ашрам, и здесь он провел остаток своих лет на земле.

Находясь на Горе, он жил почти все время на юго-восточном склоне. Ашрам расположен с юга, как раз около *мантапама* (каменного холла) Дакшинамурти. «Обращенный лицом на юг» — одно из 108 Имен Бхагавана, которые сейчас распеваются ежедневно над его могилой. Это имя символизирует духовный авторитет в целом, так как *Садгуру* — Полюс, вокруг которого вращается мир, но оно является, в частности, именем Дакшинамурти. Дакшинамурти — это Шива, наставляющий в Молчании. В стихе, процитированном в начале этой главы, Шри Бхагаван отождествляет Аруначалу с Дакшинамурти; в следующем стихе он говорит о Рамане и Аруначале как об одном:

«В тайниках лотосоподобных сердец всех,
начиная с Вишну,
Сияет как Абсолютное Сознание *Параматман*
(Высочайший Дух),

Кто есть то же самое, что и Аруначала или Рамана.

Когда ум тает от любви к Нему и достигает глубочайшего тайника Сердца,
Где Он пребывает как возлюбленный,
Тонкий глаз Абсолютного Сознания открывается
И Он обнаруживает Себя как чистое Знание».

Первая пещера, в которую пришел Шри Бхагаван и где он оставался дольше всего, находится на юго-восточном склоне. Ее называют Вирупакша — по имени святого, жившего там, возможно, в XIII столетии и захороненного там во внутренней нише. По форме пещера необычайно напоминает священное односложное слово *ОМ*, и говорят, что сам звук *ОМ* можно услышать внутри.

Первый известный снимок Махарши (1900)

«Брахмана Свами», 21 год

Попечители *матха* (святые) Вирупакши в городе имели также право собственности на пещеру и привыкли взимать небольшую плату с паломников, ежегодно посещавших ее на празднество Картикай. Когда Шри Бхагаван пришел туда, эта практика временно прекратилась, потому что две стороны оспаривали право собственности и между ними ожидалась тяжба. Когда дело разрешилось, удачливая сторона возобновила сбор платы, но к тому времени поток посетителей стал гораздо больше и был непрерывным в течение года, а не только в Картикай; и

поскольку именно присутствие Шри Бхагавана привлекало их, то плата стала, в результате, некой пошлиной за доступ к нему. В знак неодобрения этого он вышел из пещеры на плоский лоскуток земли перед ней и сидел там под тенью дерева. Вслед за тем и сборщик переместил внешнюю границу платного доступа, чтобы она включала также и дерево. Поэтому Шри Бхагаван ушел оттуда в пещеру Садгурусвами, ниже, а затем, после короткой остановки там, в другую пещеру. Поток посетителей к пещере Вирупакша прекратился, и ее владельцы, убедившись что только побеспокоили Свами без всякой пользы для себя, попросили его возвратиться, ручаясь не брать платы, пока он занимает пещеру. При этом условии Махарши вернулся.

В летние месяцы в пещере Вирупакша становится невыносимо жарко. У подножия Горы, рядом с водоемом Мулайпал Тиртха, есть более прохладная пещера, имеющая также и запасы чистой воды для питья. Над ней стоит тенистое манговое дерево, от которого и пошло название — Манго-пещера. Два брата, почитатели Шри Бхагавана, взрывом оторвали нависающую скалу и построили перед пещерой стену с дверью. Махарши занимал Манго-пещеру в жаркие месяцы.

В 1900 году, вскоре после того как Шри Бхагаван ушел жить на Гору, почитатель по имени Налла Пиллай из Кумбакконама прибыл в Тируваннамалай и сделал его фотографию, самый ранний портрет, которым мы располагаем. Это лицо красивого юноши, почти ребенка, но с силой и глубиной Бхагавана.

В ранние годы жизни на горе Шри Бхагаван еще сохранял молчание. Сияние Махарши уже собрало вокруг него группу преданных, и Ашрам начал жить. Притягивались не только искатели Истины, но и простые люди, дети, даже животные. Малыши из города обычно карабкались по горе к пещере Вирупакша, сидели около него, играли вокруг него и уходили обратно счастливые. Белки и обезьяны поднимались к нему и ели из его руки.

Время от времени Шри Бхагаван писал разъяснения или наставления для своих учеников, а то, что он не говорил, в действительности не препятствовало их обучению, так как и тогда и позднее, когда Махарши возобновил речь, подлинное поучение передавалось Молчанием, в традиции Дакшинамурти, традиции, иллюстрированной в Китае примером Лао Цзы и ранних даоистских Мудрецов. «То Дао, которое может быть поименовано, не есть Дао» — знание, которое может быть сформулировано, не есть истинное Знание. Это безмолвное обучение было прямым духовным воздействием, которое ум поглощал, а позже истолковывал согласно своим способностям. Первый европейский посетитель так описал это:

«Достигнув пещеры, мы сели перед ним, у его стоп, и не говорили ничего. Так продолжалось длительное время, и я чувствовал необычайное воодушевление. Полчаса я смотрел в глаза Махарши, которые никогда не изменяли своего выражения глубокого созерцания. Я начал осознавать, что его тело — Храм Святого Духа; я мог чувствовать только, что оно не было человеческим: это был инструмент Бога, просто сидящее бездвижное тело, из которого Бог излучался с громадной силой. Мои собственные чувства были неопишутельны»¹.

Другой европеец, Поль Брантон, прибывший к Махарши скорее скептиком, чем сторонником, дал следующий отчет о первом воздействии Безмолвия Шри Бхагавана на его ум.

«Я издавна считал, что все содержание души человека можно прочесть в его глазах. Но перед очами Махарши я колебался, недоумевал и был поставлен в тупик...

Я не могу отвести свой пристальный взгляд от него. Мое первоначальное замешательство, мое недоумение, полностью игнорируется, медленно угасает, в то время как это странное очарование начинает захватывать меня все более крепко. Еще не прошло и часа такого необыкновенного зрелища, когда я начинаю сознавать безмолвное, непреодолимое изменение внутри своего ума. Вопросы, которые я подготовил в поезде с такой педантичной тщательностью, уходят один за другим. Ибо сейчас кажется неважным, будут они заданы или нет,

и не имеет значения, решу ли я проблемы, прежде беспокоившие меня. Я знаю только, что непоколебимая река Покоя кажется текущей близ меня, что великий Мир пронизывает внутреннее пространства моего существа и что мой измученный мыслями ум начинает получать какую-то передышку».

Милость Бхагавана приносила Мир не только беспокойному уму интеллектуала, но также и пораженному горем сердцу. Эчамма, как ее прозвали в Ашраме (ее прежнее имя — Лакшмиamma), была счастливой женой и матерью, живя в деревне Мандаколатур, но перед своим двадцатипятилетием она потеряла сначала мужа, затем единственного сына, а потом и единственную дочь. Ошеломленная тяжелыми утратами, измученная воспоминаниями, она не могла найти покоя. Она больше была не в состоянии переносить место, где была счастлива, людей, среди которых была счастлива. Думая, что это поможет ей забыться, она поехала в Гокарнам, штат Бомбей, служить там святым людям, но возвратилась такой же убитой горем, как и при отъезде. Какие-то друзья рассказали ей о юном Свами в Тируваннамалае, приносящем Мир тем, кто ищет. Она сразу отправилась. У Эчаммы были родственники в этом городе, но она не пошла к ним, так как сама встреча могла вернуть ее горькие воспоминания. С одним из друзей она вскарабкалась по горе к Свами и села перед ним в молчании, не изливая свое горе. В этом не было нужды. Сострадание, сияющее в его глазах, было целительным. Весь час она сидела, не говоря ни слова, а затем поднялась и начала спускаться по склону в город. Ее шаги стали легкими, а бремя печали развеялось.

После этого она посещала Свами ежедневно. Он был солнцем, рассеявшим ее тучи. Эчамма сейчас могла даже вспоминать своих любимых без горечи. Она провела остаток жизни в Тируваннамалае. Она смогла обзавестись там маленьким домом (отец оставил ей немного денег и братья выручали), и многие преданные, посещающие Ашрам, пользовались ее гостеприимством. Она ежедневно готовила пищу для Шри Бхагавана, что означало — для целого Ашрама, так как он обычно не принимал ничего, что нельзя было разделить поровну между всеми. Пока позволял возраст и состояние здоровья, она сама поднималась с пищей по горному склону и никогда не ела раньше, чем обслужит ашрамитов. Поскольку их количество росло, ее вклад стал только маленькой добавкой к общей еде, но если Эчамма когда-либо задерживалась, Шри Бхагаван обычно ждал, пока она придет, чтобы не расстраивать преданную.

Со всем горем, через которое прошла, и внутренним Миром, который отыскала, в ней было еще достаточно материнства, чтобы привязаться к кому-то снова, и она взяла приемную дочь, не без позволения Шри Бхагавана. Когда подошло время, Эчамма устроила ей замужество и порадовалась рождению внука, которого назвала Рамана. И после этого однажды, совершенно неподготовленная, она получила телеграмму о смерти своей приемной дочери. Старое горе обрушилось на нее снова. Она понеслась на Гору, к Шри Бхагавану, с телеграммой. Он прочел ее со слезами на глазах, и Эчамма, облегчившая боль, но все еще печальная, отправилась на похороны. Она вернулась с малышом Раманой и положила его на руки Шри Рамане. На его глазах опять были слезы, когда он держал ребенка, и сострадание Шри Бхагавана принесло ей Мир.

Эчамма практиковала йогическую концентрацию, в которую ее посвятил один Гуру из Северной Индии. Обычно она фиксировала пристальный взгляд на кончике носа и сидела иногда часами, неподвижно, забывая тело, в экстатическом созерцании света, появлявшегося перед ней. Шри Бхагавану рассказали об этом, но он промолчал. В конце концов она сама рассказала ему, и Махарши отсоветовал заниматься такой практикой. «Те сияния, что вы видите вне себя, не являются вашей подлинной целью. Вам следует стремиться к реализации Атмана, а не к чему-либо ниже Его». После этого она прекратила применять старые методы практики и возложила все свои надежды только на Шри Бхагавана.

Однажды некий Шастри из Северной Индии беседовал со Шри Бхагаваном в пещере

Вирупакша, когда появилась Эчамма с пищей, по виду возбужденная и вся дрожащая. Ее спросили, в чем дело, и она рассказала, что, проходя мимо пещеры Садгурусвами, подумала, будто Шри Бхагаван и какой-то незнакомец стоят около тропинки. Она продолжала путь, но услышала голос: «Зачем идти дальше, когда я здесь?» Эчамма оглянулась, но там никого не было. Она в страхе поспешила в Ашрам.

«Что, Свами! — воскликнул Шастри.— Во время беседы здесь со мной Вы проявляетесь этой госпоже на ее пути сюда, а не выказываете никакого такого знака Милости мне». И Шри Бхагаван разъяснил, что видения Эчаммы были вызваны ее постоянной концентрацией на нем.

Она ни в коем случае не была единственной, кто имел видения Шри Бхагавана, хотя я не знаю другого случая, когда видение вызвало страх. Годами позднее один посетитель с Запада, пожилой джентльмен, пришел в Ашрам у подножия Горы. После обеда он отправился обследовать Гору, но постепенно сбился с дороги. Утомленный жарой и физическим напряжением, не зная куда идти, он был в отчаянном положении, но Шри Бхагаван проходил мимо и показал обратную дорогу в Ашрам. Там люди уже волновались, когда ушедший после обеда вернется, и спросили его, что случилось. «Только я вышел прогуливаться на Гору, — рассказал тот, — как заблудился. Жара и нагрузка оказались непосильными для меня, и я был в плохом состоянии. Я не знаю, что я бы делал, если бы не то обстоятельство, что Бхагавану случилось идти той же дорогой, и он указал мне путь в Ашрам». И все были изумлены, потому что Бхагаван в этот день вообще не покидал Старый Холл.

Рудра Радж Панде, директор колледжа Три-Чадра в Катманду, Непал, перед тем как покинуть Тируваннамалай, отправился с другом на богослужение в Великий Храм города.

«Ворота внутреннего храма были распахнуты, и мой гид ввел нас в его сердцевину, где было довольно темно. Язычок пламени небольшого масляного фитиля трепетал в нескольких ярдах перед нами. Все мое внимание направлено к одной цели — увидеть Образ, или *лингам* (который символизирует Высочайшего Господа, вечного и непроявленного), в *Sanctum Sanctorum* *. Но, удивительно это говорить, вместо *лингама* я вижу образ Махарши, Бхагавана Шри Раманы, его улыбающееся лицо, его сверкающие глаза, устремленные на меня. И еще более странно, что я вижу не одного Махарши, не двух, не трех — в сотнях я вижу ту же улыбку, те же блестящие глаза, я вижу их везде, куда бы ни посмотрел в этом *Sanctum Sanctorum*. Мои глаза схватывают не всю фигуру Махарши, но только улыбающееся лицо выше подбородка. Я в восторге и вне себя от невыразимой радости — как можно описать словами блаженство и тишину ума, что я тогда чувствовал? Слезы радости текли по моим щекам. Я пошел в Храм увидеть Господа Аруначалу, а нашел живого Господа как Он милостиво показал Себя. Я никогда не смогу забыть глубокое сокровенное переживание, которое имел в этом древнем храме»¹.

Тем не менее Шри Бхагаван никогда не поощрял интерес к видениям или желанию их, и они приходили не ко всем почитателям или ученикам.

Одним из наиболее преданных приверженцев Шри Бхагавана в это время был Сешадрисвами, тот самый Сешадри, который отгонял мальчишек, когда Венкатараман впервые пришел в Тируваннамалай. Теперь он жил на Горе, чуть ниже пещеры Вирупакша, и часто посещал ее. Он достиг высокого духовного состояния, имел изящество и красоту, которые видны на его уце-

Шри Сешадри Свами

левших изображениях. В нем было что-то птицеподобное и отчужденное. Сешадри редко был доступен; он говорил не всегда, а когда говорил, речь его часто была загадочна. Он оставил дом в семнадцатилетнем возрасте, получил посвящение в *мантры* (священные формулы) и *джану* (заклинания), что развивают оккультные силы, и иногда бодрствовал всю ночь на кладбище, призывая *шакти* (творческую энергию).

Сешадри не только всегда советовал почитателям ходить к Раманасвами, как он называл его, но при случае отождествлял себя с ним. Он мог читать мысли, и если Шри Бхагаван до этого что-то сказал преданному, он говорил: «Я сказал вам то-то и то-то, почему вы снова спрашиваете? Почему вы не делаете это?» Он очень редко посвящал в какую-либо *мантру*, а если проситель уже был почитателем Рамасвами, то обычно всегда отказывал, предлагая тому оставаться там, где была высочайшая *упадеша*, безмолвное руководство.

В одном редком случае он фактически убедил преданного предпринять активную *садхану*, поиск Просветления. Это был некий Субраманья Мудали, который вместе с женой и матерью тратил большую часть своего дохода, занимаясь приготовлением пищи для *садху*, отрекшихся от мира. Подобно Эчамме они ежедневно носили пищу Шри Бхагавану и Ашраму, и Сешадрисвами тоже, когда могли найти его, но Субраманья одновременно был и землевладельцем, втянутым в судебный процесс, где пытался увеличить свою собственность. Сешадрисвами, огорченный тем, что настолько преданный человек так привязан, посоветовал ему оставить подобные тревоги и посвятить себя полностью служению Богу, устремиться к духовному развитию. «Вы видите, — сказал он, — мой младший брат имеет доход 10 тысяч рупий, а я — тысячу. Почему бы вам не попытаться получить доход по крайней мере в сто рупий?» «Младшим братом» был Рамасвами, а «доходом» — духовное достижение. Когда Субраманья все еще держался за свое, Сешадрисвами проявил настойчивость и предупредил его, что тот совершает смертный грех убийства *Брахмана*. Больше веря Шри Бхагавану, Субраманья спросил его, правда ли это, и Шри Бхагаван растолковал: «Да, можно сказать, что вы совершаете убийство *Брахмана*, если не осознаёте, что вы — *Брахман*».

Сешадрисвами однажды сидел в пещере Манго, глядя в упор на Шри Бхагавана, чтобы прочесть его мысли; но ум Шри Бхагавана, погруженный в спокойствие Духа, не показывал и намек на мысль, поэтому Сешадри расстроился и сказал:

— Не ясно, что этот человек думает.

Шри Бхагаван оставался безмолвным. После паузы Сешадрисвами добавил:

— Если почитать Господа Аруначалу, то спасение обеспечено.

И тогда Бхагаван спросил:

— Кто почитает и кто почитаемый?

Сешадрисвами разразился смехом:

— Как раз это и не ясно.

Тогда Шри Бхагаван подробно разъяснил ему доктрину Единого Атмана, Единого Я, проявленного во всех формах вселенной, и все же непроявленного и полностью не затрагиваемого проявлением, единственной Реальности и истинного Я того, кто почитает. Сешадрисвами слушал терпеливо, а в конце поднялся и сказал:

— Я не могу говорить. Для меня все это — темный лес. Во всяком случае я — почитатель.

Сказав так, он повернулся к гребню Горы, простерся перед ней снова и снова, а затем ушел.

И однако Сешадрисвами также время от времени говорил с точки зрения Единства, рассматривая все вещи как проявления Духа, но независимо от точки зрения его речь сопровождалась сдержанным, приводящим в замешательство юмором. Однажды некто Нараяна свами встретил его стоящим, пристально рассматривающим буйвола и спросил:

— На что Свами смотрит?

— Я смотрю на это.

— Свами смотрит на буйвола? — настаивал Нараяна.

И тогда, указывая на животное, Сешадрисвами приказал ему:

— Скажи мне, что это такое.

— Это буйвол, — простодушно ответил Нараяна, после чего Сешадрисвами взорвался:

— Это буйвол? Буйвол? Сам ты буйвол! Зови это *Брахманом!*

Сказав так, он повернулся и ушел.

Сешадрисвами умер в январе 1929 года. Как это принято в случае Святого, его тело было захоронено, а не кремировано. Шри Бхагаван стоял, молчаливо наблюдая. Сешадрисвами до сих пор почитаем в Тируваннамалае, а в годовщину смерти поклонники проносят его изображение в шествии через город.

В течение первых лет, проведенных Шри Бхагаваном на Горе, постепенно развивался процесс его возвращения к внешней активности. Он начал прогуливаться и обследовать Гору, читать книги и писать их толкования. Некий Падманабха Свами, известный также как Джатай Свами благодаря своим спутанным волосам, имел ашрам на Горе и держал там некоторое количество санскритских книг по духовному знанию и прикладным наукам с духовной основой, таким, как *аюрведа* (традиционная индусская медицина). Шри Бхагаван посещал его и просматривал книги, мгновенно овладевая содержанием и так фиксируя в памяти, что мог не только повторить текст, но дать ссылку на номер главы и стиха. Падманабха Свами часто обращался к Махарши как к авторитету при обсуждении какого-либо пункта доктрины.

В *Пуранах* говорится, что на северном склоне Аруначалы, около вершины, *Сиддха* Пуруша (Мудрец со сверхобычными силами), известный как йогин Арунагири, сидит под деревом баньяна, в почти недоступном месте, наставляя Молчанием. В Великом Храме Тируваннамалае есть святыня, или *мантапам*, посвященная ему. История, рассказанная *Пуранами*, дает понять, что Милость Аруначалы, руководящая людьми посредством *мауна дикши* (безмолвного посвящения) на пути Само-исследования к Освобождению, будучи всегда мощной, стала недоступной людям в этот духовно темный век. Однако символическое значение этой истории не делает ее менее истинной в буквальном смысле. Однажды, около 1906 года, Шри Бхагаван бродил по северному склону Горы, когда в высохшем ручье он заметил громадный лист баньяна, достаточно большой, чтобы при еде класть на него пищу. Предполагая, что лист, должно быть, занесен сверху водой, и желая увидеть дерево с такими листьями, он отправился, уже по другому случаю, взбираться вдоль ручья вверх по склону. Преодолев крутые и трудные части горы, он

достиг места, откуда мог видеть большую плоскую скалу и на ней — дерево баньяна, которое искал, громадное и темно-зеленое. Он изумился, увидев такое дерево растущим словно из голой скалы. Махарши продолжал карабкаться выше, но, когда был уже совсем близко, потревожил ногой осиное гнездо. Осы разгневались и атаковали обидевшую их ногу в ярости мщения. Шри Бхагаван стоял неподвижно до тех пор, пока они не закончили, покорно принимая справедливое наказание за разрушение их дома; но он воспринял случившееся как знак не двигаться дальше и поэтому возвратился в пещеру. Преданные уже беспокоились его столь долгим отсутствием. Когда они увидели Махарши, то испугались за состояние ноги, воспаленной и распухшей. Потом он указал на местоположение почти недоступного баньянового дерева, но сам никогда вновь не пытался добраться до него и отговаривал любого из его преданных, желавших сделать это.

Группа почитателей, и среди них англичанин Томсон, однажды решила все-таки обнаружить его. Какое-то время преданные карабкались вверх довольно беспечно, а потом оказались в таком рискованном положении, когда не могли ни продолжать движение, ни спуститься вниз. Они взмолились Бхагавану о помощи и кое-как возвратились в Ашрам благополучно. Новых попыток эта группа не делала никогда. Другие — пытались, но всегда без успеха.

Даже хотя Шри Бхагаван мог не одобрить какое-то действие, он очень редко явно запрещал его. Понимание приемлемого и неприемлемого, подходящего и неподходящего должно было прийти изнутри. В данном случае было ясно, что для преданных неприемлема попытка достичь то, от чего их Учитель воздержался.

Было время, когда Шри Бхагаван часто бродил по Горе, а также взбирался на вершину и делал *прадакшину* (круговой обход), так что он знал каждую часть ее. И вот однажды, когда Махарши скитался один, он обогнал какую-то старуху, собиравшую хворост на горном склоне. Она выглядела словно обычная внекастовая * женщина, но обратилась к юному Свами безбоязненно, как к равному. Начав с грубого ругательства, обычного для людей такого сорта, она сказала: «Тебе не терпится попасть на погребальный костер! Почему ты бродишь при таком сжигающем солнце, как сейчас? Почему тебе не посидеть спокойно?»

«Это не могла быть обыкновенная женщина, — сказал Шри Бхагаван, когда рассказывал об этом, вернувшись, преданным, — Кто знает, кто она?» Конечно, обыкновенная внекастовая женщина не отважилась бы говорить со Свами подобным образом. Почитатели восприняли ее как проявление *Сиддхи* Арунагири, Духа Аруначалы. С того времени Шри Бхагаван бросил странствовать по склонам Горы.

Когда Шри Бхагаван впервые прибыл в Тируваннамалай, он иногда передвигался с места на место в состоянии транса, как уже описано выше. Это не прекращалось целиком где-то до 1912 года, когда у Махарши было окончательное и полное переживание смерти. Как-то утром он отправился из пещеры Вирупакша в Пачайямман Койл **, сопровождаемый Паланисвами, Васудэвой Шастри и другими. Шри Бхагаван искупался там и на обратном пути был уже около Черепашьей скалы, когда внезапная физическая слабость охватила его. Впоследствии он подробно описал это.

«Ландшафт передо мной исчез, словно закрытый блестящей белой занавеской, протянутой в поле зрения. Я мог отчетливо наблюдать этот постепенный процесс. Сначала была стадия, когда я мог еще ясно видеть часть ландшафта, в то время как остальное было скрыто продвигающейся вперед занавеской. Это в точности напоминало протягивание слайда в стереоскопе через поле зрения наблюдателя. Переживая это, я остановился, чтобы не упасть, а когда прояснилось, продолжал идти. Когда темнота и слабость овладели мной во второй раз, я прислонился к скале, пока вновь не прояснилось. При третьем приступе я почувствовал, что безопаснее сидеть, а поэтому сел у скалы. В то время блестящая белая занавеска полностью отключила мое зрение, голова кружилась, кровообращение и дыхание остановились. Кожа стала мертвенно синей. Это

был нормальный цвет для умершего, становившийся темнее и темнее. Васудэва Шаштри действительно принял меня за мертвеца, подхватил на руки и начал громко рыдать и сокрушаться о моей смерти.

Я мог ясно ощущать его объятия и дрожь, слышать слова плача и понимать их смысл. Я также видел изменение цвета моей кожи, чувствовал остановку кровообращения, дыхания и нарастающий холод в конечностях. Мой обычный ход сознания все еще продолжался и в этом состоянии тоже. Я ничуть не испугался и нисколько не печалился о положении тела. Я сидел у скалы в своей обычной позе, закрыв глаза и не опираясь о скалу. Тело, оставленное без циркуляции крови и дыхания, все еще сохраняло это положение. Такое состояние продолжалось около десяти или пятнадцати минут. Затем тело внезапно содрогнулось, и кровообращение возобновилось с громадной силой, и дыхание также, пот выступил повсюду. На коже снова появился цвет жизни. Тогда я открыл глаза, поднялся и сказал: „Давайте пойдем”. Мы достигли пещеры Вирупакша без дополнительных хлопот. Это был единственный приступ, где у меня остановились как дыхание, так и кровообращение».

Позднее, чтобы исправить ошибочные мнения, которые уже начали распространяться, Махарши добавил:

«Я не вызывал этот приступ нарочно, не желал видеть, что это тело будет выглядеть, словно после смерти, и не говорил, что не оставлю это тело без предупреждения других. Это был один из тех приступов, которые случались со мной изредка, только на этот раз он принял очень серьезную форму».

Самым поразительным, возможно, в этом переживании является то, что это была повторная демонстрация, усиленная действительным физическим доказательством, той несомненной способности проходить через смерть, которая составила основу духовного пробуждения Шри Бхагавана. Здесь вспоминается стих Таюманавара, классика тамильской поэзии, которого Шри Бхагаван часто цитировал: «Когда берет верх обширное Расширение, без начала, конца или середины, имеется осознание недвойственного Блаженства».

Может быть, это переживание отмечало окончательное возвращение Шри Бхагавана к полной внешней нормальности. Трудно передать какое-либо впечатление о том, насколько в своем образе жизни он был нормален или как соответствовал тому, что свойственно человеку, но, однако, это необходимо сделать, ибо описание его предшествующей аскёзы могло представить Махарши мрачным и непривлекательным. Наоборот, его манеры были естественны и совершенно свободны, и новый посетитель сразу чувствовал его непринужденность на себе. Его разговор искрился юмором, а смех Шри Бхагавана был настолько заразителен, столь подобен смеху ребенка, что даже те, кто не понимал языка, обычно присоединялись к нему. Всё у него или у Ашрама было чистым и опрятным. Когда был создан постоянный Ашрам, жизнь в нем следовала расписанию так же строго, как и работа в конторе. Часы ходили с точностью до минуты, календари были самыми современными. И ничего не тратилось впустую. Я видел слугу, получившего выговор за то, что он взял новый лист бумаги для переплетения книги, когда кто-то уже занимался ею. И с пищей так же: ни грамма не оставалось на листе-тарелке Махарши, когда он заканчивал еду. Овощная кожура сохранялась для крупного рогатого скота, не выбрасывалась.

Шри Бхагавану были присущи непосредственная простота и скромность. Одна из немногих вещей, вызывавших его гнев, заключалась в том, что разносчики пищи давали ему больше какого-нибудь деликатеса, чем другим. Ему не нравилось, что люди встают при его входе в Старый Холл, и обычно коротким жестом он просил их оставаться сидеть. Как-то в полдень Шри Бхагаван медленно спускался по склону холма к Ашраму — высокий, золотистого оттенка, уже седой, хрупкий, немного сутулящийся и тяжело опирающийся, из-за ревматизма, на посох, — со своим низкорослым, смуглым слугой. Один из преданных подходил сзади, и поэтому он

остановился на краю дороги, говоря: «Вы моложе и идете быстрее; вам идти первому». Небольшое учтливое действие, но столь многозначительное, когда направлено от Учителя к ученику.

Такое перечисление можно продолжать бесконечно. Некоторые из упомянутых черт Махарши как человека будут обсуждены более подходящим способом позднее, но сейчас, упоминая о полном возвращении его к нормальному образу жизни, необходимо показать, каким нормальным, каким интенсивно человеческим и каким милосердным этот образ жизни был.

Глава 7

Непротивление

Непротивление злу насилием может показаться невыполнимым в государственной религии, поскольку каждая страна должна иметь свои суды и полицию, а также (по крайней мере, в современных условиях) свою армию. Обычно религия имеет два уровня обязательств: минимальный — распространяющийся на всех, кто придерживается ее, и на страны, где она учреждена, и полный — для тех, кто посвятил свои жизни следованию проложенному Пути, рассматривая, в поиске Счастья, все мирские выгоды как пустяк. Именно лишь в этом, втором и высшем смысле, Шри Бхагаван предложил Путь, а поэтому себе и своим последователям он мог сказать: «Не противьтесь злу». То, что Махарши провозгласил, не было социальным законом для какой-то целой местности, сообщества, но это был путь жизни тех, кто следовал ему. Подобное возможно только для подчинившихся Воле Бога и принимающих все, что бы ни случилось, как правильное и необходимое, даже хотя оно может оказаться несчастьем с точки зрения мирских стандартов. Шри Бхагаван однажды сказал преданному: «Вы благодарите Бога за то доброе, что приходит к вам, но не благодарите Его за то, что кажется вам плохим; здесь вы ошибаетесь».

Можно возразить, что эта простая вера сильно отличается от доктрины Единственности, которой учил Шри Бхагаван, но такие теории могут конфликтовать лишь на ментальном уровне. Он говорил: «Подчинение Богу, Гуру или Атману — это все, что необходимо». Как будет показано в следующей главе, эти три вида подчинения в действительности не различаются. Здесь достаточно сказать, что для того, кто может придерживаться взгляда на Единый Атман как на единственно существующее, вся внешняя деятельность кажется сном или кинофильмом, идущим на экране Атмана, и поэтому он останется бесстрастным свидетелем. Такова была позиция Шри Бхагавана в тех немногих случаях, когда угрожали зло или назойливость.

На дворе Гурумуртама стояли тамариндовые деревья, и когда он жил там, по временам сидел под одним из них. Однажды никого вокруг не было, пришла компания, чтобы украсть спелые стручки тамаринда. Видя юного Свами, безмолвно сидящего под деревом, один из них сказал: «Выжмем немного кислого сока и плеснем ему в глаза; давайте посмотрим, не заставит ли это его заговорить». Кислый сок может ослепить человека, не говоря уже о сильной боли, которую он вызывает, но Свами сидел неподвижно, равно беззаботный в отношении своих глаз и в отношении плодов тамаринда. Другой вор ответил: «О, не стоит беспокоиться о нем! Какой вред он может принести? Давайте справимся со своим делом».

В течение первых лет жизни на Горе время от времени случались и вмешательства, и противодействие. В странном мире *садху*, где некоторые были просто обманщиками, а некоторые прилагали усилия на духовном пути и развивали сверхъестественные силы, не выжигая своих низших страстей, следовало ожидать, что сияние Божественности, которое почитатели признали в столь юном годах человеке, пробудит в немногих чувство обиды, хотя большинство уже преклонилось и искало его Милости.

В одной из пещер на Горе обитал пожилой *садху*. Он выказывал большое почтение Шри Бхагавану в то время, когда тот находился в Гурумуртаме. После перехода в пещеру Вирупакша

Шри Бхагаван иногда посещал его и сидел в молчании. Этот *садху* вел жизнь аскета и имел последователей. Тем не менее он был столь далек от победы над человеческими страстями, что не мог терпеливо смотреть, как растет число последователей юного Свами и уменьшается количество его собственных. Решив убить Шри Бхагавана или, испугав, заставить его уйти с Горы, завистник укрылся на склоне выше пещеры Вирупакша и после захода солнца начал сталкивать вниз горную породу и камни. Шри Бхагаван сидел невозмутимо, хотя один камень прошел совсем близко от него. Всегда наблюдательный, он хорошо знал, что случилось, и в какой-то подходящий момент быстро и бесшумно вскарабкался по склону, застав старика на месте преступления. Даже тогда последний пытался отделаться смехом, выдавая свое поведение за шутку.

Потерпев неудачу в этой попытке, *садху* заручился поддержкой Балананды, негодяя, умеющего внушать доверие, красивого и начитанного, который навязывался людям под маской *садху*. Этот тип решил заработать и деньги, и престиж на Шри Бхагаване. Правильно полагая, что юный Свами будет слишком свят, чтобы сопротивляться злу, он начал представляться как его Гуру. Он говорил посетителям: «Этот юный Свами — мой ученик» или: «Да, дайте ребенку немного сладостей», а Шри Бхагавану: «Здесь, Венкатараман, дитя мое, возьми сладости». Или он поддерживал фарс, отправляясь в город покупать вещи для своего так называемого ученика. Такова была его наглость, что он мог сказать прямо Бхагавану, когда был наедине с ним: «Я скажу, что я — твой Гуру, и получу деньги с посетителей. Ты ничего не теряешь, а потому не отвергай меня».

Самонадеянность и наступательность этого человека не знали границ, и однажды ночью он позволил себе даже испражняться на веранде пещеры. На следующее утро он ушел рано, оставив свои запасные одежды, некоторые из них — шелковые, с кружевной обшивкой, в пещере. Шри Бхагаван ничего не сказал. В то утро вместе с Паланисвами он отправился в длительную прогулку к одному из священных водоемов, а прежде чем уйти, Паланисвами помыл веранду, выбросил одежды Балананды и закрыл пещеру на замок.

Балананда был в ярости, когда вернулся. Он кричал на Паланисвами за то, что тот посмел прикоснуться к одеждем, и приказал Шри Бхагавану немедленно прогнать его. Ответа не последовало, никто не обратил на крик внимания. В бешенстве Балананда плюнул на Шри Бхагавана. Даже тогда Шри Бхагаван сидел невозмутимо. Ученики, которые были с ним, тоже сидели спокойно, не реагируя. Однако какой-то почитатель из пещеры, расположенной чуть ниже, услышал об этом, бросился наверх с возгласом: «Ты! Ты осмелился плюнуть на нашего Свами!», и его едва смогли удержать от нападения на мошенника. Балананда понял, что зашел дальше, чем позволяла его безопасность, и лучше будет покинуть Тируваннамалай. Он объявил Гору неподходящим местом и отбыл со своей обычной самонадеянностью. Добравшись до железнодорожной станции, он зашел в купе второго класса без билета. В этом же купе сидела молодая пара. Балананда начал читать нотацию юноше и командовать им, а когда последний оставил это без внимания, обиделся и сказал: «Что! Ты не слушаешь меня? Из-за своего увлечения этой девушкой ты не выказываешь мне должного уважения». После этого рассерженный молодой человек снял свою сандалию, чтобы задать Балананде взбучку, в которой тот давно нуждался.

Через несколько месяцев Балананда вернулся и снова заработал себе неприятность. По какому-то случаю он добился согласия Шри Бхагавана и сел перед ним, глядя прямо в глаза, чтобы, как утверждал Балананда, дать ему *нирвикальна самадхи* (духовный транс), но случилось так, что он заснул сам, а Шри Бхагаван с учениками поднялся и ушел. Вскоре после этого общее отношение к Балананде стало таким, что он снова счел более безопасным уехать.

Был и другой «садху», который тоже пытался добыть престиж, выдавая себя за Гуру юного

Свами. Возвратившись из Калахасты *, он сказал:

— Я проделал весь этот путь только для того, чтобы посмотреть, как ты продвигаешься вперед. Я посвящу тебя в *мантру* Даттатреи.

Шри Бхагаван не двигался и не отвечал, и поэтому тот продолжил:

— Бог явился мне во сне и приказал дать тебе эту *упадешу*.

— Тогда ладно, — находчиво парировал Шри Бхагаван, — пусть Бог мне тоже явится во сне и прикажет взять эту *упадешу*, и я приму ее.

— Нет, она очень короткая — просто несколько букв; ты можешь начать сейчас.

— Какая польза будет мне от вашей *упадешу*, если я не практикую *джану* (повторение Имени)? Найдите для этого подходящего ученика. Я не таков.

Немного позднее, когда этот *садху* находился в медитации, видение Шри Бхагавана появилось перед ним и сказало: «Не обманывайся!» Испуганный, думая, что Шри Бхагаван должен владеть силами, которые использует против него, *садху* поспешил в Вирупакшу извиняться и умолял освободить его от видения. Шри Бхагаван заверил, что он не использовал сил, и *садху* понял, что тут не было гнева или мести.

Другая такая попытка вмешательства была предпринята группой пьяных *садху*. Появившись однажды в пещере Вирупакша, они торжественно объявили: «Мы — *садху* с холма Подикай, священного холма, на котором древний Мудрец Агастья все еще совершает *тапас* (практику аскёзы), продолжающийся уже тысячи лет. Он приказал нам забрать вас сначала на Конференцию *Сиддхов* в Шрирангам, а оттуда — в Подикай, чтобы дать вам правильную *дикушу* (посвящение) после удаления из вашего тела солей, препятствующих достижению высших сил».

Как и во всех таких случаях, Шри Бхагаван не ответил. Однако на этот раз один из его преданных, Перумалсвами, взял обманщиков на пушку. Он сказал: «Мы уже получили сообщение о вашем прибытии и уполномочены поместить ваши тела в тигли, а тигли нагревать на огне». И, повернувшись к другому почитателю, приказал: «Иди и копай яму, где мы сможем развести огонь для этих людей». Визитеры второпях удалились.

В 1924 году, когда Шри Бхагаван жил уже в нынешнем Ашраме у подножия Горы, какие-то воры вломились в сарай, в котором тогда помещалась могила его матери, и унесли несколько предметов. Через пару недель трое воров ограбили и сам Ашрам.

Это было 26 июня, около половины одиннадцатого вечера. Ночь стояла темная. Шри Бхагаван уже отдыхал на возвышении в холле, расположенном перед могилой Матери. Четверо преданных спали на полу возле окон. Двое из них, Кунжусвами * и Мастан, первый — слуга, услышали, как кто-то снаружи сказал: «Шесть человек лежат внутри».

Кунжу прокричал: «Кто там?»

В ответ воры разбили окно, явно чтобы испугать находящихся внутри. Кунжусвами и Мастан встали и пошли к помосту, где сидел Бхагаван. Затем воры разбили окно и с этой стороны, но Шри Бхагаван оставался невозмутимым. Кунжусвами тогда вышел из холла через северную дверь, поскольку воры были на южной стороне, и привел на помощь Раманкришнасвами, преданного, что спал в другой хижине. Когда он открыл дверь, из холла выбежали две собаки Ашрама — Джек и Каруппан. Воры стали бить их, Джек убежал, а Каруппан, спасаясь, возвратился в холл.

Шри Бхагаван сказал грабителям, что здесь они могут взять для себя очень мало, но пригласил их войти и забрать то, что было. Или считая приглашение западней, или будучи слишком глупыми, чтобы отступить от заведенного порядка, они не обратили внимания на слова Махарши и продолжали выбивать оконные рамы, словно хотели войти таким способом (в Индии на окнах обычно ставят металлические решетки, чтобы защититься от непрошенных гостей). Разгневанный подобным бессмысленным разрушением, Рамакришнасвами попросил у Бхагавана

разрешения сразиться с ними, но Бхагаван запретил, говоря: «Они имеют свою *дхарму* (роль), а мы — нашу. Нам — терпеть и воздерживаться. Давайте не мешать им».

Хотя Шри Бхагаван пригласил их войти через дверь, грабители продолжали демонстрировать свои силовые методы. Они стреляли из хлопушек по окнам, создавая впечатление, что имеют огнестрельное оружие. Их снова попросили войти и взять желаемое, но они отвечали только угрозами. Тем временем Кунжусвами покинул холл и отправился в город за помощью. Рамакришнасвами снова обратился к ворам и сказал, чтобы они зря не беспокоились, но просто взяли, что хотят. Ответом была угроза поджечь соломенную крышу. Шри Бхагаван сказал ворам, что им не следует делать это, и предложил оставить им весь холл, после того как все выйдут оттуда. Они именно этого и хотели, возможно, еще опасаясь, что кто-то может напасть на них в то время, как они занимаются своей «работой». Шри Бхагаван сначала приказал Рамакришнасвами отнести собаку, Каруппана, в другой сарай — из опасения, что воры побьют его, если тот останется здесь. Потом он с тремя остальными — Мастаном, Тангавелу Пиллаем и Мунисами, мальчиком, совершавшим *пуджу*, или богослужение, в Ашраме, — вышел через северную дверь. Воры стояли у входа с палками и били выходящих, то ли надеясь искалечить их, то ли отпугнуть любую их мысль о сопротивлении. Шри Бхагаван, получив удар по левому бедру, сказал: «Если вы не удовлетворены, то можете ударить и по другой ноге также». Рамакришнасвами, однако, вовремя увернулся, чтобы избежать дальнейших ударов.

Шри Бхагаван и преданные сидели в соломенном сарае (позднее разрушенном), стоявшем к северу от холла. Воры кричали, чтобы они оставались там: «Если вы уйдете, мы разможем ваши головы!»

Шри Бхагаван ответил им: «Весь холл в вашем распоряжении; делайте, что вам нравится».

Один из воров явился и потребовал фонарь, и Рамакришнасвами, по указанию Шри Бхагавана, дал ему зажженную лампу. Снова пришел один из грабителей и спросил ключи от шкафа, но Кунжусвами унес их с собой, о чем вору и было сказано. Грабители взломали шкафы и нашли там несколько тонких полосок серебра для украшения святынь, несколько плодов манго, немного риса и денег — около десяти рупий. Сумму в шесть рупий, принадлежащую Тангавелу Пиллаю, тоже забрали.

Расстроенный столь маленьким уловом, один из воров вернулся и, размахивая палкой, закричал: «Где ваши деньги? Где вы их спрятали?»

«Мы — бедные *садху*, живущие на подаяние, и никогда не имеем наличных денег», — ответил ему Шри Бхагаван, и грабитель, несмотря на свое продолжающееся неистовство, должен был удовлетвориться этим.

Шри Бхагаван посоветовал Рамакришнасвами и остальным пойти и смазать полученные синяки.

«А Свами?» — спросил Рамакришнасвами.

Шри Бхагаван засмеялся и, каламбуя, ответил: «Я тоже получил замечательную *пуджу*», так как последнее слово может означать и «поклонение» и «удары».

Увидев на его бедре рубец, Рамакришнасвами почувствовал внезапный прилив гнева. Он поднял лежащий рядом железный брус и попросил разрешения пойти и посмотреть, что делают грабители, но Шри Бхагаван отсоветовал ему: «Мы — *садху*. Нам не следует оставлять нашу *дхарму*. Если вы пойдете и станете бить воров, то кто-нибудь может умереть, и в этом мир справедливо обвинит не их, а нас. Они только введенные в заблуждение люди, ослеплены неведением, так давайте заметим, что правильно, и будем упорствовать в этом. Если ваши зубы вдруг прикусят язык, то разве вы их за это выбиваете?»

Было два часа ночи, когда воры ушли. Немного позднее Кунжусвами вернулся с местным полицейским офицером и двумя полицейскими, констеблями. Шри Бхагаван все еще сидел в

сарае к северу от холла, говоря со своими почитателями о духовных предметах. Констебли спросили его о случившемся, и он просто заметил: «Какие-то глупые люди вломились в Ашрам и ушли, разочарованные тем, что не нашли ничего стоящего их усилий». Констебли записали это и ушли вместе с офицером. Мунисами побежал за ними и рассказал, что Свами и остальные были избиты ворами. Утром для расследования прибыл окружной инспектор, его заместитель и главный констебль. Шри Бхагаван сам ничего не говорил о своей травме или о грабителях, а только отвечал на вопросы. Через несколько дней обнаружили кое-что из украденного имущества, затем воров арестовали и приговорили к тюремному заключению.

Глава 8

Мать

Вскоре после того как в 1900 году мать Шри Бхагавана вернулась, потерпев неудачу в попытке снова завоевать сына, она потеряла своего старшего. Двумя годами позднее младший сын, Нагасундарам, еще только семнадцатилетним парнем, в первый раз отправился в Тируваннамалай посмотреть на родного брата, Свами. Он был охвачен таким чувством, что обнял брата и громко зарыдал; Шри Бхагаван сидел молча, не двигаясь. Мать пришла однажды на короткое время, возвращаясь из паломничества в Бенарес. В 1914 году она отправилась в паломничество к святыне Венкатараманасвами в Тирупати и вновь остановилась в Тируваннамалае на обратном пути. Тогда она заболела и несколько недель жестоко страдала от недомогания с признаками тифа. Шри Бхагаван заботился о ней с большой внимательностью. Стихи, сочиненные в течение ее болезни, — единственный известный пример, когда Махарши молился, чтобы повлиять на ход событий.

О Господь! Гора моего убежища,

Наилучшее лекарство от повторяющихся рождений,

Только Ты можешь излечить болезнь моей матери.

О Господь, убивающий смерть!

Прояви лотосы Твоих стоп

В лотосе Сердца той, которая родила меня,

Чтобы я нашел прибежище у лотосов Твоих стоп,

И защити ее от смерти.

Что такое смерть, если разобраться?

Аруначала, Ты — сияющий огонь Знания!

Укрой мою мать Твоим Светом

И сделай ее единой с Тобой.

Где тогда необходимость кремации?

Аруначала, Рассеиватель иллюзии!

Почему Ты медлишь рассеять бред моей матери?

Есть ли иной, кроме Тебя, наблюдать подобно Матери

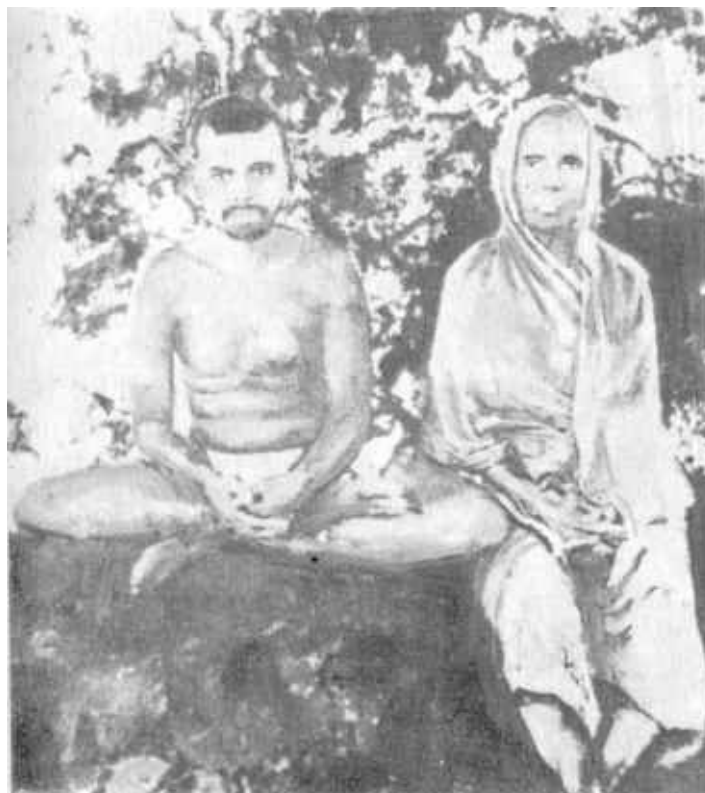
За тем, кто ищет убежище в Тебе,

И спасти от тирании кармы?

Под предлогом спасения матери от лихорадки здесь на самом деле была молитва о спасении ее от еще более обширной лихорадки иллюзии и взятии снова в Единство с Атманом Освобождением от бреда жизни.

Нет нужды говорить, что Алагамма выздоровела. Она вернулась в Манамадурай, но после этой мольбы Шри Бхагавана обстоятельства благоприятствовали ее переходу от мирской жизни к жизни в Ашраме. Семейный дом в Тиручули был продан, чтобы отдать долги и произвести необходимые расходы. Брат ее мужа, Неллиаппияр, умер, тоже оставив свою семью совсем не в легких обстоятельствах. В 1915 году умирает жена самого младшего сына, Нагасундарама, оставляя малыша, которого усыновила тетка Аламелу, теперь уже вышедшая замуж. Алагамма почувствовала, что в старости нет у нее другого места, как быть рядом со своим сыном, Свами. В начале 1916 года она отправилась в Тируваннамалай.

Сначала она живет несколько дней у Эчаммы. Кто-то из почитателей возражал против ее пребывания со Шри Бхагаваном, опасаясь, что в молчаливом протесте он может покинуть свое нынешнее жилище, как в 1896 году оставил дом. Однако большая разница состояла в том, что сейчас именно мать отреклась от дома, а не он, которого задерживали там. Величие Шри Бхагавана было столь внушающим благоговение, что, несмотря на его милосердие, когда возникал вопрос, близкий к выяснению собственного пожелания Махарши, никто не осмеливался спросить его прямо. Даже если бы это и случилось, он мог сидеть неподвижно, не отвечая, так как не имел никаких желаний. Просьба

Шри Рамана с матерью

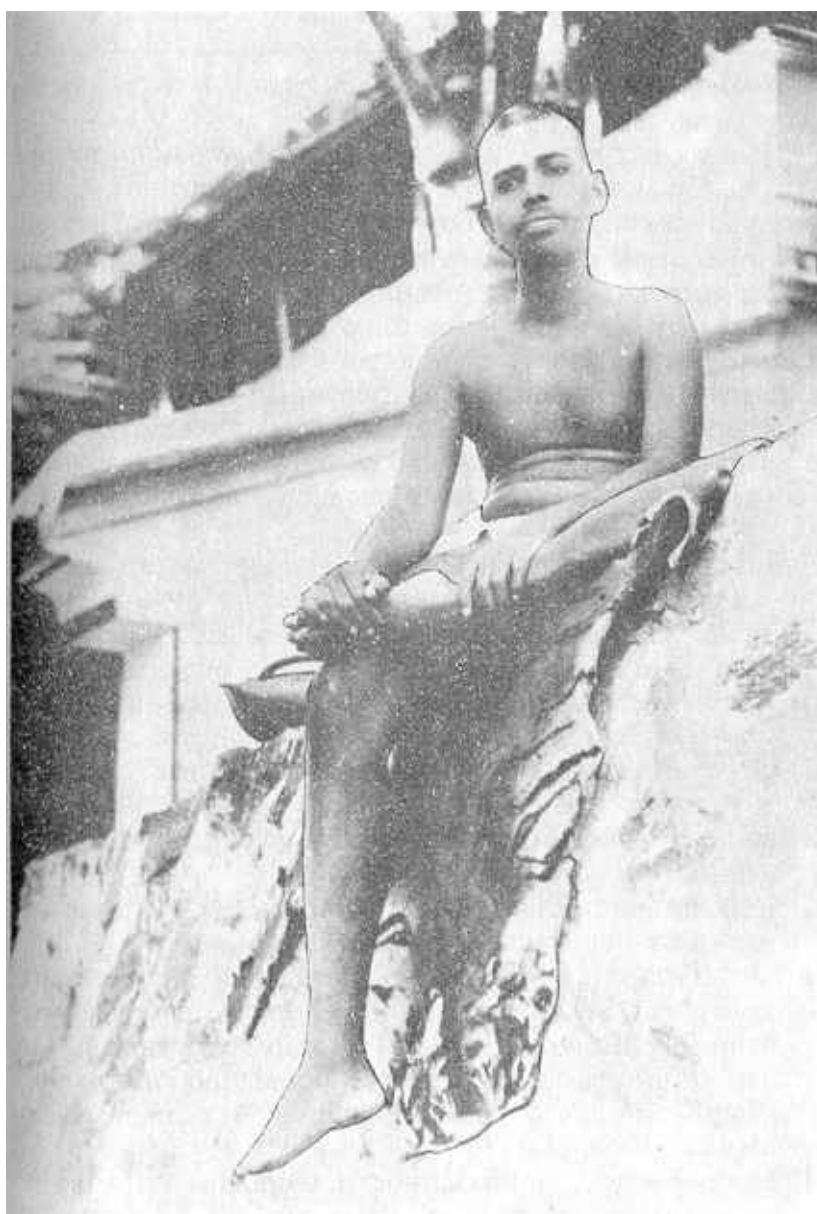
(редкий снимок)

о выздоровлении матери, выраженная в его стихах, есть нечто совершенно исключительное.

Вскоре после того как мать пришла, чтобы остаться с ним, Шри Бхагаван переселился из Вирупакши в Скандашрам, чуть выше по Горе и прямо над Вирупакшей. Это значительно более вместительная пещера, построенная специально для него. Наткнувшись на влажный участок скалы, Шри Бхагаван правильно предположил, что здесь должен быть скрытый поток. После земляных работ и взрыва на свободу вырвалась не пересыхающая летом струя воды, достаточная для всех нужд Ашрама и даже для небольшого сада, разбитого перед пещерой. Мать стала готовить пищу, и так началась новая эпоха в жизни Ашрама.

Желая привести в Ашрам и своего младшего сына, Алагамма послала одного почитателя вызвать его сюда. Сын отказался от своей работы в Тирувенгаду и переехал жить в Тируваннамалай. Сначала он оставался в городе, питаясь в доме того или иного друга и ежедневно посещая Ашрам. Вскоре он принял обет отречения и надел мантию цвета охры под именем Ниранджнянананда Свами, хотя более часто его звали фамильярно «Чиннасвами», «маленький Свами», как брата Свами. Какое-то время он еще ежедневно шел в город просить еду, но потом преданным показалось неуместным, что собственный брат Свами должен ходить и побираться, когда в Ашраме для всех была пища, и его убедили поселиться там.

И произошло то, что Бхагаван почти возвратился к семейной жизни, а семья расширилась, обнимая всех его почитателей; и действительно, он иногда говорил о них как о своей семье. Кажущаяся неуместность «семейственности» сначала отпугивала обоих — мать и брата — от совместной жизни с ним. Сешадрисвами однажды упомянул об этом в своей шутливой манере. Некий посетитель остановился увидеть его, а потом захотел подняться вверх по Горе, чтобы лицезреть Раманасвами. «Да, — сказал ему Сешадри, — идите и уви-

В Скандашраме

дите. Там есть домохозяин. Вас угостят пирожными там».

«Соль» остроты Сешадрисвами заключается в том, что положение домохозяина обычно считают более низким, чем *садху*, ибо последний может посвятить себя полностью духовному поиску, тогда как семьянин имеет мирские заботы и занимается ими. Сам акт отречения от дома и собственности считается большим шагом вперед. Поэтому многие из почитателей спрашивали Шри Бхагавана, не следует ли им принять отречение. Шри Бхагаван всегда отговаривал делать это. В случае, представленном ниже, он разъяснил, что отречение есть не изъятие, а расширение любви.

Почитатель: Я склонен бросить работу и оставаться всегда со Шри Бхагаваном.

Бхагаван: Бхагаван всегда с вами, в вас. Я в вас и есть Бхагаван. Это вам и следует осознать.

П: Но я чувствую побуждение оставить все привязанности и отречься от мира как *санньясин*.

Б: Отречение не означает внешнее снятие одежд и т. п. или оставление дома. Истинное отречение состоит в отречении от желаний, страстей и привязанностей.

П: Но однонаправленная преданность Богу невозможна, пока человек не оставит мир.

Б: Нет. Тот, кто воистину отрекся, на самом деле погружается в мир и расширяет свою любовь, чтобы обнять его целиком. Позиция почитателя более точно выражается всеобщей любовью, чем уходом из дома ради облачения в одежду цвета охры.

П: Но дома узы привязанности слишком сильны.

Б: Тот, кто отрекся еще недостаточно зрелым, создает себе лишь дополнительные оковы.

П: Разве отречение это не величайшее средство разрушения привязанностей?

Б: Оно может быть таким для тех, чей ум уже свободен от путаницы. Но вы не уловили глубинную сущность отречения: великие души, которые оставили жизнь в миру, сделали это не из отвращения к семейной жизни, но из-за своей великодушной и всеобъемлющей любви ко всему человечеству и всем живым существам.

П: Семейные связи должны уйти лишь через какое-то время. Так почему мне не следует проявить инициативу и разорвать их сейчас, чтобы моя любовь могла быть одинаковой ко всем?

Б: Когда вы действительно ощутите эту равную любовь ко всем, когда ваше сердце так расширится, что обнимет мироздание в целом, то вы, конечно, не почувствуете, что оставляете то или это; вы просто выпадете из мирской жизни, как созревший плод падает с дерева. Вы почувствуете весь мир вашим домом.

Нет ничего удивительного в том, что такие вопросы ставились часто и что для многих ответы были полной неожиданностью, потому что позиция Шри Бхагавана противоречила традиционно принятой точке зрения. Хотя духовные пути, передаваемые потомству из поколения в поколение, никогда не менялись, Учители приспособляли методы обучения, ведущие к осознанию Истины, так, чтобы соответствовать измененным условиям века. В современном мире для многих отречение или даже полное соблюдение ортодоксальности * невозможны. Почитатели — бизнесмены, служащие, врачи, юристы, инженеры — так или иначе связаны с жизнью и нравами современного города, но, однако, ищут Освобождения.

Наиболее часто Шри Бхагаван разъяснял, что истинное отречение находится в уме. Оно не достигается отречением от материального и не задерживается отсутствием его.

«Зачем вы думаете, что вы семьянин? Подобные мысли, что вы — *санньясин*, отрекшийся, будут преследовать вас, даже если вы покинете мир как *санньясин*. Останетесь ли вы в миру или же отречетесь от него и уйдете в лес, ум будет преследовать вас. Источником мысли является эго. Оно творит тело и мир и заставляет вас думать, что вы — домохозяин. Если же вы отречетесь от мира, то это лишь заменит мысль о домохозяине на мысль о *санньясине*, а окружение дома на лес, но внутренние препятствия всегда с вами. Они даже сильно возрастут в новой обстановке. Изменение среды вам не поможет. Ум — это единственное препятствие, и он должен быть превзойден — дома ли, в лесу ли. Если вы можете сделать это в лесу, то почему не дома? Следовательно, зачем менять окружение? Ваши усилия могут предприниматься даже сейчас, при любом окружении».

Он также объяснял, что не работа — препятствие для *садханы*, а лишь позиция ума, с которой она выполняется, и что возможно продолжать обычную деятельность, но только без привязанности. «Чувство „Я работаю“ само является препятствием, — говорит он в „Евангелии Махарши“. — Спросите себя: „Кто работает?“, вспомните, кто вы есть на самом деле. Тогда работа не будет связывать вас. Она будет выполняться автоматически». В своем дневнике «День за днем с Бхагаваном» Дэвараджа Мудальяр записал более подробное разъяснение.

«Вполне возможно совершать все жизненные дела без привязанности и считать только Атман реальным. Ошибочно предполагать, что если человек установлен в Атмане, то его обязанности в жизни не будут выполняться правильно. Это похоже на состояние актера. Он загримирован, одет в костюм и действует на сцене, даже переживая исполняемую им роль, но доподлинно знает, что в действительной жизни является не той личностью, а чем-то еще. Точно так же, почему сознание тела или чувство „Я есть тело“ беспокоит вас, если вы определенно знаете, что вы не тело, но *Я*? Ничто из выполняемого телом не должно выводить вас из пребывания в *Я*. Такое пребывание помешает правильному и эффективному исполнению каких-

либо обязанностей тела не больше, чем сознание актером своего истинного положения препятствует исполнению им роли на сцене».

Как медитация или «вспоминание» (это можно называть по-разному) не ухудшает качество сделанной работы, точно так же и процесс работы не вредит медитации. Шри Бхагаван четко разъяснил это в разговоре с Полем Брантоном.

Бхагаван: Отречься от деятельной жизни не надо. Если вы медитируете * час или два ежедневно, то сможете справиться со всеми своими обязанностями. При правильной медитации вызванное ею течение ума будет продолжаться и во время вашей работы. Здесь как бы два пути выражения одной идеи; та же линия, которую вы принимаете в медитации, будет выражена и в вашей деятельности.

Поль Брантон: И каков будет результат?

Б: Если вы будете продолжать, то обнаружите, что ваше отношение к людям, событиям и объектам постепенно изменяется. Ваши действия будут стремиться самопроизвольно следовать вашим медитациям.

Человеку следует отказаться от личного эгоизма, который привязывает его к этому миру. Отбрасывание ложного «я» есть истинное отречение.

ПБ: Возможно ли стать неэгоистичным, ведя активную мирскую жизнь?

Б: Между работой и мудростью противоречия нет.

ПБ: Вы подразумеваете, что можно продолжать все прежние активности, профессиональные например, и в то же время получить Просветление?

Б: Почему же нет? Однако в таком случае человек не станет думать, что это прежняя личность выполняет работу, ибо его сознание будет постепенно изменяться, перемещаться, пока не войдет в ТО, которое лежит за пределами маленького «я».

Многих сначала ставило в тупик предписание действовать с чувством отрешенности и беспокоило, можно ли в действительности продуктивно работать таким способом. Но они имели перед собой пример самого Шри Бхагавана, поскольку все, что он делал, было до педантичности тщательным, будь то правка корректуры или переплетение книги, приготовление пищи или вырубка и полировка ложки из скорлупы кокосового ореха. И, фактически, даже перед тем, как иллюзия Я-есть-делатель рассеяна, отчужденное отношение к работе не вредит, а увеличивает ее продуктивность, пока оно сочетается с добросовестностью, так как подобная позиция предполагает не безразличие к качеству выполнения работы, а только невмешательство эго в нее; именно вмешательство эго вызывает и разногласия, и неэффективность. Если бы все люди делали свои дела просто потому, что это их работа, без тщеславия или эгоизма, то эксплуатация бы исчезла, усилие было бы правильно направлено, координация заменила бы соперничество и большинство проблем мира было бы решено. То, что продуктивность работы не страдает, очевидно, если вспомнить о периодах слепой веры в каждой религии, оставивших образцы наиболее совершенного искусства — в готическом ли соборе или в мечети, индусской скульптуре или даосской живописи — созданных художниками, которые считали себя только инструментами и предпочли остаться безмянными. Можно брать примеры из других профессий также. Врач лечит более эффективно, когда он не взволнован чем-либо, и, в самом деле, поэтому часто предпочитает не лечить самому членов своей собственной семьи. Финансист действует более невозмутимо и результативно там, где его собственные интересы не поставлены на карту. Даже в играх фортуна благосклонна к тому, кто незаинтересован.

Предписание продолжать семейную жизнь встречало возражение, что Шри Бхагаван сам оставил свой дом. На это он обычно кратко отвечал, что каждый человек действует согласно своей *пранабдхе* (судьбе). Однако здесь уже возникает вопрос о том, что полная внешняя нормальность и участие в ежедневном распорядке жизни, которым Шри Бхагаван служил таким

совершенным примером в последние годы и которые он предписывал своим последователям, были для него самого невозможны сразу после Пробуждения, случившегося в доме дяди в Мадуре. Ответ таков, что ставшее возможным для Шри Бхагавана он, своей Милостью, делает осуществимым и для тех, кто следует ему.

Вернемся к матери: в Ашраме она получила суровую тренировку. Шри Бхагаван довольно часто игнорировал ее, не отвечая на вопросы, хотя замечал остальных. Если мать жаловалась, то он говорил: «Все женщины — мои матери, а не только вы». Тут вспоминается высказывание Христа, когда ему сказали, что его мать и братья стоят у края толпы, ожидая разговора с ним: «Кто бы ни исполнял Волю моего Отца, Который на небесах, — мой брат и сестра и мать» *. Сначала мать Шри Бхагавана часто плакала от досады, но постепенно понимание развилось в ней. Ощущение превосходства от того, что она — мать Свами, ушло, чувство это ослабело, и Алагамма посвятила себя службе преданным.

Даже сейчас он все еще высмеивал ее правоверную брахманскую щепетильность. Если ее сари случайно касалось небрахмана, Махарши восклицал с притворным испугом: «Смотрите! Чистота ушла! Религия ушла!» Пища в Ашраме была строго вегетарианской, но Алагамма, подобно нескольким очень набожным брахманам, шла еще дальше и считала некоторые овощи тоже *не-саттвичными* (нечистыми), и Шри Бхагаван обычно насмешливо говорил: «Обратите внимание на эту луковицу! Это огромное препятствие к *мокше* (Освобождению)!»

Здесь следует сказать, что Шри Бхагаван вообще не осуждал ортодоксальность. В данном случае у матери была чрезмерная привязанность к формам ортодоксальности, и на это он нападал. В целом он подчеркивал важность *саттвической* (чистой) пищи. Он вообще редко давал какие-либо предписания, касающиеся внешней деятельности; его обычный метод состоял в том, чтобы посеять духовное семя в сердце и оставить, дабы оно по мере роста формировало внешнюю жизнь. Предписания приходили изнутри. Один почитатель с Запада к моменту прибытия был отчаянным любителем мясного, считавшим мясо подлинной сущностью пищи, также как и самой вкусной ее частью, и хотя по этому вопросу не было сказано ни слова, пришло время, когда он почувствовал отвращение к самой идее поедания мяса.

Следует разъяснить для читателей неиндийцев, что практика вегетарианства вытекает не только из нежелания отнимать жизнь или есть мясо, хотя это одна из ее причин. Она проводится также и потому, что *не-саттвическая* пища (которая включает некоторые сорта овощей, так же как и мясо) имеет тенденцию увеличивать животные страсти и препятствовать духовному усилию.

Были также и другие способы, которые заставили мать осознать, что он, родившийся ее сыном, — Божественное воплощение. Однажды, когда Алагамма сидела перед Махарши, он исчез, и вместо сына мать увидела *лингам* (столб) чистого света. Представляя себе, что сын сбросил свою человеческую форму, она залилась слезами, но вскоре *лингам* пропал и Махарши появился снова, как и раньше. В другом случае мать увидела сына, увешанного гирляндами цветов и окруженного змеями, как Шива в традиционных образах. Она закричала ему: «Прогони их! Я боюсь!»

После этого мать умоляла его отныне появляться ей только в своей человеческой форме. Цель этих видений была достигнута: Алагамма осознала, что форма, которую она знала и любила как своего сына, была столь же иллюзорной, как и любая другая, что он мог принять на себя.

В 1920 году здоровье матери начало ухудшаться. Она должна была уменьшить работу по обслуживанию Ашрама и больше отдыхать. В течение ее болезни Шри Бхагаван постоянно ухаживал за матерью, часто просиживая с ней ночь. В безмолвном присутствии сына и медитации ее разум достиг зрелости.

Конец наступил в 1922 году, во время празднества Бахаула Навами *, которое тогда пришлось на 19 мая. Шри Бхагаван и еще несколько человек весь день прислуживали больной, не принимая пищи. Когда солнце зашло, приготовили еду, и Шри Бхагаван попросил остальных идти и есть, но сам остался. Вечером группа почитателей сидела рядом с матерью, распевая *Веды*, в то время как другие повторяли имя Рамы. Она лежала там более двух часов, ее грудь тяжело вздымалась, дыхание перешло в шумные хрипы, и все это время Шри Бхагаван сидел возле матери, положив свою правую руку ей на сердце, а левую — на голову. Сейчас уже не было вопроса продления жизни, нужно было только так успокоить ум, чтобы смерть могла стать *махасамадхи*, погружением в Я, Атман.

В восемь часов вечера мать была окончательно освобождена от тела. Шри Бхагаван сразу поднялся, совсем веселый. «Сейчас мы можем поесть, — сказал он. — Идите, загрязнения нет».

В этих словах был глубокий смысл. Смерть индуса вызывает ритуальное загрязнение, требующее очистительного обряда, но это была не смерть, а обратное погружение, не развоплощенная душа, но совершенный Союз с Атманом. И поэтому не было нужды в очистительной церемонии. Несколькими днями позднее Шри Бхагаван подтвердил это.

Когда кто-то упомянул о смерти матери, Махарши кратко поправил говорившего: «Она не умерла, она поглотилась».

Описывая потом процесс поглощения, Шри Бхагаван сказал: «Внутренние склонности ума и тонкая память прошлых переживаний, ведущие к будущим возможностям, стали очень активными. Сцена за сценой прокручивались перед ней в тонком сознании, внешние чувства уже ушли. Душа прошла через серию переживаний, избежав, таким образом, необходимости перерождения и сделав возможным Союз с Духом. С души были сняты, наконец, тонкие оболочки, прежде чем она достигла окончательного места назначения, высочайшего мира Освобождения, из которого нет возвращения в неведение».

Мощной была поддержка, оказанная Шри Бхагаваном, а глубокая святость Алагаммы, ее предшествующее отречение от гордыни и привязанности позволили ей воспользоваться этой помощью. Махарши говорил позже: «Да, в ее случае — успех; до этого я делал то же для Паланисвами, когда приближался его конец, но была неудача. Он открыл глаза и умер». Махарши, однако, добавил, что в случае с Паланисвами не было полного поражения, так как хотя это и не погрузилось в Атман, но способ его ухода показал последующее хорошее перерождение.

Когда преданные переживали тяжелые утраты, Шри Бхагаван часто напоминал им, что умирает только тело и только иллюзия Я-есть-тело создает из смерти трагедию. Теперь, по время своей собственной тяжелейшей утраты, он не выказывал никакого горя. Целую ночь он и почитатели просидели, распевая песни преданности. Это равнодушие к физической смерти своей матери — подлинный комментарий к его молитве периода ее предыдущей болезни.

Возник вопрос, как распорядиться телом. Бхагаван сам засвидетельствовал, что она погрузилась в Атман, а не осталась для перерождения к иллюзии эго, но чувствовалось некоторое сомнение в том, что тело женщины-святого следует не кремировать, а хоронить. Тогда и вспомнили, что в 1917 году этот самый пункт фигурировал в серии вопросов, которые Ганапати Шастри и его группа поставили Шри Бхагавану, и он ответил утвердительно. «Поскольку *джняна* (Знание) и *мукти* (Освобождение) не различаются в зависимости от пола, тело женщины-святого также не требуется кремировать. Ее тело тоже является жилищем Бога».

В случае ухода матери из Ашрама, как и при ее вступлении в него, никто не осмелился спросить самого Шри Бхагавана о решении, а он не объявлял последнего. Казалось, никому не придет в голову, что ответ уже дан в его молитве 1914 года:

«Укрой мою мать Твоим Светом
И сделай ее единой с Тобой.

Где тогда необходимость кремации?»

Шри Бхагаван стоял, молча наблюдая, безучастно. Тело матери захоронили у подножия Горы, с южной стороны, между водоемом Политиртам и святыней Дакшинамурти. На церемонию прибыли родственники и друзья, масса людей пришла из города. Священный пепел, камфора, фимиам были брошены в яму вокруг тела, прежде чем могила была заполнена. Было построено каменное надгробие, и на нем установлен священный *лингам*, доставленный из Бенареса. Позднее на этом месте воздвигли храм, полностью законченный в 1949 году и известный как храм Матрубхутешвара, храм Бога, проявленного как Мать.

Как приход матери обозначил эпоху в жизни Ашрама, так и ее уход. Вместо задержки его развитие усилилось. Были преданные, которые чувствовали, что ее присутствие, словно *шакти*, или творческая энергия, стало более могущественным, чем раньше. Шри Бхагаван однажды сказал: «Куда она ушла? Она — здесь».

Ниранджнянананда Свами выбрал своим местопребыванием соломенную постройку у подножия Горы, возведенную рядом с надгробием. Шри Бхагаван остался в Скандашраме, но почти каждый день спускался по горному склону к могиле — около получаса ходьбы. Затем однажды, почти шесть месяцев спустя, ушел на прогулку и в процессе ходьбы почувствовал мощное побуждение спуститься к надгробию и остаться там. Когда он не возвратился, преданные последовали за ним туда, и таким образом был основан Шри Раманашрам. «Я переселился из Скандашрама не по своей собственной воле, — говорил он позднее, — что-то повело меня туда, и я подчинился. Это было не мое решение, а Божественной Воли».

Глава 9

Адвайта, или недвойственность

Шри Бхагаван не был философом, и его учение во времени совершенно не изменялось. Самые ранние наставления — «Само-исследование» и «Кто я?» — с точки зрения теории, или доктрины, не отличаются от тех, что он давал устно в последние годы. Когда, будучи шестнадцатилетним юношей, он постиг свою тождественность с Абсолютом, с ТЕМ — Чистым Бытием, лежащим в основе всего существующего, — это было бесформенное, интуитивное знание, доктринальные подтексты которого стали осознаваться уже позднее. «Я еще не имел представления, что там * была Сущность, или Безличная Реальность, поддерживающая все, и что Бог и я оба были тождественны Ей. Позже, в Тируваннамалае, слушая *Рибху Гиту* и другие священные тексты, я узнал все это и обнаружил, что в них анализировались и присваивались имена тому, что было прочувствовано мной без анализа или наименования». Речь идет не о восприятии мнений, но об узнавании Истины. То есть, правильнее сказать, в прочитанном и прослушанном он не получал убеждение, а просто открывал соответствие тому, что уже интуитивно знал.

Индуизм охватывает все формы и уровни духовной доктрины; все они имеют силу и соответствуют различным подходам, которые требуются людям с разнообразными темпераментами и развитием. Как и в западных, и семитических религиях, здесь есть подход, опирающийся на любовь и почитание личного Бога. Поэтому также существует Путь, когда Бога видят проявленным во всех Его творениях и почитают служением им. Однако обнаружение Чистого Бытия как Духа человека, Духа вселенной и всех существ — высочайшая и окончательная Истина, превосходящая все остальные уровни доктрины без отрицания их истинности на своем собственном плане. Такой является доктрина *адвайты*, недвойственности, которой учили древние *риши* и более всего — Шанкарачарья. Это простейшая и в то же самое время наиболее глубокая суть конечной Истины, лежащей по ту сторону всех путаниц

космологии.

Недвойственность означает, что только Абсолют есть. Весь космос существует внутри Него, не имея внутренней реальности, но будучи просто проявлением Абсолюта, который, несмотря на это, остается вечно неизменным и непроявленным. Точно так же люди и события человеческого сна существуют внутри человека и не имеют реальности отдельной от него, ничего не добавляя ему своим возникновением и не отнимая ничего при исчезновении. Это значит, что Абсолют есть Я, Атман, космоса и каждого существа. Следовательно, разыскивая свое личное «я» постоянным исследованием «Кто я?», человек может осознать свою тождественность со Всеобщим Бытием. То, чему учил Шри Бхагаван, было *адвайтой* в ее самом чистом виде.

Кое-кто может опасаться, что доктрина Единого Я лишает их личного Бога, Которому они могут молиться, но для такого опасения нет оснований, ибо пока длится реальность молящегося эго, сохранится и реальность Бога, Которому оно молится; пока человек считает свое эго реальностью, мир вне и Бог над эго также будут реальностями для него. Это уровень дуалистической религии и личного Бога, являющийся истиной, но не окончательной Истиной. «Все религии постулируют три основы: человек, Бог и мир. Только пока длится эго, человек говорит: „Единое проявляет Себя этими тремя” или „Эти трое действительно трое”. В высочайшем состоянии, присутствии Я, Атману, эго угасло»¹.

Некоторые люди к тому же восстают против концепции нереального мира, даже несмотря на то, что принимают реальность Духа, из-за того, что не понимают, в каком смысле мир нереален. Шри Бхагаван часто объяснял это, и нигде нет большей четкости, чем в следующей формулировке, записанной С. С. Коганом:

«Шанкарачарью критиковали за его философию *майи* (иллюзии), не понимая существа вопроса. Он дал три утверждения: что *Брахман* реален, что вселенная нереальна и что *Брахман* есть вселенная. Шанкара не останавливался специально на втором утверждении, ибо третье объясняет остальные два. Оно означает, что, когда вселенная воспринимается отдельно от *Брахмана*, восприятие является ложным и иллюзорным. Это равнозначно тому, что феномен реален, когда переживается как Атман, и иллюзорен, когда видится отдельным от Атмана».

Учение Шри Бхагавана является исключительно практичным. Он излагал теорию только в ответ на особые нужды и запросы преданных и как необходимую основу практики. Когда ему однажды напомнили *, что Будда отказывался откликаться на вопросы о Боге, Махарши ответил с одобрением: «По существу, Будда больше интересовался направлением искателя к практике осознания Блаженства здесь и теперь, чем академическими дискуссиями о Боге». Поэтому он сам также часто отказывался удовлетворять пустое любопытство, вместо этого поворачивая спрашивающего к необходимости *садханы*, или усилия. На вопрос о состоянии человека после смерти Шри Бхагаван мог ответить: «Почему вы хотите знать, чем вы будете, когда умрете, раньше того, что вы есть сейчас? Сначала узнайте, кем вы являетесь теперь». Сейчас и извечно человек есть бессмертный Атман позади данной и каждой другой жизни, но услышать это или поверить этому — недостаточно: необходимо стремиться к реализации бессмертного Я. Подобным образом на вопрос о Боге он мог ответить: «Почему вы хотите узнать о Боге раньше, чем вы узнали самого себя? Сначала найдите, кто вы».

Способ, которым это должно быть сделано, описывается в главе 14, но поскольку в следующей главе уже рассказывается о наставлениях Шри Бхагавана преданным, следует упомянуть о них и его учении здесь.

Учение Шри Раманы не было «философией» в обычном смысле этого термина — ведь он (как явствует из ответов Шивапракашаму Пиллаю в следующей главе), учил своих последователей не продумывать проблемы до конца, а устранять мысли. Может показаться, что

речь идет о притуплении ума, но, как Шри Бхагаван объяснил Полю Брантону в разговоре, цитированном в главе 2, истинно как раз обратное. Человек тождествен Атману, который есть чистое Бытие, чистое Сознание, чистое Блаженство, но ум творит иллюзию отдельной индивидуальности. В глубоком сне ум успокоен, и человек един с Атманом, не сознавая этого. В *самадхи* он составляет одно с Атманом — полностью сознательно, не в темноте неведения, но в свете знания. Если вмешательство ума устранено, сознание Атмана может, посредством Милости Гуру, пробудиться в Сердце, таким образом подготавливая для этого блаженного Тождества, для состояния, являющегося не тупостью или неведением, но лучезарным Знанием, чистым переживанием «Я есмь».

Многие могут чувствовать отвращение к идее разрушения ума или (что приводит к тому же) отдельной индивидуальности и найти ее ужасающей. Однако это происходит с нами ежедневно в глубоком сне и, далекие от страха перед засыпанием, мы находим глубокий сон желательным и приятным, даже хотя ум в нем успокаивается только бессознательно, путем неведения. С другой стороны, в экстазе или в глубоком восторге ум на мгновение поглощается и успокаивается в отрывочном переживании блаженства, которое есть его истинная природа. Сами слова «восторг» и «экстаз» указывают на выход за пределы индивидуальности, ибо этимологически «восторг» означает нечто уносящее, увлекающее, а «экстаз» — пребывание вне себя. Выражение «это захватывает дыхание» в действительности означает «это захватывает мысль», т. к. источник мысли и дыхания один и тот же — как Шри Бхагаван объяснил, говоря о контроле дыхания. Истина состоит в том, что индивидуальность не утрачивается, но расширяется до Безграничности.

Устранение мыслей проводится ради сосредоточения на более глубоком сознании, лежащем по ту сторону и за пределами мысли. Далекое от ослабления ума, оно усиливает его, так как учит концентрации. Шри Бхагаван часто подтверждал это. Только слабый и неконтролируемый ум то и дело отвлекается посторонними мыслями и изводится бесполезными заботами; ум, который достаточно силен, чтобы сосредоточиться (не важно на чем), может изменить направление своей концентрации к устранению мыслей при поиске Атмана, и наоборот — усилие уничтожить мысли предписанным способом дает силу и способность концентрации. Когда поиск доведен до конца, способности ума не утрачиваются. Шри Бхагаван пояснил это, сравнивая ум *джняни* с луной на небосводе в полдень: она светит, но этот свет не требуется в большем сиянии освещающего ее солнца.

Глава 10

Некоторые из ранних почитателей

Хотя доктрина, которой учил Шри Бхагаван, никогда не изменялась, способы наставления варьировались в соответствии с характером и пониманием спрашивающего. За годы, проведенные на Горе, сохранились записи переживаний некоторых из его преданных и разъяснений, полученных ими; небольшая часть этих записей представлена ниже. Действительно, можно сказать, что опыт последователей Шри Бхагавана составляет его биографию, так как он сам был утвержден в Неизменности, лежащей по ту сторону событий и переживаний.

Шивапракашам Пиллай

Среди преданных Шри Бхагавана Шивапракашам Пиллай был одним из интеллектуалов, он увлекся философией в университете Мадраса и уже размышлял над тайнами Бытия. В 1900 году он был направлен на службу в почтовое отделение государственного Департамента округа

Южный Аркот. Два года спустя работа привела его в Тируваннамалай, и он услышал о молодом Свами, живущем на Горе. Шивапракашам Пиллай был очарован уже первым посещением и стал преданным. Он задал четырнадцать вопросов и, поскольку Свами все еще сохранял Молчание, вопросы и ответы были записаны. Ответ на последний вопрос Свами написал на куске шифера, и Шивапракашам Пиллай тотчас же снял с него копию. Остальные тринадцать были записаны им по памяти позже, но Шри Бхагаван проверил их перед публикацией *.

Ф.Х Хэмфри

Эчамма

Шивапракашам Пиллай

Кавьякантха Ганапати Муни

Натеша Мудальяр

Некоторые из ранних почитателей

Шивапракашам Пиллай: Свами, кто я? Как достичь спасения?

Бхагаван: Непрерывным внутренним исследованием «Кто я?» вы познаете себя и таким образом достигнете спасения.

ШП: Кто я?

Б: Истинное *Я*, или Атман, не является ни телом, ни каким-либо из пяти чувств или объектов чувств, ни органом действия, ни *праной* (дыханием, или жизненной силой), ни умом, ни даже состоянием глубокого сна, где нет знания всего перечисленного.

ШП: Если *Я* не является ничем из вышеперечисленного, то кто же *Я*?

Б: После отрицания каждого из вышеупомянутого как «это не-*Я*», то, которое одно остается, и есть *Я*, и оно есть Сознание.

ШП: Какова природа этого Сознания?

Б: Природа Сознания есть *Сат-Чит-Ананда* (Бытие-Сознание-Блаженство), в котором нет даже малейшего следа «я»-мысли. Его также именуют *мауна* (Тишина) или Атман (истинное *Я*). Оно — единственное, что ЕСТЬ. Если троицу — мир, эго и Бог — рассматривать состоящей из отдельных сущностей, то они явятся просто иллюзиями, подобными серебру в перламутровой раковине. Бог, эго и мир есть в действительности *Шивасварупа* (форма Шивы) или *Атмасварупа* (форма Духа).

ШП: Как постичь эту Реальность?

Б: Когда видимый мир исчезает, проявляется истинная природа видящего, или субъекта.

ШП: Можно ли осознать ТО еще при видении внешнего мира?

Б: Нет, потому что видящий и видимое подобны веревке и появлению в ней змеи. Пока вы не отбросите призрак змеи, вы не сможете увидеть, что существует только веревка.

ШП: Когда внешние объекты исчезнут?

Б: Если ум, который является причиной всех мыслей и активностей, исчезнет, внешние объекты также пропадут.

ШП: Какова природа ума?

Б: Ум — это только мысли. Это — форма энергии, сама проявляющаяся как мир. Когда ум погружается в Атман, то *Я* осознается; когда же ум выходит наружу, появляется мир и *Я* не осознается.

ШП: Как добиться исчезновения ума?

Б: Только посредством исследования «Кто я?» Хотя такое исследование тоже есть действие ума, оно разрушает все мысли, включая и самое себя, подобно палке, используемой при перемешивании погребального костра, которая превращается в пепел после сгорания топлива и трупа. Лишь тогда приходит Осознание, Реализация *Я*. Дыхание и другие признаки жизненности умолкают, «я»-мысль разрушена. Это и *прана* (дыхание, или жизненная сила) имеют общий источник. Что бы вы ни делали, делайте без эгоизма, то есть без чувства «я делаю это». Когда человек достигает того состояния, Атмана, даже собственная жена проявится ему как Всеобщая Мать. Истинное *бхакти* (преданность) есть отдача эго Атману, *Я*.

ШП: Есть ли другие средства для разрушения ума?

Б: Кроме само-исследования нет других подходящих средств. Если посредством иных способов ум стихает, то он остается спокойным недолго и затем вновь появляется, возобновляя свою прежнюю активность.

ШП: Но когда все эти инстинкты и склонности (*васаны*), например к самосохранению, будут в нас подчинены?

Б: Чем больше вы уходите внутрь *Я*, тем больше эти склонности вянут и в конце концов умирают.

ШП: Неужели на самом деле возможно искоренить *васаны*, просочившиеся в наши умы за многие рождения?

Б: Никогда не занимайте ум такими сомнениями, а погрузитесь в *Я* с твердой решимостью. Если ум постоянно направлен к Атману посредством само-исследования, то в конечном счете он растворится и превратится в Атман. Когда вы почувствовали какое-либо сомнение, не пытайтесь разъяснить его, а познайте, кто тот, у кого это сомнение возникло.

ШП: Как долго следует практиковать такое исследование?

Б: Пока в вашем уме есть хоть малейший след импульсов, вызывающих мысли. Пока враги находятся в осажденной крепости, они продолжают делать вылазки, но если вы истребляете каждого защитника по мере его выхода, то в конце концов крепость падет. Точно так же, всякий раз, когда мысль поднимает голову, сокрушайте ее указанным исследованием. Раздавить все мысли в их источнике — это называют *вайрагья* (бесстрастие). Поэтому *вичару* (само-исследование) необходимо продолжать до реализации Атмана, осознания *Я*. Требуется лишь постоянно и непрерывно вспоминать Атман.

ШП: Но разве этот мир и все, что в нем происходит, не есть результат Божьей воли? А если «да», то почему Его воля проявляется именно таким образом?

Б: Бог не имеет намерения. Он не ограничен каким-либо действием. Мирские активности не могут повлиять на Него. Возьмите аналогию с солнцем. Солнце всходит без собственного желания, цели или усилия, но как только оно взошло, на земле начинается многообразная

деятельность: линза под его лучами в фокусе дает огонь, бутон лотоса раскрывается, вода испаряется, и каждое живое существо приступает к своей деятельности, поддерживает ее и, наконец, прекращает. Но солнце не затрагивается какой-либо подобной активностью, так как оно просто действует согласно своей природе, по установленным законам, без всякого намерения и является только свидетелем. То же относится и к Богу. Или возьмите аналогию с пространством, или эфиром. Земля, вода, огонь и воздух — все пребывают в нем, видоизменяются в нем, однако они никак не затрагивают эфир, или пространство. То же самое и с Богом. Бог не имеет желаний или цели в Его действиях творения, сохранения и разрушения, взятия назад и спасения, которым подвластны существа. Так как существа пожинают плоды своих действий согласно законам Бога, то и ответственность лежит на них, а не на Нем. Бог не ограничен какими-либо действиями.

Высказывание Шри Бхагавана о том, что истинная природа видящего мир появится только тогда, когда все видимое исчезнет, не следует принимать буквально как обуславливающее отсутствие сознания, невосприятия физического мира. Речь идет о состоянии бесформенного транса, или *нирвикальна самадхи*, в котором предметы перестают казаться реальными и видятся только как формы, принимаемые на себя Атманом. Это становится ясным из следующего примера: «змея и веревка», традиционного примера, который использовал и Шри Шанкара. В сумерках человек видит сложенную витками в кольцо веревку, ошибочно принимает ее за змею, а потому пугается. На рассвете он выясняет, что это была только веревка и его страх был напрасным. Реальность Бытия — веревка, а иллюзия змеи, напугавшая человека, — мир объектов.

Утверждение, что подавление мыслей в их источнике есть *вайрагья*, также требует разъяснения. Смысл *вайрагьи* — бесстрашие, непривязанность, спокойствие. Вопрос Шивапракашама Пиллая о том, когда инстинкты и скрытые наклонности в человеке будут подчинены, показывает, что он чувствовал необходимость стремиться к *вайрагье*. Шри Бхагаван, в сущности, говорил ему, что *вичара*, или само-исследование, есть кратчайший путь к *вайрагье*. Страсть и привязанность находятся в уме. Следовательно, когда ум контролируется, они подчиняются, и это есть *вайрагья*.

Приведенные выше вопросы позднее были увеличены в объеме и упорядочены в форме книги «Кто я?», возможно, наиболее широко принятого и высоко ценимого толкования учения, написанного Шри Бхагаваном в прозе *.

Около 1910 года Шивапракашам Пиллай уже пришел к заключению, что официальная служба утомительна и препятствует *садхане*, или духовному поиску. Он был достаточно состоятелен, чтобы вести жизнь домохозяина, не прибегая к заработку, а поэтому уволился со службы. Тремя годами позже Шивапракашам Пиллай столкнулся с необходимостью принять решение — было ли его увольнение уходом от мирской жизни или он просто покинул наскучившее и удержал приятное. Его жена умерла, и надо было выбирать: жениться снова или начать жизнь *садху*. Он был еще только средних лет и имел девушку, к которой был сильно привязан. При новой женитьбе и создании новой семьи также возник бы и вопрос о деньгах.

Шивапракашам Пиллай сначала избегал спрашивать Шри Бхагавана об этих делах, возможно, постигая сердцем, каким будет ответ, и поэтому попытался получить его другим способом. Он выписал на листке бумаги нижеследующие четыре вопроса.

1. Что я должен делать, чтобы избежать всех печалей и забот на земле?
2. Следует ли мне жениться на девушке, которая занимает мои мысли?
3. Если нет, то почему нет?
4. Если брак должен состояться, то как поступить при возникновении необходимости в деньгах?

С этим текстом он пошел в храм Вигнешвары — аспекта Бога, которому с детства имел привычку молиться. Шивапракашам Пиллай поместил записку перед кумиром и бодрствовал всю ночь, умоляя, чтобы ответы появились записанными на ней или чтобы он мог получить какой-либо знак или видение.

Однако ничего не произошло, и у него не оставалось другого выхода, кроме обращения к Свами. Он пошел в пещеру Вирупакша, но все еще избегал задавать вопросы. День за днем он откладывал их. Даже хотя Шри Бхагаван никогда не поощрял кого-либо отречься от домашней жизни, это не означало, что он благословит отпущенного на свободу самим провидением намеренно вернуться за ее второй дозой. Шивапракашам Пиллай постепенно чувствовал, что ответ вынашивается в нем самом из видения собственной жизни Свами в ее безмятежной чистоте, полностью равнодушного к женщинам, абсолютно незаинтересованного в деньгах. Дата, установленная для отъезда, подошла, а вопросы все еще не были заданы. В тот день было множество людей, так что даже если бы Шивапракашам Пиллай пожелал все-таки поставить свои вопросы, то он не смог бы этого сделать без огласки. Он сидел, пристально глядя на Свами, и вдруг увидел нимб ослепительного света вокруг его головы и золотистого ребенка, неожиданно появившегося из нее и затем возвратившегося обратно. Был ли это живой ответ, что потомство — не от плоти, но от Духа? Половодье экстаза захватило его. Напряжение длительного периода сомнений и нерешительности было разрушено, и он зарыдал в полнейшем облегчении. Когда Шивапракашам Пиллай рассказал другим почитателям о случившемся, то кто-то засмеялся или отнесся скептически, а некоторые заподозрили, что он принял наркотик, и это служило иллюстрацией атмосферы нормальности, преобладавшей вокруг Шри Бхагавана. Хотя можно было собрать многие примеры видений и необычных случаев, о них обычно говорили очень редко за пятьдесят и более лет проявления Шри Бхагавана среди нас.

Поглощенный радостью Шивапракашам Пиллай оставил все мысли об отъезде в этот день. На следующее утро, сидя перед Бхагаваном, он снова имел видение. В это время тело Бхагавана сияло, словно утреннее солнце, а ореол вокруг него напоминал полную луну. Затем Шивапракашам опять увидел все тело Шри Бхагавана, покрытое священным пеплом, и глаза, пылающие состраданием. Двумя днями позже он снова имел видение, когда тело Шри Бхагавана было из чистого хрусталя. Шивапракашам Пиллай был потрясен и боялся уходить, чтобы не исчезла радость, нараставшая в его сердце. В конечном счете он вернулся в свою деревню, получив ответ на вопросы, которые так и не задал, и провел остаток своих дней в целомудрии и аскезе *. Все перечисленные здесь переживания он описал в поэме на тамили. Шивапракашам Пиллай написал также и другие стихи, восхваляющие Шри Бхагавана. Некоторые из них все еще поют преданные.

Натеша Мудальяр

Не все посетители понимали молчаливую *упадешу* (наставление) Шри Бхагавана. Натеша Мудальяр в конце концов понял, но это заняло у него много времени. Он был учителем начальной школы, когда прочел Вивекананду и загорелся страстным желанием отречься от мира и найти Гуру. Друзья рассказали ему о Свами на Горе Аруначале, но добавили, что почти безнадежно искать его *упадешу* (руководства). Тем не менее Мудальяр решил попробовать. Это происходило в 1918 году, и Шри Бхагаван был уже в Скандашраме. Мудальяр пошел туда и сел перед ним, но Шри Бхагаван оставался безмолвным, и Мудальяр, не осмеливаясь заговорить первым, ушел разочарованным.

Потерпев неудачу в этой попытке, он путешествовал, посещая других Свами, но не нашел никого, в ком чувствовал Божественное Присутствие и кому мог отдать себя. После двухлетних бесплодных поисков он написал длинное письмо Шри Бхагавану, умоляя его не быть

эгоистически равнодушным к судьбе страстно стремящихся душ и спрашивая разрешения прийти вновь, поскольку первый визит был безрезультатным. Месяц прошел без ответа. Тогда он послал заказное письмо с уведомлением о вручении, в котором написал: «Несмотря на множество перерождений, через которые я должен пройти, мне предопределено получить *упадешу* от Вас и только от Вас одного. Поэтому Вы снова должны будете родиться для этой цели, если откажете мне в этой жизни как слишком неподготовленному или незрелому для получения Вашей *упадешу*. Я клянусь в этом».

Через несколько дней Шри Бхагаван явился ему во сне и сказал: «Не думайте постоянно обо мне. Вы должны прежде всего получить Милость Бога Махешвары, Господа Быка. Сначала медитируйте на нем и добейтесь его Милости. Моя помощь последует как само собой разумеющееся». У Натешы Мудальяра дома было изображение Бога Махешвары, едущего на быке, и он взял его как поддержку в медитации. Несколькими днями позже пришел ответ на письмо: «Махарши не отвечает на письма; вы можете прийти и увидеть его лично».

Натеша Мудальяр написал еще раз — надо быть уверенным, что письмо составлено по приказанию Шри Бхагавана, — и затем отправился в Тируваннамалай. Следуя курсу, предписанному в сновидении, он сначала пошел в Великий Храм города, где имел *даршан* (наслаждался Присутствием) Господа Аруначалешвары и провел всю ночь. Один из брахманов, которых он встретил там, старался отговорить его от встречи с Махарши.

«Послушай, я провел шестнадцать лет около Раманы Махарши, напрасно пытаюсь получить его *ануграхам* (Милость). Он равнодушен ко всему. Даже если ты расколешь свою голову, он не поинтересуется спросить о причине. Так как его Милость получить невозможно, то в твоём визите нет никакого смысла».

Все это замечательно иллюстрирует то Понимание, которое Шри Бхагаван требовал от своих преданных. Открытые сердца найдут его более заботливым, чем мать, и будут трепетать от благоговения, тогда как судящий по внешним знакам не найдет ничего. Натеша Мудальяр был не из тех, кто откладывает намеченное. Поскольку он все-таки настаивал на своем, другой брахман сказал ему: «Во всяком случае таким способом ты можешь узнать, будет ли тебе огромное счастье получить его Милость. На Горе есть Свами по имени Сешадри, который ни с кем не общается и имеет обыкновение выпроваживать людей, пытающихся обратиться к нему. Если ты сможешь получить от него хоть какой-то знак расположения, то это будет хорошим признаком успеха».

На следующее утро Мудальяр встретился с Д. В. Субраманья Айяром, коллегой по профессии, чтобы отыскать ускользающего Сешадрисвами. После долгих поисков они увидели его и, к облегчению и удивлению Мудальяра, тот сам подошел к ним. Не нуждаясь в рассказе об их проблемах, он обратился к Натеше: «Мое бедное дитя! Почему ты озабочен и горюешь? Что есть *джняна* (Знание)? После того как ум отвергает, один за другим, все объекты как проходящие и нереальные, ТО, которое переживает это устранение, и есть *джняна*. *Джняна* есть Бог. Всё есть ТО и только ТО. Глупо бегать то туда, то сюда, считая, что *джняну* можно достичь только посещение горы или пещеры. Иди без страха». Таким образом, Сешадрисвами дал не свою *упадешу* (наставление), а именно Шри Бхагавана и теми же словами, которые мог употребить Бхагаван.

Воодушевленные этим благоприятным пророчеством, они стали подниматься по горному склону к Скандашраму и около полудня достигли его. Пять или шесть часов Мудальяр просидел перед Шри Бхагаваном, и ни одно слово не прозвучало между ними. Когда была готова вечерняя пища и Шри Бхагаван поднялся, чтобы уйти, Д. В. С. Айяр сказал ему: «Это человек, который писал те письма». Шри Бхагаван пристально посмотрел на Мудальяра, повернулся и ушел, все еще безмолвствуя.

Месяц за месяцем Натеша возвращался на целый день и сидел здесь, умоляя в молчании, но Шри Бхагаван никогда не говорил с ним, а он не осмеливался заговорить первым. После целого года, прошедшего таким образом, Мудальяр не мог дольше выдержать этого и, наконец, сказал: «Я хочу узнать и пережить, что есть Милость Бхагавана, так как люди различаются в своих описаниях ее».

Шри Бхагаван ответил: «Я всегда даю свою Милость. Если вы не можете постичь ее, то что мне делать?»

Даже сейчас Мудальяр не понял молчаливой *упадешу* (руководства) и все еще пребывал в замешательстве по поводу того, какому пути он должен следовать. Вскоре после этого Шри Бхагаван явился ему во сне и сказал: «Пусть ваше видение будет единым и удаленным от объектов, как внешних, так и внутренних. Таким образом, по мере того как различия исчезают, вы будете продвигаться». Мудальяр понял совет применительно к своему физическому взгляду и ответил: «Это не кажется мне подходящим путем. Если такой незаурядный человек, как Вы, дает мне подобный совет, то кто посоветует правильно?» Но Шри Бхагаван заверил его, что это был правильный путь.

Дальнейшее развитие событий Мудальяр описал сам: «Некоторое время я следовал этой *упадеше*, полученной во сне, а затем увидел другой сон. Шри Бхагаван появился передо мной в то время, когда мой отец стоял рядом, и спросил, указывая на него: „Кто это?“ С некоторым сомнением в философской точности ответа я сказал: „Мой отец“. Махарши многозначительно улыбнулся мне, и я добавил: „Мой ответ соответствует обычному языку, но не философскому“, потому что вспомнил, что я был не тело. Махарши привлек меня к себе и положил свою ладонь сначала мне на голову, а затем на правую сторону груди, надавливая пальцем на сосок, что ощущалось довольно болезненно, но поскольку было его Милостью, я вытерпел это спокойно. Я не знал тогда, почему он давил на правую сторону груди вместо левой»¹.

Таким образом, потерпев неудачу в приеме безмолвного посвящения, Мудальяр получил все-таки, пусть даже и во сне, посвящение прикосновением.

Он был одним из тех, чей пыл и желание постоянно делать духовное усилие приводили к мысли отречься от домашней жизни и быть нищим странником. Как и в других случаях, Шри Бхагаван не поощрял это: «Точно так же как вы избегаете домашних забот, находясь здесь, идите домой и попробуйте быть равным образом незаинтересованным и безучастным там». Мудальяру все еще недоставало полного доверия и убежденности ученика по отношению к своему Гуру, и он выполнил отречение, несмотря на ясную установку Шри Бхагавана. Он обнаружил, как и предсказывал Шри Бхагаван, что трудностей на его пути стало больше, а не меньше, и через несколько лет возвратился к семье и снова принялся работать. После этого его преданность углубилась. Он сочинил несколько стихотворений на тамили в честь Шри Бхагавана. И, наконец, он получил, более полно чем большинство других, устные наставления, по которым так тосковал, ибо это он был получателем большей части разъяснений, собранных в «Духовном наставлении», в которых дано самое замечательное изложение доктрины Гуру и его Милости.

Ганапати Шастри

Во всех отношениях выдающимся среди преданных был Ганапати Шастри, известный также как Ганапати Муни (т. е. «Мудрец Ганапати») и получивший почетный титул Кавьякантха (человек, чья речь звучит как поэзия) за свое превосходство в импровизации санскритских стихов на диспутах. Это был человек выдающейся одаренности, которая выдвинула бы его в самый первый ряд современных писателей и ученых, имей он достаточное честолюбие, и сделала бы его великим духовным Учителем при полном отсутствии честолюбия, но он остался между этими двумя. Слишком сильно обращенный к Богу, чтобы искать успеха или славы, он

был, тем не менее, слишком озабочен помощью человечеству и его духовным подъемом, чтобы ускользнуть от иллюзии Я-есть-делатель.

Во время рождения Шастри в 1878 году (годом раньше, чем родился Шри Бхагаван) его отец был в Бенаресе перед образом Бога Ганапати и имел видение ребенка, подбегающего к нему от Бога, и поэтому он назвал сына Ганапати. В первые пять лет своей жизни Ганапати был молчалив, подвержен эпилептическим припадкам и казался кем угодно, но не многообещающим ребенком. После этого его лечили, говорят, что прикладыванием каленого железа, и он немедленно начал выказывать свои изумительные способности. В десятилетнем возрасте он написал стихотворение на санскрите, подготовил астрологический календарь, изучил несколько санскритских произведений (*кавий*) и грамматик. В четырнадцать Ганапати освоил стихосложение и главные книги по риторике санскрита и его просодике *, прочел *Рамаяну* ** и *Махабхарату* ***, некоторые из *Пуран*. Он уже мог бегло говорить и писать на санскрите. Подобно Шри Бхагавану, Ганапати имел феноменальную память. Он запоминал все, что читал или слышал и, опять словно Шри Бхагаван, обладал способностью *аштавадханы*, то есть мог в одно и то же время обращать внимание на множество различных вещей.

Рассказы о древних *риши* зажгли его духовной жаждой, и с восемнадцати лет, почти сразу после женитьбы, он начал путешествовать по Индии, посещая святые места, повторяя *мантры* (священные фразы) и совершая *тапас* (аскёзу). В 1900 году он присутствовал на встрече санскритских *пандитов* в бенгальском городе Надья, где необычайная способность к стихотворной импровизации и блестящее философское дискутирование завоевали ему титул Кавьякантха, о котором уже говорилось выше. В 1903 году он приехал в Тируваннамалай и дважды посетил Брахману Свами на Горе. Некоторое время Ганапати работает школьным учителем в Веллоре, расположенном в нескольких часах езды по железной дороге от Тируваннамалая. Здесь он собрал вокруг себя группу учеников, чтобы, используя *мантры*, развивать *шакти* (силу или энергию) каждого из них до степени, которая позволяет ее тонкому влиянию проникать и духовно поднимать целую нацию, если не все человечество.

Жизнь учителя не могла надолго удержать его. В 1907 году он снова возвращается в Тируваннамалай. Но сейчас сомнения начали одолевать Ганапати. Он уже подходил к среднему возрасту, но при всех своих блестящих и обширных познаниях, всех своих *мантрах* и *тапасах* все еще не достиг успеха ни в Боге, ни в мире. Он чувствовал, что подходит к смертному концу. На девятый день праздника Картикай Шастри вдруг вспомнил о Свами на Горе. Несомненно, он должен получить ответ. Как только побуждение пришло, Ганапати Шастри начал действовать в этом направлении. Под жарким полуденным солнцем он взбирается по горе к пещере Вирупакша. Свами сидел один на террасе пещеры. Шастри пал ниц перед ним, обнимая его стопы протянутыми руками. Голосом, дрожащим от волнения, он сказал: «Я прочел всё, что должен был прочесть. Даже *Веданта шастру* я понял полностью. Я выполнял *джану* (призывание Бога) до полного удовлетворения. Однако я до сих пор не понял, что такое есть *тапас*. Поэтому я ищу убежища у Ваших стоп. Умоляю просветить меня, раскрыв природу *тапаса*».

Свами обратил на него свой пристальный взгляд и после пятнадцати минут молчания ответил: «Если человек наблюдает, откуда возникает понятие „я“, ум погружается в ТО. Это есть *тапас*. Когда при повторении *мантры* наблюдается Источник, из которого происходит ее звук, ум погружается в ТО. Это есть *тапас*».

Было сказано не так много слов, но они насытили Ганапати радостью, ведь Милость излучалась от Свами. С бьющей через край жизненной энергией, которую он вкладывал во всё, Шастри написал друзьям о полученной *упадеше* и начал сочинять стихотворные восхваления Свами на санскрите. Он узнал от Паланисвами, что Свами раньше носил имя Венкатараман, и

объявил, что отныне тот должен быть известен как Бхагаван Шри Рамана и как Махарши. Имя «Рамана» получило употребление немедленно. Точно так же и титул Махарши (*Маха-ршии*, великий *ршии*). Долго было привычным называть его в речи и письменно «Махарши». Однако постепенно среди почитателей распространилась практика обращения к нему в третьем лице: «Бхагаван», что означает «Божественный», или просто «Бог». Сам Шри Бхагаван обычно говорил безличностно, избегая употреблять слово «я». Например, он на самом деле не говорил: «Я не знал, когда солнце поднимается или садится», как цитировалось в главе 5. Фраза звучала так: «Кто знал, когда солнце поднимается или садится?». Иногда он также ссылался на свое тело как «это». Только в утверждениях, где слово «Бог» было бы предпочтительным, он использовал слово «Бхагаван» и говорил в третьем лице. Например, когда моя дочь уходила в школу и просила его вспоминать о ней, пока ее не будет, ответ был следующий: «Если Китти вспоминает Бхагавана, то Бхагаван будет вспоминать Китти».

Ганапати Шастри также любил ссылаться на Шри Бхагавана как на проявление Бога Субрамани, но в этом почитатели справедливо отказывались ему следовать, чувствуя, что рассматривать Шри Бхагавана проявлением какого-либо одного божественного аспекта — значит пытаться ограничить Неограниченное, и сам Шри Бхагаван не соглашался с таким отождествлением. Один из посетителей как-то спросил его: «Если Бхагаван является *аватаром* Субрамани, как говорят некоторые, то почему он открыто не скажет нам об этом, чтобы мы не потерялись в догадках?»

Он ответил: «Что такое *аватар*? *Аватар* — это только проявление одного аспекта Бога, тогда как *джняни* есть Бог Сам».

Приблизительно через год после встречи со Шри Бхагаваном Ганапати Шастри испытал замечательное проявление его Милости. При медитации в храме Ганапати города Тирувотияра он почувствовал отвлечение внимания и пылко устремился к Присутствию и Руководству Шри Бхагавана. В этот момент Шри Бхагаван вошел в храм. Ганапати Шастри простерся перед ним и, словно поднимаемый неведомой силой, почувствовал руку Шри Бхагавана на своей голове и необычайную жизненную силу, льющуюся через его тело от этого прикосновения. Таким образом он тоже получил Милость прикосновением от Учителя.

Впоследствии, говоря об этом происшествии, Шри Бхагаван сказал: «Однажды, несколько лет назад, я лежал и проснулся, когда ясно почувствовал, что мое тело поднимается все выше и выше. Я мог видеть, что физические объекты внизу становятся все меньше и меньше, пока они совсем не исчезли и все вокруг меня не стало безграничным пространством ослепительного света. Через какое-то время я почувствовал, что тело медленно снижается и физические объекты внизу начали появляться. Я так полно сознавал происходящее, что окончательно сделал вывод: именно этим способом *Сиддхи* (Мудрецы, обладающие сверхобычными силами) путешествуют на огромные расстояния в короткое время, появляются и исчезают таким таинственным способом. В то время, как тело таким образом опустилось на землю, и случилось, что я оказался в Тирувотияре, хотя никогда ранее и не видел этого места. Я находился на дороге и пошел по ней. На некотором расстоянии от края дороги стоял храм Ганапати, и я вошел в него».

Этот случай весьма характерен для Шри Бхагавана. И особенность состоит в том, что несчастье или преданность кого-либо из его людей должны были в дальнейшем вызвать произвольный отклик и вмешательство в форме, которая только и могла быть названа сверхъестественной. Другая характерная особенность такова, что Шри Бхагаван, обладая всеми божественными силами, совершенно не интересовался использованием сил более тонких, чем физический мир, и, когда подобные вещи случались в ответ на мольбу преданного, он мог сказать с простодушием ребенка: «Я полагаю, что такое делают *Сиддхи*».

И как раз этого равнодушия Ганапати Шастри оказывался не в состоянии достичь. Он как-

то спросил: «Является ли поиск источника „я”-мысли достаточным для достижения всех моих целей или необходима еще *мантрадхьяна* (повторение священных формул)?» Всегда одно и то же: его цели, его стремления, возрождение страны, оживление религии.

Шри Бхагаван ответил коротко: «Первого будет достаточно». А когда Шастри продолжал говорить о своих целях и идеалах, он добавил: «Будет лучше, если вы бросите всю ношу на Господа. Он вынесет все бремя, а вы будете свободны от него. Господь сделает свою часть».

В 1917 году Ганапати Шастри и другие почитатели задали ряд вопросов Шри Бхагавану, ответы на которые составили книгу под названием *Шри Рамана Гита* — более ученую и теоретическую, чем большинство подобных книг *. Характерно, что в одном из своих вопросов Ганапати Шастри спросил: «Если кто-то, как это бывает, достиг *джняны* (Само-реализации) в ходе поиска некоторых особых сил, то будут ли его первоначальные желания исполнены?» И нигде быстрый и тонкий юмор Шри Бхагавана не иллюстрируется лучше, чем ответом, который он дал: «Если йогин, хотя и начавший йогу ради исполнения своих желаний, добыл между тем Знание, то бурной радости не будет, даже хотя его желания тоже осуществились».

Около 1934 года Ганапати Шастри с группой своих последователей обосновался в деревне Нимпура близ Карагпура и до смерти, двумя годами позднее, полностью посвятил себя *тапасу* (аскёзе). После смерти Ганапати Шри Бхагавана как-то спросили, мог ли Шастри достичь Реализации в этой жизни, и Махарши ответил: «Как он мог? Его *санкальпы* (внутренние склонности) были слишком сильны».

Ф. Х. Хэмфри

Первый западный почитатель Шри Бхагавана уже занимался оккультизмом, до того как прибыл в Индию в 1911 году. Ему было только 21, и он стал работать в полицейской службе Веллора. Хэмфри нанял учителя, некоего Нарасимхайю, чтобы тот учил его телугу, и на первом же уроке попросил достать книгу на английском языке по индийской астрологии. Со стороны белого господина это было странным требованием, но Нарасимхайя уступил просьбе и взял ему книгу в библиотеке. На следующий день Хэмфри задал еще более удивляющий вопрос: «Не знаете ли Вы здесь какого-нибудь *махатму*?»

Нарасимхайя коротко ответил, что не знает. Однако это не спасло его от дальнейшего замешательства, так как на следующий день Хэмфри сказал: «Вы вчера говорили мне, что не знаете никакого *махатму*? Пусть так, но сегодня утром, как раз перед пробуждением, я видел вашего Гуру. Он сидел рядом, что-то произнес, однако я не понял».

Так как Нарасимхайя все еще выглядел неубежденным, Хэмфри продолжал: «Первым человеком из Веллора, которого я встретил в Бомбее, были Вы». Нарасимхайя начал протестовать: ведь он никогда не был в Бомбее. Тогда Хэмфри объяснил, что сразу по прибытии в Бомбей его, страдающего от сильной лихорадки, положили в госпиталь. Для того чтобы получить некоторое облегчение от страдания, он мысленно отправился в Веллор, куда должен был приехать немедленно после высадки, если бы не болезнь. Он пропутешествовал в Веллор в астральном теле и там увидел Нарасимхайю.

Нарасимхайя просто ответил, что ничего не знает об астральном теле или каком-либо ином, кроме физического. Однако на следующий день для проверки правдивости сна он, прежде чем уйти на урок к другому офицеру полиции, оставил на столе Хэмфри пачку фотографий. Тот просмотрел их и сразу выбрал снимок Ганапати Шастри. «Здесь! — воскликнул он, когда учитель вернулся. — Это ваш Гуру».

Нарасимхайя признал, что так оно и есть. После этого Хэмфри снова заболел и должен был отправиться в Оотакамунд для восстановления сил. Прошло несколько месяцев, прежде чем он вернулся в Веллор. При этом он снова удивил Нарасимхайю: на этот раз зарисовкой горной

пещеры, увиденной во сне, с ручьем, бегущим перед ней, и Мудрецом, стоящим у входа. Это могла быть только Вирупакша. Нарасимхайя тотчас же рассказал ему о Шри Бхагаване. Хэмфри познакомили с Ганapati Шастри, в нем зародилось большое уважение к Махарши, и в том же месяце, в ноябре 1911 года, все трое предприняли визит в Тируваннамалай.

Первое впечатление Хэмфри о необычайной Тишине Шри Бхагавана уже цитировалось в главе 6. В том же письме, из которого был взят отрывок, он также писал:

«Наиболее трогательным было зрелище множества крошечных детей вплоть до семилетнего возраста, поднимающихся на гору по собственному желанию, чтобы прийти и сидеть около Махарши, хотя он мог не сказать ни слова и даже не смотреть на них целыми днями. Они не играли, а просто сидели спокойно, в полной удовлетворенности».

Подобно Ганapati Шастри, Хэмфри стремился помочь миру.

Хэмфри: Учитель, могу ли я помочь миру?

Бхагаван: Помогите себе, и вы поможете миру.

Х: Я хочу помочь миру. Разве я не могу быть полезным?

Б: Да, помогая себе, вы помогаете миру. Вы находитесь в мире, вы есть мир. Ни вы не отличаетесь от мира, ни мир не отличается от вас.

Х: (после паузы). Учитель, могу ли я совершать чудеса, как раньше делали Иисус и Шри Кришна?

Б: Разве кто-либо из них, делая чудеса, чувствовал, что это он совершает чудо?

Х: Нет, Учитель.

Это было незадолго перед тем, как Хэмфри повторил свое посещение.

«Я поехал на мотоцикле и поднялся к пещере. Мудрец улыбнулся, когда увидел меня, но нисколько не удивился. Мы вошли внутрь и прежде чем сели, он задал мне вопрос о том, что мог знать только я.

Очевидно, он постиг меня в тот момент, когда увидел. Каждый проходящий к нему был открытой книгой, и единственного взгляда было достаточно, чтобы он открыл ее содержание.

„Вы еще не ели, — сказал Махарши, — и голодны”. Я признался, что голоден, и он сразу позвал *челу* (ученика) принести мне пищу — рис, гхи, фрукты и т. п., поедаемую с помощью пальцев, так как индусы не употребляют ложек. Хотя я имел практику еды таким способом, мне не хватало проворства. Поэтому он дал мне ложку в виде кокосового ореха, улыбаясь и беседуя время от времени. Ты не можешь представить себе ничего более прекрасного, чем его улыбка. Я пил молоко кокосового ореха, беловатое, напоминающее коровье, и очень вкусное, в которое он сам добавил несколько крупинок сахара.

Когда я закончил еду, то был еще голоден, и он, зная это, приказал принести добавку. Махарши знал всё, и когда другие понуждали меня, уже сытого, съесть фрукт, он сразу останавливал их.

Я должен был извиниться за свою манеру питья, но он сказал только: „Не беспокойтесь”. Индусы очень щепетильны в этом. Они никогда не пьют жидкость маленькими глотками и не касаются сосуда губами, а выливают жидкость прямо в рот. Таким образом многие могут пить из одной и той же чашки без боязни заразиться.

Пока я ел, он рассказывал о моем прошлом другим и очень точно. Но он видел меня до этого лишь однажды, а потом — сотни и сотни других людей. Он просто включил, как это бывает, ясновидение, точно так же, как мы обычно обращаемся к энциклопедии. Я сидел около трех часов, слушая его учение.

Позднее я захотел пить, так как ехал сюда в сильную жару, но не высказал этого. Однако Махарши узнал и попросил *челу* принести мне какого-нибудь освежающего напитка.

Наконец настало время уйти, я поклонился, как мы обычно делали, и пошел к выходу из

пещеры, чтобы надеть обувь. Он тоже подошел к выходу и сказал, что я опять могу прийти видеть его.

Удивительно, какое изменение производит в человеке пребывание в его Присутствии!»

Нет сомнения в том, что сидевший перед Шри Бхагаваном был для него открытой книгой. Тем не менее Хэмфри наверняка ошибался, говоря о ясновидении. Хотя Шри Бхагаван видел людей насквозь, чтобы помогать и руководить ими, он не использовал каких-либо сверхъестественных сил на человеческом уровне. Его память на лица была такой же феноменальной, как и на книги. Из тысяч приходивших Махарши никогда не забывал преданного, который хоть раз посетил его, и узнавал человека, даже если тот возвращался годы спустя. Он помнил историю жизни каждого почитателя, а Нарасимхайя должен был рассказать ему о Хэмфри. Он выказывал крайнюю осторожность, когда лучше всего было не говорить о каком-либо вопросе, но обычно имел простоту и бесхитрость ребенка и, словно ребенок, мог сказать о ком-нибудь прямо ему в лицо, совершенно без стеснения и не вызывая замешательства. Что касается еды и питья, то Шри Бхагаван был не только внимателен к другим, но невероятно наблюдателен и следил, будет ли гость удовлетворен.

Чудотворные силы сами начали проявляться в Хэмфри, но Шри Бхагаван предостерегал его не потворствовать им, и тот оказался достаточно сильным, чтобы сопротивляться искушению. Действительно, под влиянием Шри Бхагавана он вскоре утратил весь свой интерес к оккультизму.

Кроме того, Хэмфри перерос заблуждение, почти универсальное для Запада и все более обычное на современном Востоке, что помочь человечеству можно только внешней активностью. Ему было сказано, что, помогая себе, человек помогает миру. Этот афоризм, который школа *laissez faire* * ошибочно считает истиной в экономическом смысле, на самом деле истинен и духовно, поскольку в духовном плане богатство человека не уменьшает, но увеличивает богатство других. Точно как Хэмфри видел Шри Бхагавана во время первой встречи словно «неподвижное тело, из которого необычайно лучится Бог», так и каждый, согласно своей способности, есть передающая станция невидимых влияний. В состоянии гармонии и свободы от эгоизма всякий человек неизбежно и произвольно испускает гармонию, проявляет он внешнюю активность или нет, а когда его собственная природа беспокойна и эго сильно, излучается дисгармония, хотя внешне человек может в это время совершать богослужение.

Несмотря на то что Хэмфри никогда не жил со Шри Бхагаваном, а только посетил несколько раз, он впитал его наставления и получил его Милость. Письмо, посланное им другу в Англию, было опубликовано позднее в «Международной психологической газете» и осталось превосходным представлением Учения.

«Учитель — человек, который медитирует единственно на Боге, он швырнул свою личность целиком в море Бога, утопил и забыл ее там, став лишь инструментом Бога, и когда его рот открывается, то говорит слова Бога без усилия или преднамеренности, и когда он поднимает руку, Бог вновь течет сквозь нее, творя чудо.

Не думайте слишком много о физическом феномене и подобных тому вещах. Их число — легион, и как только вера в физическое явление утвердится в сердце искателя, такие феномены сделают свою работу. Ясновидение, яснослышание и подобное им не имеют ценности, когда значительно большее просветление и Мир возможны без них, чем с ними. Учитель рассматривает эти силы как форму самопожертвования!

Представление, что Учитель — это просто человек, долгой практикой, молитвой или чем-либо подобным достигший различных оккультных сил, абсолютно ошибочно. Учитель всегда ни в грош не ставил оккультные силы, ибо он не нуждается в них в своей каждодневной жизни.

Феномены, которые мы видим, странны и удивительны. Но самое изумительное из всего мы

не осознаем. Оно есть та единая и одна единственная, неограниченная сила, ответственная:

а) за все видимые нами феномены и

б) за сам акт видения их.

Не останавливайте ваше внимание на всех этих изменяющихся явлениях жизни, смерти и феноменах. Не думайте даже о действительных актах видения или восприятия их, но лишь о ТОМ, которое видит все эти вещи, — ТОМ, которое ответственно за все это. Сначала это будет казаться невозможным, но постепенно результат будет чувствоваться. Потребуется годы постоянной, ежедневной практики согласно наставлениям Учителя. Отдайте четверть часа ежедневно этой практике. Старайтесь держать ум непоколебимо установленным на ТОМ, которое видит. Оно внутри вас. Не ожидайте обнаружить, что ТО есть нечто определенное, на котором ум может быть легко установлен. Это будет не так. Хотя нахождение такого ТО займет годы, результаты подобной концентрации будут видимы в течение четырех или пяти месяцев — во всех видах бессознательного ясновидения, Мира ума, в силе справляться с бедами, в силе вокруг, однако всегда бессознательной силе¹.

Я дал тебе это учение в тех же самых словах, в которых Учитель передает его близким челам. Пусть впредь вся твоя мысль в медитации будет не действием видения, не тем, что ты видишь, но непоколебимо установленной на ТОМ, которое видит.

Человек не получает награды за Достижение. Тогда он понимает, что не хочет ее. Как говорит Кришна: „Ты имеешь право на работу, но не на ее плоды” *. Истинное достижение — это просто почитание, и почитание есть достижение.

Если ты сидишь и осознаешь, что мыслишь только благодаря единой жизни и что ум, вдохновленный этой единой жизнью на действие мышления, есть часть целого, которое суть Бог, то ты разубедишься в существовании ума как отдельной сущности; и в результате ум и тело, так сказать, физически исчезают. Единственно, что остается, — Бытие, являющееся сразу и существованием и не-существованием, необъяснимое словами или идеями.

Учитель не может удержаться от беспрестанного пребывания в этом состоянии, имея лишь то различие, что некоторым для нас непостижимым путем он способен использовать ум, тело, а также интеллект, не впадая обратно в иллюзию наличия отдельного сознания.

Бесполезно философствовать, бесполезно стараться и принимать умственное или интеллектуальное понимание, а затем действовать, исходя из этого. Оно есть лишь религия, кодекс для детей и для жизни в обществе, руководство, помогающее нам избежать потрясений, чтобы внутренний огонь мог сжечь наше сумасбродство и учить, скорее всего понемногу, здравому смыслу, то есть знанию об иллюзии отделенности.

Религии, будь то христианство, буддизм, индуизм, теософия или любые другие разновидности „измов” и „софий”, или систем, могут лишь довести нас до общей точки встречи религий и не далее.

Эта единая точка, где встречаются все религии, есть осознание — не в мистическом смысле, но в высшей степени земном и ежедневном смысле, и, вдобавок, мирское, каждодневное и практически выгодное — того факта, что Бог есть всё и всё есть Бог.

С этой точки зрения начинается работа практики такого умственного понимания, и вся она состоит из разрушения привычки. Необходимо прекратить называть вещи „вещами”, должно именовать их „Бог” и вместо того, чтобы думать о них как о вещах, должно знать их как Бога. Вместо того чтобы воображать „существование” единственно возможным для вещи, необходимо сознавать, что это (феноменальное) существование является только творением ума и что „не-существование” есть необходимое следствие постулата „существование”.

Знание чего-либо только показывает наличие органа познания. Нет звуков для глухого, нет зрелищ для слепого, и ум есть просто орган понимания или представления определенных сторон

Бога.

Бог бесконечен, а поэтому существование и несуществование являются лишь Его разными сторонами. Я совсем не хочу сказать, что Бог имеет *определенные* составные части. Трудно быть исчерпывающим, когда говоришь о Боге. Истинное знание приходит изнутри, а не снаружи. Истинное знание также не есть „познание”, но „видение”.

Реализация есть не что иное, как буквальное видение Бога. Наша величайшая ошибка в том, что мы думаем о Боге, как действующем символически и аллегорически, а не практически и буквально.

Возьми кусок стекла, распиши цветными рисунками, вставь в диапроектор, включи небольшой свет, и тогда цвета и формы, нарисованные на стекле, воспроизведутся на экране. Если свет не включен, то цвета диапозитива ты не увидишь.

А как образуются цвета? Разложением белого цвета многогранной призмой. То же и с характером человека. Он видим, когда Свет Жизни (Бога) сияет через него, то есть в человеческих действиях. Если человек крепко спит или мертв, то ты не увидишь его характера. Только когда Свет Жизни оживляет этот характер и заставляет действовать тысячей различных способов, отвечая на контакт с многогранным миром, ты можешь ощутить характер человека. Если белый свет не разложился и не воплотился в образы и формы нашего слайда в диапроекторе, то мы никогда не узнаем, что перед этим светом вообще был слайд, так как свет будет свободно сиять насквозь. И в буквальном и в переносном смысле тот белый свет искажается и частично теряет свою чистоту, поскольку должен просиять через цветные образы на стекле.

То же и с обычным человеком. Его ум похож на экран. Туда падает свет, потускневший, изменившийся, потому что человек позволил многогранному миру стать на пути Света (Бога) и разложить его. Он видит только действия Света (Бога) вместо Света (Бога) Самого, и его ум отражает эти следствия как экран — цвета на стекле. Убери призму, и цвета исчезнут, снова поглощенные белым светом, из которого они произошли. Убери цвета со слайда, и свет засияет, свободно проходя насквозь. Убери от нашего зрения мир эффектов, на который мы смотрим, давай исследовать только причину, и мы увидим Свет (Бога).

Учитель медитирует, хотя глаза и уши открыты, так твердо установив свое внимание на „ТОМ, которое видит”, что у него нет ни зрения, ни слуха, ни какого-либо физического сознания вообще, а также и ментального, но только духовное.

Мы должны убрать мир, который вызывает наши сомнения, который омрачает наши умы, и свет Бога ясно засияет от начала и до конца. Что значит убрать мир? Когда, например, вместо видения человека ты смотришь и говоришь: „Это Бог, оживляющий тело”, то есть тело отвечает, более или менее совершенно, указаниям Бога, как и корабль более или менее совершенно отвечает своему рулю.

Что такое грехи? Почему, например, человек слишком много пьет? Потому что он ненавидит идею быть ограниченным — ограниченным неспособностью пить столько, сколько пожелает. Он стремится к свободе в каждом совершаемом грехе. Это стремление к свободе есть первое инстинктивное действие Бога в человеческом уме, так как Бог знает, что он не ограничен. Пьянство не приносит человеку свободу, но тогда человек не знает, что он действительно ищет свободу. Когда же осознает это, то приступает к поиску наилучшего пути ее обретения.

Но человек получает эту свободу, только когда осознаёт, что никогда не был связан. Его „я”, то „Я”, которое чувствует себя ограниченным, является на самом деле неограниченным Духом, Я. „Я” ограничено, ибо я ничего не знаю о том, что я не чувствую одним из присутствующих мне изначально чувств. Ведь на самом деле Я есмь все это время то, которое чувствует в каждом

теле, в каждом уме. Эти тела и умы являются лишь инструментами Я, неограниченного Духа.

Разве Я нуждается в инструментах, являясь самими инструментами, когда цвета радуги являются Белым Светом?!»

Нет нужды говорить, что служба в полиции оказалась не подходящей по духу для Хэмфри. Шри Бхагаван посоветовал ему служить и медитировать в одно и то же время. Несколько лет Хэмфри так и делал, а затем ушел в отставку. Уже будучи католиком и понимая сущностное единодушие всех религий, он не видел необходимости в изменении своих традиций и вернулся в Англию, где поступил в монастырь.

Теософист

Терпимость и доброта Шри Бхагавана часто впечатляли людей. И не просто потому, что он признавал истину всех религий — ведь это мог делать любой человек с духовным пониманием, — но если какая-либо школа, группа или ашрам стремились распространить духовность, он мог проявить уважение к творимому ими добру, как бы далеки ни были их методы от его собственного или от строго ортодоксальных.

Рагхавачариар, правительственный чиновник в Тируваннамалае, посещал Шри Бхагавана лишь время от времени. Он хотел узнать его мнение о Теософском обществе, но, приходя, заставлял толпу почитателей и избегал говорить в их присутствии. Однажды он решился задать три вопроса. Вот как Рагхавачариар сам рассказывает об этом:

«Вопросы были такими:

1. Можете ли Вы дать мне несколько минут для частной, личной беседы, при отсутствии всех других посетителей?
2. Я хотел бы узнать Ваше мнение о Теософском обществе, членом которого являюсь.
3. Не будете ли Вы добры дать мне возможность видеть Вашу подлинную форму, если я подготовлен созерцать ее.

Когда я вошел и упал ниц, а затем сел в его Присутствии, здесь была толпа не меньше, чем в тридцать человек, но все вскоре по одному разошлись. Поэтому я остался с Махарши наедине, получив ответ на первый вопрос, не формулируя его. Это поразило меня как знак, заслуживающий внимания.

Затем он сам спросил, была ли книга в моей руке *Гитой* и являюсь ли я членом Теософского общества, заметив, даже прежде, чем я задал свой вопрос: „Оно делает хорошую работу”. Я ответил на его вопросы утвердительно.

Мой второй вопрос таким образом тоже был предупрежден, и я с нетерпением ждал третьего. Через полчаса я открыл рот и сказал: „Точно как Арджуна желал созерцать форму Шри Кришны и просил *даршана* (видения его), так и я жажду иметь *даршан* Вашей истинной формы, если достоин”. Он тогда сидел на *пиале* (помосте), а позади него, на стене, красками был нарисован портрет Дакшинамурти. Махарши, как обычно, пристально смотрел в безмолвии, и я тоже пристально смотрел в его глаза. Тогда его тело вместе с изображением Дакшинамурти исчезли из моего поля зрения. Передо мной было только пустое пространство, даже без стен. После этого беловатое облако с очертаниями Махарши и Дакшинамурти образовалось перед моими глазами. Постепенно очертания их фигур становились все более четкими. Затем глаза, нос и другие детали стали вырисовываться светоподобными линиями. Они медленно расширялись, пока вся фигура Мудреца и Дакшинамурти не стала огненной, с очень сильным, до невыносимости, светом. Поэтому я закрыл глаза и ожидал несколько минут, а затем увидел его и Дакшинамурти в обычной форме. Я простерся ниц перед Махарши и вышел. В течение месяца после этого я не отваживался близко подходить к нему: так велико было впечатление, которое оказало на меня переживание *даршана*. Через месяц я поднялся по Горе и увидел Махарши

стоящим перед входом в Скандашрам. Я обратился к нему: „Месяц назад я задал Вам вопрос о возможности увидеть Вашу подлинную форму и имел такое переживание”. И здесь я рассказал о переживании *даршана*, попросив объяснить его смысл. После паузы Махарши ответил: „Вы хотели видеть мою форму, и вы увидели мое исчезновение. Я бесформен. Поэтому то переживание могло быть настоящей истиной. Дальнейшие видения могут соответствовать вашим собственным представлениям, полученным от изучения *Бхагавад-Гиты*. Но Ганapati Шастри имел сходное переживание, и вы можете посоветоваться с ним”. (Я на самом деле не консультировался с Шастри). После этого Махарши сказал: „Найдите, кто есть ‚Я’, видящий или мыслящий, и его местообитание”».

Анонимный поклонник

Посетитель пришел в пещеру Вирупакша и хотя оставался только пять дней, но так очевидно имел Милость Шри Бхагавана, что Нарасимхасвами, собиравший материал для биографии Махарши — книги «Само-реализация», на которой базируется большая часть настоящей работы, решил записать его имя и адрес. Вокруг этого посетителя царили приподнятое настроение и безмятежность, а лучистые глаза Шри Бхагавана сияли ему. Каждый день он сочинял на тамили песню в честь Шри Бхагавана, такую восторженную, такую непосредственную, настолько исполненную радости и преданности, что среди всех сочиненных песен эти являются немногими, которые продолжают петь и поныне. Позднее Нарасимхасвами посетил Сатьямангалам, город, названный этим посетителем, чтобы собрать о нем больше подробностей, но там такого человека не знали. Было указано, что его имя означает «Обитель Благословенности» и наводит на мысль, что посетитель мог оказаться эмиссаром некоей скрытой «Обители Благословенности», пришедшим оказать почтение *Садгуру* этого века.

Одна из его песен приветствует Шри Раману как «*Рамана Садгуру*». Однажды, когда ее исполняли, Шри Бхагаван сам присоединился к пению. Почитатель, который пел, засмеялся и сказал: «Первый раз я слышу, чтобы кто-нибудь пел хвалу самому себе».

Шри Бхагаван ответил: «Почему надо ограничивать Раману этими шестью футами? Рамана является всеобщим».

Одна из пяти песен так наполнена радостями рассвета и пробуждения, что каждый может прекрасно уверовать в истинный Рассвет того, кто ее сочинил:

Рассвет — это подъем на Гору,

Сладкий Рамана, приди!

Господь Аруначала, приди!

В кустарнике пташка поет,

Возлюбленный Учитель, Рамана, приди!

Господь Знания, приди!

Раковина трубит, звезды потускнели.

Сладкий Рамана, приди!

Господь Бог всех богов, приди!

Петухи поют; птицы щебечут,

Уже время, приди!

Ночь бежала, приди!

Трубы играют, барабаны бьют,

Ярко-золотистый Рамана, приди!

Знание Пробуждения, приди!

Вороны проснулись — наступило утро,

Господь, украшенный змеей ¹, приди!

Синегорлый Господь ¹, приди!

Неведенье исчезло, лотосы ² открыты,

Мудрый Господь Рамана, приди!

Венец *Вед*, приди!

Незапятнанный качествами, Господь

Освобождения,

Милостивый Рамана, приди!

Господь Мира, приди!

Мудрец и Господь,

Единый с Бытием-Знанием-Блаженством,

Господь, танцующий в радости ¹, приди!

Любовь на вершине Знания,

Превосходящая удовольствие, превосходящая
страдание, приди!

Тишина Счастья, приди!

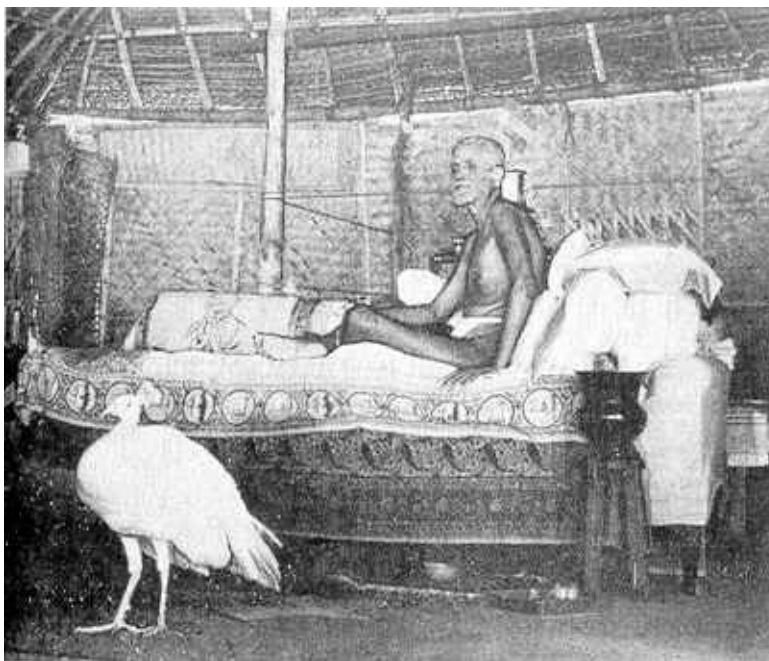
Глава 11

Животные

Согласно представлениям индуизма (как разъяснено, например, Шанкарачарьей в комментарии на *Бхагавад-Гиту*, гл. V, шлоки 40 — 44), после смерти тот, кто не растворил иллюзию отдельной личности в осознании тождества с Атманом, переходит на небеса или в ад согласно хорошей или плохой *карме* или их сводному балансу, накопленному в течение земной жизни. После исчерпания этого времени жатвы он снова возвращается на землю, к высокому или низкому рождению, в соответствии со своей *кармой*, для того чтобы отработать часть, известную как *праарабдха*, то есть судьбу, в его земной жизни. В течение этой новой жизни он опять накапливает *агами*, или новую *карму*, добавляя ее к своей *санчита-карме* или тому остатку уже собранной *кармы*, которая не является *праарабдхой*.

Обычно считается, что духовное продвижение возможно и карма отрабатывается только в течение человеческого воплощения, однако Шри Бхагаван указал, что и животные в состоянии отрабатывать их карму. В разговоре, цитируемом ниже в этой главе, он говорит: «Мы не знаем, какие души могут занимать эти тела и для завершения какой части их неоконченной кармы они могут искать нашего общества». Шанкарачарья тоже утверждал, что животные могут достичь Освобождения. Кроме того, в одной из *Пуран* рассказывается, как Мудрец Джада-Бхарата, умирая, был захвачен мимолетной мыслью о своем ручном олене и должен был родиться вновь оленем, чтобы изгнать эту последнюю оставшуюся привязанность.

Шри Бхагаван относил те же соображения и к животным, чья судьба привела их в контакт с ним, как она приводила людей. И животные не менее притягивались к Махарши, чем люди. Уже в Гурумуртаме

С белым павлином

птицы и белки, бывало, строили свои жилища около него. В те дни его преданные считали, что он забыл мир, так как был не привязан к нему, но на самом деле Шри Бхагаван проявлял острую наблюдательность и впоследствии рассказывал о беличьей семье, которая заняла гнездо, брошенное какими-то птицами.

Махарши никогда не ссылался на животное в обычном тамильском стиле как «это», но всегда как «он» или «она». «Мальчикам дали пищу?» — здесь речь шла о собаках Ашрама. «Дайте Лакшми ее рис тотчас», — тут он имел в виду корову Лакшми. В Ашраме было обычным правило, что во время принятия пищи первыми кормили собак, затем — любых приходивших нищих и наконец — преданных. Зная нежелание Шри Бхагавана принимать что-либо, если это нельзя разделить между всеми поровну, я однажды был удивлен, видя, как он во время обычной еды пробует плод манго. И тогда же я нашел причину — только что начался сезон для манго, и Махарши хотел посмотреть, достаточно ли плод созрел, чтобы дать белому павлину, получен-

ному от Махарани из Бароды и ставшему его подопечным. Были также и другие павлины. Он обращался к ним, имитируя их крик, а они приходили и получали земляные орехи, рис, манго. За день до своей физической смерти, когда врачи сказали, что боль должна быть ужасной, Шри Бхагаван услышал пронзительный павлиний крик с неподалеку стоявшего дерева и спросил, получили ли они пищу.

Белки часто запрыгивали через окно на его кушетку, и он всегда держал возле себя небольшую баночку с земляными орехами для них. Иногда он протягивал ее пришедшей белочке и позволял брать самой, а иногда держал орех, в то время как маленькое создание лакомилось из его руки. Однажды, когда, из-за возраста и ревматизма, Махарши уже ходил с помощью посоха, он спускался по ступенькам * с Горы на территорию Ашрама. В это время белка проскакала мимо его ноги, преследуемая собакой. Он крикнул на собаку и бросил посох между ними, однако при этом поскользнулся и сломал ключицу. Но собака была отвлечена, а белка спасена.

Животные чувствовали его Милость. Если люди заботились о диком животном, то оно отвечало своеобразным бойкотом, но, когда попечение исходило от него, этого не было. Скорее казалось, что животные чтят его помощь. Они чувствовали полное отсутствие страха и гнева в нем. Махарши сидел на склоне горы, когда змея проползла по его ногам, а он и не шелохнулся и не выказал никакой тревоги. Почитатель спросил его, что чувствуется, когда по телу ползет змея, и он, смеясь, ответил: «Прохлада и мягкость».

Где бы ни проживал, он никогда не убивал змей. «Мы пришли в их дом и не имеем права беспокоить или мешать им. Они не трогают нас». И змеи не трогали. Однажды его мать сильно испугалась, когда кобра приблизилась к ней. Шри Бхагаван подошел к змее, та повернулась и уползла в расщелину между двумя скалами, а он последовал за ней. Однако проход кончился перед отвесной стеной и, не в состоянии ускользнуть, кобра развернулась, свилась в кольцо и посмотрела на него. Махарши тоже смотрел. Это продолжалось несколько минут, затем кобра распрямилась и, чувствуя, что опасаться нечего, спокойно проползла прочь, почти по его ногам.

Однажды, когда он сидел с несколькими почитателями в Скандашраме, мангуст прыгнул и сел ненадолго к нему на колени. Махарши спросил: «Кто знает, почему он пришел?» — и сам ответил: «Это не мог быть обыкновенный мангуст». Другой случай о далеком от заурядности мангусте рассказал профессор Венкатарамиах в своем дневнике *. Отвечая на вопрос Гранта Дуффа, Шри Бхагаван сказал:

«Это случилось в день Ардра Даршан (праздник почитателей Шивы). Я тогда жил на Горе в Скандашраме. Потоки посетителей устремлялись из города вверх по Горе, и мангуст, необыкновенно большой и золотистого оттенка, а не привычно серого цвета и без обычного черного пятна на хвосте, бесстрашно шел сквозь эти толпы. Люди думали, что он — ручной и его хозяин должен быть где-то в толпе. Мангуст шел прямо к Паланисвами, который в это время купался в ручье у пещеры Вирупакша. Паланисвами погладил это создание и дружески похлопал его. Мангуст проследовал за ним в пещеру, осматривая все углы и уголки в ней, а затем присоединился к толпе, идущей в Скандашрам. Каждый удивлялся его привлекательной внешности и бесстрашию движений. Мангуст подошел ко мне, взобрался на колени и некоторое время отдыхал там. Затем он поднялся выше, осмотрелся и двинулся вниз. Он обошел всю территорию, а я следовал за ним, чтобы ему не навредили невнимательные посетители или же павлины. Два павлина пытливно смотрели на него, но он тихо двигался от места к месту, пока в конце концов не исчез среди скал к юго-востоку от Ашрама».

Однажды ранним утром, перед восходом солнца, Шри Бхагаван резал овощи для кухни Ашрама вместе с двумя его преданными. Один из них, Лакшмана Шарма, привел свою собаку — красивого чисто-белого пса. Тот был в приподнятом настроении и отказался от предложенной ему пищи, Шри Бхагаван сказал: «Вы видите, какую радость он показывает? Это высокая душа,

которая приняла внешний вид собаки».

Профессор Венкатарамиах рассказал в своем дневнике о замечательном случае преданности собак Ашрама:

«В это время (т. е. в 1924 году) в Ашраме было четыре собаки. Шри Бхагаван говорил, что они не ели никакую пищу, если он сам не попробовал ее. Один *пандит* решил проверить это, развернув перед ними обильное „угощение“, но они не прикоснулись к нему. Через некоторое время Шри Бхагаван съел маленький кусочек, собаки мгновенно набросились на пищу и поглотили ее».

Большинство собак Ашрама вело свою родословную от Камалы, которая пришла в Скандашрам щенком. Преданные пытались прогнать ее прочь, опасаясь, что она будет приносить в Ашрам щенят ежегодно, но Камала уходить отказалась. Большое собачье семейство действительно выросло, но всем его членам должно было оказываться равное уважение. По случаю ее первых родов Камалу искупали, раскрасили куркумой, поставили киноварью точку на лоб и дали чистое место в Ашраме, где она оставалась со своими щенками в течение десяти дней. Десятый день ее очищения был отпразднован настоящим пиром. Она была смышленной и услужливой собакой. Шри Бхагаван часто поручал ей провести новоприбывшего вокруг Горы: «Камала, сделай с этим незнакомцем круг». И она подводила посетителя к каждой святыне, водоему и храму вокруг Горы.

Одной из наиболее замечательных собак, хотя и не потомства Камалы, был Чинна Каруппан (Маленький Черный). Шри Бхагаван сам описал его.

«Чинна Каруппан был чисто-черный, откуда и пошла его кличка. Он представлял особу высоких принципов. Когда мы жили в пещере Вирупакша, нечто черное часто подходило к нам на расстоянии. Мы иногда видели голову пса, украдкой выглядывавшую из-за кустов. Его *вайрагья* (бесстрастие) казалась очень сильной. Он ни с кем не общался и на самом деле избегал контактов. Мы уважали такую независимость и *вайрагью* и обычно оставляли пищу около его места и уходили. Однажды, когда мы поднимались по склону, Каруппан вдруг прыгнул на тропу, шаловливо подбежал ко мне, весело помахивая хвостом. Удивительно, почему он выбрал именно меня из всей группы, чтобы продемонстрировать свою любовь. После этого он остался с нами как один из обитателей Ашрама. Очень сообразительный и работоспособный малый он был, а какая умница! Он утратил всю свою прежнюю отчужденность и стал очень нежным. Это был случай всеобщего братства. Он заводил дружбу с каждым посетителем и обитателем Ашрама, забираясь к тому на колени и уютно устраиваясь там. Его попытки завязать отношения обычно хорошо принимались. Некоторые пытались избежать Каруппана, но он был неутомим в своих усилиях и в последний момент отказа не имел. Однако, если ему приказывали убираться, он повиновался, словно монах, соблюдающий обет послушания. Как-то раз он близко подошел к ортодоксальному брахману, который повторял *мантры* под деревом, растущим около нашей пещеры. Этот брахман рассматривал собак как нечистых и добросовестно избегал контакта или даже близости с ними. Однако Каруппан, очевидно, понимая и соблюдая только естественный закон равенства (*саматвам*), настаивал на близости к нему. Из уважения к чувствам брахмана один из обитателей Ашрама поднял свою палку и ударил собаку, хотя и не сильно. Каруппан завыл и убежал, больше никогда не возвращаясь в Ашрам, и никто его потом не видел. Он никогда вновь не подходил к месту, где с ним однажды плохо обошлись, таким чувствительным он был.

Человек, который совершил эту ошибку, очевидно, недооценил принципы этой собаки и ее восприимчивость. И однако предостережение уже было. И таким образом. Паланисвами однажды грубо говорил и вел себя с Чинна Каруппаном. Пришла холодная, дождливая ночь, но все тот же Чинна Каруппан покинул помещение Ашрама и провел целую ночь поодаль от него,

на мешке с углем. И вернулся он только на следующее утро. Поведение другой собаки было еще одним предостережением. Несколько лет назад Паланисвами выбрал маленького пса, жившего с нами в Вирупакше, собака побежала прямо вниз к водоему Санкхатиртам, и вскоре там нашли ее мертвое плавающее тело. Паланисвами и всем другим в Ашраме сразу же было сказано, что собаки и другие животные — обитатели Ашрама — имеют разум и свои собственные принципы и с ними нельзя обращаться грубо. Мы не знаем, какие души могут занимать эти тела и для завершения какой части их неоконченной *кармы* они могут искать нашего общества».

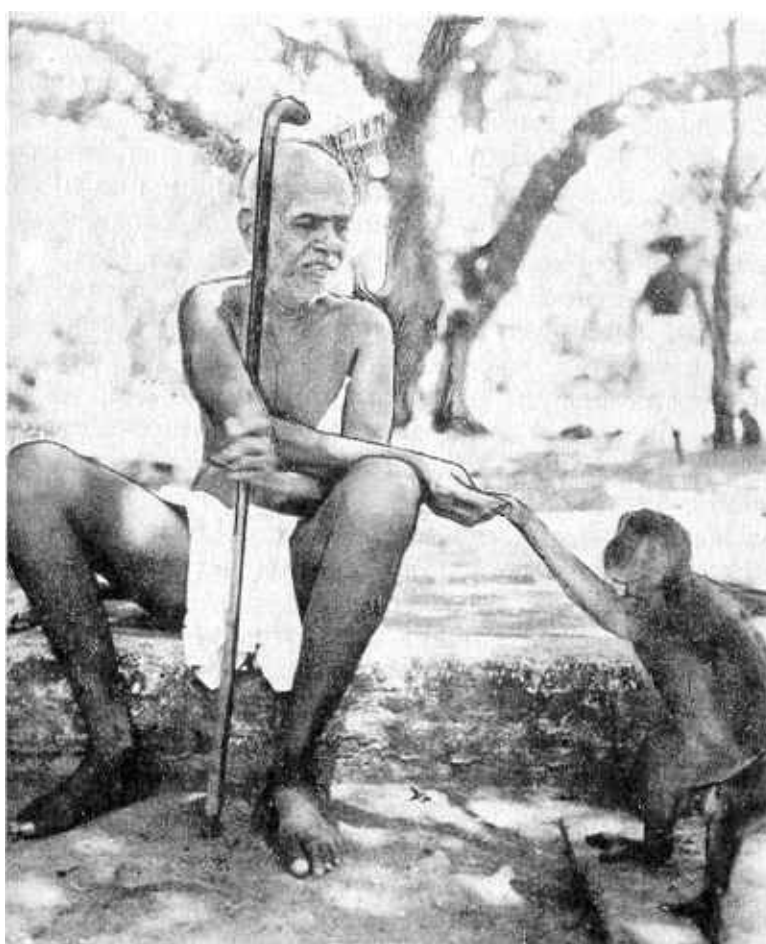
Были также и другие собаки, демонстрировавшие разумность и высокие принципы. Будучи в Скандашраме, Шри Бхагаван обычно стоял рядом с собакой Ашрама во время ее последнего вздоха, телу устраивали приличные похороны, а на могилу устанавливали камень. В последние годы, когда были выстроены здания Ашрама и особенно когда Шри Бхагаван стал менее подвижным, люди все больше относились к этому ритуалу каждый по-своему и все меньше допускали к себе животных-почитателей.

Вплоть до последних нескольких лет обезьяны еще подходили к окну рядом с кушеткой Шри Бхагавана и заглядывали через прутья решетки. Иногда можно было видеть обезьян-матерей с детенышами, прыгающими к решетке, чтобы показать малышей Бхагавану, как это делали человеческие матери. В качестве компромисса служителям разрешалось отгонять их, но сначала нужно было кинуть им банан.

Пока Шри Бхагаван не стал слишком немощен, он ходил на Гору каждое утро после семи и каждый вечер около пяти часов. Как-то вечером, вместо обычной короткой прогулки, он пошел в Скандашрам. Когда он не вернулся к своему времени, одни почитатели пошли за ним на склон горы, другие собрались маленькими группами, обсуждая, куда Бхагаван ушел, что это значит и что теперь делать, а остальные сидели в Холле, ожидая его. Пара обезьян подошла к двери Холла и, забыв свой страх людей, зашла вовнутрь и беспокойно смотрела на пустую кушетку.

После этого случая, за несколько лет до того, как люди утратили Шри Бхагавана на земле, дни обезьян в Ашраме подошли к концу. На площади перед Холлом были сооружены крыши из пальмовых листьев, что затруднило доступ обезьян к нему, а большинство из них было возвращено в джунгли или поймано муниципальными служащими и отправлено в Америку для участия в различных экспериментах*.

С 1900 года, когда Шри Бхагаван впервые пришел жить на Гору, и до 1922 года, когда спустился к Ашраму у ее подножия, он был очень близок с обезьянами, Махарши внимательно следил за ними, с любовью и симпатией, которую *джняни* (Мудрец) имеет ко всем существам, и с той острой наблюдательностью, что была естественна для него. Он научился понимать их крики, узнал кодексы поведения и систему управления. Он обнаружил, что каждое племя имеет своего царя и признанный район, а если другое племя нарушит границы, то будет война. Но перед началом войны и заключением мира племена обменивались послами. Шри Бхагаван рассказывал посетителям, что обезьяны признавали его своим в их общине и принимали в споры как арбитра.

Кормление обезьянки

«Обезьяны, как правило, бойкотировали того из своей группы, о ком заботились люди, но для меня они делали исключение. К тому же, при недоразумениях и ссорах они приходили ко мне и я мирил их, расталкивая в разные стороны и таким образом прекращая ссору. Однажды старший член их группы избил молодую обезьяну и оставил без помощи около Ашрама. Мальш, хромая, пришел в Ашрам, в пещеру Вирупакша, и с тех пор мы его звали Нонди (Хромой). Когда его группа вернулась пять дней спустя, то увидела, что я забочусь о нем, но все-таки взяла обратно. С той поры они все обычно приходили получить какую-нибудь мелочь, которую можно было сберечь для них в Ашраме, а Нонди садился прямо мне на колени. Он был скрупулезно чистым едоком. Когда перед ним ставили лист-тарелку *, наполненную рисом, он не разбрасывал с нее ни одного зернышка. Если же когда-либо это и случалось, то подбирал и съедал, прежде чем приниматься за содержимое тарелки.

Все-таки он был очень чувствителен. Однажды, по какой-то причине, Нонди выбросил немного пищи, и я отругал его... „Что! Почему ты зря тратишь еду?“ Он тотчас же ударил меня по глазу, слегка повредив. В наказание ему не разрешили приходиться ко мне и залезать на колени в течение нескольких дней, но мальш раболепствовал, горячо умоляя, и снова вернул свое счастливое место. Это был его второй проступок. А в первом случае я поднес к губам чашку горячего молока, чтобы подуть и остудить ему, но он пришел в раздражение и ударил меня по глазу. Здесь не было серьезного вреда, он сразу вернулся ко мне на колени и так ластился, словно хотел сказать: „Забудь и прости“, — и поэтому был прощен».

Позднее Нонди стал вождем племени. Шри Бхагаван также рассказывал о другом вожде обезьян, который пошел на смелый шаг, объявив вне закона двух буйных самцов из своего племени. После этого племя стало беспокойным, и вождь покинул их, уйдя в джунгли на две недели. После возвращения он послал вызов на поединок недовольным и бунтовщикам, но за время двухнедельного *tapasa* (лишений) вождь стал таким сильным, что никто не отважился

принять его вызов.

Как-то ранним утром сообщили, что какая-то обезьяна лежит, умирая, около Ашрама. Шри Бхагаван пошел посмотреть, и это оказался тот вождь. Его принесли к Ашраму и положили, еще поддерживающего себя, перед Шри Бхагаваном. Два изгнанных самца сидели на ближнем дереве, наблюдая. Шри Бхагаван передвинулся, и умирающая обезьяна инстинктивно укусила его ногу¹. После этого вождь издал последний стон и умер. Обе наблюдавшие обезьяны прыгали вверх и вниз, стеная от горя. Тело похоронили с почестями, даваемыми *санньясину*: омовение в молоке, потом в воде, обмазывание священным пеплом; сверху положили новую ткань, оставив лицо незакрытым, и перед ним жгли камфору. Место для могилы было выбрано неподалеку от Ашрама, а на нее положили камень.

Рассказывают об одном странном случае благодарности обезьян. Однажды Шри Бхагаван вместе с группой почитателей шел вокруг Горы и около Пачайамман Койла они почувствовали голод и жажду. Немедленно стая обезьян взобралась на дикие фиговые деревья по обочине дороги и потрясла ветви, усыпав дорогу спелыми плодами, а затем убежала, не съев ни одного из них. И в то же самое время подошла группа женщин с глиняными кувшинами питьевой воды.

Среди всех преданных ему животных самое большое расположение Шри Бхагаван испытывал к корове Лакшми. Молодой телочкой вместе с матерью ее привел в Ашрам в 1926 году некто Аруначала Пиллай из Кумара-Мангалама близ Гудьятхама и подарил Шри Бхагавану. Тот не хотел принимать дар, так как в Ашраме не было жилья для коров. Однако Аруначала Пиллай наотрез отказался взять их обратно, а преданный, Раманатх Дикшитар, предложил последить за ними, и поэтому они остались. Дикшитар смотрел за их нуждами около трех месяцев, а потом оставил в городе у человека, державшего коров. Тот держал Лакшми с матерью около года, а затем однажды пришел на *даршан* к Шри Бхагавану и привел их с собой. Телочка оказалась непреодолимо стремящейся к Шри Бхагавану, она запомнила дорогу к Ашраму, потому что на следующий день возвратилась одна, и после этого приходила каждое утро и возвращалась в город только вечером. Позднее, уже живя в Ашраме, она все еще приходила к Шри Бхагавану, направляясь прямо к нему, не обращая внимания на кого-либо еще, и Шри Бхагаван всегда имел бананы или какие-нибудь другие лакомства для нее. Длительное время Лакшми подходила к Холлу ежедневно перед обедом, чтобы сопровождать его в столовую, и так пунктуально, что если он был занят чем-нибудь и сидел дольше этого часа, то смотрел на часы, когда она приходила, и обнаруживал, что уже пора.

Она принесла много телят и по крайней мере троих к дню рождения (*Джаянти*) Бхагавана. Когда в Ашраме был построен каменный коровник, то решили, что в день торжественного открытия первой должна войти в него Лакшми. Однако в нужный момент ее не могли найти — она лежала около Шри Бхагавана и не шевельнулась, пока он тоже не пошел. Таким образом, он вошел первым, а Лакшми — вслед за ним. Не только она была необычайно предана Шри Бхагавану, но Милость и доброта, которые он выказывал

С коровой Лакшми

ей, были совершенно исключительными. В позднейшие годы в Ашраме имелось много коров и быков, но никто из них не вызвал такую привязанность и не извлек такую Милость. Потомки Лакшми и сейчас еще здесь.

17 июня 1948 года Лакшми заболела, и утром восемнадцатого стало ясно, что конец ее близок. В десять часов Шри Бхагаван подошел к ней. «Амма (Мама), — сказал он, — ты хочешь, чтобы я был около тебя?» Он сел рядом и взял голову Лакшми к себе на колени. Махарши пристально посмотрел ей в глаза и положил одну руку на ее голову, как бы давая *дику* (посвящение), а вторую — на сердце. Держа свою щеку рядом со щекой Лакшми, он ласкал ее. Убедившись в том, что сердце умирающей было чистым и свободным от всех *васан* (скрытых склонностей), полностью сосредоточенным на Бхагаване, он оставил ее и ушел в столовую обедать. Лакшми находилась в сознании до самого конца, ее глаза были спокойны. В одиннадцать тридцать она оставила тело совершенно мирно. Ее предали земле на территории Ашрама с полным похоронным ритуалом, рядом с могилами оленя, вороны и собаки, которых Шри Бхагаван также распорядился похоронить здесь. Над могилой был размещен прямоугольный камень с ее изображением в натуральную величину. На камне выгравировали эпитафию, написанную Шри Бхагаваном и утверждающую, что Лакшми достигла *мукти* (Освобождения) *. Дэвараджа Мудальяр спросил Бхагавана, сказано ли это в общепринятом смысле, так как выражение, что кто-то достиг *самадхи*, есть вежливый способ говорить о смерти, или это высказывание действительно имеет в виду *мукти*, и Шри Бхагаван ответил, что

оно означает *мукти*.

Глава 12

Шри Раманашрам

Когда в декабре 1922 года преданные последовали за Шри Бхагаваном вниз к могиле его матери у подножия Горы, для Ашрама здесь был только один сарай с соломенной крышей. С течением лет число обитателей росло, приходили пожертвования и были возведены постоянные помещения Ашрама — Холл, где сидел Шри Бхагаван, контора и книжный магазин, столовая и кухня, коровник, почта, аптека, комната для приезжих посетителей-мужчин (в действительности, не комната, а большая общая спальня для желающих остановиться в Ашраме на несколько дней), пара маленьких бунгало * для гостей, делавших более длительную стоянку, — все строения одноэтажные, побеленные снаружи в традиционной индийской манере.

Непосредственно к западу от Ашрама есть большой квадратной формы водоем с каменными ступенями, ведущими к воде со всех четырех сторон. К югу от Ашрама с востока на запад идет автобусная дорога из Тируваннамала в Бангалор, которая к западу раздваивается и поворачивает обратно, чтобы окружить Гору. Человек, стоящий на дороге, смотря на север, видит деревянную арку, покрашенную в черное, с надписью «Шри Раманашрамам» ¹, выполненную золотым тиснением. Ворота нет, просто открытый вход. Листья кокосовых пальм прикрывают здания Ашрама, а за ними, близкая, величественная, поднимается Гора.

Но был построен не только сам Ашрам. Через дорогу расположена гостиница для посещающих Ашрам раджей, подаренная махараджой * из Морви. Выросла колония бунгало и коттеджей, построенных почитателями, ведущими семейный образ жизни. Непосредственно к западу от Ашрама, между водоемом и Горой, *садху* создали колонию в Пелакотти, где жили в пещерах или в хижинах среди деревьев. В самом Ашраме люди более действовали, чем медитировали, служа в конторе, саду, книжном магазине, на кухне, в том или другом месте, полагая себя осчастливленными близостью к Шри Бхагавану, возможностью видеть его рядом, случайно быть замеченными, услышать от него слово.

Все это — строительство, планирование и обращение с деньгами — требовало какого-то руководства Ашрамом, так как Шри Бхагаван ничем подобным не занимался. Поэтому его брат, Ниранджнянананда Свами, стал *сарвадхикари*, или управителем, Ашрама. В жизни Ашрама возросло значение правил. Некоторые из них были утомительны для преданных, однако если кто-либо чувствовал соблазн протестовать или восставать, то позиция Шри Бхагавана сдерживала их, поскольку он подчинялся каждому правилу и поддерживал власть — не слишком энергично, возможно, просто из общего представления, что приказам следует повиноваться. В этом была многозначительность, как и во всем, что он делал.

Махарши предписывал путь, которым необходимо двигаться не в изоляции, но в условиях мира нынешней *кали-юги*, этого духовно темного века. И если он убеждал своих последователей вспоминать Атман, подчиняясь обстоятельствам, что могли и не быть подходящими, то сам показывал пример подчинения всем правилам Ашрама. Сверх того, Шри Бхагаван не одобрял людей, уходящих в сторону от Цели, ради которой они обратились к нему, чтобы заниматься диспутами об управлении. Он говорил: «Люди приходят к побуждению посетить Ашрам в поисках Избавления, а потом увлекаются политиками Ашрама и забывают, ради чего они пришли». Если такие вопросы представляли для них интерес, то им не было нужды приходить в Тируваннамалай.

Возникали случайные вспышки сопротивления и недовольства, и никто не может сказать,

что они были в целом несправедливы по существу, но Шри Бхагаван не поддерживал их. Однажды группа почитателей — бизнесменов, адвокатов и учителей из Мадраса — приехала в специально арендованном автобусе требовать полного устранения руководства Ашрама и учреждения новой системы. Они столпились в Холле и сели перед Шри Бхагаваном. Махарши сидел в безмолвии, его лицо было суровым, отчужденным, твердым, как скала. Бунтовщики все больше смущались перед ним, переглядывались, передвигались, но никто не осмелился заговорить. В конце концов они покинули Холл и вернулись в Мадрас. Только тогда Шри Бхагавану сказали, какую цель они преследовали, и он ответил: «Я удивляюсь, зачем они пришли сюда. Они пришли исправлять себя или Ашрам?»

В то же самое время — надо извлечь и другой урок — если какое-либо правило казалось не только утомительным, но и несправедливым, Махарши не подчинялся ему, как он не согласился со сбором платы за посещение пещеры Вирупакша. Даже тогда это редко был действительный протест, а скорее — своим поведением он хотел привлечь внимание к несправедливости. Одно время в столовой Ашрама подавали второй завтрак, но оказалось невозможным обеспечить всех настоящим кофе и поэтому лицам менее значительным, с мирской точки зрения, тем, кто ел в дальнем ее конце, приносили воду. Шри Бхагаван заметил это — он всегда замечал все — и сказал: «Дайте мне воду тоже». С тех пор он пил воду и никогда уже не принимал кофе.

Однажды, когда он уже был в возрасте, а его колени, деформированные ревматизмом, плохо сгибались, прибыла группа европейцев. Среди них была одна дама, непривыкшая сидеть, скрестив ноги, которая прислонилась к стене и вытянула их перед собой. Служитель, возможно не сознавая, насколько болезненно ей с непривычки сидеть со скрещенными ногами, приказал ей принять эту позу. Бедная женщина, покраснев от смущения, поджала ноги. Шри Бхагаван немедленно сел прямо и тоже скрестил ноги. Несмотря на боль в коленях, он продолжал так сидеть, а когда почитатели попросили не делать этого, сказал: «Если таково правило, я должен подчиниться, так же как и все остальные. Если кому-то одному неприлично вытягивать ноги, то и мне неприлично это делать перед каждым из присутствующих в холле». Тот служитель уже вышел, но его вернули, и он попросил даму сесть, как ей будет удобнее. Даже и после этого было трудно убедить Шри Бхагавана вытянуть ноги и расслабиться.

В первые годы критика встречалась иногда совершенно неожиданно. Посетители, с Запада в особенности, были подвержены миссионерским настроениям. Один энтузиаст даже вошел в Холл и разразился красноречием рядом с самим Шри Бхагаваном. Шри Бхагаван не ответил, но голос Мэйджера Чадвика *, прогремевший из глубины Холла, прозвучал как вызов толкованию христианства оратором и так смутил его, что тот оставил попытку учительствовать. Даже в последнее время продолжали приходиться католические священники, чтобы продемонстрировать интерес и почтение, а затем настолько отбросить некоторые сомнения, что возникало желание узнать, открылись ли их сердца от общения с Учителем или и ранее их цели состояли не только в прозелитизме ** и искажении учения Махарши.

Однажды один мусульманин начал спорить, но за его вызовом стояла такая искренность, что Шри Бхагаван терпеливо отвечал.

— Имеет ли Бог форму? — спросил он.

— Кто говорит, что Бог имеет форму? — парировал Шри Бхагаван.

Спрашивающий упорствовал:

— Если Бог бесформен, то не будет ли ошибкой приписывать Ему форму идола и почитать Его в нем?

Он понял смысл возражения Махарши, как: «Никто не говорит, что Бог имеет форму». Но на самом деле оно означает только то, что сказано, и было тотчас же развито:

— Оставьте Бога в покое; сначала скажите, имеете ли *вы* форму?

— Конечно, я имею форму, как вы можете видеть, но я — не Бог.

— Тогда значит вы — славно одетое физическое тело, составленное из мяса, крови и костей?

— Да, должно быть так. Я сознаю свое существование в этой телесной форме.

— Вы называете себя телом, поскольку сейчас сознаете свое тело, но разве вы — это тело? Может ли оно быть вами в глубоком сне, когда вы совершенно не осознаете его существование?

— Да, я должен оставаться в той же телесной форме даже и в глубоком сне, ибо я сознаю ее до тех пор, пока не засну, а как только проснусь, вижу, что точно такой же, как был перед сном.

— А если приходит смерть?

Собеседник остановился и после минутного раздумья сказал:

— Ладно, тогда меня считают мертвым и тело хоронят.

— Но вы сказали, что являетесь телом. Почему оно не протестует, когда его увозят хоронить, говоря: «Нет! Нет! Не забирайте меня! Я приобрел это имущество, я ношу эти одежды, этих детей породил я, они все мои, я должен оставаться с ними!»

Здесь посетитель признался, что ошибочно отождествлял себя с телом, и сказал:

— Я есть жизнь в этом теле, но не тело само по себе.

Тогда Шри Бхагаван разъяснил ему:

— До сих пор вы серьезно считали себя телом и имеющим форму. Это — первичное неведение, коренная причина всех беспокойств. Пока вы от него не избавились, пока не познали свою бесформенную природу, будет простым педантизмом спор о Боге, имеет Он форму или бесформен, правильно ли почитать Бога в форме идола, когда Он на самом деле не имеет формы. До тех пор пока не осознано бесформенное Я, Атман, человек не может искренне почитать бесформенного Бога.

Иногда ответы посетителям были краткими и загадочными, иногда полными и разъясняющими, но всегда приспособленными к уровню спрашивающего и всегда изумительно подходящими. Однажды пришел обнаженный факир и сидел почти неделю неподвижно с вытянутой вверх правой рукой. Сам он внутрь Холла не заходил, но прислал вопрос: «Что меня ждет в будущем?»

«Скажите ему, что его будущее будет таким, каково настоящее», — последовал ответ. Махарши не только порицал такую заинтересованность в будущем, но и напоминал, что нынешняя активность, искренняя или нет, творит его будущее состояние.

Один посетитель выказал знание, перечисляя различные пути, которые предписывались разными учителями, и цитируя философов Запада. «Один говорит одно, другой — другое, — заключил он. — Кто прав? Какому пути должен я следовать?»

Шри Бхагаван оставался безмолвным, но тот настаивал на вопросе: «Пожалуйста, скажите мне, какому пути я должен следовать?»

Когда Шри Бхагаван поднялся, чтобы оставить Холл, то кратко ответил: «Идите путем, которым пришли».

Посетитель пожаловался преданным, что ответ оказался бесполезным, и они указали его более глубокий смысл: единственный Путь — идти обратно к своему Источнику, возвратиться туда, откуда пришел. В то же время это был как раз тот ответ, какого спрашивающий заслуживал.

Сундареш Айяр, почитатель, который уже упоминался, прослышал об ожидаемом переводе по службе в другой город и пожаловался на горе: «Сорок лет я был с Бхагаваном, а сейчас меня должны отправить отсюда. Что мне делать вдали от Бхагавана?»

— Сколько вы были с Бхагаваном? — последовал к нему вопрос.

— Сорок лет.

Тогда, повернувшись к преданным, Шри Бхагаван сказал:

— Здесь сидит человек, сорок лет слушавший мои наставления, который сейчас говорит, что может оказаться где-то вдали от Бхагавана!

Таким образом он привлек внимание к своему всеобщему Присутствию. Тем не менее перевод Сундареша Айяра был отменен.

Год за годом маленький Холл оставался центром для преданных и фокусом всех тех почитателей во всем мире, кто не мог физически здесь присутствовать. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что происходит немного, но в действительности активность была громадная.

Со временем заведенный порядок жизни изменился мало. С постепенным ослаблением физического состояния Бхагавана стало больше шаблона, больше ограничений. До тех пор пока не начала сказываться болезненность возраста, не было установленных часов прихода к нему. Шри Бхагаван был доступен все время, днем и ночью. Даже на время сна он не закрывал двери Холла, чтобы каждый, кто в нем нуждался, мог войти. Он сам часто беседовал с группой почитателей далеко за полночь. Некоторые из них, подобно Сундарешу Айяру, были семейными людьми и на завтра их ждала работа, но они обнаруживали, что после ночи, проведенной со Шри Бхагаваном, не чувствуется усталости, вызванной отсутствием сна.

В круге текущей каждодневной жизни Ашрама присутствовали порядок и пунктуальность, ибо они составляли часть того принятия условий жизни, которому Шри Бхагаван служил примером и которое предписывал. Поэтому все содержалось чистым, аккуратным и на своем надлежащем месте.

Было время, когда он очень часто вставал в три-четыре часа утра и проводил час-два за чисткой и разрезанием овощей или приготовлением тарелок из листьев (до того как в Ашраме стали специально выращивать листья банана — класть на них пищу).

Здесь, как и во всем, почитатели собирались вокруг и помогали — ради удовольствия быть рядом с ним. Иногда Шри Бхагаван участвовал и в действительном приготовлении пищи. Он давал предписания не выбрасывать корки от овощей, а отдавать их скоту. Ничто не должно было тратиться попусту. Однажды он обнаружил, что, несмотря на его инструкции, очистки выбрасываются, и больше никогда не присоединялся к работам на кухне.

Уже в 1926 году Махарши прекратил выполнять *гири-прадакшину* (обход вокруг Горы против часовой стрелки). Собирались слишком большие толпы, чтобы ими можно было управлять — никто не хотел оставаться в Ашраме при его отсутствии, но все желали сопровождать Шри Бхагавана. Более того, могли прийти посетители для *даршана* — его Присутствия — не застать и возвратиться разочарованными. Махарши неоднократно показывал, что дачение *даршана* было, так сказать, его жизненной задачей и что он должен быть доступен для всех приходящих. Он ссылался на это

Даршан

как на одну из причин того, что остался у подножия Горы, а не возвратился в Скандашрам, который был менее доступен. Шри Бхагаван не только прекратил выполнение *прадакшины*, но ни по какому поводу вообще никогда не покидал Ашрама, исключая короткую прогулку утром и вечером. Даже то, что он оставил работу на кухне, вызвано, большей частью, потребностью быть доступным всем почитателям, поскольку лишь немногие могли там к нему присоединиться. Когда Махарши настоятельно убеждали предпринять путешествие по святым местам Индии, одной из причин отказа было то, что почитатели могли прибыть в Ашрам и не застать его там. И даже в течение своей последней болезни он настаивал до самого конца, что все пришедшие должны иметь *даршан*.

Можно заполнить целые тома переживаниями преданных, наставлениями и разъяснениями, которые они получили. Однако целью этой книги является не представление исчерпывающего отчета, а скорее общей картины жизни и учения Шри Бхагавана.

Глава 13

Жизнь со Шри Бхагаваном

Возможно, труднее отчетливо представить себе Божественного Человека в способе его каждодневной жизни, нежели среди чудес и преображений, и для этого описание

установленного порядка жизни в последние годы будет полезным. Происшествия этих лет — не более достопримечательны, чем многие из случившихся ранее, так же как и почитатели, о которых идет речь, были не более выдающимися, чем множество оставшихся неупомянутыми.

Уже наступил 1947 год. Пятьдесят лет протекло в Тируваннамалае. Возраст и ухудшение здоровья навязали свои ограничения, и к Шри Бхагавану нельзя уже прийти частным образом и в любое время. Он спит на кушетке, где в течение дня дает *даршан* — блаженство своего Присутствия, но теперь уже за закрытыми дверями. В пять часов они открываются, и ранним утром преданные входят неслышно, простираются перед ним и садятся на пол из черного камня, гладкий и блестящий от постоянного на нем сидения, а многие из них — на маленькие циновки, принесенные с собой. Почему Шри Бхагаван, который был так скромн, который настаивал на равном обращении с беднейшим, позволял падать ниц перед ним? Хотя, как человек, он отказался от всех привилегий, но признавал, что обожествление внешне проявленного Гуру полезно для *садханы*, для духовного продвижения. Однако этих внешних форм подчинения было недостаточно. Он как-то сказал определенно: «Люди простираются предо мной, но я знаю, кто из них подчинился в сердце своем».

Небольшая группа брахманов, постоянных жителей Ашрама, сидит у изголовья его кушетки и распевает *Веды*; один или двое других, пришедших из города, что лежит в двух километрах отсюда, присоединяются к ним. В ногах кушетки зажжены палочки фимиама, распространяющие в воздухе свой тонкий аромат. В зимние месяцы рядом с кушеткой стоит жаровня с горящим древесным углем — трогательное напоминание о его слабеющей жизненной силе. Иногда он греет над пламенем свои болезненные руки и тонкие, суживающиеся к концам пальцы — те изысканно прекрасные руки — и втирает немного тепла в свои члены. Все сидят тихо, обычно с глазами закрытыми в медитации.

За несколько минут до шести пение *Вед* прекращается. Все поднимаются и стоят, в то время как Шри Бхагаван с усилием встает с кушетки, протягивает руку к посоху, который держит слуга, и медленными шагами идет к двери. Его пристальный взгляд направлен вниз, но не из-за слабости или боязни упасть — каждый чувствует, что это врожденная сдержанность. Он покидает Холл через северную дверь, со стороны Горы, и медленно движется, опираясь на посох и немного согнувшись, вдоль прохода между столовой и зданием конторы, затем мимо дома для приезжих к ванной, расположенной за коровником — самом дальнем из помещений с восточной стороны Ашрама. Двое служителей идут сзади, коренастые, невысокие, темнокожие, одетые в белые *дхоти*, спускающиеся до лодыжек, тогда как Шри Бхагаван высок, строен, золотистого оттенка и покрыт лишь белой набедренной повязкой. Только изредка он поднимает глаза, если подходит какой-то преданный, или чтобы улыбнуться какому-нибудь ребенку.

Сияние его улыбки описать невозможно. Человек, который мог показаться бесчувственным дельцом, оставит Тируваннамалай с веселой песенкой в сердце после такой улыбки. Одна простая женщина как-то сказала: «Я не разбираюсь в философии, но когда он улыбается мне, то чувствую себя в безопасности, словно ребенок в материнских руках». Я еще ни разу не видел его, когда получил письмо от своей старшей пятилетней дочери: «Ты полюбишь Бхагавана. Когда он улыбается, каждый должен быть таким счастливым».

Завтрак — в семь часов. После него Шри Бхагаван идет на короткую прогулку, а потом возвращается в Холл. За это время Холл подметают и чистят покрывала на кушетке, часть которых — подарки от почитателей — богато украшена вышивкой. Все безукоризненно чисто и очень старательно сложено, ибо служители знают, как наблюдателен Шри Бхагаван и что на каждую маленькую деталь обратит внимание, независимо от того, сделает замечание или нет.

К восьми часам Шри Бхагаван снова в Холле, и почитатели начинают прибывать. К девяти Холл полон. Если вы новоприбывший, то, возможно, почувствуете интимность Холла, свою

близость к Учителю, ибо все пространство здесь 40 футов в длину и 15 в ширину*. Холл тянется с востока на запад с дверью в каждой из длинных стен. Северная, обращенная к Горе, выходит на затененную деревьями площадь со столовой, расположенной вдоль ее восточной стороны, садом и бесплатной аптекой для бедняков — с западной. Южная дверь выходит к Храму, а за ним — дорога, со стороны которой прибывают почитатели. Кушетка Шри Бхагавана установлена в северо-восточной части Холла. Рядом с ней расположен вращающийся книжный шкаф, с книгами, которые требовались наиболее часто. На шкафу стоят часы, тогда как другие прикреплены к торцевой стене рядом с кушеткой, и все они ходят с большой точностью.

Если Шри Бхагавану для ссылки понадобилась какая-либо книга, то он точно знает, где она стоит, на какой полке, и, вероятно, саму страницу с нужным для обращения местом. Большие книжные шкафы с застекленными дверцами стоят вдоль южной стены.

Большинство преданных сидит в главной части Холла, глядя в лицо Шри Бхагавану, то есть повернувшись на восток: женщины — прямо перед ним, вдоль северной части Холла, а мужчины — с левой стороны. Лишь немногие из них сидят рядом с кушеткой — обратившись спинами к южной стене и ближе к Шри Бхагавану, чем другие. Несколько лет назад некоторые женщины имели эту привилегию, но затем, по важной причине, расположение сидящих было изменено. Согласно индуистской традиции, мужчины и женщины сидят отдельно, и Шри Бхагаван одобряет это, поскольку магнетизм, возникающий между ними, может нарушить более великий магнетизм — духовный.

Снова горят палочки с фимиамом. Кто-то продолжает сидеть в медитации с закрытыми глазами, но остальные расслабились и просто любят Шри Бхагаваном. Один из посетителей поет сочиненные им песни восхваления. Человек, откуда-то возвратившийся в Ашрам, предлагает подношение из фруктов, оставляя у его стоп, а потом находит себе место в ближайших рядах перед ним. Служитель отдает обратно часть предложенного как милость, или *прасад*, Шри Бхагавана; что-то может быть отдано детям, вошедшим в Холл, обезьянам, стоящим у окна рядом с кушеткой или показавшимся около двери, павлинам или корове Лакшми, если она наносит визит. Остальное позднее берется для столовой, где поровну делится между преданными.

Шри Бхагаван ничего не принимал для себя. В его взгляде — какая-то невыразимая заботливость. Это не только сострадание непосредственным тревогам своих почитателей, но и в целом громадной ноше *самсары*, человеческой жизни. И тем не менее, несмотря на эту заботливость, черты его лица могут демонстрировать неумолимость человека, который победил и никогда не идет на компромиссы. Этот аспект твердости обычно скрыт мягкой порослью седых волос, так как, по традиции, его голова и лицо бреются в день каждого полнолуния. Многие из преданных сожалеют — поросль седины на лице и голове так усиливает Милость и смягчает непреклонность. Но никто не осмеливается сказать ему это.

Лицо Шри Бхагавана подобно лицу воды, всегда переменчивому и в то же время всегда одинаковому. Поразительно, как быстро оно переходит от мягкости к скалоподобной жесткости, от смеха к слезам сострадания. Так полно живет каждый последующий аспект, что чувствуется не одно человеческое лицо, но лицо всего человечества. Формально он, может быть, и не красив, так как черты лица неправильны, но, тем не менее, самое прекрасное лицо выглядит банальным рядом с его лицом. В нем есть такая реальность, что ее отпечаток глубоко западает в память и живет, когда другие впечатления стираются. Даже те, кто видели Шри Бхагавана лишь короткое время или только на фотографии, вызывают его своим умственным взором более живо, чем хороших знакомых. Действительно, может быть, Любовь, Милость, Мудрость, глубокое понимание, невинность ребенка, что сияют с такого изображения, — более хорошая отправная точка для медитации, чем любые слова.

Вокруг кушетки, в полуметре от нее, установлены передвижные перила высотой около сорока пяти сантиметров. Сначала их введение вызвало небольшой спор. Администрация Ашрама заметила, как Шри Бхагаван обычно избегал прикосновения и отступал назад, если кто-либо собирался это сделать. Припомнив, кроме того, как некий, введенный в заблуждение почитатель однажды разбил кокосовый орех и захотел выразить ему почтение, разливая молоко над его головой, администраторы решили, что подобная изоляция будет лучшим выходом. С другой стороны, многие из преданных чувствовали, что установлен какой-то барьер между ними и Шри Бхагаваном. Обсуждения вопроса, одобрил ли он такое нововведение, продолжались прямо перед Махарши, но никто не осмелился спросить его об этом. Бхагаван сидел, оставаясь безучастным.

Какие-то почитатели, не вставая со своих мест, беседуют со Шри Бхагаваном о себе или своих друзьях, сообщают новости об отсутствующих преданных, задают вопросы, касающиеся его учения, чувствуется домашняя атмосфера, атмосфера огромной семьи. Возможно, кто-то имеет какое-то личное дело и идет к кушетке, чтобы поговорить со Шри Бхагаваном вполголоса или передать ему листок бумаги, на котором оно изложено. Может быть, нужно послушать ответ или достаточно просто проинформировать Шри Бхагавана, когда есть вера, что все будет хорошо.

Мать приносит грудного младенца, и Шри Бхагаван улыбается ребенку более сердечно, нежели она. Маленькая девочка приносит свою куклу, опускает ниц перед кушеткой, а затем показывает Шри Бхагавану, который берет ее и рассматривает. Молодая обезьянка проскользнула в дверь и пытается схватить банан. Служитель преследует ее, чтобы выгнать, но так случилось, что сейчас здесь только один служитель, поэтому обезьянка бежит мимо противоположного конца Холла к другой двери, а Шри Бхагаван настойчиво шепчет ей: «Поспеш! Поспеш! Он скоро вернется». Садху дикого вида, со спутанными волосами, в одеянии цвета охры, стоит перед кушеткой с поднятыми руками. Процветающий горожанин в европейском костюме благочестиво падает ниц и занимает одно из передних мест, а его компаньон, не уверенный полностью в своей преданности, не простирается совсем.

Группа *пандитов* сидит около кушетки, переводя какой-то санскритский текст, и время от времени передает его Шри Бхагавану для разъяснения какого-нибудь места. Мальщ, которому еще не исполнилось и трех лет, начинает рассказывать о маленькой Бо Пип *, и Шри Бхагаван принимает это тоже очень милостиво, с одинаковым интересом. Но книга затрепана, а поэтому он передает ее служителю переплести и вернуть ему завтра аккуратно отремонтированной.

Каждый служитель старателен. Иначе нельзя, потому что Шри Бхагаван сам очень наблюдателен, энергичен и не пропустит никакой неряшливой работы. Служители чувствуют, что они пользуются особой милостью Шри Бхагавана. Такое же восприятие и у *пандитов*. И у трехлетнего малыша. Человек постепенно ощущает, как глубокая непосредственность отклика заставляет преданных, чрезвычайно различающихся по уму и характеру, почувствовать особенную личную близость с Учителем.

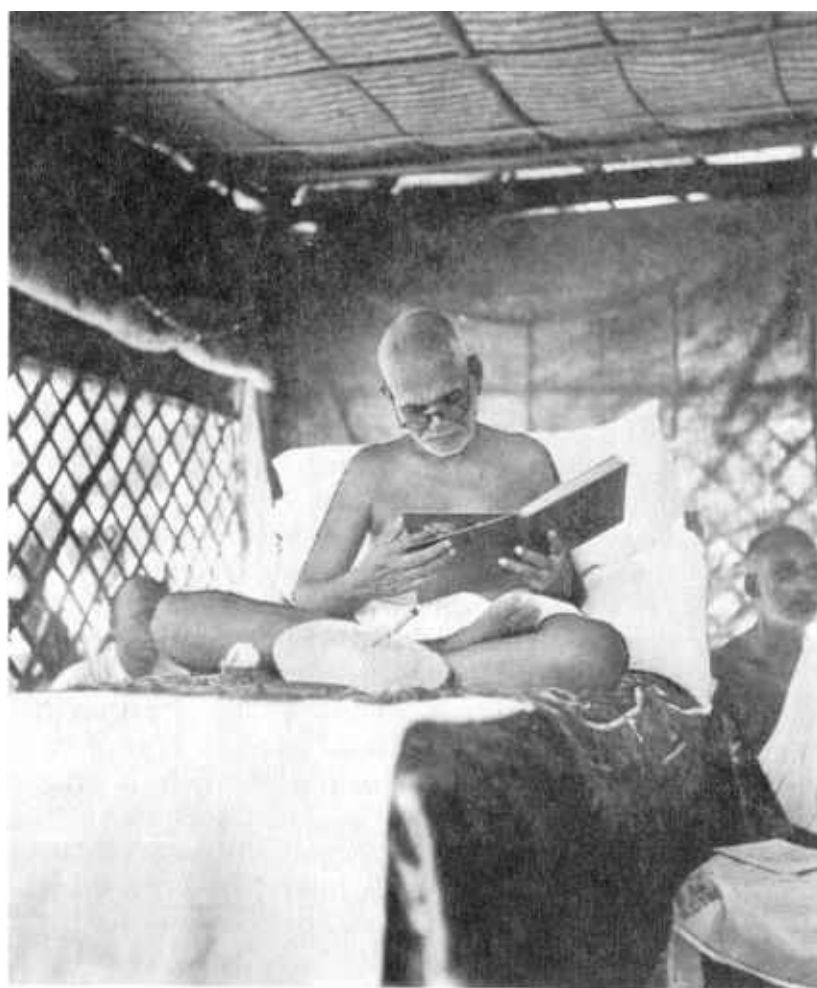
Также постепенно воспринимается нечто из мастерства и тонкости руководства Шри Бхагавана или, скорее, человеческое обращение в его руководстве, поскольку само руководство невидимо. Каждый является для него открытой книгой. Он бросает проникающий взгляд на этого ученика или другого, чтобы увидеть как совершенствуется его медитация, а подчас глаза Учителя полностью лежат на одном из учеников, передавая прямую силу его Милости. И тем не менее, все это делается как можно незаметнее: взгляд может даже быть боковым, чтобы не привлекать внимание; более пристальный взгляд может быть в промежутках чтения газеты или когда ученик сам сидит с закрытыми глазами и ничего не подозревает. По всей вероятности, это должно защитить от двоякой опасности — ревности других учеников и тщеславия того, кто оказался благословен его взглядом.

Особое внимание часто выказывается новоприбывшему, и к этому почитатели уже были приучены. Возможно, улыбка будет приветствовать его всякий раз, когда он входит в Холл, и за его медитацией будет наблюдение, поддерживаемое дружественными замечаниями. Это может продолжаться несколько дней или недель, или месяцев, пока медитация не зажглась в его сердце или пока он не привязан любовью к Шри Бхагавану. Но человеческая природа такова, что это также, вероятно, кормится этим вниманием, и новоприбывший начинает приписывать это внимание превосходству над другими преданными, которое воспринимает только он и Шри Бхагаван. И тогда на время он не будет замечаться, пока более глубокое понимание не вызовет более глубокий отклик. К несчастью, это не всегда происходит; иногда гордость от воображаемого превосходства контакта со Шри Бхагаваном остается.

Около восьми тридцати Шри Бхагавану приносят газеты, и если нет каких-либо вопросов, то он откроет некоторые и просмотрит, возможно, сделав замечание о какой-нибудь интересной теме, но так, чтобы оно не могло восприниматься как политическое мнение. Некоторые газеты присылаются непосредственно в Ашрам, а часть направляется лично тем или иным преданным и сначала поступает к Шри Бхагавану — именно ради удовольствия прочесть потом газету, которой он касался. Можно наблюдать, когда приходит такая посланная кем-то газета, потому что он бережно вынимает листы из упаковки и кладет обратно после прочтения — чтобы владелец получил газету в том же виде, в каком она поступила.

От без десяти десять до десяти минут одиннадцатого Шри Бхагаван обычно идет к Горе, но в течение этих последних нескольких лет его тело слишком немошно, и он просто прогуливается по Ашраму. Все встают, когда он покидает Холл, кроме тех, кто глубоко погружен в медитацию. В течение этого перерыва преданные собираются и беседуют в маленьких группах, мужчины и женщины вместе, ибо они разделены только в то время, когда сидят в Холле. Некоторые читают газеты, другие получают свою почту от Раджи — энергичного, услужливого маленького почтмейстера, который знает о каждом все.

Шри Бхагаван возвращается, и если кто-нибудь из сидящих в Холле пытается встать, он жестом показывает, чтобы оставались сидеть. «Если вы встаете,

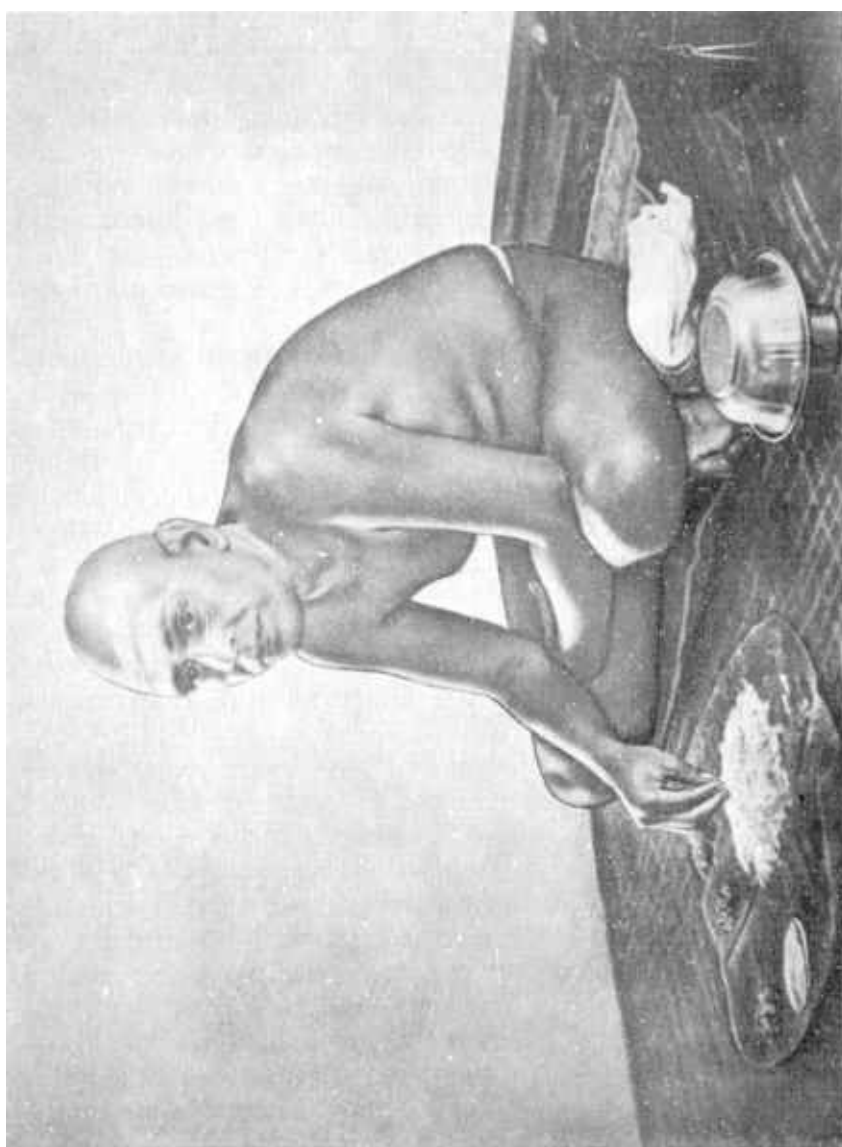

Просмотр фотоальбома

когда я вхожу, то должны подниматься и при входе каждого человека». Однажды, в период жарких месяцев *, около него на подоконнике установили электрический вентилятор. Шри Бхагаван приказал служителю выключить его, и, когда последний продолжал работать, сам подошел и выдернул штепсельную вилку: преданные были словно раскалены, почему тогда он один должен иметь вентилятор? Позднее на потолке были установлены вентиляторы, и все извлекали одинаковую пользу.

Теперь Шри Бхагавану принесли почту. Какое-то письмо адресовано просто: «Индия, Махарши». Пакет с цветочными семенами от почитателя из Америки для посадки в саду Ашрама. Письма от преданных со всего мира. Шри Бхагаван читает каждое очень внимательно, даже изучая обратный адрес и почтовую марку. Если оно содержит новости от какого-нибудь почитателя, имеющего друзей в Холле, то он расскажет им это. Сам он не отвечает на письма. В этом выражается точка зрения *джняни* (Просветленного), не имеющего ни связей, ни имени, чтобы подписаться. Ответы пишутся в конторе Ашрама и представляются ему на рассмотрение в полдень, когда он и укажет, если в них есть что-либо неподходящее. Если в ответе требуется что-то особое или персональное, то он может указать это, но в целом учение настолько ясное, что преданный легко научается повторять его буквально; учение Махарши — Милость позади слов, которую только он в состоянии дать.

После просмотра писем возможно, что все сидят в тишине, но в этом безмолвии нет никакого напряжения — оно вибрирует Миром. Может быть, кто-то придет попрощаться, некоторые дамы с Запада со слезами на глазах от необходимости уезжать, и светящиеся глаза Бхагавана вселяют любовь и силу. Кто

За трапезой в столовом зале

в состоянии описать эти глаза? Глядя в них, человек чувствует, что все мирские невзгоды, все прошлые усилия, все проблемы ума уходят, словно вредные испарения, от которых он поднимается в спокойную реальность внутреннего Мира. Слова не нужны, его Милость волнует сердце, и таким образом внешний Гуру поворачивает человека вовнутрь, к познанию Гуру внутри себя.

В одиннадцать часов звучит обеденный ашрамский гонг. Все стоят до тех пор, пока Шри Бхагаван не выйдет из Холла. Если это обычный день, то преданные расходятся по своим домам, а если какой-то праздник или один из почитателей дает *бхикшу*, то есть предлагает пищу Бхагавану (выражая тем самым духовную признательность), то все приглашаются к обеду. Большой столовый зал полностью свободен от мебели. Сшитые банановые листья разложены по ширине зала как тарелки, двойными рядами, на покрытом красным кафелем полу, и преданные, скрестив ноги, сидят перед ними.

Три четверти зала по его длине отделены от остальной части перегородкой. С одной стороны сидят те брахманы, которые предпочитают сохранять свою ортодоксальность, приверженность традиции *, а по другую сторону — небрахманы: неиндуисты и брахманы, предпочитающие есть с другими почитателями. Таким образом, для ортодоксов созданы подходящие условия, однако Шри Бхагаван ничего не говорит брахманам, чтобы побудить их сохранять или отказаться от традиции, во всяком случае, не публично и не всем одинаково. Он

сам сидит напротив восточной стены в поле зрения обеих групп преданных.

Служители и женщины-брахманки ходят вдоль рядов, подавая на листы рис, овощи, приправы. Все ждут, когда Шри Бхагаван начнет есть, а он ждет, пока все будут обслужены. Еда занимает все время полностью и не смешивается с разговорами, как на Западе. Одна американская дама, которой трудно приспособиться к индийскому обычаю есть руками, принесла ложку с собой. Один из разносчиков накладывает овощи на ее лист и говорит, что они специально приготовлены без острых специй, используемых в обычном приготовлении пищи, — Шри Бхагаван сам распорядился об этом. Все остальные деловито едят руками. Слуги проходят туда и сюда по рядам, подавая вторую порцию, воду, пахту, фрукты или сладости. Шри Бхагаван сердито подзывает слугу обратно к себе. Когда проявляется нерадивость во внешней технике жизни, он может выказать гнев. Слуга кладет четверть плода манго на каждый лист, а ему ошибочно дал половину. Бхагаван возвращает ее обратно и выбирает самый маленький кусочек.

Один за другим обедающие заканчивают есть, и когда каждый кончает, он поднимается и уходит, останавливаясь помыть руки под краном на улице, прежде чем идти домой.

До двух часов Шри Бхагаван отдыхает и Холл закрыт для преданных. Администраторы Ашрама решили, что из-за слабеющего здоровья такой полуденный отдых ему необходим, но как осуществить это? Если попросить принять какое-то более благоприятное для его здоровья изменение режима давания *даршана*, неудобное для почитателей, то он наверняка откажет. Чтобы не рисковать, они приняли решение о неофициальном изменении, частным образом предлагая почитателям не входить в Холл в это время. Несколько дней все шло хорошо, но потом один новоприбывший, не зная правила, вошел туда после обеда. Служитель Холла сделал ему знак уходить, но Шри Бхагаван позвал обратно, чтобы осведомиться, что случилось. На следующий день после обеда Шри Бхагавана уже видели сидящим на ступеньках вне Холла, и когда служитель спросил Махарши в чем дело, он ответил: «Кажется, никому не разрешают входить в Холл до двух часов». И только с большим трудом удалось убедить его принять эти часы отдыха.

После полудня в Холле могут быть новые лица, так как немногие из преданных сидят там целый день. Даже те, кто живет рядом с Ашрамом, имеют домашние и другие заботы, требующие внимания, и многие имеют свои определенные часы посещения.

Шри Бхагаван почти никогда сам специально не говорит о доктрине, лишь в ответах на вопрос. И когда отвечает на вопросы, то делает это не тоном тяжеловесной серьезности, а в разговорной манере, часто сопровождаемой остротами и смехом. Также и от вопрошающего не ожидается принятия чего-либо только потому, что Махарши говорит это; он свободен сомневаться, пока не убедится. Один теософист спрашивает, одобряет ли Шри Бхагаван поиск невидимых Учителей, и он парирует мягкой остротой: «Если они невидимы, то как вы можете видеть их?» — «В сознании», — отвечает теософист, и тогда приходит подлинный ответ: «Нет ничего внешнего в Сознании».

Кто-то из другого ашрама спрашивает: «Прав ли я, утверждая, что различие между нами в том, что мы приписываем реальность миру, а вы — нет?»

И Шри Бхагаван прибегает к юмору, чтобы предотвратить дискуссию: «Наоборот, так как мы говорим, что Бытие есть Единое, то приписываем полную реальность миру и более того — мы приписываем полную реальность Богу; но, утверждая существование троих^{*}, вы даете только одну треть реальности миру и оставляете лишь одну треть реальности Богу».

Каждый присоединяется к смеху, но несмотря на это, кто-то из преданных вступает в дискуссию с посетителем, и тогда Шри Бхагаван замечает: «В таких обсуждениях пользы немного».

Если вопросы задаются на английском языке, то он отвечает через переводчика. Хотя

Махарши бегло не говорит по-английски, но все понимает и останавливает переводчика при малейшей неточности.

Будучи доктринально едины, ответы Шри Бхагавана направлялись конкретному человеку, *ad hominem* *, значительно меняясь в зависимости от спрашивающего. Христианский миссионер спросил: «Бог — это личность?» И Шри Бхагаван, не ущемляя доктрину *адвайты*, пытается облегчить ему ответ: «Да, Он всегда Первое Лицо, Я, постоянно стоящее перед вами. Если вы отдаете предпочтение мирскому, то Бог кажется отступающим на задний план; если же вы все отбросите и будете искать только Его, то Он один останется как Я, Атман».

Кто-то интересуется, вспомнил ли миссионер, что «Я» — то имя, которое Бог провозгласил через Моисея **. Шри Бхагаван иногда отмечал превосходство «Я ЕСМЬ» как Божественного Имени.

Обычно только вновь прибывшие задают вопросы и получают разъяснения. Ученики спрашивают редко, некоторые из них — никогда. Объяснения — не есть само обучение, а только указатели к нему.

Четверть пятого. Шри Бхагаван растирает свои негибкие колени и ноги и тянется к посоху. Иногда требуется две или три попытки, чтобы подняться с кушетки, но он никогда не примет помощи. В течение двадцати минут его отсутствия Холл заново чистится и на кушетку кладутся покрывала.

Где-то через десять или пятнадцать минут после его возвращения начинается пение *Вед*, а затем *Упадешу Сарам*, «Наставления в тридцати стихах» Шри Бхагавана. Это единственный пункт, в котором Шри Бхагаван отвергал ортодоксальную точку зрения, ибо, строго говоря, только брахманам разрешено слушать пение *Вед*. Здесь же все вели себя одинаково. На вопрос о пользе этого он ответил просто: «Звук пения помогает успокоить ум». Махарши тоже совершенно определенно говорил, что знать смысл нет необходимости. Здесь — практическая иллюстрация к уже сказанному о «медитации», которую он предписывал. Это не мысль, а обращение ума вовнутрь, к сознанию по ту сторону мысли.

Пение продолжается около тридцати пяти минут. Пока оно длится, Шри Бхагаван часто сидит неподвижно, его лицо твердо, неподвижно, величественно, словно высечено в скале. После того как пение заканчивается, все еще сидят до шести тридцати — времени, когда женщины, как ожидается, покинут Ашрам. Некоторые из мужчин остаются еще на час, обычно в молчании, время от времени беседуя, напевая тамильские песни. После этого — ужин, и почитатели расходятся.

Вечерний сбор преданных особенно ценен, поскольку объединяет торжественность пения раннего утра с дружелюбием вечерних часов. И все же для тех, кто схватывает торжественность, она всегда здесь, даже когда Шри Бхагаван внешне смеется и шутит.

Служитель приходит массировать ему ноги с какой-то жидкой мазью, но он отодвигает ее от себя. Администраторы слишком много суетятся с ним. Но Махарши обращает свой отказ в шутку: «Вы получили Милость взглядом и речью, а теперь хотите Милости прикосновением? Разрешите же и мне иметь немного Милости от прикосновения к себе».

Однако на бумаге можно представить только бледное отражение его юмора, ибо независимо от смысла и остроумия он был просто неподражаем. Когда он рассказывал какую-нибудь историю, то был совершенным актером, воспроизводящим ее так, словно жил ею. Он очаровывал всех наблюдателей, даже тех, кто не понимал языка. Действительная жизнь была играемой им ролью, и в этой жизни переходы могли быть совсем быстрыми, от юмора до глубокой симпатии.

Даже в ранние дни своего пребывания в Тируваннамалае, когда думали, что Свами все предал забвению, он имел острое чувство юмора и выдавал шутки, о которых рассказывал только годы спустя. Однажды, после того как мать и множество других людей посетили его в

Павалаккунру, они, уходя в город за пищей, заперли дверь снаружи на засов, опасаясь, что Свами может ускользнуть. Он, однако, знал, что дверь снимается с петель и открывается даже запертая, а потому незаметно ушел во время их отсутствия, чтобы уклониться от толпы и беспокойства. При возвращении посетители обнаружили дверь закрытой на засов, но комнату пустой. Позже, когда вокруг никого не было, он вернулся тем же путем. Люди сидели перед ним и рассказывали один другому, как он исчез через закрытую дверь и затем появился снова с помощью *сиддх* (сверхобычных сил), а на его лице не дрогнул ни один мускул, хотя годы спустя весь Холл сотрясался от смеха, когда он рассказывал присутствующим эту историю.

Следует коснуться также и больших ежегодных празднеств. Большинство почитателей были не в состоянии неизменно жить в Тируваннамалае и могли приходить только время от времени, так что на большие праздники в Ашраме всегда собирались толпы. Особенно это относится к четырем замечательным празднествам — Картикай, Дипавали, Махапуджа (годовщина смерти Матери) и Джаянти (день рождения Шри Бхагавана). Джаянти считается самым значительным и наиболее активно посещаемым из них. Сначала Шри Бхагаван вообще не хотел, чтобы этот день праздновали. По этому поводу он сочинил следующие строфы:

Вы, кто желает праздновать день рождения,

Отыщите сначала, откуда произошло ваше рождение. Истинное рождение человека происходит тогда,

Когда он проникает в ТО,
которое превосходит рождение и смерть —

Вечное бытие.

В свой день рождения следует, по крайней мере,
Только оплакивать вступление в этот мир (*самсару*).

Славить и праздновать этот день —

Все равно, что украшать труп и восторгаться им.

Искать Атман и погружаться в Атман:

Это — Мудрость.

Однако для почитателей день рождения Шри Бхагавана был поводом для празднования, и он был вынужден подчиниться; но и тогда и при любых обстоятельствах он отказывался разрешать выполнение *пуджи* (ритуального почитания) в свою честь. Толпа была громадной, и все преданные в этот день принимали пищу вместе со Шри Бхагаваном. Даже большой столовый зал оказывался недостаточно вместительным. Рядом с ним, над квадратным участком земли, сооружалась кровля из пальмовых листьев, на бамбуковых стойках, и все сидели под ней. Также кормили и бедных, иногда приходивших в две или три смены, в присутствии полиции и бойскаутов, которые охраняли входы в помещения и руководили толпами посетителей.

В любой такой день Шри Бхагаван сидел поодаль, царственный, и, тем не менее, с хорошо знакомым взглядом узнавания каждого из приходивших многолетних почитателей. Во время одного из празднеств Картикай, когда толпы посетителей заполнили всю территорию Ашрама и вокруг него были установлены перила, чтобы держать их на некотором отдалении, какой-то малыш переполз через препятствие и поднялся к нему, показать свою новую игрушку. Махарши, смеясь, повернулся к служителю: «Смотрите, как много пользы от ваших ограждений!»

В сентябре 1946 года состоялось большое торжество по случаю пятидесятилетней годовщины прибытия Шри Бхагавана в Тируваннамалай. Преданные собрались отовсюду. Статьи и стихотворения, написанные по этому случаю, составили книгу — «Сувенир золотого юбилея».

В последние годы Старый Холл начал становиться слишком тесным даже в обыкновенные дни, и более обычным стало сидеть снаружи, под кровлей из пальмовых листьев. В 1939 году началась работа по возведению Храма над могилой Матери, законченная в 1949 году вместе с Новым Холлом для Шри Бхагавана и почитателей. Храм и Новый Холл были двумя частями единого здания, сооруженного строителями традиционных храмов в соответствии с требованиями священных Писаний.

Здание простирается к югу от Старого Холла и конторы, между ними и дорогой. Его западная половина, южнее Старого Холла, составляет Храм, а восточная половина — большой, квадратный, хорошо вентилируемый зал, где Шри Бхагаван должен был сидеть со своими почитателями.

Кумбхабхишекам, или ритуал освящения Храма и Нового Холла, представлял собой настолько внушительную церемонию, что привлек множество преданных. Он увенчал годы усилий, работ и планирования. Шри Бхагаван, однако, не желал входить в Новый Холл. Он предпочитал простоту и не любил какой-либо пышности вокруг себя. Многие из почитателей также сопротивлялись — Старый Холл так вибрировал в его Присутствии, а Новый Холл казался сравнительно холодным и безжизненным. Когда Шри Бхагаван вошел в него, последняя болезнь уже сжимала его тело.

Глава 14

Упадеша, или Наставление

Это удивительно, какой скрытой была *упадеша* Шри Бхагавана, то есть руководство или наставление, которое он давал своим ученикам, — не существует точного английского перевода этого слова. Хотя он был доступен всем одинаково, хотя вопросы обычно задавались открыто и Махарши отвечал публично, руководство, даваемое каждому ученику, было, тем не менее, исключительно прямым и приспособленным к его характерным особенностям. Когда однажды Свами Йогананда, имеющий в Америке множество последователей, спросил Шри Бхагавана о духовном наставлении, которое следует давать людям для их духовного подъема, он ответил: «Оно зависит от темперамента и духовной зрелости человека. Тут не может быть массовой инструкции». Достаточно вспомнить рассказы об уже упоминавшихся четырех почитателях — Эчамме, Матери, Шивапракашаме Пиллае и Натеше Мудальяре, чтобы осознать, как сильно разнилось их «лечение».

Шри Бхагаван был чрезвычайно активен — он сам говорил об этом, хотя никто из испытавших его Милость не нуждался в каком-либо подтверждении. Но активность Махарши была так скрыта, что случайные посетители и те, кому не удалось ее воспринять, верили, что он совсем не дает *упадешу* или равнодушен к нуждам духовных искателей. Встречалось много таких, подобных брахману, который пытался отговорить Натешу Мудальяра от посещения его.

Крайняя важность этого вопроса состоит в том факте, что (за исключением редчайших случаев, таких, как сам Шри Бхагаван) Реализация возможна только благодаря Милости Гуру. Шри Бхагаван, как и другие Учители, совершенно ясно высказывался об этом. Поэтому для *садхака* (духовно устремленного) было совершенно не достаточно знать, что учение Махарши — великое и его присутствие — вдохновляющее; было необходимо знать, что он — Гуру, дающий *дику* (посвящение) и *упадешу* (наставление).

Термин «Гуру» используется в трех смыслах. Он может означать человека, который, хотя и не имеет духовного достижения, облачен (подобно рукоположению священника) полномочиями давать посвящение и *упадешу*. Его положение часто бывает наследственным, а сам он чем-то

напоминает домашнего доктора, следящего за духовным здоровьем. Во втором случае Гуру может быть тот, кто, в дополнение к вышесказанному, имеет некоторое духовное достижение и в состоянии руководить учениками настолько более мощной *упадешей*, насколько он сам продвинулся (хотя действительные практики, которые он предписывает, могут быть такими же). Но в высочайшем и самом истинном значении этого слова Гуру — это осознавший Единство с Духом, являющимся Атманом, истинным Я всех и всего. Это — *Садгуру*.

Именно в этом, последнем, смысле Шри Бхагаван употреблял слово «Гуру». Поэтому он говорил: «Бог, Гуру и Атман — одно и то же». В «Духовном наставлении» * он так описал Гуру:

«Гуру — тот, кто все время пребывает в бездонных глубинах Атмана. Он никогда не видит какой-либо разницы между собой и другими, полностью свободен от ошибочных представлений различия — что он сам уже Просветленный, или Освобожденный, тогда как остальные вокруг него еще пребывают в зависимости, или в темноте незнания. Его твердость, или самообладание, не могут нарушить никакие обстоятельства, и он никогда не обеспокоен».

Подчинение этому Гуру — не подчинение чему-либо внешнему себе, но Атману, проявленному внешне, чтобы помочь человеку обнаружить Атман внутри. «Учитель находится внутри, а медитация является средством удалить невежественное представление, что он — только снаружи. Если бы он был ожидаемым вами незнакомцем, то должен был бы исчезнуть со временем. В чем польза от преходящего существования, подобного этому? Но пока вы думаете об отделенности или о том, что вы есть тело, то Учитель „снаружи“ также необходим, и он появится в телесной форме.

Когда же ошибочное отождествление себя с телом исчезнет, то Учитель обнаружится как Атман и ничто иное» *.

Не требует доказательства, что являющийся Гуру в этом высочайшем смысле осознания своего тождества с Абсолютом так не говорит, ибо не осталось эго, дабы утвердить это тождество. Он также не говорит, что имеет учеников, так как, будучи по ту сторону различий, не может состоять в каких-то отношениях.

Хотя *джняни* (Просветленный) Един с Абсолютом, черты характера внешне продолжают существовать как средство его проявления, так что по человеческим особенностям один *джняни* может полностью отличаться от другого.

Одной из характерных черт Шри Бхагавана была его практичная проницательность. Не вызывает сомнения, что в первые годы пребывания в Тируваннамалае он позволял считать себя *мауни* (принявшим обет молчания) для того, чтобы избежать нарушений внутренней тишины. Точно так же Бхагаван воспользовался тем, что освобожденный в принципе не может доказывать, что он — Гуру, или допускать внешние связи — для того, чтобы отразить неоправданные требования *упадешу* от тех, кто в действительности не были его учениками. Удивительно, какой успешной была эта защита, тогда как подлинные ученики здесь не имелись в виду и не затрагивались ею.

Давайте внимательно рассмотрим заявления Шри Бхагавана. Он временами говорил, что не имеет учеников, и никогда явно не утверждал, что является Гуру. Несмотря на это Махарши использовал термин «Гуру» как эквивалент для «*джняни*», не оставляя таким образом сомнения, что он был Гуру, и неоднократно присоединялся к пению песни «*Рамана Садгуру*».

Более того, когда преданный неподдельно страдал и искал решение, он иногда уверял его так, что не оставлял места сомнениям. Один из учеников, англичанин Мэйджер Чадвик, сохранил запись такого заверения, данного ему в 1940 году:

Мэйджер Чадвик: Бхагаван говорит, что у него нет учеников?

Бхагаван: Да.

МЧ: Он также говорит, что Гуру необходим, если человек жаждет достичь Освобождения?

Б: Да.

МЧ: Что тогда я должен делать? Не было ли мое сидение здесь все эти годы просто бесполезной тратой времени? Должен ли я уйти и искать какого-то Гуру, дабы получить посвящение? Ведь Бхагаван говорит, что он — не Гуру.

Б: Что привело вас сюда издалека и заставило оставаться так долго? Почему вы сомневаетесь? При необходимости где-либо искать какого-то Гуру вы давно ушли бы отсюда.

Гуру, или *джняни* (Просветленный), не видит разницы между собой и другими. Для него все — освобожденные, все едины с ним самим, поэтому как может *джняни* говорить, что такой-то и такой-то является его учеником? Но неосвобожденный видит все как множество, он видит всех как отличных от себя, поэтому для него отношение Гуру-ученик — действительность, и он нуждается в Милости Гуру, чтобы пробудиться к Реальности. Для него существуют три способа посвящения: прикосновением, взглядом и Молчанием. (Шри Бхагаван здесь дал мне понять, что его метод — посвящение Молчанием, как он это делал во многих других случаях).

МЧ: Тогда Бхагаван действительно имеет учеников!

Б: Как я уже сказал, с точки зрения Бхагавана учеников нет, но с позиции ученика Милость Гуру подобна океану. Если он приходит с чашкой, то наполнит только чашку. Бесполезно жаловаться на скудость океана: чем больше сосуд ученика, тем больше он способен унести. Все полностью зависит от него.

МЧ: Тогда выходит, что знание — является ли Бхагаван моим Гуру или нет — есть просто дело веры, если Бхагаван не согласится с этим.

Б: (Сидит прямо, повернулся к переводчику и говорит с большой выразительностью). Спросите его, не хочет ли, чтобы я дал ему письменное удостоверение с печатью?

Немногие были так настойчивы, как Мэйджер Чадвик, в своих требованиях гарантии руководства ими. Утверждений, признающих двойственность ученик-Учитель, Шри Бхагаван не делал, но в порядке исключения — какому-нибудь человеку с Пониманием и Устремленностью — он довольно ясно давал понять, что является Гуру; некоторые знали это и без словесного подтверждения.

Согласно записям С. С. Когана, бенгальский промышленник А. Бозе однажды пытался добиться точного заявления Махарши на эту тему. Он сказал: «Я убежден, что Гуру необходим для успеха усилий *садхака* (духовного практика)». А затем добавил с лукавой улыбкой: «Шри Бхагаван сочувствует нам?»

Но Шри Бхагаван заплатил ему той же монетой: «Для вас практика необходима. Милость всегда здесь».

После краткого молчания он добавил: «Вы стоите по горло в воде, но тем не менее просите воды».

Даже практика в действительности означает выработку у себя восприимчивости к Милости. Шри Бхагаван иногда иллюстрировал это, говоря, что хотя солнце и сияет всем, но если вы хотите видеть его, то должны сделать усилие, повернуться и смотреть на него. Профессор Венкатарамиах записал в своем дневнике слова Шри Бхагавана, обращенные к миссис Пиггот, английской посетительнице: «Реализация — в большей степени результат Милости Гуру, чем наставлений, лекций, медитаций и т. д. Все они лишь вторичны, тогда как Милость — первичная и сущностная причина».

Некоторые из тех, кто знал его учение из вторых рук, говорили, что он не считает необходимым иметь Гуру, и этим объясняли отсутствие явного посвящения, но Шри Бхагаван недвусмысленно отвергал такую мысль. С. С. Коган записал разговор на эту тему с Дилипом Кумаром Роем, знаменитым музыкантом из Шри Ауробиндо Ашрама.

Дилип Кумар Рой: Некоторые говорят, что Махарши отрицает необходимость Гуру. А другие

утверждают противоположное. Кто же из них прав?

Бхагаван: Я никогда не говорил, что Гуру не нужен.

ДКР: Шри Ауробиндо часто ссылается на Вас как не имевшего Гуру.

Б: Все зависит от того, что вы называете словом «Гуру». Он не обязательно должен быть в человеческой форме. Даттатрея имел 24 Гуру, включая и пять элементов — Земля, Вода и т. д. Это означает, что каждый объект этого мира был его Гуру. Гуру абсолютно необходим. Упанишады говорят, что только он может вывести человека из джунглей интеллекта и чувственных восприятий. Поэтому Гуру должен быть.

ДКР: Я говорю о Гуру-человеке, а у Махарши его не было.

Б: Я мог иметь его в то или иное время. Разве я не пел гимны Аруначале? Кто есть Гуру? Гуру — это Бог, или Атман. Сначала человек молится Богу ради исполнения своих желаний, но приходит время, когда он начинает молиться во имя Самого Бога. Тогда, отвечая на молитвы, Бог является ему в той или иной форме — человеческой или другой, — чтобы руководить им как Гуру.

Только когда посетитель возразил, что Шри Бхагаван сам не имел Гуру, Махарши рассказал об отсутствии необходимости для Гуру обязательно принимать человеческую форму, и было понятно, что это относится к очень редким случаям.

Может быть, именно В. Венкатраман ближе всех подошел к явному признанию, что Махарши был Гуру. Шри Бхагаван сказал ему однажды: «Две вещи должны быть сделаны: сначала — найти Гуру внешнего себе, а потом — найти Гуру внутри. Первую задачу вы уже решили».

Или, возможно, подтверждение, которое получил я сам, было даже более определенным. После нескольких недель жизни в Ашраме я ощутил, что Шри Бхагаван действительно был Гуру, дающий посвящение и руководство. Я написал друзьям в Европе, сообщая об этом, а перед отправкой показал письмо Шри Бхагавану и спросил, стоит ли посылать его. Он одобрил письмо и, передавая обратно, сказал: «Да, отсылайте его».

Быть Гуру — значит давать посвящение и *упадешу*. Последние неразделимы, так как нет *упадешы* без начального акта посвящения и нет смысла в посвящении, если за ним не следует *упадеша*. Поэтому иногда и возникал вопрос, дает ли Шри Бхагаван посвящение или *упадешу*.

На вопрос, дает ли он посвящение, Шри Бхагаван всегда избегал прямого ответа. В явных случаях неподготовленности искателя он чаще всего определенно говорил: «Нет». Положительный ответ разрушил бы защиту от ничем не оправданных требований посвящения, и пришлось бы принимать одних, отказывать другим, что показалось бы произвольным, вместо того, чтобы оставить это решение собственному пониманию или непониманию спрашивающего. Чаще всего давался ответ, который получил Мэйджер Чадвик. «Есть три способа посвящения: прикосновением, взглядом и Молчанием». Реплика Шри Бхагавана обычно носила характер безличного доктринального высказывания, в котором, однако, содержался ответ на поставленный конкретный вопрос. Последнее утверждение хорошо известно. Согласно представлениям индуизма, эти три способа посвящения иллюстрируются примерами птицы, сидящей на яйцах, чтобы птенцы вылупились, рыбы, которой нужно только смотреть на свою икру (своеобразные яйца), и черепахи, которой требуется лишь думать о них. Посвящение взглядом или Молчанием стало очень редким в этом веке. Оно представляет собой *мауна дикшу* Аруначалы, или Дакшинамурти, и особенно подходит для прямого пути Само-исследования, которому учил Шри Бхагаван. Поэтому его ответ о трех способах подходил вдвойне: и по сути, и предоставляя удобную маскировку.

Посвящение взглядом было самым несомненным. Шри Бхагаван поворачивался к преданному, остановив на нем свой горящий пристальный взгляд. Свечение, сила глаз Махарши

пронизывали почитателя, расстраивая течение мысли. Иногда — словно электрический ток, иногда как глубокий мир или половодье света *.

Один из почитателей описал это: «Внезапно Бхагаван обратил свои светящиеся, прозрачные глаза на меня. До этого я не мог долго выдерживать его пристальный взгляд. Сейчас я прямо смотрел в эти громадные, замечательные глаза, а как долго — не высказать. Они держали меня в какой-то вибрации, отчетливо слышимой мне». За этим всегда следовало чувство, несомненное убеждение, что ты принят Шри Бхагаваном и с этих пор ты под попечением, тобой руководят. Те, кто знал, вероятно чувствовали, когда такое посвящение происходило, но обычно оно было незаметным. Это могло случиться при пении *Вед* немногочисленными почитателями. В другой раз преданный мог ощутить внезапный порыв пойти к Шри Бхагавану перед рассветом или в какое-то другое время, когда у него было мало людей или совсем никого. Посвящение Молчанием являлось одинаково неподдельным. Оно проникало в тех, кто повернулся к Шри Бхагавану в своем сердце, но был не в состоянии физически добраться до Тируваннамалая. Иногда такое посвящение давалось во сне, как это случилось с Натешей Мудальяром.

Никакой Учитель не был столь категоричен, как Шри Бхагаван, в его утверждениях о руководстве и защите, раз преданный принят и безмолвное посвящение дано. Он заверил Шивапракашама Пиллая в разъяснениях, которые позднее были опубликованы как «Кто я?»: «Как добыча, попавшая в пасть тигра, не может вырваться, так и тот, кто завоевал Милость Гуру, несомненно будет спасен и никогда не будет покинут».

Один голландский почитатель, Л. Хартц, мог остаться в Ашраме только на короткое время, и, возможно, опасаясь, что с отъездом его духовная решимость ослабнет, попросил заверений и получил ответ: «Даже если вы забудете Бхагавана, Бхагаван никогда не забудет вас».

Два других преданных, чешский дипломат и мусульманский профессор, пораженные необычной силой и прямоотой заверения, спросили, касается ли оно только Хартца или всех почитателей, и получили ответ: «Всех».

В еще одном случае преданный, не видя у себя никакого прогресса, находился в подавленном состоянии и сказал: «Боюсь, что если так будет продолжаться, то я отправлюсь в ад». Шри Бхагаван тогда ответил: «Если вы уйдете, Бхагаван пойдет следом и вернет вас назад».

Даже обстоятельства жизни почитателя Гуру формирует так, чтобы содействовать его *садхане* (духовному продвижению). Одному из почитателей Махарши сказал: «Учитель пребывает одновременно внутри и снаружи, ибо Он создает условия для вашего движения вовнутрь и в то же время внутренне готовит подтягивание вас к Центру».

Если человек, который не повернулся к Шри Бхагавану в сердце своем, спрашивал, дает ли он *упадешу*, то Махарши мог приготовить какой-нибудь загадочный ответ или вообще никакого. В любом случае вероятнее предположить ответ отрицательный.

По сути, его *упадеша*, как и его посвящение, давалась в безмолвии. Ум молчаливо поворачивался в направлении, в котором ему следовало устремиться. Ожидалось, что преданный поймет это. Очень немногие нуждались в словесных заверениях.

История В. Венкатрамана, который уже упоминался, поясняет это. В юности он был ревностным почитателем Шри Рамакришны, но почувствовал потребность в живом Гуру, в плоти и крови, и поэтому взмолился ему со всей страстью пылкого желания: «Учитель, подарите мне живущего Гуру, не менее совершенного, чем Вы сами». Совсем скоро после этого он услышал о Шри Рамане, уже несколько лет жившем в Ашраме у подножия Горы. Венкатраман пошел туда с гирляндой цветов для подношения. И так случилось (как всегда случается, когда желательно), что при его прибытии в Холле больше никого из посетителей не было. Шри Бхагаван сидел, откинувшись на кушетке, а позади него, на стене, висел портрет Шри Рамакришны, которому Венкатраман молился. Шри Бхагаван разделил гирлянду пополам; одну половину он попросил

служителя положить на портрет, а другую — на *лингам* в храме Матери. Венкатраман чувствовал себя легко и непринужденно. Он был дома, его цель достигнута. Венкатраман рассказал историю своего прихода. Шри Бхагаван спросил: «Вы знаете о Дакшинамурти?»

«Я знаю, что он давал безмолвную *упадешу*», — был ответ.

И Шри Бхагаван сказал: «Это *упадеша*, которую вы получите здесь».

Эта безмолвная *упадеша* была, на самом деле, очень разнообразной. Шри Бхагаван говорил и писал больше всего о *вичаре*, или Само-исследовании, а поэтому возникало мнение, что он предписывал только *джняна-маргу*, Путь Знания, который большинство людей считали слишком крутым в этом веке. Но, фактически, Шри Бхагаван был универсален и обеспечивал духовное руководство для каждого темперамента — на пути Преданности не меньше, чем на пути Знания. Любовь и преданность ему — мост через бездну к спасению. Он имел много почитателей, которым не предписывал другого Пути.

Тот же Венкатраман через некоторое время стал беспокоиться, что ему не дали *садхану* — то есть у него не было практики для выполнения — и пожаловался.

— А что привело вас сюда? — спросил Шри Бхагаван.

— Размышление о Вас, Свами.

— Тогда это также ваша *садхана*. Этого достаточно.

И действительно, мысль, или воспоминание, о Бхагаване начала сопровождать Венкатрамана всюду, чтобы стать неотделимой от него.

Путь преданности и в самом деле не отличается от подчинения. Вся ноша сбрасывается на Гуру. Это Шри Бхагаван тоже предписывал. Одному из преданных он сказал: «Отдайтесь мне, и я сразу ум», а другому: «Только сохраняйте спокойствие, и Бхагаван сделает остальное». Еще одному почитателю, Дэвараджа Мудальяру, он сказал: «Ваше дело только подчиниться и все оставить мне». И он часто говорил: «Есть два пути: или спрашивать себя „Кто я?“, или подчиниться Гуру».

И все же подчиниться, сохранять ум спокойным и полностью восприимчивым к Милости Гуру, нелегко. Это требует постоянного усилия, постоянного вспоминания, и лишь сама Милость Гуру делает подобное возможным. Много отработанных практик, преданности или иных, помогают почитателям в их попытках, и Шри Бхагаван одобрял и разрешал использование таких средств, хотя редко сам действительно предписывал их.

Наиболее мощной, хотя и незримой, была сила *сам-санга*. Буквально это слово означает «связь с Бытием», но как средство *садханы* обычно подразумевает «связь с человеком, осознавшим *Сам*, или Бытие». Шри Бхагаван говорил о *сам-санге* в самых высоких выражениях. Первые пять из «Дополнения к Сорока стихам» * посвящены восхвалению *сам-санга*.

Рассказ об их включении в текст очень характерен. Приемная дочь Эчаммы нашла один из них, написанный на санскрите, на листе, в который завернули пакет сладостей, и была так тронута содержанием стиха, что выучила его наизусть и прочитала перед Шри Бхагаваном. А он, видя важность стиха, сделал перевод на тамили. В это время Махарши составлял сорок дополнительных стихов *, сочиняя одни и переводя другие, и этот стих вместе с остальными четырьмя, тоже переведенными с санскрита, был включен в текст. Третий из них ставит общение с Учителем выше всех остальных методов. «Если общение с Мудрецами достигнуто, нужны ли различные методы самодисциплины? Когда с юга дует прохладный, легкий ветерок, в чем польза веера?»

Общение со Шри Бхагаваном вырабатывало тонкую алхимию, даже несмотря на то, что результаты могли стать видимыми лишь годы спустя. Иногда он открыто говорил преданным о ценности такого общения для них. Махарши однажды сказал Ранга Айяру, школьному приятелю, упомянутому в главе 3: «Если вы пребываете с *джняни*, то он дает вам уже сотканную одежду»,

подразумевая, что остальные методы дают нить, а одежду нужно ткать самому.

Сундареш Айяр стал почитателем в двенадцать лет. Когда ему было около девятнадцати, возросла неудовлетворенность собой, так как он чувствовал необходимость более сознательного и ревностного усилия. Сундареш был домохозяином, живущим в городе, но посещал Шри Бхагавана почти ежедневно. Теперь, однако, он решил, в качестве строгого наказания, не идти снова до тех пор, пока не разовьет такую непривязанность и искренность цели, которые сделают его заслуживающим Общения. Около ста дней он не появлялся, а потом пришла мысль: «Насколько я стал лучше, не видя Бхагавана?» И Сундареш отправился. Шри Бхагаван встретил его у входа в Скандашрам и приветствовал вопросом: «Насколько вы стали лучше, не посещая меня?» Затем Махарши рассказал ему о важности и действенности *сам-санга*, даже если ученик не ощущает его действия на себе или не замечает какого-либо улучшения в себе. Шри Бхагаван сравнил *сам-санг* с матерью, кормящей своего ребенка ночью, когда тот спит. Наутро малыш думает, что не ел, хотя мать знает, что он ел и что на самом деле пища поддерживает его.

Этот пример подразумевает большее, чем пользу, автоматически вытекающую из жизни в атмосфере Мудреца: он предполагает сознательное направление внимания Учителем. Однажды Шри Бхагаван дал удивительное подтверждение этому, хотя пережившие *сам-санг* в подтверждении не нуждаются. Сундареш Айяр сочинил на тамили песню, восхваляющую Бхагавана, упоминая о Милости, истекающей из его глаз для поддержки преданных, и Шри Бхагаван поправил его: «Нет, не истекающую, но испускаемую, поскольку это сознательный процесс направления Милости к людям, избранным для этого».

Ученик тоже должен делать усилие, чтобы полностью использовать Милость Учителя, и для этого Шри Бхагаван постоянно предлагал метод, именуемый *вичарой*, вопрос «Кто я?». Такой была *садхана*, которую он принес для встречи нужд нашего века и относительно нее не было ничего секретного или тайного. Махарши был совершенно категоричен в утверждении ее огромного превосходства над другими духовными практиками. «Само-исследование — это единственное безошибочное средство, единственное прямое средство для осознания ничем не обусловленного, абсолютного Бытия, которым вы в действительности являетесь...

Попытка уничтожить эго, или ум, иными *садханами*, нежели Само-исследование, в точности напоминает вора, переодевающегося полицейским, чтобы поймать вора, то есть себя. Только Само-исследование может открыть истину, что ни эго, ни ум в действительности не существуют, и дать возможность человеку осознать чистое, неразличенное Бытие Атмана, или Абсолюта. Осознавшему Атман ничего не остается для познания, ибо Он есть совершенное Блаженство, Он есть Всё» (Евангелие Махарши, часть II *).

«Цель Само-исследования состоит в том, чтобы сфокусировать цельный ум на его Источнике. Следовательно, это не тот случай, когда одно „я“ ищет другое „я“» (Там же **).

Сфокусировать цельный ум на его Источнике, повернуть его вовнутрь, на себя. Предписывалось сесть в медитацию, вопрошая «Кто я?» и в то же время фокусируя внимание на сердце, не физическом органе с левой стороны груди, а духовном сердце справа. В зависимости от характера задающего вопрос, его зрелости, Шри Бхагаван обычно сначала подчеркивал физический или ментальный аспект, концентрацию на Сердце или вопрос «Кто я?».

Духовное сердце с правой стороны груди не является одной из йогических *чакр* (центров); это центр и источник эгоистического «я» и жилище Я, или Атмана, а потому и место Соединения. Когда его спрашивали, есть ли какое-нибудь духовное или иное основание для локализации Сердца в этом месте, Шри Бхагаван говорил, что сам обнаружил это, а позднее нашел подтверждение в одной из книг по *аюрведе* (индусской медицине) на языке малайялам ¹. Те, кто следовал его предписаниям, также убеждались в этом. Вопрос о расположении духовного Сердца настолько фундаментален для применения *вичары*, что стоит воспроизвести здесь

разговор из «Евангелия Махарши», в котором Шри Бхагаван детально разъяснил его.

Почитатель: Шри Бхагаван точно определил особое место для Сердца внутри физического тела, а именно, что Оно находится в грудной клетке, двумя пальцами правее средней линии груди.

Бхагаван: Да, согласно свидетельству Мудрецов, это есть Центр духовного переживания. Духовный Сердечный центр совершенно отличен от физического мускульного органа, перегоняющего кровь и известного под таким же названием. Он не является органом тела. Все, что вы можете сказать о Сердце, это что Оно есть подлинное Ядро вашего бытия, которому вы на самом деле идентичны (что буквально и передается словом на санскрите *), бодрствуете ли вы, глубоко спите или видите сны, заняты ли работой или погружены в *самадхи*.

П: В этом случае как же Оно может быть локализовано в какой-либо части тела? Установление места для Сердца будет подразумевать установление физиологических ограничений на ТО, лежащее за пределами пространства и времени.

Б: Совершенно верно. Однако человек, спрашивающий о положении Сердца, рассматривает себя существующим с телом или в теле... Так как в течение бестелесного переживания Сердца как чистого Сознания Мудрец совсем не сознает тела, то абсолютное переживание локализуется им в пределах физического тела чем-то вроде чувства воспоминания, сформированного в то время, когда он уже тело сознает.

П: Для людей, подобных мне, не имеющих ни прямого переживания Сердца, ни следующего из него воспоминания, достаточно трудно понять этот вопрос. О самом положении Сердца нам, возможно, остается только строить догадки.

Б: Если определение положения Сердца должно зависеть от предположений, пусть даже и невежественного человека, то вопрос, безусловно, не стоит серьезного обсуждения. Но оно не зависит от ваших догадок, а определяется безошибочной интуицией.

П: У кого же имеется эта интуиция?

Б: У каждого.

П: Не даст ли мне Шри Бхагаван взаймы интуитивное знание Сердца?

Б: Нет, не Сердца, но положения Сердца относительно вашей индивидуальности.

П: Шри Бхагаван хочет сказать, что я интуитивно знаю, где находится Сердце в физическом теле?

Б: А почему бы и нет?

П: (Указывая на себя). Это ко мне лично относятся слова Шри Бхагавана?

Б: Да. Это и есть интуиция! Куда вы только что указали на себя жестом? Разве вы не направили свой палец на правую сторону груди? Это как раз и есть место расположения Сердечного центра.

П: Итак, не имея непосредственного знания о Сердечном центре, я должен зависеть от этой интуиции?

Б: А что здесь ошибочного? Когда школьник говорит: «Это я решил задачу правильно» или когда он предлагает вам: «Давайте я сбегаю и получу для вас книгу», разве он указывает на голову, которая правильно решила задачу, или на ноги, которые быстро понесут его доставать вам книгу? Нет, в обоих случаях он совершенно естественно покажет пальцем на правую сторону груди, выражая таким простым жестом ту глубокую истину, что Источник чувства «я» в нем находится здесь. Только безошибочная интуиция заставляет его именно таким образом указывать на себя, на Сердце, которое есть Атман. Это действие является полностью бессознательным и всеобщим, то есть оно одинаково для каждого человека. Какое еще более сильное, чем это, доказательство местоположения Сердечного центра в физическом теле вам требуется?

Наставление, в таком случае, заключалось в том, чтобы сесть, концентрируясь на сердце с

правой стороны, и спрашивать «Кто я?» Когда при медитации поднимаются мысли, нужно не следовать за ними, а наблюдать их и спрашивать: «Что такое эта мысль? Откуда она пришла? И к кому? Ко мне... И кто я?» Таким образом каждая мысль исчезает, когда тщательно исследована и повернута обратно к основной «я»-мысли. Если поднимаются нечистые мысли, то они должны быть обработаны тем же способом, потому что *садхана* действительно делает то, к чему призывает психоанализ, — она убирает грязь из подсознания, поднимает ее к свету дня и уничтожает. «Да, при медитации возникают все виды мыслей. Но именно это и нужно, ибо выводится то, что скрыто в вас. Как они могут быть уничтожены до тех пор, пока не возникнут?» («Евангелие Махарши»).

Все мыслеформы несвойственны этому виду медитации. Иногда какой-нибудь почитатель спрашивал Шри Бхагавана, можно ли использовать при исследовании такую тему, как «Я — Он», или иную, но Махарши всегда запрещал это. Однажды, когда почитатель предлагал одну тему за другой, он разъяснил: «Все мысли несовместимы с Реализацией. Исключать мысли о себе и все остальные — это как раз то, что надо делать. Мысли — одно, а Реализация — совершенно другое».

На вопрос «Кто я?» ответа нет. Здесь не может быть ответа, ибо этот вопрос растворяет «я»-мысль, которая является источником всех остальных мыслей, и проникает по ту сторону, к Тишине, где мысли нет. «Внушаемые ответы на исследование, такие как „Я — Шива“, в медитации давать уму не следует. Истинный ответ придет сам собой. Любой ответ это будет неправильным». Ответом служит пробуждение струи осознания, или сознавания, упомянутой в конце главы 1, вибрирующей как сама сущность бытия искателя и, тем не менее, безличной. При постоянной практике эта струя возникает все более и более часто, пока не становится непрерывной — не только в течение медитации, но также в речи и действии, составляя их основу. Даже тогда все еще необходимо применять *вичару*, поскольку это будет пытаться прервать струю сознавания, и если это хоть раз допустить, оно будет постепенно наращивать силу и затем сражаться за возвращение верховенства, подобно неевреям, которым иудеи позволили остаться в Обетованной Земле. Шри Бхагаван настаивал (например, в своих ответах Шивапракашаму Пиллаю), что вопрошание должно поддерживаться до самого конца. Какие бы состояния, какие бы силы, какие бы восприятия или видения ни могли приходить, всегда есть вопрос, к кому они приходят, до тех пор, пока не останется только Атман.

Действительно, видения и психические силы могут отвлекать внимание, закрепляя ум внизу так же эффективно, как привязанность к физической силе или удовольствию, и обманывая его представлением, что он преобразован в Атман. И, как и в случае земных сил и удовольствий, страстное желание их даже более вредно, чем обладание ими. Нарасимхасвами как-то сидел перед Шри Бхагаваном, переводя на тамили книгу о жизни и высказываниях Вивекананды. Он подошел к описанию хорошо известного эпизода, когда единственное прикосновение Шри Рамакришны дало Вивекананде возможность восприятия всех вещей как единой субстанции. И тут Нарасимхасвами осенила мысль, не желательна ли такое восприятие и не мог ли Шри Бхагаван тоже дать эту способность ему прикосновением или взглядом. Как это часто случается, вопрос, обеспокоивший его, был тотчас поднят другим почитателем. Эчамма спросила, не могут ли преданные достигать *сиддх* (сверхобычных сил). В тот период Шри Бхагаван сочинял «Сорок стихов о Реальности», произведение, которое — со своим Дополнением — может рассматриваться как его собственная формулировка доктрины, и он сочинил строфу в ответ на этот вопрос. «Твердо пребывать в Реальности, которая вечна, — вот подлинное достижение (*сиддхи*). Все другие достижения подобны тому, чем владеют во сне. Имеют ли они реальность для пробудившегося? Будут ли те, кто установился в Реальности и свободен от иллюзии, заботиться о таких вещах?» *

Оккультное — препятствие к духовному. Оккультные силы и, даже более, желание этих сил, задерживают стремящегося. Об этом говорится в *Дэвикалоттаре*, высокоавторитетном священном тексте, который Шри Бхагаван перевел с санскрита на тамили: «Не следует принимать чудотворные силы или амулеты, даже когда они прямо предложены, ибо они подобны веревкам для спутывания зверя и рано или поздно потащат искателя вниз. Высочайшее *мукти* (Освобождение) не лежит на этом пути. Его нет нигде, кроме как в Бесконечном Сознании».

После этого отступления возвратимся к основной теме. Шри Бхагаван предписывал Само-исследование не только как технику медитации, но также и как технику жизни. На вопрос, должна ли *вичара* применяться всегда или только в установленное для медитации время, он отвечал: «Всегда». Это проливает свет на его отказ санкционировать отречение от мирской жизни, поскольку сами обстоятельства, которые препятствовали *садхане*, таким образом превращались в инструменты *садханы*. В конечном счете, *садхана* есть просто наступление на эго, и никакое количество экстаза или медитации не может привести к ее успеху до тех пор, пока эго остается прочно закрепившимся в надежде и страхе, амбиции и обиде, в любом типе страсти или желания. Шри Рама и царь Джанака были свободны от привязанности, хотя они и жили в миру; *садху*, который скатывал с Горы бульжники на Шри Бхагавана, был опутан привязанностями, хотя он и отрекся от мира.

В то же время это не означает, что без какого-либо плана кампании борьбы с эго просто бескорыстного действия достаточно. Ведь эго является тонким, цепким и будет находить убежище даже в действиях, направленных на его уничтожение, гордясь унижением или наслаждаясь аскетизмом.

Само-исследование, проводимое в повседневной деятельности запрашиванием себя, кому приходит на ум любая мысль, и есть план такой кампании, причем очень эффективной. Когда *вичара* применяется к совершенно не волнующей мысли, скажем, к мнению о книге или фильме, то может показаться, что это не так; но примененное к волнующей мысли Само-исследование имеет необычайную силу и поражает сам корень страстей. Человек обижен и чувствует негодование — кто обижен или негодует? Кто удовлетворен или подавлен, гневается или торжествует? Человек впадает в мечтания или визуализирует возможные триумфы, и эго после этого увеличивается столь же сильно, насколько уменьшается медитацией; и в такой момент требуется сила и бдительность, чтобы вынуть меч *вичары* и пробиться сквозь преграду.

В разнообразных активностях жизни Шри Бхагаван наряду с *вичарой* предписывал также отдачу себя и подчинение Божественной Воле. Он сравнивал человека, думающего, что это он несет свои собственные ноши и ответственность, с пассажиром в поезде, который упрямо держит свой багаж, хотя поезд одинаково везет все, и с мудрым пассажиром, положившим багаж на полку и удобно отдыхающим. Все предписания и примеры, которые он давал, сходились на одной точке ослабления своекорыстия, эгоизма, и резкой критики иллюзии «Я-есть-делатель».

Известный деятель партии индийского национального Конгресса Джамнадал Баджаджи однажды пришел в Ашрам и спросил: «Является ли желание *свараджа* (политической независимости Индии) правильным?»

Шри Бхагаван ответил: «Да, продолжительная практическая работа для этой цели постепенно расширяет перспективу таким образом, что индивидуальность постепенно погружается в интересы страны. Такое поглощение индивидуальности желательно, и ее *карма* является *нишкамъя кармой*».

Торжествующий, возможно, из-за того, что получил от Свами одобрение своих политических целей, и желающий еще более определенных заверений, Джамнадал сразу же спросил о том, что, казалось, логически вытекало из предшествующего: «Если *сварадж* достигнут после продолжительной борьбы и страшных жертв, разве человеку не позволительно

радоваться такому результату?»

Но он был разочарован. «Нет, в ходе борьбы ему следует подчинить себя Высшей Силе, чье Могущество должно сохраняться в уме и никогда не исчезать из поля зрения. Как тогда он может ликовать? Ему не следует даже заботиться о результатах своих действий. Только тогда действие становится *нишкамья* (бескорыстным)».

Другими словами, результат деятельности остается за Богом и всё, за что следует отвечать, — чистота и незаинтересованность активности. Более того, выполнением того, что правильно, просто потому, что это правильно, без личной заинтересованности, человек приносит пользу другим даже независимо от видимых достигнутых результатов и более эффективным, хотя и более тонким способом, чем могут показать результаты. Это также самый прямой путь помощи себе. Действительно, незаинтересованную деятельность можно назвать настоящим банковским счетом, аккумулирующим хорошую *карму*, которая сформирует будущую судьбу человека.

В случае, подобном этому, отвечая на вопрос некоего посетителя, Шри Бхагаван объяснил, что склад ума может сделать социальную или политическую активность *садханой*, имеющей силу, но он отговаривал своих преданных от занятий такой деятельностью. Достаточно того, чтобы они выполняли свои собственные жизненные обязанности с чистотой и незаинтересованностью, делая то, что правильно, потому что это правильно. Даже хотя нынешнее состояние мира кажется лишенным гармонии, оно является частью более обширной Гармонии, и совершенствованием Самопознания человек может и постичь эту Гармонию, и оказать гораздо большее гармоничное влияние на мир, чем попытками изменить ход событий. Учение Шри Бхагавана по этому вопросу суммировано в его разговоре с Полем Брантоном:

Поль Брантон: Не выскажет ли Махарши свое мнение о будущем мира, поскольку мы живем в критические времена?

Бхагаван: Почему вы должны беспокоиться о будущем? Вы даже не знаете как следует настоящее. Позаботьтесь о настоящем, а будущее само позаботится о себе.

ПБ: В ближайшее время мир войдет в новую эру дружбы и взаимопомощи или он скатится к хаосу и войне?

Б: Существует Он, правящий миром, и это Его задача — наблюдать за миром. Давший миру жизнь, Он знает также и как заботиться о нем. Несет бремя этого мира Он, а не вы.

ПБ: Но если посмотреть вокруг непредвзятыми глазами, то трудно увидеть, где пригодилась эта великодушная забота.

Б: Каковы вы, таков и мир. Без понимания самого себя в чем польза от попыток понять мир? Искатели Истины вопрос о понимании мира не рассматривают. Люди впустую тратят свою энергию на все такие вопросы. Сначала найдите Истину позади вас самих, и тогда вам будет легче понять Истину позади мира, частью которого вы сами являетесь.

Следует заметить, что в этом последнем предложении Шри Бхагаван использует слово «сами» для обозначения эго, которое задающий вопрос в данный момент считает собой. Истинное Я есть не часть мира, а Атман и Творец мира.

Предписание использовать Само-исследование в разнообразных активностях жизни было расширением его традиционного применения и адаптацией к нуждам нашего времени. При его прямом употреблении в качестве медитации Само-исследование является чистейшей и наиболее древней *садханой*. Хотя Само-исследование пришло к Шри Бхагавану спонтанно и без обучения, оно лежит в русле традиции древних *риши*. Мудрец Васиштха писал: «Это исследование „Кто я?“ есть поиск Атмана, и его называют огнем, который сжигает семена ядовитого роста умозрительного мышления». Однако прежде оно существовало только как чистая *джняна-марга* (Путь Знания), простейшая, так же как и самая глубокая, последняя тайна, передаваемая только искателям с наиболее ясным пониманием, чтобы они следовали ей в постоянной медитации,

вдали от соблазнов мира. *Карма-марга* (Путь Действия), с другой стороны, была путем для тех, кто оставался жить в миру, и включала, как определено в *Бхагавад-Гите*, жизнь служения и действия без привязанности к плодам действий, то есть незаинтересованные, лишённые и капли эгоизма. Эти два пути сейчас сплавлены в один, делая новый путь приспособленным к современным условиям нашего века. Путь, которому можно следовать молча, в конторе или в мастерской не в меньшей степени, чем в ашраме или в пещере, с внешними обрядами или без них, просто медитируя в определенное время и затем вспоминая в течение дня.

«Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» *. С точки зрения Учения это высказывание Христа исполнено открытым провозглашением окончательного и наиболее тайного Пути и его адаптацией к нашему веку. Это как раз то, что сделал Шри Бхагаван.

Действительно, новый путь есть нечто большее, чем сплав *джняна-марги* и *карма-марги*; он есть также и *бхакти* (Любовь и Преданность), ибо порождает чистую любовь — любовь к Атману, Внутреннему Гуру, которая есть любовь к Бхагавану, любовь к Богу. Шри Бхагаван сказал в «Евангелии Махарши»: «Вечное, непрерывное, естественное Состояние пребывания в Атмане есть *джняна*. Чтобы пребывать в Атмане, вы должны любить Атман. Поскольку Бог есть, в действительности, Атман, то любовь к Атману есть Любовь к Богу, и это есть *бхакти*. Таким образом, *джняна* и *бхакти* — одно и то же» *.

Пути *джняны* и *бхакти*, которые Шри Бхагаван предписывал, могут представляться совершенно различными, но в действительности они гораздо ближе, чем может показаться, и один не устраняет другого: фактически оба пути могут сплавляться в единый интегральный Путь, только что охарактеризованный.

С одной стороны, подчинение внешнему Гуру ведет, посредством его Милости, к внутреннему Гуру, которого ищет, чтобы открыть, *вичара*; с другой стороны, *вичара* ведет к покою и подчинению. Оба метода борются за непосредственное затихание ума, только в первом случае более перед внешним, а во втором — более перед внутренним Гуру. Косвенные методы *садханы* ищут, скорее, усиления и укрепления ума, для того чтобы он мог окончательно добиться достаточной силы и широты и капитулировать перед Духом. Подобное Шри Бхагаван и относил к «вору, переодевающемуся полицейским, чтобы схватить вора, которым он сам является». Конечно, правильно, что ум должен быть укреплен и очищен прежде, чем он подчинится, но с использованием *вичары* при Милости Шри Бхагавана это происходит автоматически.

Один из почитателей, Кришна Дживраджани, как-то спросил об этом: «В книгах говорится, что следует развивать все хорошие, или божественные, качества для того, чтобы подготовить себя к Само-реализации».

И Шри Бхагаван ответил: «Все хорошие, или божественные, качества включены в *джняну* (Знание), а все дьявольские, или асурические, — в *аджняну* (неведение). Когда приходит *джняна*, вся *аджняна* уходит, и все божественные качества приходят автоматически. Если человек — *джняни*, то он не может солгать или сделать что-либо неправильное. В книгах, без сомнения, говорится, что нужно культивировать одно качество за другим и, таким образом, подготовиться к окончательной *мокше* (Освобождению). Но для тех, кто следует *джняне* или *вичара-марге*, их *садхана* сама по себе вполне достаточна для приобретения всех божественных качеств; им не надо делать что-либо еще».

Может, однако, возникнуть вопрос, насколько *вичара* доступна фактически. В «Духовном наставлении», составленном вскоре после того, как Шри Бхагаван пришел из Скандашрама, говорится, что один из почитателей спросил: «Возможно ли всем искателям, независимо от их духовной зрелости, сразу выбирать и практиковать этот метод исследования в поиске Атмана?»

И Шри Бхагаван ответил: «Нет, этот Путь предназначен только для подготовленных душ. Другим следует получить необходимую тренировку и практиковать, принимая такие иные методы, которые подходят к их индивидуальному развитию, умственному и духовному».

Похожий ответ был дан и в период пребывания Махарши в пещере Вирупакша — в наставлениях, опубликованных как «Шри Рамана Гита» *. «Другие методы» включают в себя религиозные обряды и обряды почитания, медитацию, повторение священных формул — *мантр*, а также контроль дыхания. Они служат не только подготовкой к практике *вичары*, но могут применяться совместно с ней. Многие почитатели говорили Шри Бхагавану, что используют такие методы, предписанные некоторыми Гуру, или просили его разрешения применять их, и он милостиво слушал и одобрял. Но, когда кто-либо решал оставить эти («другие») методы, он также одобрял это. Один из преданных как-то сказал ему, что не получает более поддержки от других методов, используемых им ранее, и просил разрешения отказаться от них, и Махарши ответил: «Да, все другие методы только ведут к *вичаре*».

В течение более позднего периода, в Ашраме у подножия Горы, не было сделано записей о каких-либо ограничениях на условия использования *вичары*, в то время как она, вместе с концентрацией на Сердце, недвусмысленно предписывалась всем, кто спрашивал о Пути. Это может вести к выводу, что в новой форме, в которой Шри Бхагаван представил ее, *вичара* делалась реально доступной только тем, кто, посредством его Милости, стремился использовать ее.

С другой стороны, было также замечено, поскольку для этого имелись доказательства, что лишь немногие стремились практиковать *вичару*. Действительно, большинство из приходящих в Ашрам и просивших разъяснений жизненных тайн или некоторой системы тренировки для очищения и усиления их характеров были столь очевидно далеки от понимания доктрины *адвайты* или практики *садханы* Само-исследования, что поверхностному наблюдателю было трудно не почувствовать разочарования или досады той малостью утешения, которая, казалось бы, им давалась. Однако только поверхностному, ибо при более близком рассмотрении чувствовалось, что действительный ответ был не словесным, но влиянием Тишины, которая начинала пропитывать ум спрашивающего.

В своих разъяснениях Шри Бхагаван твердо придерживался конечной истины, которую признает только *джняни*, а именно — он оставался верным принципу, что, будучи по ту сторону различий, *джняни* не имеет связей и поэтому никого не называет своим учеником; но его безмолвная Милость, действующая на ум, давала тому возможность искать для себя наиболее подходящие «другие методы» своего развития, как уже было сказано при разговоре о тех, кто просто старался подчиниться и сохранять ум в покое. В словесных предписаниях необходимости не было. Каждый получал помощь, соответствующую его природе, пропорционально своему пониманию и преданности. «Милость Гуру подобна океану. Тот, кто пришел с чашкой, сможет наполнить только ее. Бесполезно сетовать на скупость океана. Чем больше сосуд приходящего, тем больше он сможет унести с собой. Все полностью зависит от него».

Пожилая француженка, мать одного из преданных, как-то посетила Ашрам. Она не понимала и не стремилась понять философию, но после визита стала искренней католичкой, хотя раньше была ею лишь номинально; и она признала, что это изменение произошло благодаря влиянию Шри Бхагавана. События, подобные этому, в большей степени составляли даваемое Махарши обучение, нежели словесные толкования.

Могло также случиться, что постоянно возрастающая Милость Шри Бхагавана со временем привязывала к нему почитателей более крепко и таким образом готовила их сердца для *вичары* посредством преданности. Не только почитатели, но также и более случайные посетители ощущали, каким мягким, каким лучезарным стало его лицо в последние годы. Через Любовь он вел к Знанию, так же, как *вичара* вела через Знание к Любви. Преданность ему поворачивала ум

вовнутрь, к Атману, который он проявил, так же, как поиск Атмана внутри пробуждал неограниченную любовь Атмана, проявленного в нем.

Один преданный выразил это так: «Смотришь на его лицо, такое овладевающее вниманием, такое невероятно милостивое и такое мудрое и, тем не менее, с невинностью новорожденного младенца, — он знает всё, что существует для познания. Иногда вибрация начинается в Сердце — Бхагаван — это ядро моего бытия приняло форму, мое собственное воплощенное сердце — Кто я? — И таким образом любовь ведет к исследованию» *.

Это было необычным для Учителя — открыто описывать технику *садханы* словесно и письменно, как практиковал Шри Бхагаван. Это делалось потому, что такая техника становилась эффективной только тогда, когда передавалась пользователю ее как *упадеша* своего Гуру. Нововведение Шри Бхагавана в этом вопросе начиналось с различной точки зрения на доступность *вичары*: может ли быть доступной какая-либо *садхана*, если она персонально не предписана Гуру?

Шри Бхагаван сам подтвердил всеобщую традицию, что техника *садханы* имеет силу только в том случае, если она предписана Гуру. На вопрос, принесут ли человеку пользу *мантры*, подобранные кое-как, Махарши ответил: «Нет, он должен быть посвящен в них».

Почему же тогда он открыто объяснял *вичару* и иногда даже отсылал посетителей к письменным разъяснениям в своих книгах? Единственный ответ состоит в том, что он был более чем Гуру для тех немногих, кто имел возможность физически достичь его в Тируваннамалае. Он был наделен Полномочиями, и он давал санкцию. В этот духовно темный век, когда многие ищут, а Гуру — очень редок и труднонаходим, Бхагаван Сам принял на Земле форму *Садгуру*, Истинного Учителя, Божественного Руководства для тех, кто внутренне повернулся к нему. Он провозгласил *садхану* доступной всем, кто посредством его Милости найдет ее приемлемой для себя.

На использование *вичары* не было ограничений не только для посетителей Тируваннамалае, но и для индуистов в целом. Учение Шри Бхагавана — это сущность всех религий, оно явно провозгласило то, что было скрыто. *Адвайта*, доктрина недвойственности, — центральный постулат даосизма и буддизма, а доктрина Внутреннего Гуру есть учение «Христос внутри вас» *, восстановленное со всей полнотой его понимания. *Вичара* проникает к окончательной истине исламской веры, или *шахаде*, что нет бога, кроме Бога, — что нет «я», кроме Я. Шри Бхагаван был выше различий между религиями. Священные писания индуизма были доступны ему, поэтому он читал их и разъяснял согласно их терминам, но он мог оперировать и терминами других религий, когда его спрашивали. *Садхана*, которую он предписывал, не зависела от какой-либо религии. Не только индуисты приходили к нему, но буддисты, христиане, мусульмане, иудеи, парсы, и он никогда не ожидал от кого-либо изменения религии. **Преданность Гуру и прилив его Милости ведут к углублению реальности каждой религии, а Само-исследование — к окончательной Истине, лежащей позади всех религий.**

Глава 15

Почитатели

В целом почитатели были самыми обычными людьми. Ни в коем случае их нельзя считать учеными или интеллектуалами. Фактически нередко случалось, что кое-кто, интеллектуально захваченный своими теориями, не имел успеха в осознании живой Истины и уходил, в то время как некий простой человек хотел остаться и поклоняться и, благодаря своей искренности,

удостаивался Милости Бхагавана. Поскольку само-исследование называют *джняна-марга*, Путем Знания, то иногда считается, что лишь интеллектуалы могут следовать ему, однако здесь подразумевается понимание сердца, а не теоретическое знание. Теоретическое, или доктринальное, знание может служить помощью, но с равным успехом может оказаться и препятствием.

Шри Бхагаван писал: «В чем польза от учености тех, кто не пытается стереть предначертания Судьбы, вопрошая „Откуда родились мы, знающие их?“ Они уподобили себя патефону. Кто они еще, о Аруначала? Неученые спасаются скорее, чем те, чье эго не смирилось, несмотря на их ученость» (Дополнение к сорока стихам, стихи 35 — 36). Эти слова о стирании предначертаний Судьбы относятся к индуистскому пониманию судьбы человека, записанной на его лбу, и означают, следовательно, то же, что и выход за пределы его кармы. Они являются дальнейшим подтверждением уже сказанного в главе 5, что доктрина судьбы не убирает возможность усилия или, на самом деле, необходимость его.

Ученость сама по себе не порицалась, также как не осуждалось материальное богатство и психические силы; только, и одинаково ко всем трем, осуждалось желание их и озабоченность ими, так как эти цели

Муруганар

Садху Аруначала

(Мэйджер Чадвик)

Рамасвами Пиллай

С. С. Коган

Некоторые из выдающихся ашрамитов

ослепляют человека и отвлекают от истинной Цели. Психические силы, как утверждается в уже цитированном древнем тексте *, напоминают веревки для связывания зверя. То, что требовалось, так это искренность, а не блеск; понимание, а не теория; смирение, а не ментальная гордость. Каждый мог видеть это, особенно когда в Холле пели песни, замечая поверхностный интерес, который Шри Бхагаван мог проявить к какой-нибудь знаменитости, и сияние его Милости, изливающееся на человека, поющего с истинной преданностью, пусть даже и с небольшим мастерством.

Конечно, среди почитателей преобладали индуисты, но было также много и других. Никто не сделал больше для распространения в мире знания о Шри Бхагаване, чем Поль Брантон своей книгой «Поиски в скрытой Индии».

Среди постоянно проживающих в Ашраме или около него в последние годы земной жизни Шри Бхагавана были Мэйджер Чадвик, крупный, военной выправки и доброжелательный, с гремящим голосом; миссис Тальяркхан, из парсов, с властным характером и внешностью дамы большого света; С. С. Коган из Ирака, спокойный и ненавязчивый; доктор наук Хафиз Саид, отставной профессор персидского языка, с каким-то старинным очарованием мусульманской аристократии. Посетители приходили на длительные или короткие периоды из Америки, Франции, Германии, Голландии, Чехословакии, Польши, из многих стран.

Вишванатхан, один из младших родственников Шри Бхагавана, пришел в 1923 году девятнадцатилетним юношей и остался. Это было не первое его посещение, но как только он вошел в Холл, Шри Бхагаван спросил его: «Вы решили уйти от своих родителей?»

Вопрос был признанием того, что на этот раз Вишванатхан пришел, чтобы остаться. Юноша признался, что, подобно самому Шри Бхагавану, он просто написал записку, не упоминая, где его теперь искать. Шри Бхагаван заставил беглеца написать письмо, но во всяком случае отец догадался, куда исчез сын, и пришел обсудить это. Отец непредубежденно смотрел на случившееся. Он уже слышал яркие рассказы о Свами, но знал его только как одного из младших родственников в те дни, когда тот был Венкатараманом. И, конечно, с трудом представлял его Божественным. Оказавшись в святом Присутствии, тело отца юноши затрепетало от благоговения, и он упал ниц, прежде чем осознал, что случилось.

«Я не вижу прежнего Венкатарамана здесь!» — воскликнул он.

И Шри Бхагаван засмеялся: «О, тот парень! Он исчез давно».

Говоря с Вишванатханом в своей обычной юмористической манере, Шри Бхагаван однажды сказал: «Когда вы ушли из дома, то, по крайней мере, знали санскрит; когда я ушел, то не знал ничего».

Были также и другие ученики, знавшие санскрит и изучившие Писания, а среди них отставной профессор Венкатарамиах, который жил как *садху* и несколько лет вел дневник событий в Ашраме, и школьный учитель Сундареш Айяр, уже упоминавшийся, продолжавший работать по специальности в Тируваннамалае.

В том же году, что и Вишванатхан, пришел и Муруганар, один из крупнейших тамильских поэтов. Шри Бхагаван сам иногда ссылался на его поэмы или читал их вслух. Именно он собрал вместе «Сорок стихов» и составил книгу из них, а также написал знаменитый тамильский комментарий к ним. Музыкант Рамасвами Айяр является еще более ранним почитателем. Старше Шри Бхагавана по возрасту, он впервые пришел к нему в 1907 году. Он сочинил прекрасные песни, восхваляющие Учителя.

Рамасвами Пиллай пришел юношей прямо из колледжа в 1911 году и остался. Подобно Вишванатхану и Муруганару, он жил как *садху*. Но в его случае Путь проходил, пожалуй, через преданность и служение. Однажды в 1947 году во время ежедневной прогулки на гору Шри Бхагаван повредил ногу о камень. На следующий день Рамасвами Пиллай, уже поседевший, но еще крепкий, отправился делать ступеньки и тропу вверх по горному склону. Он работал в одиночку, с рассвета до заката, день за днем, пока не закончил тропу, края твердо закрепил камнем, на плоской скальной поверхности вырубил ступени, устроив их и там, где был земляной склон. Тропа была проложена как следует и тщательно, так основательно, что муссонные ливни не смыли ее до сих пор; но она и не ремонтировалась, потому что вскоре после того, как была закончена, ухудшающееся здоровье Шри Бхагавана вынудило его прекратить прогулки на Гору.

Ранга Айяр, старый школьный приятель, уже упоминавшийся ранее, никогда постоянно не жил в Тируваннамалае, но он и его семья привыкли к частым посещениям. Он учился со Шри Бхагаваном в одном классе, играл и боролся с ним и всегда пользовался большой свободой в разговорах и шутках. Когда Ранга Айяр в самом начале жизни Махарши в пещере Вирупакша

пришел посмотреть, похож ли его старый друг на Свами, он сразу осознал, что стоит перед Божеством. Другое дело его старший брат, Мани. Он стоял, презрительно глядя на юного Свами, которого раньше знал как младшего по школе. Шри Бхагаван ответил взглядом, и под его влиянием Мани упал. После этого он тоже стал преданным. Один из сыновей Ранга Айяра написал большую поэму на тамили, прославляющую «брак» Шри Бхагавана с Божественным Знанием.

Большую часть «Евангелия Махарши» составляют разговоры с эмигрантом из Польши, М. Фридманом *. Две американки польского происхождения — хорошо известные фигуры в Ашраме. Когда миссис Ной должна была вернуться в родную Америку, она не могла удержаться от слез. Шри Бхагаван утешал ее: «Почему вы плачете? Я с вами, куда бы вы ни ушли».

Это верно для всех почитателей Бхагавана. Он всегда с ними. Если они вспоминают его, он будет вспоминать их. Даже если они забудут его, он не забудет их. Тем не менее, услышать это, обращенное к тебе лично, было великим благословением.

Трое моих детей, единственные дети-европейцы в Тируваннамалае, были заметны среди почитателей. Как-то вечером в декабре 1946 года Шри Бхагаван познакомил двух старших из них с медитацией, и если их усилия описать ее тогда оказались безуспешными, то они сделали это уже более взрослыми. Китти, которой было десять лет, написала: «Когда я тем вечером сидела в Холле, Бхагаван улыбнулся мне, и я закрыла глаза и начала медитировать. Как только я закрыла глаза, я почувствовала себя очень счастливой и почувствовала, что Бхагаван был очень, очень близок ко мне и очень настоящий, и что он был во мне. Это совсем не напоминало счастье и возбуждение от чего-либо другого. Я не знаю, что сказать, просто очень счастлива, и Бхагаван такой восхитительный».

И Адам, которому было семь, написал: «Когда я сидел в Холле, я не чувствовал себя счастливым, поэтому начал молиться и почувствовал сильное счастье; оно не походило на получение новой игрушки, просто любовь к Бхагавану и всем остальным».

Нельзя сказать, что дети часто или подолгу сидели в Холле. Когда им нравилось это, они сидели; чаще они просто играли около него.

Когда Фране, самой младшей, было семь, Адам и Китти как-то говорили о своих друзьях. У нее не было еще настоящих друзей, но она не хотела остаться в стороне и вставила, что доктор Саид — самый лучший ее друг во всем мире. Об этом рассказали Шри Бхагавану.

— А? — ответил он с поверхностным интересом.

— И ее мать спросила: «А Бхагаван?»

— А?

В этот момент он повернул голову и выказал действительный интерес.

— Франя сказала: «Бхагавана нет в этом мире».

— А!

Махарши сидел прямо, с выражением восторга, с указательным пальцем со стороны носа, в манере, которой обычно выражал удивление. Он перевел эту историю на тамили и восторженно повторил другим посетителям, вошедшим в Холл.

Позднее доктор Саид спросил девочку, где был Бхагаван, если не в мире, и она ответила: «Он — везде».

Доктор Саид все же продолжал допытываться в кораническом настроении: «А как мы можем говорить, будто он — не какой-нибудь человек в мире, подобно нам, когда видим, что он сидит на кушетке, ест, пьет и прогуливается?»

И ребенок ответил: «Давайте поговорим о чем-нибудь еще».

И все же любое упоминание тех или иных почитателей оскорбляет несправедливостью, потому что всегда есть другие, которые могли быть упомянуты. Например, немногие говорили со

Шри Бхагаваном более свободно, чем Дэвараджа Мудальяр или чем Т. П. Рамачандриах, чей дед однажды взял молодого Шри Раману в качестве главной силы на ритуал принятия пищи в своем доме — единственном доме, в котором Махарши когда-либо ел после прибытия в

Поль Брантон

Сури Нагамма

Мунгала

С. Венкатарамиах

Дэвараджа Мудальяр

Маурис Фридман

Некоторые из преданных,

несших Присутствие Шри Бхагавана в мир

Тируваннамалай. Много прекрасных фотографий Шри Бхагавана сделал Т. Н. Кришнасвами, который время от времени приезжал из Мадраса. Некоторые из самых живых и восхитительных отчетов о происшествиях в Ашраме, дышащих очарованием присутствия Шри Бхагавана, содержатся в письмах, написанных на языке телугу почитателем-женщиной, Нагаммой, своему брату Д. С. Шастри, управляющему банком в Мадрасе. Кроме того, были преданные, которые очень редко считали необходимым говорить со Шри Бхагаваном или никогда этого не делали. Были семейные люди, домохозяйева, приходившие как только позволит случай из города или страны, куда их забросила судьба, и другие, что наносили один короткий визит и оставались с этого времени учениками Учителя, хотя и не в его физическом присутствии. И были те, кто никогда не видел его, но получил безмолвное посвящение на расстоянии.

Шри Бхагаван отбивал охоту ко всем странностям в одежде или поведении и к любому проявлению экстаза. Уже показано, как он неодобрительно относился к желанию видений и сверхъестественных сил и как он предпочитал, чтобы домохозяйева прилагали духовные усилия в условиях семьи и профессиональной жизни. Он не требовал эффектных изменений в преданных, ибо такие изменения могут быть зданием без фундамента и позднее разрушатся. Действительно, иногда случалось, что какой-нибудь почитатель падал духом, совсем не видя улучшений в себе, и жаловался на отсутствие духовного продвижения. В таких случаях Шри Бхагаван мог утешить

или мог резко возразить: «Откуда вы знаете, что нет прогресса?» И он обычно объяснял, что Гуру, а не ученик видит сделанный прогресс; это ученику надо настойчиво продолжать свою работу, даже хотя воздвигаемое здание может быть вне поля зрения ума. Такие условия практики могут создать впечатление трудности пути, но любовь учеников к Бхагавану и милосердие его улыбки придавали им прелесть.

Любая преувеличенность поведения, такая как *мауна*, или молчание, тоже не одобрялась. По крайней мере в одном случае Шри Бхагаван сделал это совершенно недвусмысленно. Услышав, что Мэйджер Чадвик намерен на следующий день провести *мауну*, он заговорил об этой практике, подробно критикуя ее. Махарши указал, что речь является предохранительным клапаном. Лучше контролировать речь, чем отречься от нее. Он высмеял людей, отказавшихся говорить языком, чтобы вместо этого говорить карандашом. Подлинная *мауна* — в Сердце, и есть возможность оставаться безмолвным среди речи, также как и уединенным среди людей.

Иногда, это точно, было и преувеличение. В соответствии со скрытой природой его *упадешу*, объясненной в предыдущей главе, Шри Бхагаван обычно редко в явной форме требовал или запрещал. Тем не менее, те, кто предпринимал что-нибудь особенное, должны были почувствовать его неодобрение, даже если и не признавались в этом себе, ибо они почти неизменно переставали приходить в Холл. Я припоминаю один такой случай, когда равновесие ума одной из почитательниц было под угрозой и Шри Бхагаван сказал совершенно определенно: «Почему она не приходит ко мне?» Необходимо знать, как тщательно он избегал давать подробные инструкции или говорить кому-либо о приходе или уходе, как искусно он парировал любую попытку заставить его делать это, каким обязывающим и каким драгоценным считалось малейшее указание его воли — для того, чтобы оценить всю значительность такого высказывания.

В этом случае почитательница не пришла и вскоре после этого помешалась. Это был не единственный случай. Несмотря на атмосферу нормальности, царившую в Холле, необычайная сила, излучаемая Шри Бхагаваном, была слишком сильна для некоторых из приходящих сюда. Было также заметно, что Шри Бхагаван иногда бранил, словно непослушного ребенка, такого человека, который позволил себе потворствовать тому, чему мог и должен был оказать сопротивление. Довольно часто внутренний бой начинал завязываться под влиянием Махарши и страдалец старался вернуться к своему обычному состоянию.

Хотя такие случаи и нужно было упомянуть для полноты картины, не следует представлять, исходя из отведенного им в книге места, что они вообще были частыми. Они всегда оставались редкими.

Трудно выделить все определенное в методах руководства Шри Бхагавана, поскольку часто можно было найти исключения. Были случаи, когда его предписания давались явно, особенно если человек мог говорить с ним один на один. Ананту Нарайяна Рао, отставного хирурга-ветеринара, построившего дом около Ашрама, неоднократно срочно вызывали в Мадрас к зятю, который был серьезно болен. Однажды он получил телеграмму по этому поводу и, хотя стоял уже поздний вечер, принес ее прямо к Шри Бхагавану. В предшествующих встречах Махарши никогда не уделял ему много внимания, но на этот раз сказал: «Да, да, вы должны ехать». И начал говорить о незначимости смерти. А. Н. Рао пошел домой и сказал жене, что на этот раз болезнь должна быть смертельной. Они прибыли в Мадрас за несколько дней до того, как зять А. Н. Рао скончался.

Время от времени кто-то слышал также и более живые примеры, такие, как рассказ о преданном, получившем предписание использовать имя «Рамана» для непрерывного повторения, но о них никогда много не говорили.

Обычно преданный должен был сам принять решение и затем объявить его в виде опыта.

Это решение являлось частью *садханы*. Если оно оказывалось правильным, то могло вызвать улыбку одобрения, от которой сердце пело, и, возможно, краткое словесное согласие. Если решение не одобрялось, то это также обычно было заметно. Один домохозяин однажды объявил свое решение уехать из Тируваннамалая в какой-то другой город, где он мог получить лучше оплачиваемую работу. Шри Бхагаван рассмеялся: «Каждый человек свободен планировать». Этот план не удался.

Когда один из политических лидеров Индии прибыл в Мадрас проводить митинги, служитель, бывший его поклонником, попросил об отпуске, чтобы поехать туда. Шри Бхагаван сидел с лицом подобным камню, словно он не слышал ничего. Однако служитель уехал. Он мчался от митинга к митингу, всегда прибывая слишком поздно или не сумев получить разрешение. И когда он возвратился обратно, Шри Бхагаван поддразнил его: «Так вы отправились в Мадрас без разрешения? Ваше путешествие * было удачным?»

Махарши обладал такой полнотой свободы от эго, что мог говорить о своих собственных действиях или вышучивать их так же естественно и безличностно, как и когда это касалось других.

Влияние Шри Бхагавана поворачивало человека от удовольствия и боли, надежды и озабоченности, вызванных обстоятельствами, к внутреннему счастью, являющемуся его истинной природой. Поэтому были почитатели, которые, сознавая это, никогда ни о чем не просили, даже в мысленной молитве, но зато стремились преодолеть привязанность, дающую начало желаниям. Даже хотя они не полностью достигли Цели, но им казалось как бы предательством идти к Шри Бхагавану с просьбой ради внешних выгод, ради всего, кроме большей любви, большей непоколебимости, большего понимания. Если обрушивались несчастья, то метод состоял не в просьбе удалить их, а в самозапросе: «Для кого существует это несчастье? Кто я?». Таким образом преданный подтягивался ближе к сознательному тождеству с ТЕМ, которое и не страдает, и не рождается, и не умирает, и не подвержено каким-либо несчастьям. И если человек поворачивался к Шри Бхагавану с таким намерением, то Мир и Сила струились в него.

Уж такова природа человека, что были также и почитатели, просившие Шри Бхагавана о помощи и защите в делах житейских. Принимая другую точку зрения, они считали его своим отцом и матерью и обращались к нему, когда бы ни угрожали любая беда или опасность. Обычно они или писали письмо, рассказывая об этом, или просто молились ему, где бы ни находились. И их молитвы получали ответ. Беда или опасность обычно отворачивались или, в случаях, где такое было невозможно или бесполезно, Мир и сила духа истекали на них, чтобы помочь выдержать испытание. Помощь приходила к ним самопроизвольно, без волевого вмешательства со стороны Шри Бхагавана. Это не означает, что она вызывалась просто верой преданного; она была обусловлена Милостью, которая истекала из него в ответ на веру.

Некоторых почитателей ставило в тупик такое использование силы без участия собственной воли и иногда даже без мысленного знания условий жизни преданного. Дэвараджа Мудальяр записал, как он однажды спросил Шри Бхагавана об этом.

«„Если — в случае Шри Бхагавана, а также и всех Мудрецов (*джнянинов*) — ум уничтожен и не видит никакой бхеды (различий), а только Единое Я, то как он может общаться с каждым отдельным учеником или преданным, чувствовать его или делать что-нибудь для него?“ Я спросил Бхагавана об этом и добавил: „Для меня и многих других вместе со мной здесь очевидно, что, когда мы сильно переживаем любую из наших бед и мысленно обращаемся к Бхагавану, где бы нам ни довелось находиться, помощь приходит почти мгновенно. Человек посещает Шри Бхагавана, какой-то его старый почитатель. Он начинает рассказывать о всех неприятностях, которые имел с тех пор, как последний раз встречался с Бхагаваном. Бхагаван

слушает его повесть терпеливо и сочувственно, время от времени даже выражая удивление и восклицая: 'О! Разве?' и так далее. Рассказ часто кончается: 'Когда все остальное рухнуло, я в конце концов обратился к Бхагавану и только Бхагаван спас меня'. Бхагаван слушает все это как новости для него и даже рассказывает другим, пришедшим в Холл позднее: 'Кажется, то-то и то-то случилось так-то с тех пор, как он последний раз был с нами'. Мы знаем, что Бхагаван никогда не притворяется, поэтому он, по-видимому, не сознает все, что произошло, по крайней мере на человеческом плане, до тех пор, пока ему не рассказали. В то же время нам ясно, что в момент, когда мы испытываем сильную боль и кричим о помощи, он слышит нас и посылает помощь тем или другим способом, по крайней мере, давая силу духа или другие возможности выдержать обрушившуюся на нас беду, если по какой-то причине ее нельзя отвести или смягчить". Когда я изложил все это Бхагавану, он ответил: „Да, все это происходит автоматически”».

Шри Бхагаван очень редко умышленно использовал сверхъестественные силы. Кроме того, если он это делал, то так же скрытно, как и свое посвящение, и *упадешу*. В последние годы среди служителей был один домохозяин, Раджагопал Айяр. У него имелся сын, которого он назвал Раманой, приятный мальш, привыкший ежедневно бегать к Шри Бхагавану и падать ниц перед ним. Однажды вечером, после того как почитатели разошлись на ночь, ребенка укусила змея. Раджагопал Айяр поднял его и побежал прямо в Холл. Но ребенок уже посинел и задыхался. Шри Бхагаван провел над ним руками и сказал: «Ты здоров, Рамана». И мальчик поправился. Раджагопал Айяр рассказал о случившемся нескольким почитателям, но об этом говорили мало.

Хотя просьба о благодеяниях и доверие Шри Бхагавану — защита преданного и его благополучие — незаметно переходили друг в друга, но различие между ними должно быть сделано. Последнее он, конечно, одобрял. Кто бы ни сбросил на него бремя забот о своем благополучии, Махарши принимал его. В адресованном Аруначале гимне «Гирлянда супружеских посланий» он писал, изображая отношение ученика к Гуру: «Не Ты ли позвал меня войти? Я вошел, и мое содержание теперь — Твоя ноша». Однажды, отвечая на просьбу преданного, Шри Бхагаван выбрал сорок два стиха из *Бхагавад-Гиты* и расположил их в определенной последовательности, чтобы выразить свое учение *. Среди них был и следующий стих:

Я укрепляю и защищаю благополучие тех,
кто, медитируя на Мне,
Почитает Меня одного, всегда пребывая
в настрое преданности.

На духовном Пути могут быть жестокие испытания и периоды слабости веры, но преданный, который уверовал в Шри Бхагавана, всегда находится под его присмотром.

Глава 16

Написанное

Полное собрание произведений Шри Бхагавана очень невелико по объему, и даже в нем почти все работы написаны, чтобы удовлетворить определенные нужды преданных. Дэвараджа Мудальяр записывает в дневнике, как Шри Бхагаван говорил на эту тему с одним из посетителей, поэтом.

«Все это — только активность ума. Чем больше вы упражняете ум и чем больше преуспеваете в сочинении стихов, тем меньший Мир вы имеете. В чем польза от обретения таких достижений, если вы не получаете внутреннего Мира? Но если сказать такое пишущим людям,

оно не привлечет их: они не могут сохранять спокойствие. Они должны писать стихи... Так или иначе, но мне никогда не приходило в голову написать книгу или сочинять стихи. Все мои поэмы были написаны по просьбе того или другого человека в связи с каким-нибудь отдельным событием. Даже „Сорок стихов о Реальности”, поэма, на которую сейчас существует такое множество комментариев, с которой имеется так много переводов, не планировалась как книга. Она содержит стихи, сочиненные в различное время и впоследствии представленные в виде книги Муруганаром и другими. Единственные поэмы, что пришли ко мне спонтанно и заставили меня, сами по себе, записать их без какого-либо еще побуждения сделать так, это „Одиннадцать строф Шри Аруначале” и „Восемь строф Шри Аруначале”. Вступительные слова „Одиннадцати строф” пришли ко мне однажды утром, и даже хотя я пытался избавиться от них, говоря: „Что я должен делать с этими словами?”, они не уходили, пока я не сочинил стихотворение, включавшее их; и все слова текли легко, без какого-либо усилия. Таким же способом вторая строфа была написана на другой день и остальные — в последующие дни, по одной каждый день. Только десятая и одиннадцатая строфы были сочинены в один и тот же день».

Махарши продолжал описывать в характерной для него живой манере, как он сочинил «Восемь строф».

«На следующий день я собрался идти вокруг Горы. Паланисвами шел за мной, и после того как мы уже прошли некоторое расстояние, Айясами, по-видимому, отозвал его назад и дал ему карандаш и бумагу, говоря: „Вот уже несколько дней как Свами ежедневно сочиняет по одному стихотворению. Он может с таким же успехом делать это и сегодня. Поэтому тебе лучше взять бумагу и карандаш с собой”.

Я узнал об этом, только когда заметил, что Паланисвами некоторое время не было со мной и он догнал меня позже. В этот день, прежде чем вернуться к Вирупакше, я написал шесть из восьми строф. Или в тот вечер, или на следующий день пришел Нарайяна Редди. В то время он жил в Веллоре, работая агентом «Зингер и Компания», и обычно приходил время от времени. Айясами и Палани рассказали ему о стихах, и он сказал: „Дайте их мне все сразу, и я сумею их напечатать”. К этому времени он уже опубликовал несколько книг. Когда Нарайяна стал настаивать на взятии стихотворений, я разрешил ему сделать это и опубликовать первые одиннадцать в форме одной поэмы, а остальные, написанные иным стихотворным размером, в форме другой. Чтобы набрать требуемое для второй поэмы количество стихов, я сразу сочинил еще две строфы, и он взял с собой для публикации все девятнадцать строф».

Многие поэты сочиняли в честь Шри Бхагавана стихи на различных языках. Самыми выдающимися среди них были Ганапати Шастри, писавший на санскрите, и Муруганар — на тамили. Хотя в цитированном выше разговоре Шри Бхагаван высказывался против писания стихов как растрачивания энергии, которая могла быть повернута вовнутрь для *садханы*, он слушал милостиво и выказывал интерес, когда стихи распевались перед ним. О Шри Бхагаване были написаны также книги в прозе и статьи, и он, бывало, часто читал их вслух и переводил, чтобы все могли понять. Поражающей была необычайная безличность его интереса, искренняя, как у ребенка, наивность последнего.

О двух прозаических сочинениях можно определенно сказать, что они написаны Шри Бхагаваном. В течение первых лет жизни в Вирупакше, когда Махарши еще сохранял молчание, он написал для Гамбирама Сешайяра наставления по различным вопросам. После смерти Сешайяра они были приведены в порядок и опубликованы в форме книги под названием «Самоисследование». Подобным образом его ответы, данные в тот же период Шивапракашаму Пиллаю, были расширены и упорядочены в форме отдельного сочинения «Кто я?» Другие прозаические произведения, опубликованные Ашрамом, написаны не Махарши. Они являются записями устных разъяснений, что Шри Бхагаван давал в ответ на вопросы, и поэтому все имеют

форму диалога.

Его поэтические произведения распадаются на две группы: те, которые выражают, скорее, подход *бхакти*, то есть дышат любовью и преданностью, и те, что являются более изложением учения. Первую группу составляют «Пять гимнов Шри Аруначале», все написанные в период пребывания в пещере Вирупакша. Элемент Преданности в них не подразумевает какого-либо отказа от *адвайты*, но совершенно сплавлен с Знанием. Эти гимны отражают точку зрения стремящегося, или преданного, даже хотя тот, кто написал их, уже прочно установился в высочайшем Знании. Именно по этой причине они так мощно затрагивают сердце преданного.

Два гимна уже упоминались — «Восемь строф» и «Одиннадцать строф». В последнем Шри Бхагаван не только писал с позиции духовного практика, но и фактически использовал выражение: «Человек, не достигший Высочайшего Знания». Желая ясного подтверждения, один из почитателей, А. Бозе, спросил Махарши, почему он так написал, написано ли это с точки зрения преданных и ради них. И Шри Бхагаван согласился, что так оно и было.

Последний из «Пяти гимнов» Шри Бхагаван написал сначала на санскрите, а затем перевел на тамили. Поразительна история его создания. Ганапати Шастри попросил Махарши написать стихотворение на санскрите, и он, смеясь, ответил, что не знает основ санскритской грамматики или каких-нибудь санскритских стихотворных размеров. Шастри объяснил один из санскритских поэтических размеров и умолял попробовать. В тот же вечер Шри Бхагаван сочинил пять безупречных строф на санскрите *.

Эти строфы являются в большей степени изложением учения, чем другие четыре гимна, и конспективно показывают три основных *марги*, или Пути, к Реализации. Говоря о них позже, Шри Бхагаван объяснил: «Третья строфа имеет дело с аспектом *Сат* (Бытие), четвертая — с *Чит* (Сознание) и пятая — с *Анандой* (Блаженство). *Джняни* становится единым с *Сат*, или Реальностью, подобно реке, влившейся в океан; йогин видит свет *Чит*, *бхакта* или *карма-йогин* погружен в половодье *Ананды*».

Однако наиболее трогательным и любимым из «Пяти гимнов» является «Гирлянда 108 супружеских посланий Шри Аруначале», обычно узнаваемая по ее припеву: «Аруначала-Шива». В первые годы жизни Шри Бхагавана в пещере Вирупакша Паланисвами и другие часто ходили в город просить пищу для небольшой группы преданных, собравшихся вокруг него. Однажды они попросили у Махарши песню преданности, чтобы петь ее по дороге. Он ответил, что святые уже написали множество возвышенных песен, многими из которых пренебрегают, так что нет необходимости сочинять какую-то новую. Но они продолжали убеждать, и несколькими днями позднее Шри Бхагаван отправился в *прадакшину* вокруг Горы, захватив с собой карандаш и бумагу, и, по дороге, сочинил сто восемь стихов.

Слезы экстаза струились по его лицу, когда он писал, иногда ослепляя и лишая голоса. Эта поэма стала замечательным источником благочестивого вдохновения преданных. Все труды стремления (к Освобождению) и всё блаженство осуществления отражены в ее пылком символизме. Совершенство Знания сочетается с экстазом преданности. И все же эта самая прочувствованная из его поэм была написана с точки зрения преданного, человека, который еще ищет. Она также имеет форму акростиха, ибо ее сто восемь стихов начинаются с последовательных букв тамильского алфавита. Тем не менее никакая поэма не может быть более непринужденной. Некоторые почитатели просили Шри Бхагавана дать толкование ряду ее стихов, и он ответил: «Вы продумайте их до конца, и я сделаю то же. Я не думал, пока сочинял их. Я просто писал, когда они приходили».

Существует древняя легенда, что компания *риши*, или мудрецов, живущих со своими семьями в лесу, практиковала *кармы*, то есть ритуальные и благочестивые действия и повторение священных слогов, или *мантр*. Этим они достигли сверхъестественных сил и

надеялись в конце концов получить высочайшее Освобождение. В этом, однако, они заблуждались. Чтобы привести их к осознанию ошибки, Шива появился перед ними как нищий, сопровождаемый Вишну, который принял маску Мохини — красавицы. Все *риши* влюбились в Мохини, а их жены — в Шиву, и дело кончилось тем, что невозмутимость мудрецов была нарушена, а их силы начали убывать. Видя это, они решили, что Шива — враг, с помощью магии вызвали змей, тигра и слона, которых и направили против него. Шива, однако, просто взял змей себе на гирлянду и, убив тигра и слона, использовал кожу тигра как набедренную повязку, а кожу слона как плед.

После этого *риши*, признавая его большую силу, пали ниц перед ним и умоляли дать им *упадешу*, или руководство. Только тогда Шива объяснил, в чем состояла их ошибка. Он учил, что действие не может принести освобождение от действия, что *карма* — механизм, а не причина творения, и что необходимо подниматься от действия к созерцанию.

Поэт и почитатель Муруганар изложил эту историю в стихах на тамили, но когда дошел до места, где Шива дает мудрецам наставление, то стал просить Бхагавана написать его. Ведь Махарши был воплощенный Шива! После этого Бхагаван сочинил *Упадéша Сáрам*, или «Наставление в тридцати стихах». Здесь, начав с благочестивой и бескорыстной деятельности, он объясняет, что, при всей пользе благотворительности, словесное повторение *мантр* является более эффективным, причем безмолвное повторение более эффективно, чем произнесение вслух, а еще более действенно размышление. Шри Бхагаван перевел «Тридцать стихов» на санскрит, и этот санскритский текст рассматривается как священное Писание: при жизни Шри Бхагавана его ежедневно пели перед ним вместе с *Ведами* и сейчас так же поют перед его надгробием.

Доктрина, которой учил Шри Бхагаван, наиболее исчерпывающим образом сформулирована в этой поэме и в *Улладу Нáрнаду*, или «Сорок стихов о Реальности», вместе с ее «Дополнением» еще из сорока стихов.

«Сорок стихов о Реальности» переведены на многие языки, на эту работу написано множество комментариев. Она обладает всеобщностью и сжато выраженной мудростью, которая требует толкования *. И тем не менее, как Шри Бхагаван заметил в разговоре, цитированном выше, она не писалась как непрерывная поэма, а стихи сочинялись время от времени, когда возникал повод. Некоторые из дополнительных сорока стихов были даже сочинены не самим Шри Бхагаваном, а отобраны им из других источников, ибо, когда соответствующий стих уже существовал где-нибудь, он не видел необходимости писать новый. Несмотря на это, целое (восемьдесят стихов) является наиболее законченным и глубоким возвещением его доктрины.

Кроме этих двух групп произведений есть также и несколько коротких поэм. В них нет нехватки юмора. Одна из поэм содержит наставления для *садханы*, символически представленные в виде рецепта для приготовления *поппадума*, излюбленного южноиндийского кушанья. Мать Шри Бхагавана готовила его однажды и попросила помочь. После этого он спонтанно написал для нее этот символический рецепт.

Поэт Аввайяр однажды написал жалобу на желудок: «Ты не можешь даже день обойтись без пищи и тебе не набрать ее в достатке сразу на два дня. Ты не представляешь, как я мучаюсь из-за тебя, о несчастный желудок! Невозможно поладить с тобой!»

Однажды в Ашраме было празднество и все более или менее переели. Тут Шри Бхагаван и спародировал строфу Аввайяра. «Ты не даешь даже часа покоя мне, твоему желудку. День за днем, ежечасно ты продолжаешь есть. Ты не представляешь, как я страдаю, о эго, творящее горе! Невозможно поладить с тобой».

В 1947 году Шри Бхагаван сочинил свое последнее стихотворение. В то время оно не было откликом на чью-либо просьбу и все же в его появлении имелось нечто от *tour de force* *, так как

Махарши написал его сначала на языке телугу, но тамильским стихотворным размером, а затем перевел на тамили. Оно называется *Экátма Пáнчакам* (Пять стихов об Атмане) ^{**}.

Пять стихов об Атмане

Забывание Атмана, ошибочное принятие тела за
Атман,
Опыт бесчисленных рождений и в конце концов
обнаружение и бытие Атмана—
Это в точности напоминает
пробуждение от сна странствования по миру ^{*}.

Тот, кто спрашивает: «Кто я?»,
хотя и существует как Я,
Подобен пьянице,
спрашивающему, кто он
и где находится.

Когда в действительности тело находится в
Атмане,
Думать, что Атман — внутри бесчувственного тела, —
Все равно, что считать киноэкран,
на который проецируется изображение,
Лежащим внутри этого изображения.

Может ли украшение как-то существовать
отдельно от золота (из которого оно изготовлено)?
Где тело, отдельное от Атмана?
Невежда ошибочно принимает тело за Атман,
Но *джняни*, знающий Атман,
воспринимает Атман как Атман.

То единое Я, Реальность,
одно существует вечно.
Если даже изначальный Гуру, Дакшинамурти,
открывал Его в Безмолвии,
Кто еще может выразить Его речью?

Среди работ Шри Бхагавана есть также и несколько переводов, главным образом произведений Шанкарачарьи. Один из посетителей пещеры Вирупакша однажды оставил там экземпляр *Вивекачудамани* ^{*} Шанкары. Просмотрев книгу, Шри Бхагаван посоветовал Гамбирому Сешайяру прочесть ее. Тот, однако, не знал санскрита и поэтому хотел иметь текст на тамили. Паланисвами достал во временное пользование стихотворный тамильский перевод, и Сешайяр, увидев его, написал издателем, чтобы прислали экземпляр, но получил ответ, что все распродано. Поэтому он попросил Шри Бхагавана сделать простой прозаический перевод на тамили. Шри Бхагаван начал писать его, но прежде чем успел далеко продвинуться, Сешайяр получил стихотворное издание, которое заказывал, и поэтому он оставил работу незаконченной. Через несколько лет, по горячей просьбе другого почитателя, Махарши снова взялся за эту работу и закончил ее. Только тогда почитатель сказал, что, настаивая на ее завершении, он имел

цель добиться ее публикации. Услышав это, Шри Бхагаван написал предисловие, говоря, что вольная прозаическая версия может использоваться, даже несмотря на то, что уже существует стихотворный тамильский перевод. Само это предисловие содержит конспект книги и сжатое описание доктрины и Пути.

Последней написанной им вещью стал тамильский перевод работы Шанкарачарьи *Атма Бодха* **. Санскритский текст был у Махарши еще с самых ранних дней жизни в Вирупакше, но он никогда не думал о его переводе.

В 1949 году в Ашрам прислали какой-то тамильский перевод, возможно, не самый совершенный, и вскоре после этого Шри Бхагаван сам почувствовал потребность сделать его. В течение нескольких дней он игнорировал ее, но слова перевода вставали перед ним, стих за стихом, словно уже написанные. Поэтому он попросил бумагу, карандаш и записал их. Таким совершенно не стоящим усилий оказалось это занятие, что Махарши сказал, смеясь, будто опасается прихода какого-то другого автора, который предъявит претензию, что работа в действительности принадлежит ему и была просто скопирована.

Среди произведений Шри Бхагавана есть также компиляция из сорока двух стихов *Бхагавад-Гиты*, которые, по просьбе одного из преданных, он отобрал и расположил в такой последовательности, чтобы выразить свое учение. Она была переведена на английский под названием «Божественная Песнь» *.

Глава 17

Махасамадхи, или смерть тела Мудреца

За несколько лет перед кончиной тела, по крайней мере с 1947 года, здоровье Шри Бхагавана стало вызывать тревогу. Ревматизм не только повредил его ноги, но поразил также спину и плечи. Даже кроме этого создавалось впечатление большой слабости, хотя сам он отказывался замечать ее. Чувствовалось, что он нуждается в более питательной диете, чем пища в Ашраме, но он никогда не соглашался принимать что-нибудь особое.

Махарши не было еще и семидесяти, но выглядел он гораздо старше. Никакой изможденности, потому что абсолютно отсутствовали признаки озабоченности — он ее не знал совсем. Просто старый и очень болезненный. Почему случилось, что человек, который был сильным и крепким, в жизни мало болел, не знал горя или забот, так состарился и выглядел много старше своих лет? Тот, кто принимает на себя грехи мира, — тот, кто облегчает *карму* преданных, — сам пьет яд пены Жизни и, словно Шива, может спасти мир от разрушения *. Шри Шанкара писал: «О Шамбху **, Господь жизни! Ты также несешь бремя преходящей жизни Твоих преданных».

Было много знаков, всегда незаметных, как, даже физически, Шри Бхагаван нес это бремя. Некий почитатель по имени Кришнамурти рассказал в одном тамильском журнале, издаваемом Джанаки Аммой, тоже преданной Бхагавана, как он однажды пришел и сел в Холле, страдая от сильной боли в указательном пальце. Он никому ничего не говорил, но, к своему удивлению, увидел, как Шри Бхагаван взял этот палец, растер собственной рукой, и боль исчезла. Многие другие получили похожее облегчение.

Для Шри Бхагавана жизнь на земле не была сокровищем, которое нужно экономить; ему было безразлично, сколько она продлится. Однажды в Холле обсуждали, как долго он проживет. Некоторые цитировали астрологов, говоря, что он будет жить до восьмидесяти; другие или отрицали точность астрологии, или сомневались в ее применимости к Шри Бхагавану, у

которого не было кармы, подлежащей отработке. Он слушал дискуссию улыбаясь, но не принимая в ней участия. Какой-то новоприбывший, озадаченный этим, спросил: «Что Шри Бхагаван думает об этом?» Махарши не ответил, но одобрительно улыбнулся, когда Дэвараджа Мудальяр ответил за него: «Бхагаван не думает об этом». Весь последний год его жизни служил иллюстрацией этого. Преданные горевали над страданием и страшились угрожающей смерти; он — нет.

В самом начале 1949 года маленькое узелковое утолщение появилось ниже локтя его левой руки. Узелок не посчитали серьезным, но в феврале врач Ашрама удалил его. В течение месяца он возобновился, увеличенный и более болезненный, и тогда его диагностировали как злокачественную опухоль, что вызвало общее смятение. Ближе к концу марта прибыли врачи из Мадраса и провели операцию. Рана как следует не зажила, и опухоль вскоре начала расти снова, в стороны и в высоту.

С этого времени в Ашраме установилась атмосфера трагедии и неизбежности развития событий. Врачи общепринятой медицины поставили в известность, что они не могут лечить такую опухоль, а могут лишь оперировать. Но при этом она может вернуться снова, несмотря на лечение радием, и, если это произойдет, в конце концов окажется роковой. Представители других школ медицины полагали, что могут лечить злокачественную опухоль, а операция только приведет к ее возврату в худшей форме, как в действительности и случилось, но им не разрешили попробовать свои силы вовремя.

Когда опухоль вернулась после мартовской операции, доктора предложили руку ампутировать. Однако существует традиция, что тело *джняни* не должно увечиться. Действительно, его нельзя прокалывать металлическим предметом, и даже операция была нарушением традиции. Шри Бхагаван подчинился врачам и согласился на операцию, но он отказался от ампутации. «Нет причины для волнения. Тело само есть болезнь; пусть оно имеет свой естественный конец. Зачем увечить его? Простой перевязки достаточно».

Его фраза: «Нет причины для волнения» вселяла надежду, что он выздоровеет, несмотря на последующие слова и несмотря на мнение медиков. Но для него смерть не была причиной для волнения.

Махарши также сеял семена надежды словами: «Все придет в порядок в должное время». Но в действительности это нам надо осознавать правильность случившегося; он никогда не сомневался в этом.

Приблизительно в это время он сделал стихотворный перевод на тамили строфы из *Шри Бхагаватам* (скандха XI, гл. 13, *шлока* 36):

«Пусть тело, результат плодоносящей кармы, остается спокойным или перемещается с места на место, живет или умирает, Мудрец, реализовавший Атман, не сознает этого, точно так же, как человек в пьяном оцепенении не сознает своей одежды».

Некоторое время спустя он так разъяснил один из стихов *Йога-Васиштхи*: «*Джняни*, который признал себя бесформенным чистым Сознанием, не затрагивается, даже если тело будет рассекается мечом. Сахарный тростник не утрачивает сладости, хотя он сломан или раздавлен».

Страдал ли Шри Бхагаван на самом деле? Он сказал одному из преданных: «Они принимают это тело за Бхагавана и приписывают страдание ему. Какая жалость!» А одному из служителей он сказал: «Где находится боль, если ума нет?» И все же он проявлял нормальные физические реакции и обыкновенную чувствительность к теплу и холоду, и один из преданных, С. С. Коган, записывает сказанное им годами раньше: «Если рука *джняни* порезана ножом, то боль будет, как и у кого-либо еще, но, поскольку его ум находится в блаженстве, он не чувствует боль так остро, как другие». Это не означает, что тело *джняни* не страдает от раны, но что он не

отождествляет себя с телом.

Врачи и некоторые из служителей были убеждены, что на месте опухоли боль была и на более поздних стадиях она была мучительной. Действительно, докторов поражало равнодушие Шри Бхагавана к боли, его полная невозмутимость, даже во время операции.

Вопрос о его страдании, подобно вопросу о нашей *карме*, существует только с точки зрения двойственности; с его точки зрения, точки зрения *адвайты*, ни то, ни другое не имеет какой-либо реальности. Именно в этом смысле он не раз говорил преданным: «Я болею, только если вы думаете, что я болею; если вы думаете, что я здоров, я буду здоров». Пока преданный верил в реальность собственного тела и его страдания, до тех пор для него тело Учителя было реальным и страдало также.

Через неделю или две после мартовской операции одному из деревенских травников разрешили попробовать свое лечение, но оно не привело к исцелению. Шри Бхагаван сказал другому кандидату в целители, который был оставлен без внимания: «Я надеюсь, что вы не обиделись, ведь вы так много хлопотали со своими лекарствами». Никогда никакой мысли о собственных обстоятельствах, а только предупредительность к тем, кто хотел лечить его, и лояльность к любым командам врача. Изредка он протестовал против того громадного внимания, которым награждалось его тело.

Несколько раз, когда появлялись признаки улучшения, он заявлял, что больше лечения не хочет.

Опухоль, теперь диагностированная как саркома, подтачивала маленький остаток его жизненности. И все же, даже хотя Шри Бхагаван слабел, его лицо становилось более мягким, более милостивым, более лучезарно прекрасным. Временами было почти мучительно смотреть на его красоту.

Рука была тяжелой, воспаленной, и опухоль росла. Время от времени он допускал признание: «Есть боль», но никогда не говорил: «У меня боль». В августе выполнили третью операцию и рану облучали радием, надеясь уничтожить пораженные ткани и предотвратить возвращение опухоли. В тот же день после полудня, через несколько часов после операции, Шри Бхагаван был настолько милостив, что сел на веранду аптеки, где она проходила, так, чтобы преданные могли пройти гуськом и иметь *даршан*. Можно было видеть, что он истощен, но признака страдания на его лице не было. Я приехал на день из Мадраса и, когда стоял перед ним, в сиянии его улыбки даже истощение не замечалось. В полдень следующего дня он возвратился в Холл, чтобы не создавать неудобств другим пациентам, занимая аптеку.

Присутствовало также глубокое чувство неизбежности, выходящее далеко за пределы какого-либо медицинского понимания: что Шри Бхагаван знал предназначенное себе и старался дать нам силу стойко перенести смерть его физического тела. Действительно, эта длительная, мучительная болезнь появилась как средство подготовки нас к неизбежному расставанию, которое многие, и они это впервые почувствовали, были не в состоянии выдержать. Китти, которая тогда училась в пансионе, рассказали об этом в письме, и она написала в Тируваннамалай: «Мне очень жалко слышать такое, но Бхагаван знает, что лучше всего для нас». Ее письмо показали Махарши. Лицо Шри Бхагавана сияло от удовольствия, когда он хвалил мудрость Китти за то, что она сказала: «Что лучше всего для нас», а не «Что лучше всего для него».

Он питал безграничную жалость к тем, кто убивался его страданием, и старался облегчить их горе, но не легким способом — удалением страдания и отсрочкой смерти еще на несколько лет, а фундаментально — побуждая их осознать, что тело не было Бхагаваном. «Они принимают это тело за Бхагавана и приписывают страдание ему. Какая жалость! Они пали духом из-за того, что Бхагаван собирается оставить их и уйти. Куда может он уйти и как?»

В течение нескольких недель после августовской операции казалось, что наступает

улучшение, но в ноябре опухоль появилась на руке снова, теперь выше, около плеча. В декабре провели четвертую, и последнюю, операцию. Рана от нее уже не заживала. Врачи признали теперь, что больше ничего не могут сделать. Случай был безнадежным, и если опухоль вновь вернется, то они смогут только назначить временно облегчающие болезнь препараты.

Джсаянти пришлось на 15 января 1950 года. Печальные толпы собрались на этот его семидесятый день рождения, который, большинство сейчас чувствовало, был последним. Он дал *даршан* и выслушал множество новых стихотворений, сочиненных в его честь. Некоторые он прочел от начала и до конца. Из города пришел храмовый слон, простерся перед Махарши и коснулся хоботом его ног. Некому Рани из Северной Индии разрешили снять эту сцену кинокамерой. Состоялось празднество, но с подтекстом печали от ожидания несчастья.

Многие уже чувствовали, что оно было делом дней или недель. Теперь, когда положение было объявлено безнадежным, Шри Бхагавана попросили самому сказать, какое лечение следует попробовать. Он ответил: «Разве я когда-либо просил о каком-нибудь лечении? Это вы хотели для меня того и этого, так что вам и надо согласовать все между собой. Если меня спрашивают, я всегда отвечаю, как и говорил с самого начала, что ни в каком лечении нет необходимости. Пусть все развивается своим чередом».

Только после этого попробовали гомеопатию, а затем и *аюрведу*, но было уже слишком поздно.

Шри Бхагаван придерживался своего обычного ежедневного распорядка, пока это не стало физически невозможным. За час до восхода солнца он принимал утреннюю ванну, в установленные часы, утром и вечером, садился в постели и давал *даршан*, просматривал переписку Ашрама и читал оттиски публикаций Ашрама, часто высказывая мысли. После января он стал слишком слаб, чтобы сидеть в Холле и давать *даршан*. Через дорогу, как раз к востоку от Холла, построили небольшую ванную комнату с прихожей, и последние дни он оставался там. Здесь была маленькая тесная веранда на открытом воздухе, где установили его кушетку, и вплоть до самого конца почитатели, которых его болезнь сотнями привела в Тируваннамалай, все еще имели *даршан*. Махарши не допускал никакого перерыва в давании *даршана*, пока это было еще возможно. Обычно утром и после полудня преданные сидели перед верандой, глядя ему в лицо. Позже, когда Шри Бхагаван стал слишком слаб для этого, они гуськом проходили мимо открытой двери его комнаты, утром и вечером. Однажды состояние Махарши вызвало тревогу и *даршан* прекратили, но как только он смог заметить это, то выразил неудовольствие и приказал возобновить его.

Группа почитателей ежедневно пела молитвы и песни преданности за его выздоровление. Шри Бхагавана спросили об их действенности, и он ответил, улыбаясь: «Конечно, желательно заниматься добрыми делами. Пусть они продолжают».

Опухоль вернулась как раз над незажившей раной. Теперь она была вверху, около плеча, и весь организм был отравлен, так что наступила жестокая анемия. Врачи говорили, что боль должна быть страшной. Любую пищу Шри Бхагаван мог принимать только с трудом. Изредка он стонал во сне, но не подавал других признаков боли. Время от времени из Мадраса приезжали врачи осмотреть его, и он был вежлив и гостеприимен как всегда. До самого конца его первым вопросом был, получили ли они пищу и хорошо ли о них заботились.

Его чувство юмора также сохранилось. Махарши, бывало, подшучивал над опухолью, словно она была чем-то, что к нему отношения не имеет. Какая-то женщина, в горе, билась головой о столб недалеко от его комнаты. Он взглянул удивленно и сказал: «О, я думал, что она пытается расколоть кокос».

Разговаривая со служителями и Т. Н. Кришнасвами, врачом и преданным, он объяснил: «Тело подобно банановому листу, на котором поданы все виды восхитительной пищи. После

того как мы съели с него всю пищу, разве мы берем лист с собой и сохраняем его? Разве мы не выбрасываем его, поскольку он сослужил свою службу?»

По другому поводу он сказал служителям: «Кто должен нести это бремя тела даже после того, как оно требует помощи во всем? Разве вы предполагаете, что я понесу этот груз, для переноски которого нужны четыре человека?»

А некоторым из преданных Шри Бхагаван сказал: «Предположим, вы идете на дровяной склад, покупаете вязанку дров и нанимаете слугу донести ее до вашего дома. Когда вы идете с ним, он будет озабоченно ожидать своего места назначения, чтобы можно было сбросить свою ношу и получить облегчение. Точно так же *джняни* стремится сбросить свое смертное тело». И затем он уточнил разъяснение: «Это толкование правильно настолько, насколько оно работает, но, строго говоря, даже оно не является совершенно точным. *Джняни* даже и не жаждет потерять свое тело; он одинаково безразличен к существованию или несуществованию тела, так как почти не сознает его».

Однажды он сам, не будучи спрошенным, дал определение *мокши* (Освобождения) одному из служителей. «Вы знаете, что такое *мокша*? Оставление несуществующего несчастья и достижение Блаженства, которое всегда здесь, это и есть *мокша*».

Было трудно отказаться от надежды, что, даже если доктора потерпели неудачу, он еще сможет устранить болезнь своей собственной силой. Один из преданных умолял его хотя бы раз подумать о желательности выздоровления, так как этого было бы достаточно, но он ответил почти презрительно: «Кто может иметь такую мысль?»

И другим, просившим его просто повелеть себе выздороветь, Махарши сказал: «Кто здесь есть, чтобы велеть это?»

«Другой», или индивидуальность, что могла противостоять ходу судьбы, больше не существовала в нем. Она была «несуществующим несчастьем», от которого Шри Бхагаван избавился.

Некоторые из преданных считали его выздоровление основой их собственного благоденствия. «Что станет с нами без Бхагавана? Мы слишком слабы, чтобы присматривать за собой, мы во всем зависим от его Милости». И он отвечал: «Вы придаете слишком большое значение телу», ясно намекая, что смерть его тела не прервет Милости и руководства.

В том же настрое Махарши сказал: «Они говорят, что я умираю, но я не ухожу. Куда я ухожу? Я здесь».

Миссис Тальяркхан, почитательница из парсов, взмолилась ему: «Бхагаван! Отдайте мне эту болезнь. Позвольте мне нести ее!» И он ответил: «А кто дал ее мне?»

Тогда кто же дал ему эту болезнь? Не был ли это яд нашей *кармы*?

Одному *садху*, из Швеции, приснился сон, в котором пораженная рука Махарши вскрылась, и он увидел там голову женщины с взъерошенными седыми волосами. Это было истолковано как *карма* его матери, ко-

Последний даршан

(фото А. Картье-Брессона)

торую Шри Бхагаван принял на себя, когда дал ей *мокшу*. Но другие подумали, что женщина означает все человечество или саму *майю*.

В четверг, 13 апреля, врач в качестве полумеры предложил Шри Бхагавану уменьшить перегруженность легких кровью, но он отказался от этого. «Здесь нет никакой необходимости; все будет в порядке в течение двух дней».

Той ночью он приказал своим служителям уйти и спать или медитировать, а его оставить одного.

В пятницу врачи и служители уже знали, что это был последний день. Утром он снова приказал им идти и медитировать. Около полудня, когда ему принесли жидкую пищу, он спросил, пунктуальный как всегда, который час, и затем добавил: «Но впредь время не имеет значения».

Деликатно выражая признательность за долгие годы их служения, Шри Бхагаван сказал служителям: «У англичан есть слово „благодарю“, но мы только говорим *сантошам* (мне очень

приятно)».

Утром огромная толпа колонной проходила мимо открытого дверного проема, безмолвно, в печали и с мрачным предчувствием, и вечером час снова, от четырех до пяти. Все видели, что измученное болезнью тело сократилось, ребра выдавались, кожа почернела: это был жалкий след боли. И, однако, в то же время в течение тех последних немногих дней каждый преданный получил прямой, светящийся, проникающий взгляд узнавания, который переживался каждым как прощальный дар Милости.

В тот вечер после *даршана* почитатели не разошлись по домам. Горестное предчувствие удерживало их здесь. Незадолго перед заходом солнца Шри Бхагаван приказал служителям посадить его. Они уже знали, что каждое движение, каждое прикосновение причиняло боль, но Махарши просил их не беспокоиться об этом. Он сидел, а один из служителей поддерживал его голову. Врач начал давать ему кислород, но знаком правой руки Шри Бхагаван предложил убрать его. В маленькой комнатке собралось около двенадцати человек, включая служителей и врачей.

Двое из служителей веерами обмахивали его, а снаружи почитатели, как зачарованные, пристально смотрели через окно на движение вееров — знак того, что там еще было живое тело. Репортер одного известного американского журнала безостановочно переходил с места на место, встревоженный пережитым, несмотря на все свои усилия, и решивший не писать ни строчки своего рассказа, пока не вернется из Тируваннамалай к обычным для него условиям. С ним был один известный французский фотокорреспондент *.

Неожиданно одна из групп почитателей, сидящих на веранде снаружи комнаты, начала пение «Аруначала-Шива». Услышав это, Шри Бхагаван открыл глаза, и они засияли. Он на мгновение улыбнулся с неопишуемой нежностью. Из наружных уголков его глаз покатались слезы блаженства. Еще один глубокий вздох, и больше ничего. Не было ни борьбы, ни спазма, ни другого признака смерти: только следующее дыхание не появилось.

В течение нескольких мгновений люди стояли сбитые с толку. Пение продолжалось. Французский фотокорреспондент подошел ко мне и спросил, когда точно это случилось. Негодуя на него за журналистскую бессердечность, я грубо ответил, что не знаю, но затем вдруг вспомнил неизменную вежливость Шри Бхагавана и совершенно верно ответил, что в 8.47 вечера. Он рассказал, и я мог теперь почувствовать, что фотограф возбужден, как шел по дороге, и точно в указанное время громадная звезда медленно пересекла небо. Ее видели многие, даже на таком большом расстоянии, как Мадрас, и чувствовали в ней Предвестие. Звезда ушла на северо-восток, по направлению к пику Аруначалы.

После начального оцепенения разразился исступленный взрыв горя. Тело, в сидячей позе, вынесли на веранду. Мужчины и женщины столпились перед оградой веранды, чтобы видеть. Какая-то женщина упала в обморок. Другие громко рыдали.

Тело, украшенное гирляндами цветов, поставили на кушетку Нового Холла, и почитатели столпились там и сели вокруг него. Ожидалось, что в *самадхи* лицо будет подобным скале, но оно оказалось настолько отмеченным болью, что это сжимало человеческое сердце. Только постепенно в течение ночи атмосфера непостижимого спокойствия возвращалась к нему.

Всю эту ночь преданные сидели в большом зале и горожане проходили через него в благоговейном молчании. Процессии текли из города и обратно, распевая «Аруначала-Шива». В зале некоторые из почитателей пели песни восхваления и печали; остальные сидели молча. Самым достойным внимания было то, что в основе всего этого лежало не горе, а спокойствие, ибо присутствующие лишились Его — чья Милость составляла самый смысл их жизни. Уже той первой ночью и много позднее, в последующие дни, стало ясно, какими жизненными были слова Шри Бхагавана: «Я не уйду. Куда я уйду? Я здесь». Слово «здесь» не включает в себе

какого-либо ограничения, но, скорее, оно есть Атман, и нет ни ухода, ни изменения для Того, которое является Всеобщим. Тем не менее, когда преданные почувствовали внутреннее Присутствие Бхагавана и когда они почувствовали продолжение Божественного Присутствия в Тируваннамалае, они начали рассматривать эту фразу обещанием, полным Любви и Заботы.

В течение ночи бодрствования нужно было решить, как произвести захоронение. Считалось, что тело может быть захоронено в Новом Холле, но многие преданные противились этой идее. Они чувствовали, что Новый Холл был, в известном смысле, приложением к Храму (Матери), и создание здесь святыни Шри Бхагавана казалось им подчинением ее святыне Матери, изменяющим истинный порядок вещей. На следующий день, по общему соглашению, в пространстве между Старым Холлом и Храмом выкопали яму и тело захоронили с божественными почестями. Толпа, в которой от тесноты было не повернуться, наблюдала в безмолвном горе. Нет больше любимого лица, нет больше звука его голоса... С этого времени *лингам* из полированного черного камня — символ Шивы — над его могилой стал внешним знаком Присутствия, а внутренним — его следы в сердце.

Глава 18

Продолжающееся Присутствие

Толпы рассеялись, и Ашрам казался покинутым местом, словно камин с погаснувшим огнем. И тем не менее здесь не было исступленного горя и отчаяния, которые часто следуют за уходом духовного Учителя с земли. Обычное состояние жизни, как и объявил ранее Махарши, все еще продолжалось. Стало очевидным, что забота и сострадание Шри Бхагавана подготовили его преданных к этому. Несмотря на это, в течение тех первых дней и недель тяжелой утраты многие имели желание оставаться в Тируваннамалае, а некоторые, имевшие его, просто не могли этого сделать.

Несколько человек из тех, чья преданность искала выражения в действии, образовали комиссию для управления Ашрамом. Ниранджянананда Свами согласился работать с ними, а они, со своей стороны, согласились считать его постоянным президентом этой комиссии. Другие почитатели формировали группы, или *сабхи*, в различных городах, где они жили, проводя регулярные встречи.

К несчастью, нельзя сказать, что не было тех, кто мучил воду или пытался завоевать выдающееся положение для себя. Так всегда случается, когда духовный Учитель покидает тело, но, по крайней мере, таких здесь оказалось мало, и большая часть преданных оставалась непоколебимой.

Завещание, формулирующее, как Ашрам должен действовать, когда Учителя больше не будет в теле, было составлено заранее, за много лет до этого. Группа почитателей принесла текст Шри Бхагавану, он очень внимательно прочитал и одобрил, после чего все присутствующие подписались как свидетели. Вкратце, завещание оговаривало, что *пуджа* (ритуальное почитание) должна выполняться над его могилой и матери, что следует содержать семью сына Ниранджянананды Свами и что духовный центр в Тируваннамалае должен поддерживаться. Позднее были попытки составить несколько отличное от этого завещание, но Шри Бхагаван никогда его не рассматривал.

Есть еще один важный пункт — большое духовное наследство и обязательство по нему. Почитатели вносят сюда свою лепту соответственно их природе и способности. Некоторые только сидят в безмолвной медитации или просто приходят, когда обстоятельства позволяют, получить утешение и излить преданность и благодарность своих сердец. Они — ученики того

Учителя, который сказал: «Лекции могут часами занимать людей, не улучшая их; Безмолвие, с другой стороны, постоянно и помогает человечеству в целом». Даже хотя их медитация и не достигает по силе громадной духовной Тишины Бхагавана, она не только получает, но и передает его Милость, и ее результат обеспечен. А если несколько человек поклоняются или медитируют вместе, то результат накапливается.

Другие почитатели словесно или пером помогают зарождению духовного интереса, который может созреть в более глубокое понимание.

Те, кто больше склоняется к внешней активности, берут на себя ношу организации, которая также есть *садхана* и приемлема для Шри Бхагавана, только когда выполняется как таковая. Они надеются в конце концов построить зал для медитации. В настоящее время * между Храмом и Старым Холлом находится простое каменное надгробие, увенчанное *лингамом* и покрытое свеху крышей из пальмовых листьев.

Его Присутствие чувствуется всюду, и все же есть различия в духовной атмосфере. Утром и вечером перед надгробием проводится *парайяна* (пение *Вед*), как обычно делалось перед ним, и в те же часы. Поскольку преданные сидят здесь в медитации, то результат такой же, как если бы они сидели перед ним в Холле — та же сила, та же тонкость руководства. В течение *парайяны* на *лингаме* совершается *пуджа* и повторяются 108 имен * Бхагавана. Но в Старом Холле атмосфера мягче, сочнее, дышит интимностью его длительного пребывания. Через несколько месяцев после *махасамадхи* (оставления тела) этот холл был поврежден пожаром, но, к счастью, не уничтожен.

Сохраняется также маленькая комната, где прошли последние дни и часы. Большой портрет, висящий здесь, казалось бы, живет и отвечает на преданность. Здесь же находятся различные предметы, которыми пользовался или которых касался Шри Бхагаван — его посох и сосуд для воды, веер из перьев павлина, вращающийся книжный шкаф, множество мелких вещей. А кушетка теперь навсегда пуста. В этой комнате есть нечто бесконечно волнующее, невыразимо милостивое **.

В Новом Холле установили статую Шри Бхагавана. Установка статуи была одним из пунктов Завещания, но долго не могли найти скульптора, чтобы произведение удовлетворяло всем требованиям. Он должен был чувствовать тайну Шри Бхагавана, быть вдохновленным им, так как дело состояло не в передаче человеческих черт, а Божественной силы и красоты, что сияли через него.

Старый Холл сегодня:

продолжающееся Присутствие

Освящены не только помещения Ашрама, но и всё по соседству кругом. Пребывающий здесь Мир окружает и распространяется: не инертное спокойствие, а вибрирующая радость. Сам воздух благоухает его Присутствием.

Верно, его Присутствие не ограничивается только Тируваннамалаем. Такого никогда не было. Преданные, где бы они ни были, находят его Милость и поддержку, его внутреннее Присутствие не просто сильно действующими, но даже более могущественными, чем раньше. И все же сейчас, как и до *махасамадхи*, утешение, получаемое от приезда в Тируваннамалай, западает в душу, а красоту пребывания здесь трудно описать.

Известны святые, обещавшие вернуться на землю и возобновить руководство учениками в жизни после жизни, но Шри Бхагаван являлся совершенным *джняни*, в котором не было даже того следа эго, что могло требовать перерождения. И почитатели понимали это. Его обещание было совершенно иным. «Я не уйду. Куда я уйду? Я здесь». Даже не «Я буду здесь», а «Я здесь», так как для *джняни* нет изменения, нет времени, нет различия между прошлым и будущим, нет ухода, только вечное «Теперь», в котором уравновешено все время, и всеобщее, не имеющее протяженности, «Здесь». Он утверждал свое продолжающееся, непрерываемое

Присутствие, свое непрерывное руководство. Много лет назад он сказал Шивапракашаму Пиллаю: «Тот, кто завоевал Милость Гуру, несомненно будет спасен и никогда не будет покинут». И когда во время последней болезни преданные говорили, будто он покидает их, и ссылались на свою слабость и продолжающуюся потребность в нем, Махарши, как уже отмечалось, резко возразил: «Вы придаете слишком большое значение телу».

Они быстро обнаружили, насколько это соответствовало истине. Более чем когда-либо он стал Внутренним Гуру. Те, кто положились на него, теперь чувствовали его руководство более действенно, более убедительно. Их мысли прикованы к нему более постоянно. *Вичара*, ведущая к Внутреннему Гуру, более податлива и растет легче. Медитация приносит более непосредственный поток Милости. Влияние действий, хороших и скверных, одинаково, более мягкое и сильное.

После первого шока тяжелой утраты преданные снова начали тянуться в Тируваннамалай. Продолжающееся Присутствие чувствовали не только люди интроспективного типа, практики *вичары*, пути Само-исследования. Один из почитателей, Т. Н. Кришнасвами, считал себя связанным с Шри Бхагаваном только личной любовью и преданностью. После *махасамадхи* он, полный скорби, сказал: «Для людей, подобных мне, все кончено». Через несколько месяцев, возвращаясь из поездки в Тируваннамалай, он говорил: «Даже в прежнее время там никогда не было такого Мира и красоты, как теперь». И не только искатели на Пути Знания чувствовали продолжение внутреннего руководства. Оно есть немедленный ответ на преданность.

Почитатели всегда напоминали большую семью, но сейчас чувство взаимного братства созрело. Они собирались в Старом Холле и обсуждали наставления Шри Бхагавана, обменивались воспоминаниями, делились своими переживаниями и высказываниями Шри Бхагавана, говорить о которых никто не чувствовал потребности прежде.

Тайна Горы Аруначалы тоже стала более доступной. Прежде многие не чувствовали ее силы, для них она оставалась просто кучей скал, земли и кустарников, словно любая другая. Миссис Тальяркхан, почитательница, уже упоминавшаяся в предыдущих главах, однажды сидела на Горе со своим гостем, беседуя о Шри Бхагаване. Она сказала: «Бхагаван — это живой Бог, и на все наши молитвы приходит ответ. Таков мой опыт. Бхагаван говорит, что эта Гора — Бог Сам. Я не могу все это понять, но так говорит Бхагаван, и поэтому я верю этому». Ее друг, мусульманин, в котором еще сохранились изысканные традиции персидской культуры, ответил: «Согласно нашим персидским верованиям я соглашусь, если будет знак — пойдет дождь». Почти сразу прошел ливень, и они спустились с Горы промокшие и рассказали эту историю.

Но со времени, когда Дух оставил тело и яркая звезда медленно проследовала в направлении Горы, преданные почувствовали более непосредственно, что здесь — святая земля. Они признали в этом таинство Бхагавана.

Древняя традиция свидетельствует, что Гора Аруначала исполняет желания, и паломники столетиями приходили сюда, молясь о получении благ. Но те, кто чувствовал ее Мир более глубоко, ничего не просили, ибо Путь Аруначалы есть Путь Бхагавана, освобождающий человека от желаний. И в этом состоит великое исполнение.

«Когда я подошел ближе, глядя на Тебя, как имеющего форму, Ты стоишь как Гора на земле. Тот, кто ищет Твою форму как бесформенность, напоминает человека, путешествующего по земле в поисках бесформенного пространства. Пребывать без мысли о Твоей природе значит утратить свою индивидуальность подобно кукле из сахара, погруженной в океан. Когда я пришел осознать, кто я, то что еще (кроме Тебя) есть моя суть, о Ты, стоящий как вздымающаяся Гора Аруны?» (из «Восьми строф Шри Аруначале»).

Такое притяжение чувствовали не только те, кто был здесь до *махасамадхи* и видел красоту Шри Бхагавана в его телесной форме. Для них это неоценимое Счастье, но и остальные тоже

притягиваются к нему, к Аруначале. Будет достаточно упомянуть два таких случая. Мисс Хоувс после прочтения книги «Поиски в скрытой Индии» Поля Брантона четырнадцать лет ждала возможности отъезда. Обстоятельства сложились благоприятно лишь после *махасамадхи*. Она бросила работу и продала свои пожитки, чтобы собрать требуемые деньги. В Ашраме она смогла оставаться только несколько недель, но, чувствуя Милость его Присутствия, рассказывала: «Я думала, что разочаруюсь, когда узнала, что он умер. Но этого не случилось. Ради одного мгновения пребывания здесь стоило преодолеть все препятствия. Сейчас я только жду того дня, когда вернусь снова».

Возвращение — в руках Бхагавана. Теперь, как и раньше, он притягивает к себе в Тируваннамалай тех, кого пожелает. После переживаний первого посещения мисс Хоувс была уверена, что дома она легко найдет новую работу, но в то время так не получилось. Неделя шла за неделей, а ничего подходящего не подворачивалось. Затем она узнала о хорошей вакансии, прошла собеседование и ей сказали, что она может оформляться, если захочет, но работать придется в Индии. Таким образом ее возвращение оказалось легким.

Доктор Д. Д. Ачарья оставил работу врача после длительной и успешной практики в Центральной Индии и решил посвятить вечер жизни духовному поиску. Он путешествовал по Индии, посещая один храм или ашрам за другим, не находя внутреннего Мира, который искал, пока не прибыл в Тируваннамалай. Он сразу почувствовал: «Это — дом» и поселился здесь как врач Ашрама.

Через некоторое время он, не видя в себе никакого улучшения, впал в отчаяние, как раньше делали и другие, и стал плакать перед Надгробием. «Зачем ты привел меня сюда, Бхагаван, если не собираешься дать Мир, который я ищу».

В ту же ночь он увидел во сне Бхагавана, сидящего на своей кушетке, и, приблизившись, стал на колени перед ним. Шри Бхагаван взял склоненную голову в руки и спросил, о чем он горюет. Затем, отвечая на жалобу, он сказал почти так же, как говорил другим почитателям при жизни:

«Неправда, что у вас нет прогресса; я знаю это, а не вы».

Доктор Ачарья страстно взмолился: «Но я должен достичь Реализации теперь, в этой жизни! Почему я должен ждать? Почему я должен идти так медленно?»

И Шри Бхагаван рассмеялся: «Такова ваша судьба (*пранабдха-карма*)».

В этом сне, сне человека, который никогда не видел Шри Бхагавана при его жизни, ответы были такими, какие он обычно тогда давал. Совсем как прежде, слов повторного утешения было меньше, чем неопишуемого обаяния его заботы.

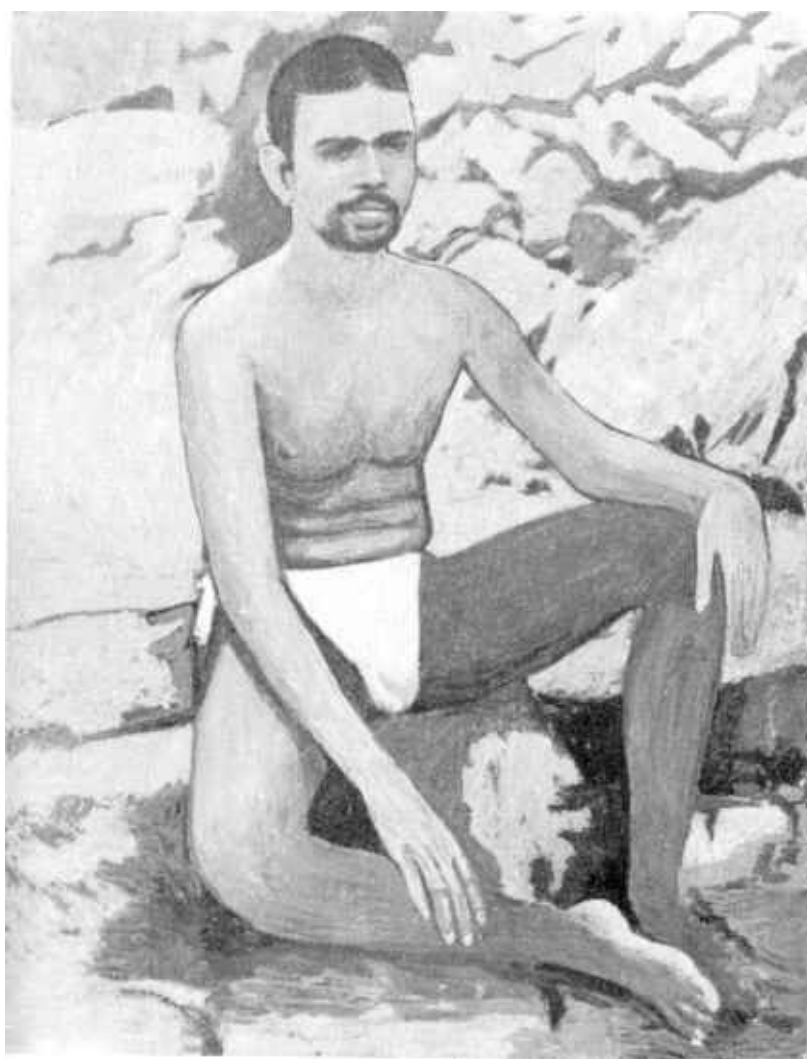
Другие тоже придут. Анандамайя Ма, известная святая Северной Индии, пришла к Надгробию и, отказываясь от почетного сиденья, приготовленного для нее, сказала: «Зачем вся эта суета? Я пришла оказать почтение моему Отцу и могу сидеть вместе с остальными». Миссис Тальяркхан спросила одну южноиндийскую святую о ней и о других святых, еще живущих в теле, и получила ответ: «Он — солнце, а мы — лучи этого солнца». История Шри Раманы Махарши закончилась не в большей степени, чем история Христа после распятия. В самом деле, Шри Бхагаван принес на землю не новую религию, а новую надежду, новый Путь для тех, кто понимает и устремлен, из каждой страны и религии, в этот век духовной темноты. Это было не только при жизни его тела. Тем, кто боялся, что руководство может закончиться со смертью, он коротко отвечал: «Вы придаете слишком большое значение телу». **Сейчас, как и тогда, он ведет каждого, кто приближается к нему, и каждого, кто подчиняется ему, он поддерживает. Для тех, кто ищет, Бхагаван Шри Рамана Махарши здесь.**

Часть вторая

СУЩНОСТЬ ПРАКТИКИ

КНИГА I

Кто я?

У пещеры Вирупакша

Кто я?

Каждое живое существо стремится всегда быть счастливым, не подверженным печали, и каждый имеет величайшую любовь к себе, вызванную единственно тем фактом, что счастье — его подлинная природа. Следовательно, чтобы осознать то присущее и незапятнанное счастье, которое действительно ежедневно переживается, когда ум успокоен в глубоком сне, необходимо познать самого себя. Для обретения такого знания исследование «Кто я?» при поиске истинного Я, Атмана, одно является наилучшим средством.

«Кто Я?» Это физическое тело не есть Я, и пять органов чувственного восприятия¹ не есть Я; пять органов внешней активности² не есть Я, и пять жизненных сил³ не есть Я, и даже мыслящий ум не есть Я. То бессознательное состояние неведения, в котором сохраняются единственно только тонкие *васаны* (склонности ума), тогда как имеется свобода от функциональной активности органов чувств и ума и не сознаются объекты чувственного восприятия, также не есть Я.

Поэтому после суммарного отвержения всех вышеупомянутых телесных наложений и их

действий: «Я не это, нет, и это не Я, и это» — то, которое остается отдельным и единственным, самим по себе, то чистое **Сознавание есть то, что Я есмь. Это Сознавание себя по самой своей природе — Бытие-Сознание-Блаженство, Сам-Чит-Ананда.**

Если ум, который суть инструмент познания и основа всей активности, успокаивается, то восприятие мира как объективной реальности прекращается. Пока иллюзорное восприятие змеи в веревке не исчезнет, веревка, на которой иллюзия сформировалась, не воспринимается как таковая ⁴. Подобным образом, пока иллюзорная природа восприятия мира как объективной реальности не исчезнет, видение истинной природы Атмана, на котором иллюзия образовалась, не будет достигнуто.

Ум — это уникальная в своем роде сила, *шакти*, в Атмане, посредством которой мысли приходят к человеку. Если устранить все мысли и исследовать остаток, то обнаружится, что отдельно от мысли нет такой вещи, как ум. Поэтому мысли сами составляют ум.

Также нет и такой вещи, как физический мир, отдельной и независимой от мысли. В состояниях бодрствования и сновидений мысли присутствуют и также присутствует мир. Как паук выпускает паутину и снова втягивает ее в себя, так и ум проецирует мир вне себя и снова растворяет его в себе.

Мир воспринимается как очевидная объективная реальность, когда ум обращен вовне, покидая таким образом свою тождественность с Атманом. При таком видении мира истинная природа Атмана не открывается; и наоборот, когда Атман реализован, мир перестает казаться объективной реальностью.

Неуклонным и непрерывным исследованием природы ума он преобразуется в ТО, к которому Я относится; и ОНО есть, в сущности, истинное Я, Атман. Для своего существования ум обязательно должен зависеть от чего-то грубого; он никогда не существует сам по себе. Именно этот ум иначе называют тонким телом, эго, душой, или *дживой*.

То, что возникает в физическом теле как «я», есть ум. Если исследовать, откуда в теле «я»-мысль возникает прежде всего, то обнаружится, что из Сердца, или *хридаям* ⁵. Оно — Источник и Опора ума. Или, с другой стороны, **даже если просто непрерывно повторять про себя, внутренне, «Я — Я», с цельным умом, остановленным на этом, такое повторение также ведет к тому же Источнику ***.

Первой и самой главной из всех мыслей, возникающих в уме, является первичная «я»-мысль. Только после подъема, или начала, «я»-мысли возникают бесчисленные другие мысли. Иными словами, только после того как появилось местоимение первого лица, «я», на ум приходят местоимения второго и третьего лица («вы», «он» и т. д.), и они не могут существовать без «я».

Поскольку каждая очередная мысль может возникать только вслед за подъемом «я»-мысли и так как ум есть не что иное, как связка мыслей, **ум успокаивается только исследованием «Кто я?»**. Более того, неотъемлемая «я»-мысль, подразумеваемая под «я» в таком исследовании, разрушив все остальные мысли, в конце концов уничтожится, или истребится, сама, подобно палке, используемой для перемешивания погребального костра.

Даже когда в течение такого исследования пускают ростки посторонние мысли, не пытайтесь завершить возникающую мысль, а, наоборот, глубоко вопрошайте внутри: «Для кого пришла эта мысль?» Безразлично, сколько мыслей при этом к вам придет; если вы с высокой бдительностью при возникновении каждой мысли будете немедленно исследовать, для кого она пришла, то обнаружите, что «Для меня». Если затем вы спросите: «Кто я?», то ум обратится вовнутрь и возникшая мысль также успокоится. В этом методе, **когда вы все более и более упорствуете в практике Само-исследования, ум приобретает большую силу и способность пребывать в своем Источнике.**

Только когда тонкий ум обращается вовне посредством активности интеллекта и органов чувств, появляются эти грубые имена и формы, составляющие мир. Но когда, с другой стороны, ум твердо пребывает в Сердце, они идут на убыль и исчезают. Сдерживание уходящего ума и его поглощение в Сердце известно как «обращенность вовнутрь», *антар-мукха-дришти*. Отпускание ума и его выход из Сердца называется «обращенность вовне», *бахир-мукха-дришти*.

Если такой практикой ум поглощается в Сердце, то эго, или «я», которое является центром множества мыслей, окончательно исчезает, и чистое Сознание, или Атман, живущий во всех состояниях ума, один остается, сверкая. Это есть то состояние, где нет ни малейшего следа «я»-мысли, то есть Само истинное Бытие. Его называют Покой, или Тишина, *мауна*.

Это состояние простого пребывания в чистом Бытии известно как «видение глазом Мудрости». Оно означает и подразумевает полное успокоение ума в Атмане. Что-либо иное, а также психические силы ума, такие, как чтение мыслей, телепатия и ясновидение, не может быть Мудростью.

Только Атман существует и является Реальным. Тройственная действительность мира, индивидуальной души и Бога есть, подобно иллюзорному отливу серебра в перламутре, лишь воображаемое творение в Атмане. Эта триада появляется и исчезает одновременно. Атман один есть мир, «я» и Бог. Всё, что существует, — не что иное, как проявление Высочайшего.

Для успокоения ума нет других более эффективных и соответствующих средств, чем Само-исследование. Пусть даже другими средствами ум и успокоен, но это лишь кажущееся успокоение: он поднимется снова.

Например, ум успокаивается практикой *пранаямы* (сдерживание и контроль дыхания и жизненных сил). Однако такое успокоение длится только, пока сдерживание дыхания и жизненных сил продолжается; а когда они отпущены, ум также освобождается и немедленно, обратившись вовне, продолжает блуждать, повинувшись силе своих скрытых склонностей.

Источник ума тот же, что и дыхания, и жизненных сил. Поистине, множество мыслей составляет ум, а «я»-мысль — первичная мысль ума, и она сама есть эго. Но дыхание также имеет источник в том же месте, откуда возникает эго. Поэтому, когда ум утихает, дыхание и жизненные силы тоже успокаиваются; и, наоборот, когда последние успокоены, ум также утихает.

Дыхание и жизненные силы — грубые проявления ума. До самой смерти ум подкрепляет и поддерживает эти силы в физическом теле, а когда жизнь угасает, ум окутывает их и уносит с собой. В глубоком сне, однако, жизненные силы продолжают действовать, хотя ум и не проявлен. Это происходит согласно Божественному закону — для защиты тела и удаления возможных сомнений, живо оно или мертво, в то время, когда человек крепко спит. Без такого природного механизма спящие тела часто бы кремировались живыми. Жизнеспособность, очевидная в дыхании, оставлена умом как «наблюдатель». Но в бодрствующем состоянии и в *самадхи*, когда ум успокаивается, дыхание также успокаивается. По этой причине (поскольку ум способен поддерживать и контролировать дыхание и жизненные силы, и, следовательно, лежит за ними) практика дыхательного контроля просто полезна в успокоении ума, но не может вызвать его окончательного угасания.

Подобно дыхательному контролю, медитация на формах Бога, повторение священных слогов, *мантр*, и регуляция питания лишь помогают контролировать ум. Посредством практики медитации или повторения *мантр* ум становится однонаправленным. Так же как цепь, вставленная в постоянно ищущий что-либо хобот слона, лишает его возможности тянуться к другим предметам, так и вечно беспокойный ум, воспитанный и приученный к имени и форме (Бога) медитацией или повторением *мантр*, будет неизменно держаться только этого.

Когда ум разделен и рассеивается в неисчислимо меняющихся мыслях, каждая отдельная

мысль становится крайне слабой и неэффективной. Когда, наоборот, такие мысли утихают все более и более, пока они в конце концов не сводятся к нулю, ум становится однонаправленным и, приобретая таким образом силу и выносливость, легко достигает совершенства в методе вопрошания при поиске Атмана в Само-исследовании.

Регулирование диеты, ограничение ее *саттвической* пищей ^{6*}, принимаемой в умеренном количестве, —наилучшее из всех правил поведения; и оно в наибольшей степени способствует развитию *саттвических* качеств ⁷ ума. Последние, в свою очередь, помогают в практике *Атма-вичары*, или исследования при поиске Атмана.

Неисчислимы *вишайя-васаны* (тонкие склонности ума, касающиеся объектов чувственного удовольствия), быстрой чередой приходящие друг за другом, словно волны океана, возбуждают ум. Однако они тоже снижают и в конце концов разрушаются при успехах в постоянной практике *Атма-дхьяны*, или медитации на Атмане. Не оставляя места для сомнений, возможно ли просто пребывать как Сам Атман или уничтожить все *васаны*, следует твердо и безостановочно продолжать медитацию на Атмане.

Каким бы грешным человек ни был, если он прекратит безутешные причитания: «Увы! Я — грешник, как же я теперь достигну Освобождения?» и, отбрасывая прочь даже мысль о своей греховности, будет усердно медитировать на Атмане, то непременно будет спасен.

Пока в уме сохраняются *васаны* (тонкие склонности ума), необходимо продолжать исследование «Кто я?». По мере возникновения мыслей их следует разрушать — здесь и теперь — в самом источнике их появления методом Само-исследования.

Отсутствие желания чего-либо внешнего себе составляет *вайрагью* (бесстрастие), или *нирасу* (свободу от желаний). Неуклонное удержание Атмана составляет *джняну* (Знание). Но в действительности *вайрагья* и *джняна* — одно и то же. Подобно ловцу жемчуга, прикрепляющему к поясу камень, чтобы опуститься на дно моря за жемчужиной, каждый устремленный, вооружившись *вайрагьей*, может глубоко погрузиться в себя и осознать драгоценный Атман. Если серьезный искатель будет культивировать только постоянное и глубокое созерцательное «вспоминание» (*смрити*) истинной природы Атмана, до того как осознает Его, то одного этого будет достаточно. Отвлекающие мысли подобны врагам в крепости. Пока они владеют ею, они, безусловно, будут продолжать вылазки. Но если их истреблять по мере появления, то крепость в конце концов падет.

Бог и Гуру в действительности не различаются, они — одно и то же. Тот, кто заслужил Милость Гуру, несомненно будет спасен и никогда не будет покинут, точно так же, как жертве, попавшей в пасть тигра, уже никогда из нее не вырваться. Но ученик, со своей стороны, должен непоколебимо следовать Пути, показанному Учителем.

Твердое и дисциплинированное пребывание в Атмане, не оставляющее места любой мысли, кроме глубокого созерцания истинного Я, составляет самоотдачу высочайшему Господу. Какие бы ноши ни опускались на Бога, Он несет их. Это не поддающаяся определению Сила Бога предопределяет, поддерживают и контролирует все происходящее. Почему же тогда мы должны беспокоиться, мучимые нескончаемыми мыслями, говоря: «Поступить ли мне так? Нет, этак», вместо смиренного, но и счастливого, подчинения этой Силе? Мы знаем, что поезд везет все грузы, так для чего после посадки держать свой багаж на коленях, когда можно положить его на полку и сидеть спокойно?

То, которое есть Счастье, есть также и Атман. Счастье и Атман не различаются, они — одно и то же. Этот Атман-Счастье только и является реальным. Ни в одном из бесчисленных объектов земного мира нет ничего, что можно было бы назвать Счастьем. Но из-за нашего полнейшего невежества и неблагоразумия мы воображаем, что получаем счастье от них. Наоборот, когда ум направляется наружу, он испытывает боль и страдание. Действительно, лишь

когда наши желания исполнены, ум, возвращаясь к своему Источнику, переживает только Счастье, присущее Атману. Подобным образом в состояниях глубокого сна, при погружении в Атман (*самадхи*), при обмороке или когда желаемое достигнуто, а нежелаемое устранено, ум обращается вовнутрь и наслаждается тем Счастьем Атмана. Такое беспорядочное блуждание — то покидание Атмана, то возвращение к Нему снова и снова — есть бесконечная и изнурительная участь ума.

Тень от дерева приятна, вне её — обжигает жара. Человек, много ходивший под солнцем, ощущает блаженство прохлады, когда достигает тени. Тот, кто постоянно уходит из тени на солнце, а затем возвращается обратно в тень, — глупец. Мудрый неизменно остается в тени. Подобно этому ум просветленного Мудреца (*джняни*) никогда не покидает *Брахмана*, Абсолют. Ум невежественного, с другой стороны, приходя в феноменальный мир, испытывает боль и страдание, а затем, поворачиваясь на короткое время к Атману, переживает Счастье. Такова природа ума невежды.

Этот феноменальный мир, однако, есть не что иное, как мысль. Когда мир отступает из поля зрения, то есть при свободе от мысли, ум наслаждается Счастьем Атмана. Наоборот, когда мир появляется, то есть когда мысль возникает, ум переживает боль и страдание.

Солнце всходит без собственного своего желания, принятия решения или усилия, однако только от одного его присутствия линза выделяет тепло, лотос расцветает, вода испаряется и люди выполняют свои разнообразные жизненные дела, а затем отдыхают. Как иголка движется в присутствии магнита, так и душа, *джива*, подверженная тройственной активности: творения, сохранения и разрушения, которая вызвана просто уникальным Присутствием высочайшего Господа, выполняет действия в соответствии со своей *кармой*, а затем приходит к покою. Но Сам Бог не имеет намерения; никакое действие или событие не затрагивает даже края Его Бытия. Это состояние чистой отчужденности подобно тому, как жизненные активности не влияют на солнце, а достоинства и недостатки низших четырех элементов не влияют на всепроникающий Эфир*.

Все без исключения Писания свидетельствуют, что для достижения Спасения следует успокоить ум; а если уже известно, что сдерживание ума — конечная цель, то бесполезно вечно изучать их. Для такого сдерживания требуется подлинное исследование внутри себя самовопрошанием «Кто я?» Как можно вести это исследование в поиске Атмана, просто изучая Писания?

Следует осознать Атман собственным Глазом Мудрости. Разве Рама** потребуе зеркало, чтобы узнать, что он действительно Рама? Эго пребывает внутри пяти оболочек⁸, тогда как Писания находятся вне их. Поэтому тщетно посредством изучения Писаний искать Атман, который должен быть реализован суммарным отвержением ровно пяти оболочек.

Исследование: «Кто я, находящийся в оковах?» и познание своей подлинной природы одно есть Освобождение. **Сохранять ум постоянно повернутым вовнутрь и пребывать таким образом в Атмане только и есть Атма-вичара (Само-исследование)**, тогда как *дхьяна* (медитация) состоит в усердном созерцании Атмана как *Сат-Чит-Ананды* (Бытия-Сознания-Блаженства). Действительно, придет время, когда придется забыть все свои знания.

Так же как бесполезно анализировать мусор, который нужно смести и выбросить, так и тому, кто стремится познать Атман, нет нужды подсчитывать *таттвы*⁹, окутывающие Атман, и исследовать их вместо того, чтобы отбросить. Он должен рассматривать феноменальный мир по отношению к себе просто как сновидение.

За исключением того, что бодрствующее состояние длительно, а состояние сна — коротко, между ними различий нет. Как события бодрствования кажутся реальными лишь при

бодрствовании, так и события сна — в период сна. Единственно, что в сновидениях ум принимает другую форму, или телесную оболочку. Ибо и в бодрствовании, и во сне мысли, с одной стороны, и имена и формы *, с другой, возникают одновременно.

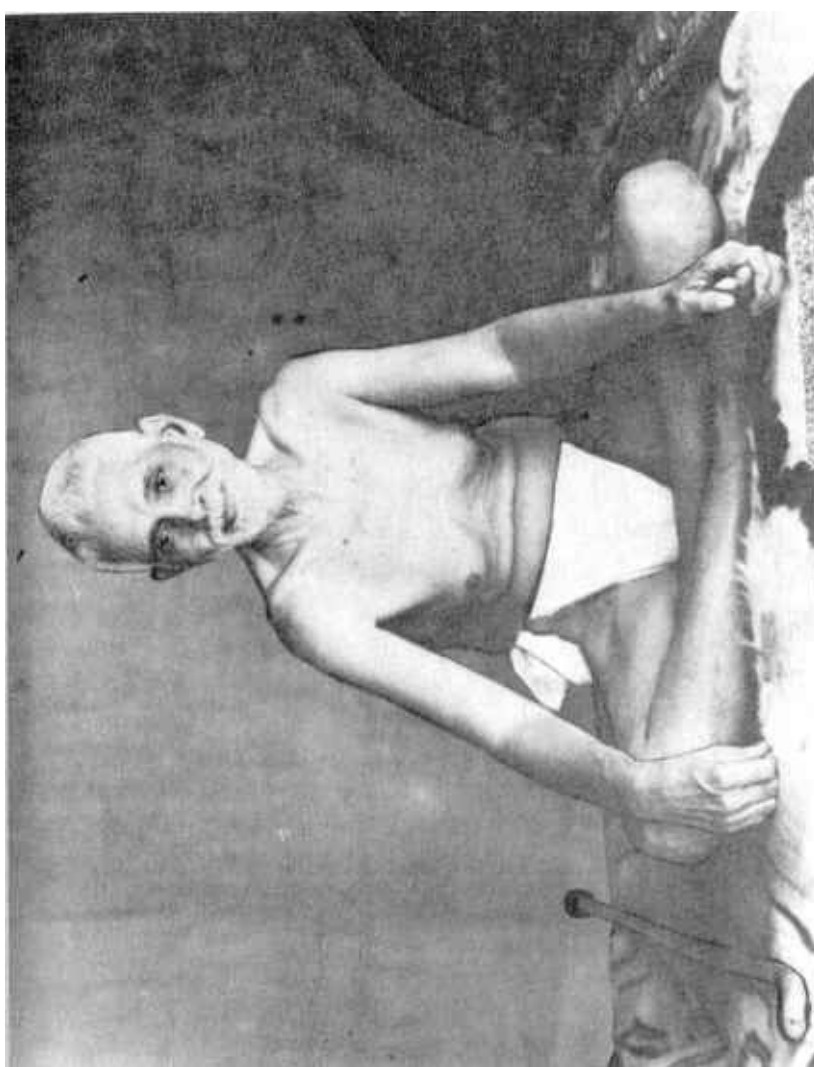
Нет двух умов — одного хорошего и другого дурного. Ум только один. Это лишь *васаны*, или склонности ума, бывают двух сортов, хорошие и благоприятные, дурные и неблагоприятные. Когда ум находится под влиянием благоприятных склонностей, его называют хорошим, а неблагоприятных — дурным. Какими бы злыми ни казались другие люди, неправильно ненавидеть или презирать их. Следует одинаково сторониться и симпатий и антипатий, и любви и ненависти. Также неправильно позволять уму часто останавливаться на объектах или делах мирской жизни. Насколько возможно не следует вмешиваться в дела других. Всё, что предлагается другим, в действительности есть предложение себе; если только эта истина осознана, кто откажет в чем-либо другим?

Если это возникает, все остальное также возникает, если оно стихает, то и все также затихает. Чем глубже наше смирение, тем лучше для нас. Если только ум успокаивается, то какая разница, где доведется жить?

КНИГА II

Божественная Песнь С комментариями

проф. К. Свамнатхана

В самадхи (1)

Божественная Песнь

В произведении «Божественная Песнь», композиции из 42 *шлок*, выбранных из древнего Писания, *Бхагавад-Гиты*, мы видим мастерское искусство Махарши в очищении ее неувядаемой сущности и представлении последней в удобной и привлекательной форме, доступной современному человеку *. Хотя ученые, любители поэзии и историки религии должны изучать *Гиту* в целом, ее квинтэссенция наилучшим образом используется обычными людьми в качестве проводника и спутника в подлинном духовном путешествии во внутренний мир чистого сознания и через внешний мир относительного сознания. *Садхаки* — люди практики, стремящиеся к самоусовершенствованию; для них гораздо важнее знать, какие части *Гиты* можно немедленно включить в практику, нежели запоминать ее 18 глав и распевать их время от времени. В понимании того, что учение Шри Кришны должно формировать основу конкретного и немедленного личного действия, Махарши Рамана согласен с Махатмой Ганди, который подготовил свою композицию из *Гиты* (по любопытному совпадению тоже содержащую 42 *шлоки*) в 1932 году ради сына, Рамдаса, сидевшего тогда с ним в одной тюремной камере. В композициях Махатмы и Махарши девять *шлок* одинаковы. Это следующие стихи: VI.29, IX.22,

Ж.10, 11, XI.54, XII.15, XIII.27, XVIII.61, 62, и они все являются решающими. Последние десять шлок Гандиджи ** взял из главы XI, восторженного обращения Арджуны к Господу, чтобы усилить *бхакти* и *шраддху*, потребность чувствовать и выражать преданность Шри Кришне и служить ему в его разнообразных проявлениях здесь и сейчас. Но Махарши делает упор на *джняне* и *бхакти*; социальная ответственность и служение живым существам являются скорее следствием, чем причиной усилившегося сознания. Шри Кришна — всеобщее и вечное Сознание, Сознание, которое относительно, а также и абсолютно. Следовательно, Кришна суть всё и везде! Арджуна и мир не имеют независимого существования.

Но обе композиции — Махатмы и Махарши, — несмотря на их различное подчеркивание элементов *джняны*, *бхакти* и *кармы*, выявляют современное место *Гиты*. Они обе согласны с безжалостным сокращением ее большого объема, исключением второстепенных и побочных излишков, подобных тогдашним общераспространенным теориям о природе, человеческой природе, социальной структуре и жизни после смерти. Они обе концентрируются на упорном личном поиске высоких человеческих качеств и человеческого благоденствия во всех обстоятельствах и переживаниях упорядоченной и внимательно исследованной жизни. Обе трактуют *Гиту* не как священный текст для благоговейного изучения или поэму для эстетического наслаждения, но как практический курс в духовном усилии, конкретную специфическую *садхану*, сочетающую бескорыстное, безэгоистичное действие, самозабвенную любовь и сознание, превосходящее личное «я».

«Божественная Песнь» — самостоятельная, органически единая поэма, со своей собственной совокупной силой. В её живом, направленном течении сердце Матери — *Гиты*, сокровенная тайна её всеобщего Послания, может слышаться громко и ясно. Обмен всех радостей свободы и грузов ответственности между личным «я» и истинным Я, эго и Атманом, пересадка духовного сердца от Бога к человеку, выполнены открыто и тщательно. Эта процедура начинается (в тамильской версии) со следующего Призыва:

ПРИЗЫВ

Пусть то воплощение Милости охраняет нас,

Кто, в колеснице Партхи *,

Надлежащими словами развеял его горе.

ТЕКСТ

Санджая сказал:

1. Ему (Арджуна),
преисполненному сострадания и отчаяния,
потрясенному горем, рыдающему,
Эти слова сказал Мадхусудана **: II : 1

Кришна, высочайший, целостная Личность во всех личностях, суть Сознание, которое превосходит мир, а также охватывает мир и управляет миром. Здесь он проявлен и действует как Милость, сила Любви, разгоняющая горе, как свет разгоняет темноту, восстановлением Целостности нашего бытия и прекращением нашего отчуждения от Реальности.

Благой Господь сказал:

2. Это тело, о сын Кунти^{***}, названо *кшетра* (поле);
Того, кто его познает, Мудрецы именуют *кшетраджня*
(Познающим поле).
XIII : 1

3. Знай Меня также как Познавшего Поле во всех полях,
о Бхарата^{*};
Знание Поля и Познавшего Поле
считаю Я истинным Знанием.
XIII : 2

Правильный, подлинный образ жизни человека — непрерывная учеба, развитие сознания, становление, достигающее кульминации в Бытии, которое есть Сознание. Сначала должно искать и найти внутри себя как Блаженство *кшетраджню*, знающего ум так же хорошо, как тело и внешний мир. При рассортировке на познающего и познаваемое ум попадает в последнюю категорию и должен подчиниться Высшей Силе, которая знает его, но не может быть познана. Это есть чистое Я ЕСМЬ, Бытие как Сознание, Личность, пребывающая во всех личностях как Блаженство.

4. Я есмь А т м а н, о Гудакеша,
в Сердце каждого существа Я пребываю;
Я есмь начало и середина, а также конец всех существ.
X : 20

Стих 4 содержит, согласно Мудрецу, квинтэссенцию всего духовного знания^{**}.
Это сознание «Я есмь» — «запах хозяина», который доставит нас к высочайшей Личности, Личности во всех существах, назовем ли мы ее Кришна, Будда, Иисус или Атман.

5. Смерть не избежать рожденным,
неизбежно умерших рожденье;
Так не горюй ты о том, что предотвратить невозможно.
II : 27

6. Он никогда не рождается, не умирает;
не прекращается Он никогда, не возникнув:
Нерожденный, Пребывающий, Вечный, Первобытный —
гибели нет для Него, когда тело убито.
II : 20

7. Не рассекаем Он, Он не сжигаем; не увлажняем,
Он также не иссушаем.
Он — Пребывающий, Всепроникающий, Стойкий,
Непоколебимый и Вечный.
II : 24

8. Познай — неразруσιμο ТО, посредством чего все это

пропитано;
Невозможно разрушение этого Неизменного.
II : 17

9. Отсутствует существование у нереального
и нет прекращения для Реальности.
Истина обоих этих утверждений зрима Провидцами
Сущности.
II : 16

Стихи 5 — 9 подчеркивают контраст между смертным телом и неразрушимым сознаванием «Я есмь». Искатель, практик само-исследования, должен научиться отождествлять себя не с телом, а с Сознанием. Смотреть в лицо, принимать и превозмочь простой факт смерти тела — это первый неизбежный шаг в осознании истинной тождественности человека с сознанием. Сделать это — значит повернуться по направлению к солнцу и позволить тени падать сзади. Ум и мир, воспринимающий и объекты восприятия, составляют *кшетру*, которая есть не-Я, не-Атман, в то время как сознание, Атман, охватывает и превосходит ее.

10. Как всепроникающий эфир
не загрязнен вследствие своей тонкости,
Так и Атман, пребывающий везде, не загрязнен
в теле.
XIII : 32

11. Ни солнце, ни луна, ни огонь не освещают ЭТО;
И откуда достигшим нет возврата, то
есть Моя Высочайшая Обитель.
XV : 6

12. Это названо Непроявленным, Непреходящим;
Высочайшим провозглашено Состояние,
из которого, раз достигнув, не возвращаются;
ТО — есть моя Высочайшая Обитель.
VIII : 21

13. Без гордости, без иллюзии, преодолевшие позор
привязанности,
Всегда пребывающие в Атмане, отказавшиеся
от желаний,
Освободившиеся от противоположностей,
подобных удовольствию и страданию,
Незаблуждающиеся достигают той Неизменной
Обители.
XV : 5

Четыре стиха (10 — 13) провозглашают величие и славу, повсеместность и неизменность, всеобщее присутствие и воображаемую недоступность Сознания, которое суть высочайшее состояние и в то же время распределено по всем живым существам, соединение, что связывает Бога и человека.

Эти *шлоки* завершают теоретическое учение, интеллектуальную формулировку Истины, которую мы должны осознать посредством очистительной *кармы*, самозабвенной *бхакти* и исследования сознания внутри и вовне. Ясно показав и ярко осветив путь впереди, наставник сейчас напоминает нам о колесе управления.

14. Тот, кто оставляет указания Писаний
и действует под влиянием желания,
Не достигает ни совершенства, ни счастья,
ни Высочайшего Состояния.
XVI : 23

Шлока 14, которая ссылается на Писания, хранилища мудрости прошлого, является критической и дискуссионной. Это строгое предостережение против капризного и рискованного «личного переворота» уходом в свой собственный тайный внутренний мир, не имеющий отношения к социальным реалиям. Это единственный стих, касающийся этики, а также единственный стих из главы XVI *Гиты*, рассматривающей вопрос о божественных и дьявольских качествах. Даже Гандиджи не взял стиха из этой главы, являющейся чисто психологической и, следовательно, опасной для чтения современному человеку, с его хорошо развитым, ненасытным эго, всегда готовым видеть дьявола в других и Бога в себе. Махарши предостерегает *садхака*, что его персональный прогресс пострадает, если он станет на путь *асура* (демона) и последует *каме*, *кродхе* и *лобхе*. Следует избегать вожделения, гнева и жадности — этих тройственных враг ада. Писания говорят о дисциплине, воздержании, йоге бескорыстного действия, которым учит *Гита*. Пока человек не достигнет состояния Свободы, спонтанной доброты, не требующей усилий, он атакуется тонкими соблазнами, желаниями видений, славы, власти над людьми. Истинный *садхак* имеет мужество культивировать смирение. Он знает, что «безэгоистичность» (личное несуществование) есть Путь, а также и Цель.

15. Кто видит Высочайшего Господа
равно пребывающим во всех существах,
не гибнущим в их гибели,
Тот истинно видит.
XIII : 27

16. Лишь неуклонной преданностью, о Арджуна,
Можно Меня познавать и наблюдать
и воистину достичь, о Парантапа *.
X1:54

Стихи 15 и 16 показывают позитивный способ избежать этой опасности от *асуров* желания, гордости и власти. Он заключается в том, чтобы видеть во всех живых существах Жизнь и Свет Сознания и достигать их без чувства различия и с готовностью служить.

17. Вера каждого человека, о Бхарата,
согласуется с его сущностью;
Человек соткан из веры: в чем его вера, то — он.
XVII : 3

18. Кто имеет сильную веру
и, преданный ей, обуздал чувства —
обретает Знание,
И, обрета Знание, он быстро достигает Высочайшего
Мира.
IV : 39

Увидев *асура* в себе, человек готов видеть Бога в других. Он учится любить и служить

другим с активной солидаризацией и полным сопереживанием. Знание, которое есть любовь, — реальное, конкретное, теплое, взаимное. Сознание — это не абстракция. Йогин, «деятельный атлет духа», видит Бога во всех людях как сознание, истинный источник личности. Это усилие видеть и служить Богу в каждом существе нужно поддерживать *шраддхой* — верой как рабочей гипотезой, убеждением, достаточно сильным для того, чтобы убедить человека работать на него, испытывая на практике. Вера, что Бог как сознание пребывает во всех существах и может быть осознан и прочно удержан любовью и служением, ослабляет влияние чувств и помогает самоисследованию.

19. Тем, кто владеет собой
и кто почитает Меня с любовной преданностью,
Я даю ту *буддхи-йогу* *,
посредством которой они достигают Меня.

X : 10

20. Из сострадания к ним, пребывая в их Сердце,
Я рассеиваю сверкающим Светочем Знания
их темноту, порожденную Невежеством.

X : 11

21. В тех, в ком Незнание уничтожено *джняной*,
Эта *джняна*, как солнце, освещает Высочайшее ТУ.

V : 16

Стихи 19 — 21 говорят о светящейся Милости, которая приходит к искателю, настроенному на Атман, практикующему исследование, преданность и служение. Приход Милости отмечен постоянно растущим сознанием и способностью понять и служить «другим».

22. Великими, говорят они, являются чувства;
манас — выше чувств, а выше *манаса* — *буддхи*,
Но пребывающий выше *буддхи* — Атман.

III : 42

23. Так зная Того, пребывающего выше *буддхи*,
утвердив себя посредством Атмана,
Рази врага, о мощнорукий, в форме желания,
столь труднопреодолимого.

III : 43

В солнечном свете и энергией этого сознания человек осознает иерархию тела, ума, интеллекта и обретает способность сразить желание — врага, порожденного умом и труднопреодолимого (стихи 22 — 23).

24. Как возгоревшееся пламя превращает топливо в пепел,
о Арджуна,
Так и пламя *джняны* превращает в пепел все *кармы*.

IV : 37

25. Его, чье каждое начинание лишено желания или
мотива,
чьи *кармы* сожжены в Пламени *джняны*,
Ученый именуется Озаренным.

IV : 19

26. Вокруг великих подвижников,
свободных от желания и гнева,

покоривших свой ум и осознавших Себя,

Сияет Блаженство Брахмана.

V : 26

То, что *садхак* получает от *сам-санга* (близости со святыми), объяснено в стихах 24 — 26, которые привлекают внимание к примеру и влиянию мудрецов, чья карма есть *акарма* (незаинтересованное, не основанное на желании действие) и кто излучает Мир, Покой.

27. Мало-помалу следует достигать спокойствия

стойко обузданным буддхи,

Установив ум пребывающим в Атмане

и ни о чем не помышляя.

VI : 25

28. Куда бы ни ускользал ум — в изменчивости

и колебаниях, —

Отовсюду его следует извлекать,

лишь Атману приводя в подчиненье.

VI : 26

С помощью *сам-санга* практик само-исследования должен сдерживать блуждающий ум и достигать устойчивости в Спокойствии (стихи 27 — 28).

29. Муни, искренне ищущий Освобождения,

обуздавший чувства, ум, интеллект,

Без желания, страха или гнева —

действительно Освобожден навеки.

V : 28

Устремленный, чьи чувства, ум и интеллект обращены к чистому сознанию и кто ищет Освобождения, которое суть полнота и постоянство этого сознания, теперь осознаёт, что это состояние — его вечноприсутствующая природа, хотя она может быть загорожена желанием, страхом или гневом (стих 29).

30. Атман, пребывающий во всех существах,

и все существа пребывающими в Атмане

Видит устойчивый в йоге, зрящий на все

беспристрастно.

VI : 29

Чистое Сознание «Я есмь», которое видится мельком, должно твердо удерживаться посредством упорядоченной практики видения Атмана во всех существах и всех существ в Атмане, пока вопрошающий не осознает, что все «я» суть Одно и что боли и удовольствия «других» — его собственные (стих 30).

31. Я укрепляю и защищаю благополучие тех,

кто, медитируя на Мне,

Почитает Меня одного, всегда пребывая в настрое

преданности.

IX : 22

Когда человек научился пребывать в Сознании и Целостности, он чувствует подход Божественного доверия к себе, сострадания и защитной силы (стих 31).

32. Из них — *джняни*, с Божественным вечно единый,
чья преданность сосредоточена в Едином,
является наиболее превосходным;
Ибо для *джняни* Я бесконечно дорог и он дорог
Мне.

VII : 17

33. После многочисленных жизней
джняни обретает убежище во Мне,
осознав, что Васудева * есть все,
Очень труднонаходим подобный *Махатма* **.

VII : 19

Теперь есть взаимность отношения и распределение силы между практиком *джняны* и его Богом, которого он видит как внутри себя, так и в окружающих существах. Воплощение Кришны отождествляется со всем, что есть.

34. Когда человек оставляет, о Партха,
все ума вождельня, радуясь полностью только
в Себе, Атманом,
Его именуют в Мудрости стойким.

II : 55

35. Тот достигает Мира, кто, прочь все желанья отбросив,
Остается бесстрастным, лишенным «я» и «мое».

II : 71

Стихи 34 и 35 — начальный и заключительный в известном описании *стхитанраджня* (прочно пребывающего в Сознании), дающие критерий измерения духовного продвижения, прогресса, искателя.

36. Кем мир не беспокоится и чей покой
не нарушаем миром,
Свободный от ликования, нетерпения, страха,
волнения —
он Мне дорог.

XII : 15

37. Равный к почести и бесчестию, к другу и недругу
равный,
Отрекшийся от всех начинаний,
он именуется превзошедшим *гуны*.

XIV : 25

38. Для того, кто насыщается здесь и теперь
только Атманом,
Атманом удовлетворен
и только на Атмане сосредоточен,
нет обязанностей.

III : 17

39. Для него в этом мире нет цели
ни в деятельности, ни в ее оставлении;
Здесь нет существа, от которого он зависит.

III : 18

40. Удовлетворенный приношением случая,
превзошедший двойственность, от зависти
свободный,

Уравновешенный в успехе и неудаче,
он не связан, хотя и действует.

IV : 22.

Из стихов 36 — 40 ясно, что Мудрецу не нужно уходить от действия. Он может работать в миру с полной непривязанностью, ибо его карма стала *акармой* из-за отсутствия чувства делания.

41. Господь в Сердце каждого существа пребывает,
о Арджуна,
Как на (гончарном) колесе вращая все существа
силой Своей *майи*.

XVIII : 61

42. Только Ему отдайся, о Бхарата, всем своим существом;
Его Милостью ты получишь Высочайший Мир
и Вечную Обитель.

XVIII : 62

Деятельное присутствие Господа в каждом существе и Высочайший Мир, следующий за полной само-отдачей Ему, утверждаются в последних двух стихах.

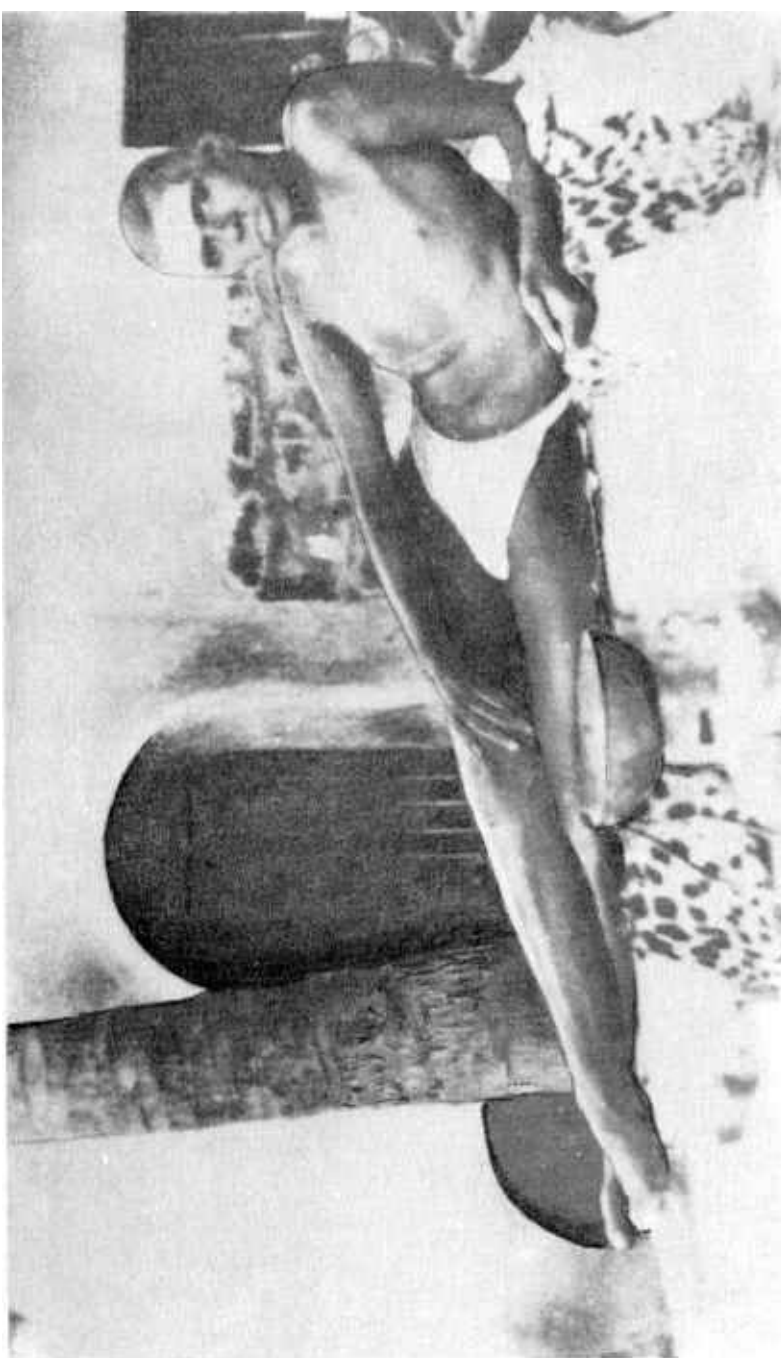
КНИГА III

Шри Рамана Гита

Песнь Шри Раманы

(отрывки из поэмы)

Кавьякантха Ганапати Муни

**В Скандашраме
(редкий снимок)**

Шри Рамана Гита

Глава вторая

ТРИ ПУТИ

1. В сезон дождей 1915 года Бхагаван Рамана Риши Дал сущность своих наставлений в следующем стихе.

2. В глубине пещеры Сердца

**Брахман одиноко сияет в форме Атмана, непосредственно переживаемой как «Я — Я»* .
Войди в Сердце с вопрошающим умом, или глубоко погружаясь вовнутрь, или посредством контроля дыхания, и пребывай в Атмане.**

3. Кто бы ни понял этот стих, сущность Веданты, произнесенный Бхагаваном Махарши, Он никогда не будет вновь охвачен сомнениями.

4. В первой половине стиха Бхагаван указал расположение Атмана Внутри этого видимого тела, состоящего из пяти элементов.

5. Там же изложена сама природа переживания Самопознания, отличие ее от Бога отрицается, прямое переживание утверждается, Удаляя таким образом различные описания Атмана.

6. Во второй половине стиха ученику дано наставление По практике трех различных методов, которые в сущности — одно.

7. Первый Путь — это Поиск, второй — погружение в Сердце и третий — регуляция дыхания* .

Глава пятая

НАУКА СЕРДЦА

2. То, из которого истекают наружу все мысли воплощенных существ, называют Сердцем.

Все описания Его являются представлениями ума.

3. Говорят, что «я»-мысль — корень всех мыслей. Вкратце, то, из чего «я»-мысль берет начало, есть Сердце.

5. Это Сердце отличается от перекачивающего кровь органа.

«Хридаям» означает *хрит* плюс *аям*, «Это — Центр», таким образом выражая природу Атмана.

6. Это Сердце расположено с правой стороны груди, а совсем не с левой.

Свет сознания льется из Сердца по *сушумне* *

к *сахасраре* *.

7. Отсюда он ниспадает на тело в целом,
и потом возникают все переживания этого мира.
Рассматривая их отличающимися от Света,
человек захватывается в *самсару*.

11. Вся вселенная находится в теле,
и все тело — в Сердце.

Следовательно, вся вселенная содержится в Сердце.

12. Вселенная — не что иное, как ум,
и ум — не что иное, как Сердце.

Таким образом, полная история вселенной
достигает высшей точки в Сердце **.

14. Как солнце освещает луну,
Так и это Сердце освещает ум.

15. Смертный, уклонившийся от Сердца,
воспринимает только ум,
Так же как ночью в отсутствии солнца
воспринимается лишь свет луны.

16. Не понимая, что истинный источник света —
его собственный Атман,
и мысленно воспринимая объекты отдельными
от себя,
Невежественный вводится в заблуждение.

17. Просветленный, пребывающий в Сердце,
видит свет ума погруженным в Свет Сердца,
Подобно тому как лунный свет
погружен в свет дневной.

19. Представление, что видящий отличен от видимого,
находится только в уме.
Для тех, кто пребывает в Сердце,
видящий и видимое суть Одно.

Глава седьмая

САМО-ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРИГОДНОСТЬ К НЕМУ

3. Говорят, что «я»-мысль — общая сумма всех мыслей.
Необходимо искать источник «я»-мысли.

4. Именно это есть Само-исследование,
а не изучение Писаний.

При поиске источника
это поглощается им.

5. Когда эго, которое есть просто отражение Атмана,
полностью исчезает,

То, что остается,
суть одно истинное Я,

во всей своей полноте и безупречности.

6. Результат Само-исследования — свобода от всех страданий.

Это — высочайший из всех результатов.

Нет ничего более высокого, чем это.

7. Удивительные оккультные силы можно обрести другими средствами.

Но окончательная Свобода приходит только благодаря Само-исследованию.

9 — 10. Тот, чей ум очищен практикой переживания Атмана

И другими средствами или качествами,

приобретенными в прошлых жизнях,

Кто воспринимает несовершенства тела

и объектов чувств,

испытывает крайнее отвращение,

когда бы его ум ни действовал

среди этих объектов,

И кто осознал, что тело непостоянно,

того называют годным к Само-исследованию.

11. По этим двум признакам,

то есть по чувству временности тела

и по непривязанности к объектам чувств,

Можно узнать о своей пригодности

к Само-исследованию.

15. Добродетельная активность ума, речи и тела

Уничтожает противоположно направленную,

греховную,

активность ума, речи и тела.

18. Добродетельные действия,

совершаемые без чувства различия

и без привязанности,

Не препятствуют пути Само-исследования.

19. Неисполнение предписанных действий тем,

кто зрел и постоянно занимается

само-исследованием,

не влечет за собой греха.

Ибо Само-исследование само по себе —

наиболее похвальное и наиболее очищающее

из действий.

Глава десятая

ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЩЕСТВА

10. Братство, основанное на чувстве равенства * ,

Есть высочайшая цель для достижения

человеческим обществом как целым.

11. Посредством братства среди человечества

возобладает высочайший Мир,
И тогда вся эта планета
будет процветать словно одна семья.

КНИГА IV

Сорок стихов о Реальности

(отрывки из поэмы)

С комментариями С. С. Когана

В самадхи (2)

23. Тело не говорит: «Я». Никто не допускает, что в глубоком сне его не было. Когда появляется «Я», все остальное появляется. Исследуйте проникательным умом, откуда поднимается это «Я».

Тело, будучи неодушевленным, ничего не знает о «Я» и «не-Я», однако «Я» продолжает существовать с телом или без него — в бодрствующем состоянии, или в глубоком сне, или в обмороке — как человек, который сам бодрствует, крепко спит и падает в обморок. Когда он пробуждается, весь мир просыпается, а когда он крепко спит, весь мир — в глубоком сне. Чтобы познать истинную природу этого неуываеваемого «Я», мы должны исследовать его источник.

24. Неодушевленное тело не говорит «Я». Вечносуществующее Сознание не рождено (а потому не может говорить: «Я»). «Я» размером в тело * появляется между этими двумя. Оно известно как *чит-джада-грантхи* (узел, связывающий вместе одушевленное и неодушевленное) — зависимость, личное бытие, эго, тонкое тело, *самсара*, ум и т. д.

Тело, не сознавая своего собственного существования, не говорит «Я»; и Атман, который суть чистый Дух, чистый Разум, никогда не рождающийся и так далее, также не говорит «Я». Но почему-то разум, подчиняясь силе *авидьи* (неведения) принимает тело, отождествляет себя с ним и называет себя «Я», связывая таким образом тело и душу в узел, который известен как узел неведения в сердце — буквально «одушевленно-неодушевленный узел». Это особенно крепкий узел, вызывающий столетия рождений, но развязывающийся сам по себе, когда Само-реализация достигнута, а зависимость и неведение уничтожены навсегда.

«Самсара» означает вращение колеса рождения и смерти. В Индии жену многозначительно также называют *самсара*.

25. Познайте, что этот бесформенный призрак (эго, или «я») появляется в форме (тела). Принимая форму, он живет, питается и растет. Оставляя одну форму, он приобретает другую, но, когда его разыскивают, бросает эту форму и обращается в бегство.

Эго — это настоящий призрак. Призрак — это развоплощенный дух, принимающий неясные очертания, чтобы играть роль живого существа и мистифицировать людей. Эго есть также и бесформенный Дух — Атман Сам, но Он приобретает тело и, не зная этого, обманывает других так же, как и себя. Эго начинает свою *самсарическую* карьеру, отождествляя себя с телом, чтобы наслаждаться приятностями мира. Оно пожинает плоды падения в бездонную *авидью* (невежество), утрачивая память о своей истинной природе и приобретая ложные представления о рождении, действии, еде и росте, накоплении богатства, женитьбе и рождении детей, о бытии больным, голодным, несчастным и, наконец, о смерти. Но, когда время его освобождения близко, оно предпринимает исследование своей подлинной природы, теряет свое отождествление с телом, превосходит свои предыдущие иллюзии и снова становится свободным, полным блаженства самораскрытия и Самопознания (*джняна*).

26. Если эго существует, то всё существует тоже. Если эго нет — ничто не существует. Действительно, эго — это всё. Поэтому исследование того, что эго есть в действительности, предполагает отказ от всего.

Истинная отдача, истинное подчинение, есть подчинение эго (которое есть вся сумма не-Атмана, «всего»). То же самое подчинение может быть достигнуто методом *вичары*,

исследования, о котором говорилось раньше.

27. Состояние, в котором «я» не возникает, это состояние бытия ТОГО. Без поиска места, из которого возникает «я», как достичь угасания себя — не-появления «я»? А без такого достижения как человеку пребывать как ТО — в своем истинном состоянии?

Не-появление «я» означает безэгоность, естественное состояние бытия, или ТО. Чтобы удержать эго от поднятия, мы должны найти место его возникновения и уничтожить его там, прежде чем оно поднимется, так чтобы мы могли всегда сознательно пребывать как ТО, без эго, в Сердце, что мы бессознательно делаем в глубоком сне. Слово «место» здесь означает «Сердце».

28. Подобно ныряющему в воду за потерянной вещью, человек должен глубоко погрузиться в себя, сдерживая речь и дыхание, с устремленным умом, и найти место, из которого появляется «я».

Основная тема четырех предыдущих стихов, и это необходимо отметить, — *вичара*, посредством которой должен проводиться поиск источника эго. Глубокое погружение — метафора, подразумевающая спасение эго из глубин неведения, в которые оно упало, не дилетантское, но весьма квалифицированное и непрестанное, иначе успех будет спорадическим (единичным) и даже сомнительным. Бхагаван имеет в виду, что эта жизнь *садхака* должна быть посвящена Реализации и ничему еще, ибо кто знает, какие препятствия судьба воздвигнет против него, чтобы блокировать его движение к Высочайшему в будущих жизнях? Поэтому он просит нас превратиться в ныряльщиков прямо сейчас, сдерживая речь и дыхание. Дыхательный контроль равнозначен ментальной тишине (приостановка мыслей), которая должна практиковаться рядом с само-исследованием для того, чтобы обучить ум быть одному, в состоянии *кайваля* («свобода-от-мыслей»). Тогда ум воспримет себя в своей естественной чистоте, в высшей степени драгоценном Атмане, «из которого появляется „я“».

29. Поиск источника «я» умом, повернутым вовнутрь, и без произнесения слова «Я» есть действительно Путь Знания. Медитация на высказывании «Я не это, Я есмь ТО» — помощь в исследовании, но не исследование само.

Бхагаван не упускает возможность напомнить нам, что поиск «Кто я?» — не формула для механического наблюдения, подобного заклинанию, но интеллектуальное исследование природы «Я», которое проводится до тех пор, пока его основа не будет полностью осознана и его источник достигнут. Весь процесс является диалектическим, включающим в себя проявление логических способностей, пока он не заканчивается в тишине Сердца, превосходящей все способности. Некоторая внушающая формула, такая, как «Я есмь ТО», может использоваться на начальном этапе, но со временем она должна превратиться в непоколебимое убеждение, рядом с успокоением ума (как отмечено в предыдущем комментарии), которое постепенно растет по глубине и длительности. Вот почему Путь *вичары* известен как Путь Знания (*джняна-марга*).

30. Когда ум, обращенный внутрь, вопрошает «Кто я?» и достигает Сердца, «я» (эго) гибнет. Тотчас истинное Я появляется (как «Я, Я»), которое, хотя и проявляется как «Я», есть не эго, но подлинное бытие.

Что случается с «я», которое нашло свой собственный источник и погибло? Смысл в том, что «Я», не признававшее свою собственную реальность, теперь, посредством исследования «Кто я?», лицом к лицу столкнулось с Ней и повернулось от представления бытия смертного тела («я») к осознанию бытия сияющего моря сознания (*Я*). Это и есть умирание ложного «я», уступающее место истинному *Я*, которое вечно присутствует как «Я», «Я», «Я», без конца и начала. Мы не должны забывать, что существует только единое «Я», «Я»-без-второго, рассматриваем ли мы его как эго, «я», полностью погруженное в удовольствия мира и в неведение, или как Атман, *Я*, субстрат и источник мира.

Слова «когда ум, обращенный внутрь, вопрошает: „Кто я?“...» еще раз подтверждают, что поиск должен проводиться умом.

40. Если сказано, что Освобождение бывает трех видов: с формой, без формы, а также одновременно с ней и без нее, то мы говорим, что Освобождение уничтожает все три (вида), а также и эго, которое делает различие между ними.

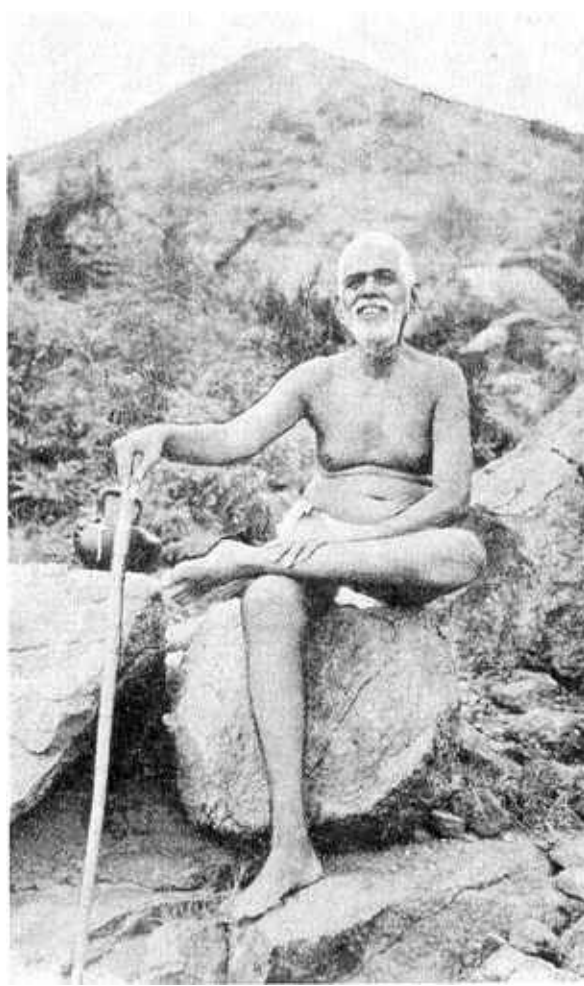
Все эти формы Освобождения, часть из которых, говорят, имеют место в развоплощенном состоянии, в неких сверхчувственных мирах — Вайкунтха и т. п., — являются гипотетическими. В лучшем случае они ободряют *садхаков*, которые равнодушны к ним. Сущность заключается в том, что истинное и абсолютное Освобождение проистекает только из *джняны* (знания Абсолюта), которое одно может уничтожить невежество, в этом ли теле или в одном из последующих тел. Ибо нет ни планов, ни состояний сознания, где полное Освобождение возможно, иных, чем бодрствующее состояние, то есть в теле, в котором чувствуются зависимость и неведение и предпринимаются попытки спасения; менее всего в состоянии после-смерти, где нет тела, чтобы чувствовать ограничения и воздаяния *кармы*.

Поэтому тот, кто стремится достичь Высочайшего, должен усердно делать усилия, здесь и теперь, предпочтительно методом *вичары*, который Бхагаван так милостиво предлагал и так часто повторял в этих стихах.

Полный решимости *садхак* наверняка проверит эти истины на собственном опыте, если подвергнет их испытанию, полный уверенности в собственном «Я» и неизменной безмолвной поддержке Учителя, Кто есть не что иное, как та самая Реальность, которую он так серьезно ищет, и Кто беспрестанно пребывает в его собственном Сердце как Бытие, Сознание и Блаженство — *Сат-Чит-Ананда*.

КНИГА V

Пять драгоценностей Аруначалы С комментариями А. Осборна

На Аруначале, в позе Дакшинамурти

Пять драгоценностей Аруначалы

1. Океан Нектара, полный Милости,
освещающий вселенную Своим Великолепием!
О Аруначала, высшее Бытие!
Будь Ты Солнцем
и открой Лотос моего сердца в Блаженстве!

Эта начальная строфа написана в форме восхваления Бога. Она содержит суть Высочайшего знания, рождаемого Реализацией.

Аруначала — Аруна (Свет) и Ачала (гора) — обозначает символ света Шивы. Ее значение для человека заключается в том, что, когда его внимание находится за пределами сознания, направленного на тело, внутреннее *Я* сияет чистым и ясным светом.

Обычно потеря сознания тела, как это бывает в шоковых состояниях, приводит только к потемнению сознания, тогда как потеря сознания, вызванная добровольно для цели Само-

реализации, приводит к Просветлению исключительно по Милости Бога.

Такое Просветление разрушает эго, вызывая полную само-отдачу Господу. Господь — Вечность; чувство Вечности — Блаженство (Нектар).

Как бутон лотоса, растущего в заболоченных прудах, распускается на рассвете, так и сердце, находящееся за нечистым умом, начинает светиться по Милости Бога, который суть истинное Я всех «я» и который внешне виден как Аруначала. Однако это солнце, после того как оно поднялось, никогда уже не садится, и Сердце Осознавшей Души находится в цвету вечно.

2. О Аруначала! В Тебе создается, поддерживается
и растворяется картина вселенной;

Это — великая Истина.

Ты есть внутреннее Я,

которое танцует в сердцах как «я».

«Сердце» — Твое Имя, о Господь!

Эта строфа относится сначала к Богу — Творцу, Охранителю и Разрушителю, потом же — к Богу, осознанному Просветленным.

Освобожденные говорят, что как Бог — опора вселенной, так Сердце — опора человека. Часть должна иметь природу целого; Целое (Бог) есть Бесконечность. Поэтому нет различия между Сердцем и Богом.

Бог это Сознание, а также — Сердце. Содержащийся в Атмане и Возвышенный, Он проявляет себя как личность совместно с индивидуализирующей силой, воспринимаемой как эго, или «я». Освобожденные говорят, что если вернуться к источнику появления эго, то там становится ощутимой вибрация, исходящая из Сердца, означающая подлинное Я.

3. Тот, кто обращается вовнутрь с успокоенным умом,

Чтобы найти, откуда восходит сознание «я»,

Осознаёт А т м а н и пребывает в Тебе,

О Аруначала,

Подобно реке, влившейся в океан.

Этот стих относится к *джняна-марге* — Пути Знания, по которому идут исследователи и искатели Истины. Это один из трех или даже четырех Путей Реализации Атмана. Эти Пути: *джняна*, *йога*, *бхакти* и *карма*.

Вода океана, вмещающего все воды, испаряется, и образуются облака, из которых идет дождь, дающий начало рекам, которые беспокойны уже с истока. Воды рек стремятся к своему источнику — океану; лишь в нем они и успокаиваются. Точно так же и душа человека, исходящая из Сердца, беспокойна и постепенно обретает стремление найти свой источник. Путь — прослеживание «эго» вплоть до Сердца.

4. Устраняя внешний мир, сдерживая ум и дыхание,

Медитируя на Тебе внутри,

Йогин видит Твой Свет,

О Аруначала!

Он находит в Тебе вечное удовлетворение.

Эта строфа касается *йога-морги*, описанной в *Йога-сутрах* Патанджали.

В то время как *джняни* ищет внутри себя источник эго и освобождается, прослеживая его вплоть до Сердца, йогин, в страстном желании увидеть Славу Бога, отвращается от мирских занятий и сосредоточивается на Нем (на форме или имени Аруначалы). Гора, хотя и имеет вполне материальное внешнее проявление, становится исполненной жизни и ощущается в трансцендентальном видении йогина как Вселенский Свет Славы, что суть то же, что Атман.

5. Посвятивший свой ум Тебе и видящий Тебя,

Всегда созерцает вселенную как Твой образ;
Кто все время прославляет Тебя
и любит Тебя только как Атман,
Тот не имеет соперника
И, оставаясь наедине с Тобой,
О Аруначала,
Он утрачивает себя в Твоем Блаженстве!

Первая часть этой строфы относится к *бхакти-марге*. Прославляя Бога с горячим чувством любви, человек проходит через *самсару* и достигает счастья при погружении в Него. Это — *бхакти*. Трансцендентальное видение открывает смысл Аруначалы как личного Учителя и при повторении такого переживания воспринимается имманентность Бога. После этого наступает полный отказ от «я», остается только всепроникающее, всегда присутствующее Чудесное Бытие-Сознание. Трансцендентальность сметает имена и формы, результируясь в Бесконечности, Вечности.

Вторая часть строфы относится к *карма-марге*. Ощущая всюду присутствие Бога, человек рассматривает себя не как действующего, но как инструмент для служения Богу в своей среде.

Существуют три аспекта Бога в соответствии с характером Реализации: *Сат* (Бытие), *Чит* (Сознание) и *Ананда* (Блаженство).

Аспект *Сат* относится, в основном, к Пути *джняны*, последователь которого после непрерывного поиска Сущности Бытия покоится в ней, а его индивидуальность растворяется в Высочайшем.

Аспект *Чит* является основным для практиков йоги, концентрирующих свои усилия на управлении дыханием для успокоения ума, в результате чего они видят Славу (сознание Бытия) Бога как Единый Свет, излучаемый во всех направлениях.

Аспект *Ананды* предназначен почитателям Бога, опьяненным нектаром любви к Богу и теряющим свою индивидуальность в переживании экстаза блаженства. Нежелающие покидать это состояние, они остаются всегда погруженными в Бога.

Четыре Пути — *карма*, *бхакти*, *йога* и *джняна* — не исключают друг друга. В то же время каждый из них в отдельности описан в классических работах, чтобы точнее передать идею соответствующего аспекта Бога для учеников, предрасположенных к тому или иному Пути.

Аруначала Рамана — это Высочайшее Бытие, проявляющееся в лотосе сердца всех существ в форме Сознания. Если человек, с сердцем, исполненным преданности, входит в чертог, в котором сияет Высочайшее Бытие, то открывается его Глаз Знания и он становится Самим Сознанием. Истина становится для него ясной.

Да будет великое имя божественного Аруначалы славным вовеки! Да будут эти пять стихов, названные в честь Него, звучать вовеки! Да будут слова великого Раманы, из уст которого вырос этот цветок, жить вечно! Да будут благочестивые почитатели, ищущие прибежище у стоп Раманы, жить вечно!

ПРИЛОЖЕНИЯ
Кавьякантха Ганапати Муни
О славе Бхагавана Раманы
Карл Юнг
Послание современному человеку

«Куда Я ухожу? Я — здесь»

Приложение 1
Кавьякантха Ганапати Муни
О славе Бхагавана Раманы *

1. Бхагаван Рамана,
рожденный в великой линии Парашары **,

сын незапятнанного Сундара Айяра,
блестящий носитель славы брахманов.

Его глаза прекрасны,
широки, как лепестки лотоса.

2. Стойкий и безупречный Парамахамса^{***};
он обитает в ашраме на Аруначале,
проявляя активность из сострадания,
Тогда как сам неизменно пребывает
в неразрушимом Атмане.

3. Его слова рассеивают все сомнения.
Его взгляд сдерживает обманутый ум,
как острый анкуш^{****} — бешеного слона.
Он не переставая стремится к благу других
и полностью безразличен к нуждам своего тела.

4. Его тело пылает, словно зрелый плод манго.
Абсолютный хозяин переменчивых чувств,
он женат на бессмертной Валли,
чистом Сознании.

В нескольких словах
он выражает сущность всех Писаний.

5. Своим чистым лучезарным сиянием
он,

в подходящее время,
рассеивает, словно солнце,
пасмурность своих преданных.

Махарши — неистощимый рудник
благоприятных качеств.

6. В речи он чрезвычайно мягок,
во взгляде — спокоен и сострадателен.
Его сияющее лицо напоминает цветущий лотос.

Его ум — пустота,
подобная луне при дневном свете.
Он сияет в Сердце, как солнце в небе.

7. Безжалостный к своему телу,
требовательный в соблюдении дисциплины,
питающий полное отвращение к удовольствиям
чувств,

Он — Мудрец, без гнева или желания,
пьющий Радость чистого Сознания.

8. Свободный от обмана чувств, жадности,
не отвлекаемый мыслями, лишенный зависти,
он всегда в Блаженстве.

Он ревностно помогает другим
пересечь океан рождения и смерти,
не ожидая вознаграждения.

12. Не менее невозмутимый, чем Меру, Золотая Гора,
более бездонный, чем океан,

более терпеливый, чем Мать Земля,
Он — образец самоконтроля,
далекий даже от малейшего волнения.

13. В распространении Милости он подобен луне,
подруге синей лилии,
в сиянии — солнцу, другу лотоса.
Пребыванием в *Брахмане* он напоминает своего отца,
сидящего под деревом баньяна *.
Твердый, словно скала, — мой младший брат **.

15. Даритель благ преданным,
он — Гуру даже великого Ганапати, мастера *мантр*.
Подобно божественному дереву Кальпатару,
он смягчает страдания тех,
кто ищет тени у его стоп.

17. Он — Наставник, сочинивший «Пять драгоценностей
Аруначаль»,
Квинтэссенцию *Упанишад*,
афористичную по форме,
но всеобъемлющую и наполненную скрытым
смыслом ***.

18. Совсем не обученный санскриту, языку богов,
и не знакомый с поэзией,
Он, тем не менее, автор произведений,
где сонмы блестящих идей
переданы с вдохновляющей выразительностью.

21. Он — блестящий поэт, пишущий на тамили,
языке, обожаемом Агастьей * и другими
мудрецами.

Он увидел вечный высочайший Свет
своим тонким интеллектом
без помощи Гуру.

22. В мальчике, в тупом скотнике,
в обезьяне или в собаке,
в мошеннике, в просвещенном или в преданном,
Он везде,
без малейшего пристрастия,
видит одинаковое Бытие.

23. Полный Силы, но исполненный Мира;
Полный преданности,
но свободный от чувства различия;

Свободный от привязанностей,
однако любящий все человечество;
Проявленный Бог,
однако смиренный в поведении.

24. Оставив записку:

«Это ** уходит к Присутствию Отца,
не ищите меня»,
Он покинул дом
и прибыл к подножию Аруначалы.

Приложение 2

Карл Юнг

Послание современному человеку*

Шри Рамана — истинный сын индийской земли. Он неподделен и, в дополнение к этому, — нечто совершенно феноменальное. В Индии он — белейшее пятно на белом поле.

То, что мы находим в жизни и наставлениях Шри Раманы, — чистейшая Индия с ее дыханием освобожденного мира и освобождения человечества. Оно — песнь тысячелетий. Эта мелодия построена на единственной, великой, основной теме, которая, в тысячах красочных образов, омолаживает себя внутри индийского духа и самым последним воплощением которой является сам Шри Рамана Махарши.

Отождествление истинного Я с Богом будет шокировать европейца, ибо в высказываниях Шри Раманы выражено специфически восточное Осознание. Психология не может ничего добавить к этому, кроме замечания, что Оно лежит далеко за пределами ее собственной возможности предложить такое.

Восточные практики имеют ту же Цель, что и западный мистицизм: фокус перенесен от личного «я» к истинному Я, от человека к Богу. Это означает, что «я» исчезает в истинном Я и человек — в Боге. Подобное усилие описано в *Exercitia spiritualia* **, в котором «частное владение», «я», в максимально возможной степени подчиняется владычеству Христа. Шри Рамакришна занимал ту же позицию в отношении к истинному Я; но у него дилемма выбора между «я» и истинным Я так ярко не выражена. Шри Рамана несомненно утверждает, что подлинная цель духовной практики — растворение «я». Рамакришна, однако, демонстрирует в этом отношении отчасти колеблющуюся позицию. Он говорит: «Почему очень немногие могут добиться этого союза (*самадхи*) и освободить себя от собственного „я“? Это очень редкая возможность. Когда вы в конце концов обнаружите, что это „я“ не может быть уничтожено, пусть оно остается как „я“ слуги» *.

Что касается этой уступки, то Шри Рамана определенно более радикален.

Изменение связи между этими двумя величинами, «я» и Я, представляет собой область переживания, которую интроспективное сознание Востока исследовало в степени, почти недостижимой для человека Запада. Философия Востока, столь отличная от нашей, представляет для нас чрезвычайно ценный дар, который, однако, мы «должны добыть, чтобы владеть». Слова Шри Раманы еще раз резюмируют то главное, что было накоплено духом Индии тысячелетиями размышлений о Внутреннем Я; и собственно жизнь и работа Махарши служат еще большим примером сокровенного стремления индусов найти освобождающий первичный источник.

Восточным народам угрожает быстрое измельчение их духовного багажа, и то, что приходит на его место, не всегда может относиться к лучшим достижениям западного ума. Поэтому Мудрецы, подобные Шри Рамакришне и Шри Рамане, могут рассматриваться как современные пророки. Они не только напоминают индусам о тысячелетиях духовной культуры Индии, но также непосредственно воплощают ее. Их жизнь и учения формируют впечатляющее предостережение — не забывать требования души во всех новациях западной цивилизации с их материалистически-техническим и коммерческим отношением к миру. Мертвящее побуждение приобретать и обладать в политической, социальной и интеллектуальной областях, которое порождает явную, неукротимую страсть в душе; человека Запада, также непрерывно распространяется и на Восток, угрожая такими последствиями, что их нельзя упускать из виду.

Не только в Индии, но также и в Китае, многое уже утрачено из того, в чем прежде жизнь души обитала и цвела. Поистине, экстернализация культуры Запада, обращение ее вовне, может удалить многие несчастья, уничтожение которых кажется чрезвычайно желательным и полезным. Но, как показывает опыт, этот прогресс дается слишком дорогой ценой — утратой духовной культуры. Никто не удивляется своей жадности, но смотрит на нее как на свое право по рождению; человек не осознает, что однобокость диеты его души в конце концов ведет к самым серьезным нарушениям равновесия. Именно это формирует болезнь представителя Запада, и он не успокоится, пока не заразит весь мир своей алчной неутомимостью.

Мудрость и мистицизм Востока, следовательно, многое могут сказать нам, если только они говорят в их собственной неподражаемой манере. Они должны напомнить нам, что мы обладаем в нашей культуре подобными вещами, уже забытыми, и направить наше внимание к оставленному в сторону как несущественное, а именно к судьбе нашего внутреннего человека. Жизнь и Учение Шри Раманы важны не только для индуса, но и для представителя Запада. Они не только составляют «документ» огромного человеческого интереса, но также и предостерегающее послание человечеству, которое грозит утратить себя в хаосе своей бессознательности и отсутствия самоконтроля.

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ

БХАГАВАНА ШРИ РАМАНЫ МАХАРШИ *

1879 30 декабря, понедельник, День Ардра Даршан — родился в 1 час ночи, в Тиручули.

1891 Переезжает в Диндигул после завершения начального образования в Тиручули.

1892 18 февраля: смерть отца, Сундарамы Айяра. Переезжает в Мадурай. Учеба в Средней Школе Скотта и Высшей Школе американской миссии.

1895 Ноябрь: слышит об «Аруначале» от одного из старших родственников.

1896 Середина июля: «Переживание смерти» в Мадуре, закончившееся полным и постоянным осознанием Атмана, Само-реализацией.

29 августа, суббота: оставляет Мадурай ради Аруначалы.

1 сентября, среда: прибывает к Аруначале. Останавливается в различных помещениях Великого Храма, внутри Тысячеколонного Зала, в Патала Лингаме, иногда в *гопуре* (храмовой башне).

1897 Начало года: переходит в Гурумуртам, святыню на окраине города.

Пребывает в святыне и в примыкающей манговой роще.

1898 Май: Неллиаппа Айяр, родной дядя, посещает Шри Бхагавана в манговой роще.

Сентябрь: переходит в Павалаккунру.

Декабрь: Мать, Алагамма, посещает Шри Бхагавана в Павалаккунру.

1899 Февраль: переходит на Гору, Аруначалу. Живет в различных пещерах Горы, но обычно в пещере Вирупакша, используя пещеру у мангового дерева как местожительство летом.

1900—

1902 Отвечает на вопросы, поставленные Гамбиром Сешайяром в пещере Вирупакша (позднее беседа издана как «Само-исследование»).

1902 Отвечает на вопросы Шивапракаша Пиллая («Кто я?»).

1905 Во время эпидемии чумы на шесть месяцев переселяется в Пачайамман Койл, а затем возвращается к Горе.

1907 18 ноября: важная встреча между Шри Бхагаваном и Кавьякантхой Ганапати Муни. Бхагаван дает Муни *упадешу*.

1908 Январь — март: живет в Пачайамман Койл (с Ганапати Муни и другими) и снова возвращается обратно в пещеру Вирупакша.

Переводит прозой на тамили сочинения Шанкарачарьи: *Вивекачудамани* и *Дрик Дршиья Вивека* *.

1911 Ноябрь: Ф. Х. Хэмфри, первый представитель Запада, встречает Шри Бхагавана.

1912 Второе переживание смерти (у Черепашьей скалы), в присутствии Васудэвы Шастри и других.

1914 Обращается к Аруначале со стихотворной молитвой об избавлении матери от болезни.

1915 Ради матери написана «Песнь о *поппадуме*». Следующие произведения также написаны за период пребывания в пещере Вирупакша:

«Гирлянда 108 супружеских посланий

Аруначале»,

«Одиннадцать строф Аруначале»,

«Восемь строф Аруначале»,

перевод *Дэвикалоттары*,

перевод работ Шанкарачарьи: «Гимн

Дакшинамурти»,

«Гуру *стутти*», «Хастамалака *стотра*».

1916 Перебирается в Скандашрам.

1917 Сочиняет «Пять драгоценностей Аруначалы» на санскрите (*Аруначала Панча Ратна*).

Мать селится в Скандашраме. Ганапати Муни написал поэму *Шри Рамана Гита*.

1922 19 мая, пятница: *махасамадхи* матери (с помощью Шри Бхагавана она достигает Освобождения).

Середина декабря: перебирается к нынешнему местонахождению Шри Раманашрама.

1927 Сочиняет «Сорок стихов о Реальности» на тамили (*Улладу Нарпаду*) и языке малаялам.

1936 Переводит на малаялам *Шри Рамана Гиту*.

1939 1 сентября, четверг: Бхагаван закладывает Храм Матрубхутешвары (Божественной Матери).

1940 Выбирает 42 стиха из *Бхагавад-Гиты* («Божественная Песнь») и переводит их на тамили и малаялам.

1946 1 сентября: празднование золотого юбилея прибытия Шри Бхагавана к Аруначале.

1947 Февраль: сочиняет «Пять стихов об Атмане» (*Экатма Панчакам*) на телугу и тамили.

1948 18 июня: с помощью Шри Бхагавана королева Лакшми достигает *нирваны* (Освобождения).

Переводит на тамили *Атма Бодха* Шанкарачарьи.

1949 17 марта, четверг: ритуал освящения (*кумбхабхишекам*) Храма Божественной Матери в присутствии Шри Бхагавана.

1950 14 апреля, пятница: *Брахманирвана* Шри Бхагавана в 8.47 вечера. В этот момент внезапно появившаяся звезда, ярко сияя, проходит с юга (от нынешней «нирвана-рум»), медленно двигается по небу к северу и исчезает за пиком Аруначалы. Ее видели многие в различных частях Индии.

ГЛОССАРИЙ

В этом глоссарии разъясняются используемые в книге слова и термины (в основном на санскрите) и указывается их произношение.

В санскрите и тамильском языке нет системы ударения, как в русском языке, но имеется система долгих и кратких звуков. Все долгие гласные находятся под ударением, а краткие нет. Поэтому могут встречаться слова с несколькими ударениями и вообще без них. Точная транслитерация с санскрита невозможна без применения специальных фонетических символов. Ниже используется наиболее распространенная латинская транслитерация в ее упрощенной форме: долгие звуки помечаются сверху черточками. Этого вполне достаточно для широкого читателя и духовного практика.

Гласные а, і, и сходны с русскими «а», «и», «у», если не учитывать различий по долготекратности. Произношение этих гласных приблизительно следующее:

а — как звук «а» в последнем слоге слова «папа»;

ā — как звук «а» в первом слоге слова «папа»;

і — как «и» в «институт» (первый слог);

ī — как «и» в «близость»;

и — как «у» в «бутылка»;

ū — как «у» в «буря».

Звуки е (сходный с русским «эй») и о (сходный с русским «о») — всегда долгие.

При устном воспроизведении санскритского текста обычно допускается ряд фонетических условностей, приближающих произношение санскритских звуков к родному языку читающего. В нашем случае при произнесении санскритских слов часто отсутствующее в санскрите и обязательное для русского языка ударение проставляется в согласии с просодикой санскрита и акустическим впечатлением для русского уха. Эти условия не всегда совпадают с грамматически верными с позиций санскрита. В частности, при наличии нескольких слогов ударение ставится на последнем из них, если этот слог не последний в слове (*rāgānam* — *пaрaгaйяна*), а иначе — на предпоследнем (*mahātmā* — *мaхaтma*).

А

abhēda — *abhēda* — отсутствие различий.

avatār — *avatār* — воплощение, или проявление, Вишну, то есть Бога, который сохраняет и поддерживает вселенную. Внутри *манвантары*, или цикла времени (согласно христианскому символизму) от земного рая (состояние Адама перед грехопадением) до небесного Иерусалима (достижение Цели после второго пришествия Христа), есть десять *аватар*. Седьмой — Рама,

чья жизнь представлена в *Рамаяне*, эпической поэме на санскрите; восьмой — Кришна, чьи наставления даны в *Бхагавад-Гите*; девятый описывается как неиндусский *аватар*, отождествляемый с Буддой, Христом или обоими; десятый — Калки, уничтожитель греха, с чьим приходом *Кали-юга*, или темный век, заканчивается. Он еще только должен прийти; его появление эквивалентно второму приходу Христа, ожидаемому христианами, и приходу Будды Майтрейи, ожидаемому буддистами.

Иногда термин «аватар» используется более вольно: для обозначения какого-либо Божественного проявления.

авидья — avidyā — незнание; неведение.

адвайта — advaita — недвойственность. Доктрина, состоящая в том, что ничто не существует отдельно от Духа, а всё есть форма, принимаемая на себя Духом (см. третий абзац главы 9 книги А. Осборна).

Основное расхождение в доктринах среди последователей индуизма проходит между школами *адвайты* и *двайты*. *Двайтины*, или дуалисты, почитают личного Бога, отделенного от поклоняющегося. *Адвайтины*, признавая истинность этого понятия на его собственном плане, идут за него, к понятию Абсолюта. В Абсолюте человек погружается обратно в ТО, которое есть его Источник и истинное Я, продолжая жить в чистом Блаженстве и безграничном Сознании Бытия.

Ади-Гуру — Ādi-Guru — древний, или изначальный, Гуру. Божественный Источник, из которого сила посвящения и руководства передается линии последующих Гуру. Эпитет Шри Шанкарачарьи и иногда также Дакшинамурти.

Адина-Гуру — Ādina-Guru — основатель линии Гуру. Кроме случая основателя нового Пути, посвящение (подобно рукоположению в духовный сан) имеет силу, только когда дается человеком, который должным образом уполномочен и чья санкция возвращается по непрерывной цепи к основателю его линии Гуру.

аджняна — ajñāna — невежество. Приставка «а» (как в *абхеда*) означает отрицание, и поэтому слово буквально означает «отсутствие знания».

акárма — akarma — здесь: незаинтересованное, не основанное на желании, действие.

Ананда — ānanda — Блаженство.

анна — anna — денежная единица, которая сейчас не употребляется. В конце XIX в. в одной рупии было 16 анн.

анугрáхам — anugraham — Милость.

Ардра Дáршан — Ardra Darshan — День Видения Шивы (см. с. 20).

Аруначалéшвар — Arunachaleswar — Бог в форме Аруначалы, сокращение имени Аруначала-Ишвара.

áсур — asura — небесный демон, враг богов.

асури́ческий — asuric — дьявольский, злой.

А́тман, или *А́тма* — ātman; ātma — Дух, или чистое Я, без малейших примесей эго, истинная природа человека, его истинное Я, выражаемое чувством «Я есмь»; Абсолют, *Брахман* (см.).

А́тма-вичáра — ātma vichāra — само-исследование.

А́тмасва́рупа — atmaswarūpa — буквально: «форма Духа»; термин, относящийся к вселенной и показывающий, что она не имеет внутренней реальности, а существует только как проявление Духа.

áшрам — āshram — семья почитателей или колония, вырастающая вокруг Мудреца или Гуру; иногда это слово ошибочно переводится как «монастырь».

áшрамам — asramam — тамильская форма слова «ашрам».

аштавадхана — ashtāvadhāna — способность обращать внимание сразу на восемь

различных дел одновременно.

аюрве́да — āyurvēda — система традиционной индусской медицины.

Б

Бра́хман — Brahman — высочайшее и окончательное понятие, Абсолют, о Котором ничего нельзя постулировать, поскольку любое утверждение будет ограничением. Первая стадия в проявлении *Брахмана—Ишвара*, личный Бог. Далее *Ишвара* представляется в трех аспектах: *Брахма* — Творец, *Вишну* — Хранитель и *Шива* — Разрушитель. Имеются храмы *Вишну* и *Шивы*, но не *Брахмы*, так как человек озабочен, скорее, Блаженством союза с Богом как хранителем и разрушителем форм, чем с Богом, который творит их.

Брахманирва́на — Brahmanirvana — см. *махасамадхи*.

бра́хманы — brāhmana — высочайшая из четырех каст, на которые традиционно делятся индусы, посвящая себя духовной жизни и изучению священных текстов. Следующая *каста* — *кшатрии*. Это правители, воины и судьи. Средний класс (учителя, торговцы и т. п.) — *вайшьи*, а рабочие — *шудры*. Сначала принадлежность к касте не была строго наследственной, но поскольку каждая каста заключала браки лишь внутри себя, то правило наследования практически привело к этому. Со временем кастовость стала жесткой, возникло деление на наследственные подкасты, в основном на профессиональной основе, напоминающие средневековые гильдии в Европе. Подкасты также имели склонность отвергать свои кастовые функции и заниматься делами других каст. Сегодня каста имеет небольшой функциональный смысл. Правительство Индии пытается уничтожить кастовость.

Будда — Buddha — букв.: «Просветленный». Мировой Учитель Гаутама Шакьямуни (563 — 483 гг. до н. э.), основоположник буддизма.

буддхи — buddhi — интуиция, интеллект.

Бхагавáд-Гíta — Bhagavad Gita — букв. «Божественная Песнь» или, более точно, «Песнь Бога», поскольку «Бхагавад» — существительное, используемое в качестве прилагательного. Писание Шри Кришны, восьмого *аватара*, из всех писаний индуизма, возможно наиболее широко изученное и имеющее больше всего последователей, является эпизодом *Махабхараты* — грандиозного эпоса на санскрите.

Бхагавáн — Bhagavan — то же слово, что и «Бхагавад», но с другим окончанием; обычно используется в смысле «Бог». Термины, такие, как *Ишвара*, *Брахма*, *Вишну*, *Шива* и имена различных аспектов Бога, являются более техническими или философскими. В обычном разговоре говорят или «Бхагаван» (Бог), или «Свами» (Господь). По общему согласию термин «Бхагаван» используется для тех немногих высочайших Мудрецов, кто признан полностью единым с Богом.

Согласные «Б» и «Г» произносятся с придыханием. Средняя гласная — «а» проглатывается и едва слышна.

бха́кта — bhakta — преданный; почитатель; человек, приближающийся к Богу посредством Любви и Преданности.

бха́кти — bhakti — Любовь или Преданность.

бха́кти-ма́рга — bhakti-marga — приближение к Богу посредством Любви и Преданности.

бхе́да — bhēda — присутствие различий. Отличие между *бхедой* и *абхедой*, по существу, то же, что и между *дваитой* и *адваитой*. Представитель *бхеды* говорит о себе, что он «не Бог, а другой», тогда как представитель *абхеды* считает Бога Абсолютом, или Бесконечностью, отдельно от которого не может быть ничего другого.

бхи́кша — bhiksha — предложение пищи Гуру или *санньясину*. В случае Бхагавана это означало снабжение едой всего Ашрама, так как он обычно не принимал ничего, что нельзя

было поделить между всеми.

В

Вайкунтха — Vaikuntha — небо Вишну (см.).

вишайя-васана — *vishaya vāsana* — склонность к объектам, то есть не к Атману.

вайрагья — *vairāgya* — бесстрашие, непривязанность, отсутствие привязанностей и желаний.

васаны — *vāsanās* — скрытые склонности, или тенденции, присущие человеку, результат его действий в предыдущих воплощениях, которые управляют его действиями в этой жизни, пока не будут побеждены *тапасом* или Милостью Гуру.

Веды — *Vedas* — названия собраний священных индусских Писаний, открывшихся древним *риши* (XX в. до н. э. — V в. н. э.) и являющихся окончательным авторитетом для большинства индуистов.

виджняна — *viñāna* — особое знание. Знание Атмана и также внешнего мира.

Виньяка — *Vinayaka* — см. Ганapati.

вичара — *vichāra* — различие, Путь само-исследования, которому учил Шри Бхагаван, поскольку этот путь подразумевает различие между Реальным и нереальным, истинным Я и эго.

Вишну — *Vishnu* — Бог в аспекте Хранителя и Опоры вселенной. Вишну периодически воплощается (обычно в человеческом теле) ради наказания злодеев и поддержки добра в мире (см. *аватар*).

Г

Ганapati — *Ganapati* — бог индуизма, сын Шивы (см.), имеющий голову слона при человеческом теле. Почитается как удаляющий все препятствия.

гирипрадакшина — *giripradakshina* — обход вокруг Аруначалы по часовой стрелке (*прадакшина* — круговой обход любого святого места по часовой стрелке, оно оставляется всегда справа; *гир* — Гора).

гуна, гуны — *guna, gunas* — три качества всего проявленного — *самт*ва (см.), *рад*жас (см.), *там*ас (см.). *Тамас* — движение от Духа вниз, к материи, от Единства к множественности; *рад*жас — расширение наружу, в активность и множественность; *самт*ва — подъем к Духу, Атману. В космическом плане *гуны* не являются ни хорошими, ни плохими. Они — только механизм проявления. Однако в человеческой жизни *тамас* — склонность ко злу, злобе и невежеству; *рад*жас — склонность к внешней активности; *самт*ва — склонность к духовности, включающая в себя свободу от мирских страстей и привязанностей.

Гуру — *guru* — духовный руководитель, или Учитель. О различных смысловых значениях этого слова см. с. 207.

Д

дайвический — *daivic* — Богоподобный или Божественный.

Дакшинамурти — *Dakshinamurthi* — Шива, проявленный в древности как юноша, который учил в Молчании, посвящая и руководя учениками прямой передачей Духа. Особенно его связывают с Аруначалой, центром Безмолвия и чисто духовного посвящения и руководства, а потому также и с Шри Бхагаваном, который был Шивой, обучающим в Молчании.

Дао — *tao* — одна из важнейших категорий китайской классической философии, означающая и Путь (*сад*хана) и Цель, то есть Атман, истинное Я, или Абсолют.

даршан — *darshan* — буквально «видение». Поскольку говорят о святом человеке, дающем *даршан*, то это слово лучше перевести как «безмолвная аудиенция». Выражение «иметь *даршан* Мудреца» можно толковать как «наслаждение милостью его присутствия».

Даттáтрея — Dattātrēya — знаменитый Мудрец, великий аскет.

джáпа — japa — букв.: «бормотание»; обычно означает повторение имени Бога, Гуру или мантры (см.).

Джáянти — Jayanthi — День рождения.

джняна — jñāna — Знание, Божественная Мудрость или Понимание. Духовное Просветление.

джняна-мáрга — jñāna-mārga — Путь Знания. Это не означает, что путь требует большого теоретического развития — он базируется на интуитивном знании, или духовном понимании (см. марга).

джняни — jñāni — человек Знания; иногда этот термин подразумевает практика джняна-марги, но в своем точном смысле означает того, кто достиг совершенного Просветления и установился в Абсолютном Знании, которое есть Освобождение от иллюзии двойственности. То есть это синоним термина «мукта» (см. мукта).

д́икша — diksha — посвящение.

дхáрма — dharma — гармония, гармоничная жизнь или действие. Также и роль человека в жизни, поскольку гармоничное поведение одного (скажем, солдата), может не быть таковым для другого (скажем, священника).

дхóти — dhōti — белая хлопчатобумажная одежда индусов в Южной Индии. Она обматывается вокруг талии и ниспадает подобно юбке до лодыжек.

дхьяна — dhyāna — медитация.

И

Ишвара — Iswara — личный Бог (см. Брахман}.

Й

йóга — yōga — букв.: «союз». Один из косвенных Путей (см. марга), который начинается с точки зрения двойственности и стремится с помощью весьма специфических средств развить скрытые силы человека, чтобы достичь союза с Богом как конечной цели.

Йóга-сúтра, Йóга-сúтры — Yōga Sutra — здесь: основополагающий текст по раджа-йоге, написанный Мудрецом Патанджали.

йóгин — yōgi — тот, кто следует или обучается Пути йоги.

К

Кавьякáнтха — Kāvyaśāstra — тот, чья речь подобна поэзии. Блестящий импровизатор стихов.

ка́йвалья — kaivalya — состояние Единства.

Кáли-юга — Kali-Yuga — «темный век», равнозначный «железному веку» греко-романской традиции, начавшийся в 3101 г. до н. э. с битвы при Курукшетре, то есть с началом наставлений Шри Кришны, записанных в *Бхагавад-Гите*, и сейчас приближающийся к своему концу (см. юга)

ка́ма — kāma — желание, вождление.

ка́рма — karma — судьба, которую человек готовит себе по закону причины и следствия. Существуют три разновидности кармы:

- 1) прараб́дха, или та, которая должна быть выполнена в этой жизни;
- 2) санчита, или та, что существовала в начале этой жизни, но отложена и пока не отрабатывается;
- 3) агамья, или новая карма, которая накапливается в этой жизни и добавляется к санчите

(см. первый абзац главы 10 книги А. Осборна). Закон *кармы* объединяет две теории: предопределения и причины и следствия, так как нынешние действия человека служат причиной, или предопределяют, его будущее состояние.

Карма означает также и действие. Иногда она подразумевает ритуальные действия, выполняемые как Путь к спасению, или *марга*.

Точно так же, как *карма* накапливается действиями и желаниями человека, так она может быть уничтожена Божественной любовью и знанием и отречением от желаний. Поэтому и сказано, что *карма* похожа на гору пороха, которую можно сжечь единственной искрой *джняны* (Божественного Знания).

кárма-мáрга — karma-marga — приближение к Богу посредством гармоничных и бескорыстных действий, то есть, как сказано в *Бхагавад-Гите*, действием без привязанности человека к плодам его действий, выполнением своего долга просто потому, что это — долг, а не для выгоды или честолюбия, не уклоняясь от него из-за страха или пристрастия. Этот путь обычно сопровождается ритуальными действиями.

Кришна (Шри) — Shri Krishna — восьмой *аватар*. Божественный Учитель, чье учение содержится в *Бхагавад-Гите*.

крóдха — krōdha — ярость, гнев.

кумбхáбхишекам — kumbhābhishēkam — освящение.

кшéтра — kshetra — поле.

кшетраджня — kshetra-jñā — знающий поле.

Л

лínгам. — lingam — вертикальный каменный столб, часто используемый как символ Шивы, или Абсолюта, поскольку любой образ или кумир является ограничением, а потому вводит в заблуждение.

лóбха — lōbha — жадность.

М

мáнас — manas — здесь: ум.

мáнтапам — mantapam — святиня или простая каменная постройка с изображением Бога внутри или без него.

мáнтра — mantra — священные слова (или слово), успокаивающие ум, которые Гуру обычно дает ученику для повторения — *мантра-джапы*.

мáнтра-дхъяна — mantradhyāna — медитация, или духовное сознание, вызванное или поддерживаемое повторением *мантры*, то есть *мантра-джапой*.

мáрга — marga — метод приближения, или Путь, к Цели в духовном поиске. Имеются три основные *марги*: *джняна-марга*, *бхакти-марга* и *карма-морга*.

Джняна-марга — путь Знания, или Понимания, причем знания не ментального, интеллектуального, а духовного. Физическое знание переживается непосредственно, например, если обжечь палец и испытать боль; ментальное знание является косвенным, например, знание того, что огонь обжигает; духовное знание опять является непосредственным, хотя и совершенно отличным от физического.

Бхакти-марга — путь Любви и Преданности.

Карма-марга — путь гармоничной и бескорыстной деятельности.

Эти три Пути взаимно не исключают друг друга. Не может быть духовного Знания без Любви. Любовь и Преданность Богу также ведут к Пониманию и к Союзу, который есть Знание. Чтобы деятельность была абсолютно гармоничной и бескорыстной, она должна вдохновляться

Любовью и Пониманием.

Джняна-марга ведет к бескорыстной деятельности, свободной от мысли: «Я — делатель этого и заслуживаю хвалы и вознаграждения».

Бхакти-марга ведет к активности, посвященной Богу, видению Бога, проявленным во всех Его творениях, и служением Ему службой для них.

Тем не менее, хотя указанные Пути в конечном счете сливаются и ведут к одной Цели — Самореализации, они начинаются с разных точек и в процессе духовной практики их методы различаются.

Отдельно от этих трех основных Путей, *марг*, стоят два менее прямых и более детально разработанных расширения *бхакти-марги*, то есть йогические и тантрические Пути. Они очень далеки от учения Бхагавана и нет необходимости их описывать здесь.

Mātrubhutesvara — Matrubhuteswara — Бог (*Ишвара*) в форме Матери.

mātx — math — частный храм или святиня.

máulvi * — maulvi — мусульманин, знаток учения ислама и права. Мусульманский эквивалент *пандиту* (см.).

máуна — mouna — Молчание.

máуна díкша — mouna diksha — посвящение Молчанием (см. с. 213 — 214).

máуни — mauni — тот, кто принял обет Молчания.

Махárши — Mahārshi — *Махá рíши*, великий *риши*, или Мудрец. Имя, используемое для человека, открывшего новый путь к Реализации. Служит также именем Вишну как первоисточника посвящения и путей к Реализации.

махасамáдхи — mahāsamādhi — великое, или окончательное, или полное, *самадхи*, или поглощение в Атман, или Дух, или истинное Я. Термин, иногда используемый для физической смерти великого святого, но для Махарши подобный смысл неуместен, так как Шри Бхагаван уже находился в *махасамадхи* еще будучи в теле и смерть тела не имела значения для него.

махáтма — mahātmā — Великая душа, великий человек или святой.

Мéру (гора) — Mount Méru — гора, которая, согласно индусской мифологии, делается Духовным Центром вселенной. Бхагаван утверждал, что Аруначала — это гора Меру.

мóкша — moksha — Освобождение, или Избавление. Термин «спасение» обычно употребляется в дуалистическом смысле: спасение очищенной души в присутствии Бога. Термин «мокша» означает полное и окончательное освобождение от всего невежества и двойственности и посредством осознания тождества с Атманом, истинным Я.

мúкта — mukta — тот, кто достиг *мокши*, или Избавления. Человека, достигающего *мокши* в течение земной жизни, иногда называют *дживанмукой*, то есть «еще живущий *мукта*».

мúкти — mukti — Избавление; то же, что и *мокша*.

Мúни — muni — Мудрец.

Н

Натарáджа — имя для Шивы, танцующего космический танец творения и уничтожения вселенной.

níраса — nirasa — состояние отсутствия желаний.

нирвика́льпа самáдхи — nirvikalpa samādhi — *самадхи* (см.), в котором различия не воспринимаются (см. с. 73).

нишкáмъя кáрма — nishkamyā karma — действие без привязанности к его результату, то есть без эгоизма. Действие, которое не творит новую *карму*.

О

ОМ — высочайшая *мантра, представляющая субстрат «звука творения», который поддерживает вселенную.

П

пáндит — *pāndit* — человек, изучивший индусские писания, учения и право.

парáйяна — *pārāyanam* — пение или монотонное распевание.

Парамáтман — *Paramātman* — Высочайший Атман, Высочайший Дух. На самом деле слово «Атман» само часто используется в этом смысле, а Бхагаван всегда употреблял слово «Атман» в таком, самом высоком, смысле.

Парамахáмса — *parama-hamsa* — букв.: «высочайший лебедь»; Мудрец, Просветленный.

пúал — *píal* — приподнятая платформа, каменная или бетонная лежанка, которая часто строилась вне дома индуса или у входа в него.

прадáкшина — *pradakshina* — см. *гирипрадакшина*.

прáна — *prāna* — дыхание, или жизненная сила.

пранаяма — *prānāyāma* — контроль дыхания.

прáрабдха — *prārabdha* — см. *карма*.

прáрабдха кáрма — *prārabdha karma* — см. *карма*.

прасáд — *prasādam* — какой-нибудь предмет, даваемый Гуру (ученику) в качестве проводника его Милости. Когда Гуру предлагают пищу, то он обычно часть ее возвращает как *прасад*.

пúджа — *pūja* — ритуальное богослужение.

пуджáри — *pūjāri* — тот, кто совершает *пуджу*.

пурáна — *purāna* — букв.: «сказание древних времен». Здесь: легендарная история из Писания, имеющая символический смысл.

Пурúша — *purusha* — Дух. Атман — это Дух в самом чистом смысле, тогда как *Пуруша* более часто употребляется в мужском аспекте там, где Дух противопоставляется или соединяется с Материей (*Пракрити*). В обыденной речи этот термин может использоваться для слов «человек» или «муж».

Р

рáджас — *rajas* — *гуна* (см.), или качество, активности.

рúши — *rishi* — Мудрец; букв.: «провидец».

Рúдра — *Rudra* — одно из имен для Шивы; Шива как Ревущий.

рúпа — *rūpa* — форма.

С

сáдхак, *сáдхака* — *sādhak*, *sādhaka* — духовно устремленный, или искатель.

сáдхана — *sādhana* — духовный поиск или Путь. Техника духовного усилия.

сáдху — *sādhu* — букв.: «человек, достигший цели *садханы*», но в действительности это слово применяется, независимо от уровня духовного достижения, к тому, кто отрекся от дома и собственности ради духовного поиска.

самáдхи — *sāmadhi* — имеются три главных значения:

1) поглощение в Дух, или Атман;

2) могила святого; иногда даже любая могила;

3) синоним «смерти»; если человек умер, то принято говорить, что он достиг *самадхи*. Шри Рамана употреблял этот термин только в первом значении, имея в виду состояние прямого переживания Атмана.

самáтва — samatva — практика равного отношения ко всему, равного уважения ко всем; всё рассматривается одинаково — как проявление Духа.

самсáра — samsāra — бесконечная цепь рождений и смертей, прерываемая только Само-реализацией; человеческая жизнь; жизненные заботы и ноши.

санкáльпы — sankalpas — врожденные склонности, желания и стремления.

санньясин — sanyasin — тот, кто отрекся от дома, собственности, касты и всех человеческих привязанностей ради духовного поиска. Такое отречение является постоянным и определенным, тогда как *садху* (см.) волен вернуться к семейной жизни. *Санньясин* носит мантию цвета охры как символ отречения, тогда как *садху* носит белое *дхоти*.

сáри — sārī — обычное женское платье в большей части Индии. Нижняя половина обматывается вокруг тела, словно юбка, а верхняя — приподнята и драпирует левое плечо.

сарвадхика́ри — sarvadhikarī — духовный учитель или, как в Шри Раманащраме, управляющий.

Сат — sat — Бытие, Истина, Реальность, Постоянство.

Сат Гу́ру, Садгу́ру — Sat Guru, Sadguru — Гуру, обладающий Божественной силой и тем отличимый от Гуру в более ограниченном смысле (см. с. 207).

сат-са́нг — sat sanga — букв.: «пребывание в Бытии»; обычно означает жизнь или пребывание в обществе Мудреца.

сáттва — sattva — качество чистоты, гармонии (см. *гуна*).

саттвический — sāt̥tvic — чистый, гармоничный, связанный с *саттвой*. «Саттвический» и «несаттвический» как прилагательные соответственно характеризуют то, что помогает или тормозит духовное усилие.

Сат-Чит-А́нанда — sat-chit-ānanda — букв.: «Бытие-Сознание-Блаженство». Термин для Божественного Состояния, поскольку в духовном смысле Знать значит Быть, и, кроме того, знать Атман или быть Атманом, истинным Я, есть чистое Блаженство.

Сáтъя-юга — Sattya-Yuga — «золотой век» (см. *юга*).

сахáджа сама́дхи — sahaja samādhi — непрерывное *самадхи*, не требующее транса или экстаза, совместимое с полным использованием человеческих способностей состояние *джняни*.

сахасра́ра — sahasrāra — «тысячелепестковый лотос», высшая из *чакр* (см.), расположенная над головой.

Сва́ми — Swāmi — используется в нескольких значениях:

а) «Господь» (когда говорят о Боге);

б) духовный Учитель или учитель (независимо от того, достиг он какого-либо высокого состояния или нет);

в) просто знак уважения.

свару́па — swarūpa — истинная форма, или природа.

Сиддха — siddha — человек, достигший сверхобычных сил; человек, достигший Само-реализации; состояние Освобождения.

сиддха Пурúша — siddha puruṣha — мудрец (воплощенный или освобожденный от телесной оболочки), обладающий сверхобычными силами.

сиддхи — siddhi — сверхобычные силы.

стотра́ — stōtra — хвалебная песня, гимн.

стúти — stuti — хвала; гимн.

стхитапраджня — sthita prajñā — устойчиво пребывающий в Знании, Знании Атмана.

сушумна — sushumna — психический канал, идущий от основания спины до верхушки головы.

Т

Тáлук * — Taluq — местный правительственный округ.

táмас — tamas — качество инерции или вялости (см. *гуна*).

táпас — tapas — епитамья, или аскёза. Более развернутое объяснение см. на с. 72.

táттва — tattva — принцип. Здесь: элемент классификации всего диапазона феноменального существования.

tíртха — tirtha — священный водоем.

У

упадéша — upadēsha — наставление или руководство, которое Гуру дает своему ученику.

Упанишáды — Upanishads — завершающие части *Вед*.

Из *Упанишад* берет начало вся философия Веданты.

Х

Хрúдаям — hridayam — букв.: «это — центр»; Сердце; духовное Сердце (не *чакра*), местопребывание Атмана в физическом теле.

Ч

чáкра — chakra — духовный центр в теле человека. Йогические и тантрические Пути (см. *марга*) разворачивают в человеке духовную силу, *кундалини*, скрытую в основании позвоночного столба, и заставляют ее подниматься через серию *чакр* в теле. Каждая *чакра* представляет собой различную стадию духовного развития, которая наступает, когда *кундалини* достигает этой *чакры*.

чéла — chela — ученик.

Чит — chit — Сознание (см. *Сат-Чит-Ананда*).

чит-джáда-грáнтхи — chit-jada-granthi — узел, или звено, между Сознанием и физическим телом, который связывает их, чтобы дать иллюзию индивидуальности.

Ш

шайвít, или *шиваít* — saivite — преданный Шивы. Основное разделение в индуизме проходит между шайвизмом (шиваизмом) и вайшнавизмом (вишнуизмом), точками зрения, представленными Шивой и Вишну соответственно. Это отвечает различию между *адвайтой* и *двайтой*, поскольку преданные Вишну останавливаются на двойственности, в то время как шайвизм — учение недвойственности. Оно также соответствует разнице между *джняна-маргой* и *бхакти-маргой*, так как приверженец *адвайты* развивается духовным Пониманием, а приверженец *двайты* — Любовью и Преданностью Богу.

Эти различия непохожи на расхождения между христианскими сектами, поскольку оба Пути признаются правильными, и человек следует тому, который подходит его темпераменту.

шáкти — shakti — Сила, Энергия или Активность Божественного аспекта, или принципа. В индуэской мифологии Божественный аспект, или принцип, представлен Богом, а его Энергия, или Активность, — женой Бога.

Шáмбху — Shambhu — одно из имен Шивы; Шива как Могучий.

Шáнкара — Shankara — великий религиозный реформатор и философ VIII века (также называемый и Шанкарачарьей, то есть Учитель Шанкара). Первый популяризатор учения

адвайты.

шáстры — shastras — священные Писания, содержащие правила, регулирующие поведение, искусство, науку, управление и т. д.

шахáда * — shahāda — кредо ислама: «Нет бога, кроме Бога».

Шúва — Shiva — одно из трех главных божеств индуизма, аспект *Ишвары* (личного Бога) (см. *Брахман*), Однако для своих преданных Шива — разрушитель стен той тюрьмы, где томится Дух человека, уничтожитель эго, двойственности человека и *Ишвары*, всех ограничений, оставляющий только Абсолютное Бытие, которое есть совершенное Знание и чистое Блаженство. Поэтому Шива — воплощение Абсолюта, содержащий *Ишвару*, всех богов и все миры как сновидение в себе.

Шúвасварúпа — Shiva swarúpa — форма Шивы; имя, иногда даваемое вселенной, которое показывает, что она не имеет внутренней реальности, а существует только как форма, принимаемая Шивой.

шрáддха — shrāddha — вера.

Шри — Shri — блаженный или дающий блаженство. Сейчас часто используется как форма обращения, почти равнозначная слову «мистер», но все еще применяется в своем истинном смысле — к святому.

шрúти — shruti — букв.: «услышанное». Писания, полученные непосредственно от Бога или Гуру, а потому — наиболее авторитетные.

шúддха-мáнас — shuddha manas — очищенный, *самтвический* ум.

Ю

юга — yuga — век. Согласно индусским (а также греко-романским и средневековым) учениям в *манвантаре* (см. *аватар*) есть четыре века. Они именуются: *Сатья-юга* (век Истины или Чистоты), *Двапара-юга* (второй век), *Трета-юга* (третий век) и *Кали-юга* (темный век). Их продолжительность пропорциональна ряду: 4; 3; 2; 1, так что *Кали-юга* составляет одну десятую длительности всей *манвантары*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Могилевер О. М. (составитель-переводчик), (1991), *Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе*, Ленинград.
2. Могилевер О. М. (переводчик и составитель русского издания), (1994), *Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши*, С.-Петербург, «Андреев и сыновья».
3. Могилевер О. М. (переводчик и составитель русского издания), (неопубликованный перевод), *Шри Рамана Гита* *.
4. Ahluwalla, B. K., Ahluwalla S. (составители), (1980), *MAHARSHI RAMANA His Relevance Today*, Delhi, Manas Publications.
5. Brunton, P. (1980), *A Search in Secret India*, Bombay, BI Publication.
6. Cohen, S. S. (переводчик и комментатор), (1992), *Forty verses on Reality*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.
7. Godman, D. (составитель и редактор), (1985), *Be As You Are; The Teachings of Sri Ramana Maharshi*, London, Arkana **.
8. Greenblatt, J., Greenblatt, M. (составители), (1981), *Bhagavan Sri Ramana. A Pictorial*

Biography, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.

9. Mudaliar, D. (1989), *Day by Day with Bhagavan*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.

10. Narasimhaswami, B. V. (1985), *Self-Realization*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.

11. Osborne, A. (1990), *Ramana Maharshi and the Path of Self-Knowledge*, Bombay, BI Publications *.

12. Osborne, A. (составитель и редактор), (1979), *The Collected Works of Ramana Maharshi*, London, Rider and Company.

13. Swaminathan, K., (1975), *Ramana Maharshi*, New Delhi, 1975.

14. Venkataraman, T. N. (издатель), (1979), *Maharshi's Gospel*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam **.

15. Venkataraman, T. N. (издатель), (1978), *Bhagavan Sri Ramana Maharshi's, Words of Grace*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.

16. Venkataramiah, M. (составитель), (1989), *Talks with Sri Ramana Maharshi*, Tiruvannamalai, Sri Ramanasramam.

Все книги, изданные Шри Раманашрамом, могут быть приобретены в Шри Раманашраме (Sri Ramanasramam, Tiruvannamalai, 606 603, South India). Русские переводы, изданные Шри Раманашрамом, также могут быть приобретены у издателя в России или у составителя-переводчика (Россия, 194291, Санкт-Петербург, а/я 63 Могилеву О. М. По этому же адресу принимаются предварительные заказы на последующие издания Шри Раманашрама в России. Ближайший план — «Шри Рамана Гита»).

УКАЗАТЕЛЬ *

Жизнь Шри Бхагавана

Детство (1879 — 1896)

Шри Бхагаван,

впервые слышит об «Аруначале» от одного из родственников, 34

его «Переживание смерти» в Мадуре и последующая Само-реализация, 36 — 38

его путешествие к Аруначале, 49 — 54

переезжает в Диндигул, 32

переезжает в Мадурой после смерти отца, 32

прибывает к Аруначале, 54

рождение его, 30

уходит из дома к Аруначале, 46 — 48

учится в Средней Школе Скотта и Высшей Школе американской миссии, 32 — 33

Ранние годы жизни в Тируваннамалае

(1896 — 1922)

Шри Бхагаван,

второе переживание смерти у него, 94 — 96

дает Освобождение матери, 119, 120

дает *упадешу* Кавьякантхе Ганапати Муни, 143

мать, Алагамма, впервые посещает его, 68 — 71

Неллиаппияр, родной дядя, посещает его, 66, 67

отвечает на вопросы Гамбирама Сешайяра, 253
отвечает на вопросы Шивапракашама Пиллая, 128, 130 — 133, 253
перебирается из Скандашрама к месту захоронения матери, 122
появляется первый почитатель-европеец у него, 146 — 157 пребывает в Гурумуртаме, 60, 61, 63, 99, 164, 362
пребывает в манговой роще, 64
пребывает в Павалаккунру, 68, 203, 362
пребывание в Пачайямман Койл, 94, 173, 363
пребывает в различных помещениях Великого Храма, 56 — 58
пребывает в Скандашраме, 110, 122, 137, 139, 159, 165, 166, 169, 170, 218, 231, 323, 364
пребывает на Аруначале, в пещере Вирупакша, 80, 82, 83, 86, 88, 96, 99, 110, 135, 143, 148, 166, 172, 231, 240, 252 — 255, 259, 260, 363
случайно разрушает гнездо ос, 93
сочиняет гимны Аруначале, 251—255

Жизнь в Шри Раманашраме (1923 — 1950)

Шри Бхагаван,

встречает последнюю болезнь, 262 — 270
дает Освобождение корове Лакшми, 176
живет как Человек, Учитель, Утешитель, 187 — 205
закладывает Храм Божественной Матери, 205
махасамадхи, смерть тела его, 272—275
сочиняет «Наставление в тридцати стихах», 256, 257
сочиняет «Пять стихов об Атмане», 258, 259
участвует в ритуале освящения Храма Божественной Матери, 205

Шри Бхагаван как человек и Учитель

Шри Бхагаван, черты его, 187 — 205, 355 — 358

аккуратность, 184, 192 — 193, 196, 204

бережливость, 184

блестящий поэт, 357

взгляд, 190, 193, 204, 213, 219, 240, 272, 355, 356

глаза, 83, 85, 88, 136, 160, 196-198, 213, 214, 274, 355

доброта, 85, 157, 174 — 176

доступность, 183, 184, 186, 199 — 200

жизненная задача, 184, 186

заботливость, 138, 190, 269, 276, 284

использование сверхобычных сил, 144 — 145, 150 — 153, 249

истинная форма, 158 — 159

лицо, 184, 191, 233, 266, 274, 356

манера говорить, 34, 143 — 144, 164, 200 — 202, 239, 252, 355, 356

манера слушать стихи и песни, 253

Милость, 84, 117, 138-139, 143-144, 151, 159-160, 165, 174 — 176, 193, 196, 198, 230, 241, 248 — 249, 270, 272, 277, 357

наблюдательность, 100, 149-150, 164, 170, 189, 193

невозмутимость, Покой, 84, 356

неизменное пребывание в Атмане, 153, 355, 356

непривязанность, 66, 133 — 134, 356

непротивление злу насилием, 98 — 106
отношение к животным, 162 — 176
отношение к литературному творчеству, 251 — 252
отношение к правилам Ашрама, 178 — 180
память, 150
практичная пронизательность, 208
простота, 97, 150, 184, 205
пунктуальность, 96 — 97, 184, 272
равенство ко всем, 179, 180, 187, 194 — 196, 358
руководство, 83, 93, 139, 140, 193, 194, 206, 209, 210, 212 — 216, 234, 235, 244-246, 270, 278, 280, 281, 284
самопроизвольное излияние Милости, 145, 248 — 249
скромность, 97, 164, 187, 194, 196, 199, 204, 265 — 267
смех, 96, 239
сострадание, 85, 86, 136, 190, 267, 276, 355
справедливость, 179, 180
твердость, 190, 357
терпимость, 157
тщательность во всех делах, 116
улыбка, 149, 188, 189, 266, 273
юмор, 96, 105, 200 — 202, 203, 247, 257, 258, 260 — 261, 269

Родственники Шри Бхагавана

Алагамма, мать, 30, 65, 67 — 69, 103, 107 — 109, 117 — 122, 205, 206, 257, 270, 274, 362, 364
Аламелу, сестра, 32, 108
Нагасвами, старший брат, 32, 46, 66, 68
Нагасундарам, младший брат, *см. Преданные и посетители*
Неллиаппияр, дядя, 65 — 69, 108, 362
Суббайяр, дядя, 32, 65
Сундарам Айяр, отец, 30, 32, 355, 362

Наставления Шри Бхагавана

А

Абсолют
единственно существует, 124
есть Атман, 124
есть Я космоса и каждого существа, 124
тождество с Ним, 208
знание Его, 340
аватар, 144
авидья, 335, 336
агами карма, 162
адвайта, 60, 79, 123, 124, 201, 232, 235, 254, 265
Адина Гуру, 60
аджняна, 231
акарма, 317, 320
ананда, 255, 348
анкуш, 355

антар-мукха-дришти, 394

ануграхам, 138

Аруначала, Гора, 68, 75, 76, 92, 136, 225, 273, 341, 347

Внутреннее Я, 346

Гора Сигнального огня, 59

исполняет желания, 382

как Атман, 346, 347

как безмолвный Учитель, 213, 236, 250

как Бог, 281, 345, 347, 349 *см. также* Аруначалешвара

как личный Учитель, 347

круговой обход ее, 76 *см. также прадакшина*

Милость ее, 92 — 94, 345

очень святое место, 34, 47, 78 — 79

происхождение, 78, 79

Путь ее, 282

символ света Шивы, 345

тайна ее, 281

это Тируваннамалай, 34

Аруначалешвара, 54, 58, 88, 90, 138, 160, 212

асур, 313 — 315

Атма-вичара, 234, 297, 301 *см. также* *вичара*

Атма-дхьяна, 297

Атман, 48, 79, 98, 125, 133, 182, 208, 219, 220, 224, 228 — 229, 233, 258 — 259, 264, 292, 293, 300 — 301, 310, 315 — 320, 325, 326, 327, 347

бессмертен, вечен, 38, 70, 126

вспоминание Его, 132, 178, 298

достижение Его, 130 — 131

единственно существует, 99, 295

Единство с Ним, 108, 126

есть единственная реальность, 91, 114, 295

знание Его, 79 *см. также* Самопознание

как Абсолют, 219

как бессмертный Дух, 37, 207

как Бог, 295

как истинное Я, 37, 91, 130, 201, 207, 339

как источник «я», 338

как мир, «я» и Бог, 130, 295

как промежуток между двумя мыслями, 75

как сознавание «Я есмь», 310

как чистое Бытие, чистое Сознание, чистое Блаженство, 126, 292, 294, 301

как чистый Дух, чистый Разум, 335

как «Я», 37

Любовь Его, проявленная в Шри Бхагаване, 233

Любовь к Нему, 239

Милость Его, 45, 315

непосредственно переживается как «Я — Я», 325

неуклонное удержание Его, 297

ничто не отделено от Него, 91
определение Его, 130
отдача эго Ему, 220
погружение в Него, 37, 41, 42, 73, 120, 121, 131, 204
поиск Его, 71, 127, 204, 229, 233 — 234, 291, 296, 297, 300
практика переживания Его, 234, 328
пребывание в Нем, 45, 230, 246
природа Его, 292, 326
процесс поглощения Им, 120
расположение Его внутри видимого тела, 325
реализация Его, см. Само-реализация
сознавание Его, 44
Тождество с Ним, 45, 48, 70, 120, 126, 162, 293
Атмасварупа, 130
аштавадхана, 142
аюрведа, 92, 220, 268

Б

бахир-мукха-дришти, 294
Безмолвие, см. Молчание; см. также мауна
Бог, 98, 125 — 126, 130, 141, 143, 144, 151 — 152, 154, 156, 181, 201, 281, 312, 315, 319 см.
также Ишвара; см. также Атман как Бог
бесконечен, 154 — 155
Воля Его, 122, 126, 132
как Гуру, 212, 298
как Гуру и Атман, 207
личный, 123, 124
не имеет намерения и цели, 132 — 133
не ограничен какими-либо действиями, 132, 133
не отличается от переживания Самопознания, 325
несет все ноши, 298
Присутствие Его, служение Ему, Любовь к Нему, 347 — 348
проявленный как Мать, 122 см. также Матрубхутешвара
реальность личного аспекта Его, 124
Свет Его, 155-156
Сила Его, 298
формы Его, 181 — 182, 296
бодрствование, сон и глубокий сон, 126 — 127, 292, 295, 299, 301, 335, 337
Брахма, 79
Брахман, 44, 90, 91, 125, 299, 316, 325, 357
Брахманирвана, 365
буддхи, 316, 317
буддхи-йога, 315
бхакта, 255
бхакти, 131, 229, 230, 253, 308, 313, 346, 347, 348
бхакти-марга, 347
бхеда, 248
бхикша, 198

Бытие, 153, 217, 310, 345, 357

Блаженство Его, 56, 68, 72

Бога, 300

Всеобщее, 124

истинное, 294, 295

Реальность Его, 133

В

Вайкунтха, 339

вайрагья, 132, 133 — 134, 167 — 168, 297 — 298

васаны 131, 176, 297 — 298, 301

вегетарианство, 118, 296

Веданта, 325

виджняна, 44

вичара, 132, 134, 219, 220, 223, 230, 233 — 234 *см. также* само-исследование; *см. также*

Атма-вичара; *см. также* «Кто я?»

доступность ее, 230, 231 — 232, 233 — 234

есть кратчайший путь к *вайрагье*, 134

как высшая ступень духовной практики, 231 — 232

как Путь Знания, 216 *см. также* *вичара-марга*; *см. также* *джняна-марга*

проведение ее в повседневной деятельности, 225 — 226

вичара-марга, 231

вишайя-васаны, 297

Вишну, 78 — 80, 256

Высшая Сила, 227, 325

Г

гири-прадакшина, 184 *см. также* *прадакшина*

Гита, 158, 159, 307, 308, 313 *см. также* *Бхагавад-Гита* (на с. 404)

гуны, 310

Гуру, 40, 61, 98, 136, 140, 141, 147, 209, 210, 234, 357, 358 внешний, его роль, 198

живущий, 215

изначальный, 259 *см. также* Дакшинамурти

истинный, 207 — 208 *см. также* *Садгуру*

как Бог и Атман, 207 — 208, 212, 298

как эквивалент для *джняни*, 209

Милость его, 126, 140, 141, 143, 206, 210, 211, 217, 230, 232, 233, 280, 292, 293, 298

необходимость его, 209 — 211

не обязательно имеет человеческую форму, 212

отношение ученика к нему, 209 — 210, 250

очень редок и труднонаходим, 234

подчинение ему, 216 — 217

сначала необходимо найти внешнего, потом — внутреннего, 212

Д

Дакшинамурти, 75, 76, 80, 83, 121, 158, 159, 213, 216, 259, 357

даршан, 137 — 138, 158, 159, 174, 184, 186, 187, 199, 266, 267, 268, 272

Джада-Бхарата, мудрец, 162

Джанака, царь, 225

джана, 89, 102, 143

джива, 293, 299
джняна, 146, 308, 315, 316, 336 *см. также* Знание
есть Бог, 138
есть знание Абсолюта, 340
есть Самопознание, 336
и вайрагья — одно и то же, 297 — 298
и бхакти — одно и то же, 230
как Путь, 229 — 230, 346 *см. также* джняна-марга
не различается в зависимости от пола, 121
определение ее, 230
джняна-марга, 216, 229, 236, 238, 346
джняни, 170, 196, 248, 255, 259, 318
безразличен к своему телу, 269
«дает уже сотканную одежду», 218
Един с Абсолютом, но имеет свои черты характера, свои человеческие особенности, 208
есть Бог Сам, 144
испытывает боль, но не так остро, 265
не видит разницы между собой и другими, 209
не имеет даже следа эго, 280
не имеет изменения, времени, ухода, только вечное «Теперь» и всеобщее «Здесь», 280
не имеет связей и никого не называет своим учеником, 196, 232
не может солгать или сделать что-либо неправильное, 231
тело его не должно увечиться, 264
дикша, 102, 176, 206
дхарма, 104, 106
дхоти, 29, 55, 188
дхьяна, 300 *см. также* медитация
дэвы, 78

З

Знание 121, 126, 146, 161, 233, 254, 255, 314 *см. также* джняна Путь его, 338 *см. также* джняна-марга

И

индуизм, 123, 154, 190

Истина

высочайшая, 124

окончательная, 124

Ишвара, 43, 44, 54

Й

йога, 318, 346, 348

йога-марга, 347

К

кайвалья, 338

Кали-юга, 178

кама, 313

карма, 108, 162, 169, 227, 236, 256, 262 — 264, 270, 300, 313, 317, 320, 340, 346

карма-йогин, 255

карма-марга, 229, 348

концентрация, 127

кродха, 313

Кришна (Шри), 52, 72, 148, 153, 158, 307-310, 319

«Кто я?», 41, 124, 130, 134, 217, 219, 220, 222, 223, 234, 259, 291, 293, 294, 300, 338, 339 *см.*

также само-исследование

кумбхабхишекам, 205, 364 — 365

кшетра, 309, 312

кшетраджня, 309, 310

Л

лингам, 79, 88, 119, 122, 276, 278

лобха, 313

Любовь, 233, 309

М

майя, 125, 272, 319

манас, 316

мантапам, 75, 80, 92

мантрадхьяна, 145

мантры, 89, 142, 231, 234, 256, 296, 357

марга, 255

Матрубхутешвара, 122, 364

матх, 61, 65, 82

мауна, 130, 245, 294

мауна дикша, 92, 213

мауни, 72, 73, 208

махасамадхи, 120, 262, 278, 280, 281, 364

махатма, 147, 319

медитация, 46, 71, 115, 119, 153, 220, 222 — 223, 277, 278, 281, 296, 297, 338

Милость, 138, 196, 198, 211, 281, 309, 340 *см. также* Гуру Милость, Аруначалы Милость,

Агмана Милость, Шри Бхагавана Милость

Мир, 59, 70, 71, 84, 196, 198

мокша, 118, 231, 270, 272

Молчание, 128, 214 *см. также* мауна

Мохини, 256

муни, 66, 67, 317

мукти, 121, 176, 225

мысли, 130, 132

подавление их, 132, 133, 294

посторонние, 294

Н

непротивление злу насилием

«Гуру», 101, 102

зависть пожилого *садху* на Горе, 99, 100

история с Баланандой, 99 — 101

ограбление нынешнего Ашрама, 102 — 106

случай с ворами стручков тамаринда, 99

нереальность мира

смысл, 125

нираса, 297

нирвана, 40

«нирвана-рум», 278, 365

нирвикальпа самадхи, 73, 101, 133

нишкамья карма, 226, 227

О

Общество человеческое

цель высочайшая его, 330

ОМ, 48, 79 — 80

ортодоксальность, 118

Освобождение, 40, 92, 118, 120, 121, 162, 209, 225, 317, 339, 340 *см. также мокша; см.*

также мукти

отречение от мира, 110 — 117, 140, 225

П

пандит, 49, 192

парайяна, 73, 278 *см. также пение Вед*

Параматман, 80

Парамахамса, 355

пение Вед, 16, 73, 119, 188, 214, 257

пища

саттвическая, 118, 296

не-саттвическая, 118, 296 — 297

поппадум, 257

прадакшина, 76, 93, 186, 255, 277 *см., также гири-прадакшина*

прана, 130, 131

пранаяма, 41, 295

прарабдха карма, 69, 117, 153, 162, 284

прасад, 62, 190

преданность, *см. бхакти; см. также отдача*

прогресс, духовное продвижение, 152 — 153, 244, 284, 313, 319

пуджа, 30, 51, 54, 58, 60, 61, 68, 104, 105, 204, 276, 277, 278

Р

Рама, 119, 225

Реализация, *см. Само-реализация*

Реальность, 56, 91, 123, 130, 210, 259, 309, 340

риши, 43, 124, 142, 143, 256

С

Садгуру, 12, 80, 160, 207, 234

садхак, 40, 49, 206, 210, 307, 314, 317, 338 — 340

садхана, 40, 41, 44, 73, 90, 114, 125, 134, 187, 215, 217, 219, 222, 225, 227, 229, 230 — 232, 234, 246, 253, 257, 277, 308

садху, 46, 50, 56, 58, 60, 61, 90, 99, 100, 102, 105, 112, 134, 178, 192, 225, 239, 270

самадхи, 46, 50, 51, 58, 59, 68, 126, 176, 220, 274, 296, 360

саматвам, 168

само-исследование, 79, 131, 132, 216, 219, 235, 295, 296, 297, 315, 328 — 329 *см. также вичара; см. также «Кто я?»*

как техника жизни, 225 — 226

когда его проводить, 132, 225, 296, 297

необходимость его, 40, 131 — 132

определение его, 300, 328, 338

практика его, 39, 115, 132, 152 — 153, 219 — 220, 222 — 224, 225 — 226, 294, 337 — 339

превосходит другие методы, 40, 131, 219, 231 — 232, 291, 295, 329

пригодность к нему, 231, 328

результат его, 223, 328

цель его, 219 — 220

Самопознание, 79, 325, 336 *см. также* Само-реализация

Само-реализация, 32, 36, 44, 56, 59, 86, 131, 146, 155, 206, 211, 223, 230, 254, 284, 300, 336,

338, 345, 346, 348, 362

самсара, 44, 190, 204, 327, 335, 336, 347

санкальпы, 146

санньясин, 32, 112, 114, 173

санчита карма, 162

сарвадхикари, 178

Сат, 217, 254, 255, 348

сат-санг, 217, 218, 219, 317

Сат-Чит-Ананда, 130, 292, 301, 340

сахаджа самадхи, 36, 73

сахасрара, 326

Свами, 49, 57 — 64, 65 — 68, 72, 85, 99 — 100, 105, 107 — 108, 128, 130, 136 — 138, 142,

143, 203, 216, 226, 239, 240, 252

сварадж, 227

Сердце, 80, 126, 220, 234, 245, 293, 325, 326-328, 345, 347

как Бог, 346

как *Брахман*, 234, 325

как источник «я»-мысли, 293, 326

как местопребывание Господа, 319

как центр всего, 326 — 327

концентрация на Нем, 219 — 220, 232

локализация Его, 220, 221 — 222, 326 — 327

определение Его, 326 — 327

переживание Его, 221

погружение в Него, 326

пребывание в Нем, 327, 337, 340

Сердечный центр, 220 — 222, 234

концентрация на нем, 222

Сиддхи, 78, 145

сиддхи, 203, 224

смирение, 301, 314

смрити, 298

Сознавание, 264, 292, 298, 308 — 312, 315, 318, 319

сознавание, 35, 36, 41, 308, 310, 312, 326

Сознание, 74, 80, 130, 294, 308, 335, 349

сомнение,

разрешение его, 131 — 132

стхитапраджня, 319

Субраманья, 144, 357

судьба и свободная воля, 69 — 71

сушумна, 326

Счастье, 161, 298 — 299

Т

тапас, 55, 58, 61, 72, 102, 142, 143, 146, 173

таттвы, 301

Теософское общество, 157, 158

Тишина, 130, 148, 223, 276, 277, 294 *см. также мауна*

ТО, 130, 138, 143, 152 — 153, 156, 203, 221, 293, 311, 312, 315, 337

У

ум,

исчезновение его, 131

как причина мира, 394

природа его, 38, 39, 131, 292, 293

психические силы его, 152, 238, 295, 328 *см. также сиддхи*

саттвические качества его, 297

сдерживание его, 131 — 134, 294, 300, 347

синонимы его, 293

творит иллюзию индивидуальности, 126

уничтожение его, 219

успокоение его, 295, 296, 300, 338, 348

усилие, *см. также садхана*

уничтожить мысли, 127, 132

упадеша, 60, 89, 102, 136 — 137, 139, 143, 206, 207, 208, 212, 215, 216, 234, 245, 249, 256, 363

Х

Хридаям, 220, 293, 326 *см. также Сердце*

Ч

чакра, 220

чела, 149, 153

Чит, 255, 348

чит-джада-грантхи, 335

чувство «я», 39, 222

Ш

шакти, 75, 89, 122, 142

Шамбху, 262

шахада, 235

Шива, 29, 43, 58, 75, 78, 79, 80, 119, 255, 256, 262, 275, 345, 357

Шивасварупа, 130

шраддха, 308, 315

шрути, 37

шуддха манас, 44

Э

эго, 38, 41, 42, 45, 70, 74, 116, 124, 125, 130, 131, 208, 219, 220, 223, 225, 236, 258, 294, 335

джняни, 74, 209, 280

иллюзия его, 121
как «я»-мысль, 336
погружение его в Атман, 120, 328
поиск источника его, 337, 338, 346, 347
пять оболочек его, 300
разница между ним, «Я» и Я, 38 — 40
связь его с Атманом, 336
современного человека, 313
угасание его, 125, 301, 328, 337, 339
уничтожение его, 339, 345
функция его, 218, 335, 336
экстаз, 127, 225

Я

Я, 37 — 39, 40 — 41, 70, 91, 112, 115, 125, 126, 131, 132, 157, 182, 201, 207, 228, 259, 308
Единое, 124, 248, 259
есть Имя Бога, 201
как источник личного «я», 39
определение Его, 130, 292
осознание Его, см. Само-реализация
повторение Его как Имени Бога, 293
пребывание в Нем, 115
«Я», 37-39, 72, 157, 335
«Я емь», сознание, 74, 310, 311, 318
переживание его, 126
«Я емь ТО», медитация, 223, 338
«Я-есть-делатель», иллюзия, 116, 141, 226
«Я-есть-тело», иллюзия, 121
«Я не делатель», чувство, 131
«Я не тело», идея, 43
«Я — Он», медитация, 223
«Я — Шива», медитация, 223
«Я — Я», переживание Атмана, 325, 339
«Я, Я», см. «Я — Я»
«я», личное, 220, 308, 335 см. также ум; см. также эго; см. также «я»-мысль
«я»-мысль, 39, 130, 145, 223, 293
как эго, 295

первая и главная мысль, 293 — 295, 326, 328
разрушение ее, 130 — 131, 294

Произведения Шри Бхагавана

Атма Бодха (Познание Атмана), перевод, 260, 364
Божественная Песнь (Гита Сára), 261, 307, 308
Вивекачудáмани (Бриллиант в короне Различения), вольный перевод, 259, 363
Восемь строф Аруначале, гимн, 34, 76, 251, 252, 254, 282, 364
Гимн Дакшинамурти, перевод, 364
Гирлянда 108 супружеских посланий Шри Аруначале, гимн, 255, 364
Гуру *стúти*, гимн, перевод, 364
Дополнение к сорока стихам, 217, 236, 257

Дрик Дри́шья Вивéка (Различение между Атманом и умом), перевод, 363

Духовное наставление, 71, 141, 207, 231

Дэвикало́ттара, перевод, 224 — 225, 364

Кто я?, 14, 48, 123, 128, 134, 214, 253, 291, 363

Одиннадцать строф Аруначале, гимн, 251, 254, 364

Песнь о *поппа́думе*, 257 — 258, 363

Пять драгоценностей Аруначалы (*Аруна́чала Па́нча Ра́тна*), 16, 345, 363, 364

Пять стихов об Атмане (*Эка́тта Па́нчакам*), 258 — 259, 364

Само-исследование, 123, 253, 363

Сорок стихов о Реальности (*Улладу На́рнаду*), 16, 125, 224, 251, 257, 325, 335, 364

Упаде́ша Са́рам (Суть Наставления, наставление в 30 стихах), 201, 256 — 257,

Хастамалака стотра, перевод, 364

Произведения о Шри Бхагаване

и его наставлениях

Будь тем, кто ты есть!, 13, 16, 259, 328

Евангелие Махарши (Maharshi's Gospel), 14, 40 — 41, 70, 73, 74, 114, 125, 219, 220, 223, 230,

240

Шри Ра́мана Ги́та (Песнь Шри Раманы), 15, 16, 146, 231, 321, 325, 355, 364

Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе, 13, 14, 41, 219, 230, 261, 310

A Search in Secret India (Поиски в скрытой Индии) 38, 238, 282

Bhagavan Sri Ramana. A Pictorial Biography (Бхагаван Шри Рамана. Иллюстрированная биография), 362

Day by Day with Bhagavan (День за днем с Бхагаваном), 33, 114

Letters from Sri Ramanasramam (Письма из Шри Раманашрама), 258

MAHARSHI RAMANA His Relevance Today (МАХАРИШИ РАМАНА. Его Роль сегодня), 359

Ramana Maharshi (Рамана Махарши), 15

Self-Realization (Само-реализация), 13, 160

Talks with Sri Ramana Maharshi (Беседы с Шри Раманой Махарши), 165, 296

Другие Писания, произведения и книги

Аруна́чала Стха́ла Пура́на, 78

Бхагавад-Гита, 15, 72, 159, 162, 229, 307 — 308, 310, 364

Веданта шастра, 143

Веды, 16, 73, 119, 188, 201, 214, 257

Деварам, 44

Духовные упражнения, 359

Евангелие от Луки, 69, 229, 235

Евангелие от Матфея, 117

Екклезиаст, 220

Индийская философия, 27

Йога-сутры, 347

Махабха́рата, 142

Мифы древней Индии, 262

Пе́рия Пура́нам, 35, 36, 44, 64

Поучения Шри Рамакришны, 360

Пураны, 44, 61, 78, 92, 142, 162

Рама́яна, 142

Рибху Гита, 144, 123

Скánда Пурáна, 78

Собрание работ Махатмы Ганди, 15

Упанишады, 12, 211, 357

Шри Бхагавáтам, 264

Энеиды, 28

Древние святые и Мудрецы

Агáстья, 102, 358

Будда, 4, 12, 125, 310

Васиштха, 229

Гаутама Риши, 79

Датгáтрея, 211

Лао Цзы, 83

Мангáй Пиллайяр, 59

Моисей, 201

Парашáра, 355

Патáнджали, 347

Плóтин, 28

Рамакришна, Шри, 215, 216, 224, 360

Сундарамурти Свами, 29

Таюманавáр, 44, 96

Шáнкара, см. Шанкарачарья

Шанкарачáрья, 12, 124, 125, 162, 259, 260, 262, 364

Преданные и посетители

А

Айясáми, 252

Анандамáйя Ма, 284

Áнанта Нарáйяна, Рао, 246

Аннамаláй Тамбирáн, 60 — 61, 63, 65

Ачáрья Д. Д., 283

Б

Бозе, А., 210, 254

Брáнтон, Поль, 38, 39, 126, 238, 243, 282

вопрос о будущем мира, 228

впечатление о первой встрече с Шри Бхагаваном,

о воздействии его Безмолвия, 84

В

Васудэва Шáстри, 94, 95, 363

Венкатарáма Айяр, 63, 64

Венкатарамиах, 165, 166, 211, 239, 243

Венкатрáман В., 212, 215 — 216

Вишванатхан, 238, 239

Г

Гамбирáм Сешайяр, 253, 260, 363

Ганáпати Мúни, см. Кавьякантха Ганапати Муни

Ганáпати Шáстри, см. Кавьякáнтха Ганáпати Муни

Грант Дуфф, 165

Гринблатт, Джóэн, 362

Гринблатт, Мэтью, 362

Д

Джамналáл Баджаджи, 226

Джáнаки Áмма, 262

К

Кавьякáнтха Ганáпати Мýни, 16, 129, 141 — 148, 159, 253 — 254, 351, 355, 357, 363, 364

Картье Брессóн, А., 273

Коган С. С., 125, 210, 211, 237, 238, 257, 265, 331

Кришна Дживраджáни, 230

Кришнасвами, Т. Н., 244, 269, 281

Кунжусвáми, 103, 105, 106

Л

Лáкшмана Шáрма, 166

М

Мастáн, 103

Мудальяр, Дэварáджа, 33, 114, 176, 217, 242, 243, 248, 263

Мудальяр, Натéша, 129, 136, 141, 206, 214

Мунисáми, 104, 106

Муруганар, 237, 239, 240, 251, 253, 256

Н

Нагáмма, Сури, 243, 244

Нагасундáрам, младший брат Шри Раманы, 32, 107 — 108 см. также Ниранджнянанáнда

Свами

Нарáйяна Редди, 252, 253

Нарасимхáйя, 147, 148, 150

Нарасимхасвáми, 13, 160, 224

Нáлла Пиллáй, 82

Ниранджнянанáнда Свами, 110, 122, 178, 276, 277

О

Óсборн, Адам, 241, 242

Осборн, Артур, 13, 14, 341

Осборн, Китти, 242, 266 — 267

Осборн, Фрaня, 242

П

Паланисвáми, 61 — 64, 66, 94, 100, 120, 143, 166, 169, 252, 255, 260

Пачайáппа Пиллáй, 68

Перумалсвáми, 102

Пиггóт, миссис, 211

Р

Рагхавачариáр, 157 — 158

Раманáтх Дикшитáр, 174

Рамакришнасвáми, 104, 105

Рамасвáми Айяр, 239

Рамасвами Пиллай, 237, 240

Рамачáндриах Т. П., 242

Ранга Айяр, 47, 218, 240

Рудра Радж Панде, 87

его переживание, 88

С

Сваминатхан К., 261

Субрамáнья Айяр Д. В., 138, 139

Субраманья Мудáли, 90

Сундарéш Айяр, 183, 184, 218, 219, 239

Т

Тальяркхán, миссис, 238, 270, 281, 284

Тангавéла Пиллай, 104, 105

У

Уддáнди Найяна́р, 59 — 61

Ф

Фридман, Ма́урис, 241, 243

Х

Хартц Л., 214

Хафиз Саид, 238, 242

Хоуве, мисс, 282, 283

Хэмфри, Фрэнк, 83, 129, 146-151, 157, 363

Ч

Ча́двик, Мэ́йджер, 180, 209, 210, 213, 237, 238, 245

Чиннасвами, см. Ниранджнянананда Свами

Ш

Шастри Д. С., 244

Шивапрака́шам Пилла́й, 14, 70, 126, 128, 129, 133 — 136, 206, 214, 224, 253, 280, 363

Э

Эчамма, 84 — 87, 90, 108, 129, 206, 217

Другие люди

Аввайяр, 258

Арджу́на, 72, 158, 308, 309, 314, 316, 320

Арунагири, Сиддхи, 92, 94

Ауробиндо, Шри, 211

Баланáнда, 100, 101

Брут, 70

Венкатарáма На́йкер, 64, 66

Венкатача́ла Мудáли, 66

Вивеканáнда, 136, 224

Ганди, Махатма, 15, 241, 307, 308, 313

Дилип Кумáр Рой, 211

Йоганáнда, Свами, 206

Кришнаму́рти, Джидду, 241

Ма́уни Свами, 58

Мутхукришнан Бхагаватга́р, 52

Нараянасва́ми, 91

Падманáбха Сва́ми, 92

Перияппа Сешайяр, 33
Радхакришнан С., 27
Рамдас, Свами, 241
Сешадри Свами, 56 — 57, 88 — 91, 110 — 112, 138
Цезарь, 70
Шриниваса Айяр, 61
Юнг, Карл, 16, 351, 359

Сравнения и притчи

анализ мусора и философствование, 300 — 301
актер на сцене, 115
беременная королева, 76
вор, переодевающийся полицейским, 219, 230
враги в крепости и отвлекающие мысли, 297 — 298
жертва тигра и заслуживший Милость Гуру, 298
змея и веревка, 130, 133, 292
ловец жемчуга и духовно устремленный, 297
луна на небосводе в полдень, 127
мать, кормящая ребенка ночью, и *сам-санг*, 218
ныряльщик и практик *вичары*, 337
океан и Милость Гуру, 233
остов сгоревшей веревки, 74
отлив серебра в перламутре и тройственность мира, души и Бога, 294
палка для перемешивания погребального костра, 130, 293
пассажир в поезде, 226
паук и ум, 292
поднятие ведра из колодца, 73
река, впадающая в океан, 74, 347
солнце и Бог, 132 — 133, 299
солнце и Милость, 211
тело и лист банана, 287
хобот слона и ум, 296
Эфир и Бог, 133, 299 — 300

ШРИ РАМАНА МАХАРШИ: Жизнь и Путь

Составитель-переводчик Олег Маркович Могилевер

Редактор М. А. Кузьменко

Художественный редактор В. Д. Кашин

Технический редактор М. Г. Столярова

Корректоры Н. П. Дралова,

И. М. Пьянкова, Н. В. Викторова

Выпускающий О. Я. Карманова

В издании сохраняется пунктуация переводчика

Лицензия ЛР № 030213 от 21.11.91

ИЗДАНИЯ ШРИ РАМАНАШРАМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вышли из печати

ШРИ РАМАНА МАХАРШИ: ВЕСТЬ ИСТИНЫ

И ПРЯМОЙ ПУТЬ К СЕБЕ

Ленинград, 1991

Краткое содержание:

Часть первая: Весть Истины

Евангелие Махарши (книги 1 — 2)

Часть вторая: Прямой Путь к Себе

Кто я? ("вопросно-ответная" версия)

Божественная Песнь

Приложение 1. Жизнь Учителя и суть Его Наставлений (Дэвараджа Мудальяр).

Приложение 2. Поиск Источника эго — Прямой Путь к Себе (веночек сонетов неизвестного искателя).

БУДЬ ТЕМ, КТО ТЫ ЕСТЬ! Наставления Шри Раманы Махарши

Санкт-Петербург, 1994

Эта книга переведена (с английского оригинала) на основные европейские языки и приобрела мировую известность как ценное пособие для искателей Истины. Русское издание подготовлено с участием составителя английского оригинала — Дэвида Годмана.

В книге с позиций прямого видения Истины изложены:

1. Глобальные вопросы Бытия (природа Реальности и неведения).
2. Теория и практика само-исследования "Кто я?".
3. Понятие и роль духовного Учителя, Гуру.

4. Связь само-исследования с йогой; жизнь в миру (*садхана* и работа).
 5. Проблемы и переживания духовного практика.
 6. Традиционные "теоретические" проблемы (теории творения и реальность мира; перевоплощение; природа Бога; страдание и этика; *карма*, судьба и свободная воля).
- Желающие приобрести эти книги могут обращаться по адресу:*

Россия, Санкт-Петербург, 194291, а/я 63, Могилеву О. М.

ИЗДАНИЯ ШРИ РАМАНАШРАМА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

**Ближайший план
ШРИ РАМАНА ГИТА**

(литературный перевод с использованием санскритского оригинала)

Кавьякантха Ганапати Муни, замечательный поэт и выдающийся ученик Шри Раманы, в блестящей поэтической форме записал на санскрите содержание бесед, которые он и его собственные ученики вели со Шри Раманой в 1913 — 1917 гг. "Три Пути", "Высочайший долг", "Наука Сердца": "Сдерживание ума", "Само-исследование и пригодность к нему", "Разрубание узла" — эти темы носят стержневой и универсальный для духовной практики характер. Построенная как священное Писание, как *Бхагавад-Гита*, поэма является шедевром духовной литературы.

Ясное и лаконичное объяснение сложнейших вопросов Внутреннего Поиска сделало эту книгу настольной для искателей Истины.

**Перспективный план
СОБРАНИЕ РАБОТ ШРИ РАМАНЫ МАХАРШИ**

(Русское издание)

Краткое содержание:

Оригинальные работы

А. Проза

1. Само-исследование ("связная" версия).

2. Кто я? ("связная" версия).

3. Духовное наставление.

Б. Стихотворения и поэмы

1. Пять гимнов Аруначале.

2. Наставление в тридцати стихах (Суть Наставления).

3. Сорок стихов о Реальности.

4. Дополнение в сорока стихах (к сорока стихам о Реальности).

5. Пять стихов об *Атмане*.

6. Разные стихи.

Обработки и переводы

1. Божественная Песнь
2. Переводы из Писаний (в т. ч. *Дэвикалоттара*).
3. Переводы их Шанкарачарьи (в т. ч. *Вивекачудамани*).
4. Другие произведения.

Предварительные заказы можно высылать по адресу:

Россия, Санкт-Петербург, 194291, а/я 63, Могилеву О. М.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ШРИ РАМАНАШРАМА

THE MOUNTAIN PATH

Горный Путь

Журнал посвящен Бхагавану Шри Рамана Махарши

Цель журнала: объяснять мудрость всех религий и всех веков, передаваемую из поколения в поколение, главным образом так, как она свидетельствуется их святыми и мистиками, и делать ясными Пути, доступные духовным искателям в условиях современного мира.

Периодичность — 2 выпуска в год:

1. *Арадхана* выпуск (№ 1 — 2); приурочен к дню *маха-самадхи* Шри Бхагавана (май — июнь).
2. *Джаянти* выпуск (№ 3 — 4); приурочен к дню рождения Шри Бхагавана (декабрь — январь).

Редактор: Рамамани

Издатель: Шри В. С. Раманан, Президент Шри Раманашама

To Our Subscribers

The subscription rates are for despatch of the journal by surface mail to all parts of the world.

Annual subscription — \$ 15

Life Subscription — \$ 250

If despatch by AIR MAIL is desired the additional annual amount should be remitted — \$ 10

Letters and remittances should be sent to:

The Publisher, "The Mountain Path"

Sri Ramanasramam P. O.

Tiruvannamalai 606603

South India

the INNER DIRECTIONS™ journal PUBLISHED BY THE INNER DIRECTIONS

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ ДЛЯ ИСКАТЕЛЕЙ ИСТИНЫ

The Inner Directions journal

Журнал Внутренних Направлений

В традиции Шри Раманы Махарши журнал делает упор на осознании истинной природы человека посредством прямого исследования и переживания.

Цель журнала: поддержать и усилить Внутренний Путь, отразить то единство, что сияет сквозь разнообразие Учений и основано на переживании Сердца — Точки, из которой поднимается подлинное понимание, превосходящее отделенность и разделение — обусловленности, создаваемые умом.

Журнал Внутренних Направлений предлагает Вам статьи и беседы по следующим вопросам:

- пути к Самопознанию, как учат традиционные и современные Учители;
- йога и Веданта;
- буддийская дхарма;
- мистическое христианство;
- Путь Дао;
- мистицизм Каббалы;
- Суффизм;
- Дзен и Чань;
- медитативное исследование на традиционных и нетрадиционных Путиях.

Каталог Внутренних Направлений содержит наиболее полную коллекцию (более 500 наименований) книг, аудио и видео, представляющих суть подлинно духовных учений. Его темы: традиции Востока и Запада; Святые и Мудрецы; современные Учители; практическая Мудрость для повседневной жизни; женщины и духовность.

Периодичность — 4 выпуска в год (Зима, Весна, Лето, Осень)

Редактор: Мэтью Гринблатт

To Our Subscribers

Subscriptions are \$ 18 in the USA, \$ 21 in Canada, \$ 25 in all other countries.

Letters and remittances should be sent to:

The Inner Directions Journal, PO

Box 231486, Encinitas, CA 92023, USA

Phone: (619)471-5116 Fax: (619) 471-0337

РЕСТАВРИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

БХАГАВАНА ШРИ РАМАНЫ МАХАРШИ

С 1900 по 1950 год были сделаны сотни фотографий Шри Раманы Махарши. В последнее время стал очевиден большой ущерб, нанесенный временем негативам-оригиналам и ранним отпечаткам. Стало ясно, что эти изображения должны быть немедленно восстановлены и сохранены для будущих поколений духовных искателей, которые, несомненно, получают Утешение, Руководство и Милость из Жизни и Наставлений этого всемирно известного Мудреца двадцатого столетия.

Отвечая на эту острую потребность, Грейам Бойд из Скарборо, Англия, полностью посвятил себя реставрации и сохранению архивных фотографий Шри Раманы Махарши. Он затратил тысячи часов труда и десятки тысяч долларов на приобретение наилучших из необходимых компьютерных технологий решения этой задачи. Полученные из Шри Раманашрама архивные фотоизображения Шри Раманы Махарши он отреставрировал и записал на высококачественные компактные диски с гарантией от повреждений на 250 лет.

После внимательного изучения и консультаций с авторитетами Шри Раманашрама Грейам Бойд тщательно раскрасил несколько восстановленных фотографий, используя лучшие из доступных ему технологий.

Для почитателей и поклонников Шри Раманы Махарши сейчас подготовлен специальный выпуск из пяти снимков формата 22×28 (три цветных и два черно-белых).

Мы предлагаем эти изображения по цене \$ 8 за снимок (за доставку авиапочтой необходимо добавить еще \$ 5). Но мы настоятельно рекомендуем купить полный комплект из пяти снимков только за \$ 35. При этом в Вашу покупку будет включено дополнительно еще одно цветное фото бесплатно (поясной портрет) формата 13×18.

Sends orders to:

Arunachala Ashrama

Bhagavan Sri Ramana Maharshi Center

72-63 Yellowstone Blvd.

Forest Hills, New York 11375

Tel: (718) 575-3215

Подписано в печать с оригинала-макета 12.10.95.

Гарнитура „Таймс”. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Отпечатано с оригинал-макета. Формат 60×90¹/₁₆. Объем 26 п. л. Заказ 1039. ГППП-3. 191104, С.-Петербург, Литейный пр., 55

* См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Л., 1991, с. 39 — 115.

* См. *Sri Maharshi's Words of Grace*, Tiruvannamalai, 1978, pp. 1 — 12.

** См. К. Swaminathan *Ramana Maharshi*, New Delhi, 1975 (серия — «Национальная биография»). Профессор К. Сваминатхан широко известен в Индии не только своими переводами оригинальных работ Шри Бхагавана на английский, но и как главный редактор 90-томного «Собрания работ Махатмы Ганди».

* Об истории его создания см. с. 254.

** См. *The Collected Works of Ramana Maharshi*, Tiruvannamalai, 1979, pp. 103 — 106.

* Также и выдающегося философа, автора уже классического труда «Индийская философия», М., 1956, переизданного в 1993 году.

** Таинствах.

*** Плотин Энеиды (I, VI, 6).

* Здесь и далее речь идет о датах по западноевропейскому христианскому календарю.

1 Этот дом сейчас приобретен Шри Раманашрамом. Он открыт как место паломничества для преданных, где ежедневно совершается *пуджа* (ритуальное поклонение).

* Традиционные атрибуты отрешенного от мира.

1 Этот дом, в котором Шри Бхагаван достиг Реализации, сейчас приобретен Ашрамом и там установлен его портрет. Дом сохраняется как место паломничества преданных.

* *Day by Day with Bhagavan*, Tiruvannamalai, 1989.

** Холл (для медитаций, «старый») — небольшое (2,2 м × 4,6 м) помещение Шри Раманашрама, в котором и ныне медитируют паломники и ученики, ощущая живое Присутствие Учителя.

* Аруначала (санскр.) — букв.: «гора Света», существительное мужского рода.

* Пробуждения духовности, вызванного чтением *Перия пуранам*.

1 Монотонность, присутствующая в индийских музыкальных произведениях подобно нити, на которую нанизаны бусы, представляет Атман, пребывающий во всех формах бытия.

1 Эта и другие цитаты из бесед Шри Бхагавана с Полем Брантоном, приведенные в этой

книге, основаны на его работе «Поиски в скрытой Индии», опубликованной лондонским издательством Rider & Co., и воспроизведены Шри Раманашрамом с разрешения последнего.

* См.: Могилевер О. М. Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Л., 1991, с. 80.

1 Большой храм в Мадуре.

* Величайший тамильский религиозный поэт II тысячелетия новой эры. Годы его жизни точно не установлены: 1704 — 1742 или 1608 — 1664 (1659).

** *Деварам*, то есть «Гирлянда Богу» — общее название священных песен трех выдающихся тамильских поэтов-святых VII в. н. э., почитателей Шивы: Аппара, Сундарамурти, Самбандара.

1 *Ишвара*, Высочайшее Бытие, соответствует западным концепциям личного Бога.

2 *Брахман* — это Безличная Реальность, лежащая в основе личного Бога, вселенной и человека.

3 *Самсара* — непрерывная цепь рождений и смертей, конец которой кладет только Освобождение при прямом переживании Атмана, Само-реализации.

1 Слово «медитация» может ввести в заблуждение, так как обычно подразумевает мысль и размышление. Замечание об его использовании Шри Бхагаваном уже сделано выше. Здесь следует добавить, что Махарши применял этот термин для *самадхи* — санскритского термина, не имеющего точного эквивалента в английском языке, но который означает свободное от мыслей созерцание, или погружение в Дух. Он также обозначал им усилие для достижения *самадхи* само-исследованием, которое есть не столько мысль, сколько **выключение** мысли.

* То есть «я сам».

1 Мусульманский *пандит*, или богослов.

1 *Ишвара*, проявленный как Аруначала.

1 Ортодоксальные индуисты, строго соблюдающие кастовое деление, носят на затылке маленький пучок волос. Его удаление и бритье головы являются знаком отречения.

2 Одежда белого цвета, в которую обертывают тело от талии вниз.

* Здесь — один из небольших храмов на территории Великого Храма Аруначалешвары.

** Бог, которого очень любят на тамильской земле; одно из имен младшего сына Шивы.

1 Патала Лингам был отремонтирован как святыня, статус которой он приобрел в качестве места *тапаса* Шри Бхагавана. Сейчас он хорошо сохранился, освещается электричеством, в нем установлен портрет Шри Бхагавана.

*** В 1991 году почти весь огромный Тысячестолонный Зал был перекрыт для посетителей, тогда как в Патала Лингаме брахман выполняет *пуджу* Бхагавану по заказу всех желающих.

* Один из местных святых.

* Последний слог «zhi» в английском написании «Tiruchuzhi» произносится на тамили очень сложно. Поэтому его часто упрощают до «li» («ли»).

* См. сноску на с. 44.

* Евангелие от Луки (2 : 49).

1 «Восемь строф Шри Аруначале», вторая строфа. См. также первую строфу на с. 35 и третью строфу на с. 282.

* «Местная» *пурана*, или сказание, об Аруначале — ее происхождении и святости.

** Одно из сказаний об Аруначале.

1 Из письма, написанного Ф. Х. Хэмфри своей подруге в Лондон и опубликованного ею в *The International Psychic Gazette*, London.

* Святая Святых (лат.).

1 См.: *Golden Jubilee Souvenir*, 2nd edition, p. 166.

* То есть принадлежащая к дну общества. О кастах см. слово «брахманы» в глоссарии.

** На тамили это буквально означает: «Храм зеленой Матери», то есть богини Парвати, супруги Шивы.

* Одно из мест паломничества.

* До своей смерти в 1992 году Шри Кунжусвами был старейшим членом Шри Раманашрама, его «живой памятью». Он пришел к Бхагавану еще в 1919 году.

* Правоверности; строгое выполнение всех требований к последователю той или иной религии, зафиксированных в ее священных текстах.

* Под медитацией здесь понимается духовная практика само-исследования, связанная с усилием, относящимся к определенному месту и времени. См. также авторское примечание на с. 46.

* Евангелие от Матфея (12 : 46 — 50).

* День рождения Хусейна Бахаулы — основоположника религии Бахай.

* В переживании Просветления. См. с. 37.

1 «Сорок стихов о Реальности», стих 2.

* Евангелие Махарши. См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Л., 1991, с. 84.

* В 1923 году. Об истории создания различных версий «Кто я?» см. с. 14.

* См. с. 291 — 302 настоящего издания.

* Когда в 1948 году Шри Бхагаван получил телеграмму о кончине Шивапракашама Пиллая, он заметил: «Шивапракашам *шава-пракашаманар*», то есть «Шивапракашам стал светом Шивы». Это означает, что искренний и всем сердцем преданный ученик достиг Цели, которую он так настоятельно искал. См.: Sri Sadhu Om *The Path of Sri Ramana*, part one, Tiruvannamalai, 1990, p. 148.

1 Причина этого дана в главе 12.

* Просодика — часть учения о стихе, касающаяся соотношения слогов (по ударности, долготе или высоте).

** *Рамаяна* — индийский эпос, посвященный Шри Раме, воплощению Вишну.

*** *Махабхарата* — гигантский индийский эпос, относящийся к первой половине I тысячелетия до н. э.

* Тем не менее это блестящее поэтическое произведение, шедевр духовной литературы. Отрывки из *Шри Рамана Гиты* см. на с. 325 — 330 и 355 — 358. Полное русское издание поэмы будет включать факсимиле почерка самого Шри Бхагавана.

* Невмешательства (франц.).

1 Приобретение или отсутствие оккультных сил зависит от *праабдхи*, судьбы человека. Они не являются знаками духовного продвижения, а их отсутствие не говорит о недостатке прогресса.

* *Бхагавад-Гита* (II : 47). См. в особенности: Философские тексты «Махабхараты», вып. 1, кн. 1, *Бхагавадгита*. Ашхабад, 1977. Семенцов В. С. *Бхагавадгита* в традиции и современной научной критике, М., 1985.

1 Эпитет Шивы.

2 Здесь подразумеваются «сердца».

* Ступеньки были специально вырублены для него. См. с. 240.

* *Talks with Sri Ramana Maharshi*, Tiruvannamalai, 1989. «Беседы со Шри Раманой Махарши», т. 1 — 3, охватывают 1935 — 1939 гг.

* Сейчас обезьяны снова живут в Ашраме, пользуясь относительно большой свободой.

* В Ашраме традиционно используются «тарелки» из пальмового листа или листьев банана.

1 «У меня есть четыре таких знака благосклонности от вождей обезьян», — сказал Шри Бхагаван однажды, указывая на свою ногу.

* «В субботу, пятого Ани, в год Сарвадхари, на двенадцатый день ущербной луны, находящейся в созвездии Вишакша, корова Лакшми достигла мукти».

* Одноэтажные летние дома с верандой.

1 Формы «ашрам» и «ашрамам» обе правильны, но первая отвечает санскриту, а вторая — тамильскому языку.

* Великий князь.

* Алан Чадвик был в миру военнослужащим, майором, а потому, по традиции, в знак уважения его звание присоединили к фамилии. Его духовное имя — Садху Аруначала.

** Стремление обращать в какую-то веру, учение и т. п.

* Приблизительно 12,2 м × 4,6 м.

* Девочке, героине стихотворений для детей.

* Апрель, май, июнь.

* Согласно традиции, брахманы как высшая каста принимают пищу отдельно от небрахманов.

* Бога, мира и человека.

* К человеку (лат.).

** Исход (3 : 14): «Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий...»

* См. с. 141.

* См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Ленинград, 1991, с. 69 — 70.

* Полностью подготовленному, зрелому, духовному практику Махарши мог Взглядом дать и Освобождение. Так случилось в начале сороковых годов с Х. В. Л. Пунджа (H. W. L. Poonja), ныне известным среди искателей Истины как Пападжи (Papaḥi). Несмотря на возраст, 85 лет, Пападжи является активнейшим миссионером Само-исследования. В Лакнау (недалеко от Дели), где он постоянно проживает, вокруг него объединились несколько сотен садхаков со всех уголков планеты, в том числе и из бывших республик Союза, — в рамках регулярного даршана, именуемого *Сат-санг Бхаван* (Satsang Bhavan, A 306 Indira Nagar, Lucknow 226016, U. P. India).

* Это произведение, состоящее из сорока стихов, является приложением к поэме «Сорок стихов о Реальности». См. с. 257.

* См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Л., 1991, с. 80.

** См. там же, с. 79.

1 Ср. «Сердце мудрого — на правую сторону, а сердце глупого — на левую» (Екклезиаст, 10 : 2).

* *Хридаям* (санскр.) — Духовное Сердце. (*Хрит* + *Аям* = Сердце есмь Я).

* «Сорок стихов о Реальности», стих 35.

* Евангелие от Луки (12 : 2).

* См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе, с. 59.

* См. с. 329 настоящего издания.

* Здесь — попытка словами описать внутренний переход к *Атма-вичаре*: от вибрации в Сердечном центре к мысли о Бхагаване, о Бхагаване в «моем» сердце и, наконец, когда эго, «я», подняло голову, — к вопросу «Кто я?»

* «Царство Божие внутри вас есть» (Евангелие от Луки, 17 : 21).

* См. с. 225.

* Маурис Фридман (1894 — 1976) — выдающийся духовный искатель. Он составил и отредактировал «Евангелие Махарши». Был очень близок с Д. Кришнамурти, Махатмой Ганди.

Свами Рамдас, известный Учитель, сказал ему, что это воплощение будет для него последним.

* Интересно, что по-английски здесь игра слов. Trip переводится и как «путешествие», и как «ложный шаг».

* См. с. 307 — 320 настоящего издания.

* Текст и комментарий см. на с. 345 — 349 настоящего издания.

* Стихи, выражающие сущность Практики, с комментариями С. С. Когана, близкого ученика Шри Раманы, включены во вторую часть издания. См. с. 331 — 340.

* Большое усилие, напряжение (*франц.*).

^{} Говоря об этом произведении в подготовленном им позднее английском «Собрании работ Раманы Махарши», Артур Осборн отмечает, что оно было написано по просьбе Нагаммы (упоминавшейся в предыдущей главе, автора замечательной книги-дневника «Письма из Шри Раманашрама»), чей родной язык был телугу.

* Почитатель заснул в Холле. Ему снится, что он путешествует по материкам и океанам, достигает Индии, Шри Раманашрама и входит в Холл. Тут он просыпается и обнаруживает, что спал, не сходя с места. См. также: Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши. СПб, 1994, с. 57.

* «Бриллиант в короне Различения».

^{} «Познание Атмана».

* Русский перевод «Божественной Песни» см.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе. Л., 1991, с. 135 — 148. Для настоящего издания этот перевод модифицирован и добавлен комментарий проф. К. Свамнатхана. См. с. 303 — 320.

* Речь идет об эпизоде знаменитого мифа: «Пахтание океана». Доступное изложение этого мифа см.: Э. Н. Темкин, В. Г. Эрман. Мифы древней Индии, М., 1982, с. 63 — 66.

^{} Эпитет Шивы (Могучий).

* Анри Картье-Брессон (Henri Cartie-Bresson).

* То есть в 1954 году. В 1970 году построен и освящен замечательный Зал, или Храм, Шри Бхагавана. Он стоит бок о бок с Храмом Матери, т. е. тянется с запада на восток.

Западная часть — великолепно оформленное захоронение Шри Бхагавана, где совершается *пуджа* и можно выполнять *прадакшину*, обходя его по часовой стрелке; в торце захоронения — статуя Шри Бхагавана, установленная Индирой Ганди в 1980 году. Восточная, большая часть — зал для присутствия при *пудже* и медитации, рассчитанный на большое число преданных.

* По традиции в честь каждого выдающегося Учителя его почитатели сочиняют гимн «108 имен». Гимн для Махарши называется *Рамана Аштотра*.

^{} Сейчас она называется «нирвана-рум», или «комната *нирваны*».

1 Глаза, уши, нос, язык и кожа с их соответствующими функциями зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания.

2 Голосовые связки, артикулирующие речь и производящие звук, руки и ноги, управляющие движениями физического тела, анус, извергающий фекальное вещество, и гениталии, приносящие наслаждение.

3 Они управляют дыханием, пищеварением и усвоением, циркуляцией крови, потением и выделением.

4 Эта аналогия основана на традиционном сюжете: в сумерках человек видит веревку и ошибочно принимает ее за змею, а потому и пугается без причины.

5 Слово *хридаям* состоит из двух слогов, *хрит* и *аям* (центр — это), которые означают «Сердце есть Я».

* «Ни изучения, ни знания Писаний не требуется для познания Атмана, так же как человек

не нуждается в зеркале, чтобы сознавать себя. Нужно только в конце концов отбросить все знания как не-Атман, а поэтому ни поддержание хозяйства, ни уход за детьми не обязательно будут являться препятствием. Если вы не способны на большее, то по крайней мере мысленно говорите себе: «Я, Я», как это рекомендуется в «Кто я?»... Продолжайте повторять это во время любой работы, независимо от того, сидите вы, стоите или ходите. Я — имя Бога, первая и высочайшая из всех *мантр*. Даже *ОМ* — вторая после нее». См. Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши. СПб., 1994, с. 180 — 181.

Запись «Я, Я» синонимична записи «Я — Я» и означает «чистое Я», «Я есмь Я», или Я. См. также примечание на с. 325 и комментарий С. С. Когана к стиху 30 из поэмы «Сорок стихов о Реальности» на с. 339.

6 То есть простой и питательной (вегетарианской) пищей, которая поддерживает, но не возбуждает физическое тело.

* Согласно Шри Рамане, *саттвическая* пища — хлеб, фрукты, овощи, молоко. Следует избегать холодной пищи, избытка

соли, лука, вина и т. п. «Домашние коровы дают больше молока, чем необходимо для их телят, и им приятно освободиться от него... Но в яйцах присутствует потенциальная жизнь». См.: *Talks with Sri Ramana Maharshi*, № 22, 24, 28.

7 Чистота сердца, самообладание, спокойный характер, чуткость ко всем существам, сила духа и свобода от желания, ненависти и самонадеянности — типичные достоинства *саттвического* ума.

* Земля, Вода, Огонь, Воздух, Эфир — пять великих тонких элементов, лежащих в основе материального мира.

^{} Имя приводится в качестве иллюстрации.

8 Пять оболочек, скрывающих Атман, истинное Я:

- 1) физическая;
- 2) витальная;
- 3) ментальная;
- 4) переживание знания;
- 5) блаженное неведение.

9 Элементы классификации всего диапазона феноменального существования — от тонкого ума до грубой материи.

* Объекты.

* На санскрите это произведение называется *Гита Сара* — «Суть Гиты».

^{} Окончание «джи», добавляемое к имени, — знак глубокого уважения к его носителю.

* Партха (сын Притхи) — одно из имен Арджуны, любимца матери.

^{} Эпитет Шри Кришны как убийцы демона затмения Мадху.

*^{**} Эпитет матери Арджуны.

* Человек из племени Бхарата; Бхарат — древнее имя Индии.

^{} И всей *Бхагавад-Гиты*. См.: Шри Рамана Махарши: Весть Истины и Прямой Путь к Себе, Л., 1991, с. 135.

* Эпитет Арджуны — «победитель всех врагов».

* То есть Единение с Богом посредством Интеллекта, под которым здесь понимается способность, включающая в себя и духовное Понимание и Интуицию.

* Имя Шри Кришны по отцу.

^{} *Махатма* (санскр.) — «великая душа».

* «Среди многих тысяч имен Бога ни одно так не соответствует Богу, пребывающему в Сердце, лишенному мысли, не является таким точным, подходящим и прекрасным, как Я, или «Я семь». Из всех известных имен Бога имя «Я — Я» одно зазвучит триумфально после уничтожения эго, возникая словно безмолвное высочайшее Слово в пространстве Сердца тех, кто обращен к Атману. Даже если человек непрерывно медитирует на этом имени «Я — Я», внимая чувству «я», то оно погрузится в источник возникновения мысли, уничтожая эго — зародыщ, сочлененный с телом». См.: Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши. СПб., 1994, с. 272 — 273.

* Основным является Поиск, само-исследование «Кто я?», в процессе которого осуществляется Погружение, а регуляция дыхания — вспомогательное средство сдерживания ума, облегчающее Поиск. См. ниже комментарий к стиху 28 из поэмы «Сорок стихов о Реальности».

* См. глоссарий.

^{} Сначала из Сердечного Центра поднимается «я»-мысль (см. V.3). Затем, попадая в мозг, «я»-мысль творит мир (см. стихи V. 6 — 7, а также «Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши»). СПб, 1994, с. 245 — 259).

* Взаимные связи должны покоиться на чувстве единства, равенства. «Равенство», по Шри Рамане, — отличительный признак Мудреца. Оно не означает отсутствия различий, но сознание неотъемлемого единства. «Из равного отношения человека ко всем существам можно сделать вывод о его достижении джняны». Братство — присутствие чувства единства.

* «я».

* Отрывок из заключительной, восемнадцатой, главы Шри Рамана Гиты.

^{} Парашара — один из великих ведических мудрецов. Шри Рамана, родившийся с интуитивным сознанием Аруначалы как Бога, должен, по мнению автора поэмы, принадлежать к его линии.

*^{**} Мудрец; см. глоссарий.

*^{***} Особый инструмент для сдерживания слона.

* Шиву как Дакшинамурти (см. глоссарий).

^{} Поэт отождествляет себя здесь с Ганапати, старшим сыном Шивы, рассматривая Шри Бхагавана воплощением Субрамани, младшего сына (по возрасту поэт был чуть старше своего Гуру).

*^{**} См. с. 341 — 349.

* Мудрец, написавший апологию — восхваление — тамили, родному языку Махарши.

^{} После Просветления «Я» уже не отождествляется с телом. См. с. 37.

* Перевод на русский язык выполнен с английского текста, содержащегося в сборнике MAHARSHI RAMANA His Relevance Today, Delhi, 1980.

^{} «Духовные упражнения» (лат.), произведение Игнатия Лойолы.

* См.: Поучения Шри Рамакришны, СПб, 1995. № 81 и 92 (указаны номера поучений).

* Этот материал заимствован из замечательного красочного издания «Бхагаван Шри Рамана. Иллюстрированная биография», подготовленного к столетию со дня рождения Учителя Джоэн Гринблатт и Мэтью Гринблатт (США). См.: Bhagavan Sri Ramana. A Pictorial Biography, Tiruvannamalai, 1981.

* «Различение между Атманом и умом».

* Арабское слово.

* Но высочайшая мантра все-таки «Я, Я» (или „Я — Я”). См. примечание на с. 293.

* Слово на языке урду.

* Арабское слово.

* Литературный перевод с использованием санскритского оригинала.

** «Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши». Имеется русский перевод.

См.: Могилевер О. М. (1994).

* «Рамана Махарши и Путь Самопознания». См. настоящее издание, часть первая.

** «Евангелие Махарши». Имеется русский перевод. См. Могилевер О. М. (1991).

* Подготовить Указатель к набору помог И. И. Лебедев.